

**ВЕСТНИК
ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЧГПУ**

**СЕРИЯ 1
ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**Основан
в 1995 году**

2/2004

**ВЕСТНИК
ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**СЕРИЯ 1
ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЧГПУ**

**Основан
в 1995 году**

В номере:

Культурные взаимодействия в эпоху бронзы

Проблемы перехода от эпохи бронзы

к раннему железному веку

Материалы археологических памятников

2/2004

**«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»
БИБЛИОТЕКА**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н.Б. Виноградов, кандидат исторических наук, доцент ЧГПУ,
главный редактор

В.П. Костюков, кандидат исторических наук; ЧГПУ

А.В. Епимахов, кандидат исторических наук, доцент ЮУрГУ

АДРЕС РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

454080, Челябинск, пр. Ленина, 69, каб. 233

ТЕЛЕФОН 63–93–85

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА ЧГПУ:

454080, Челябинск, пр. Ленина, 69, каб. 328

ТЕЛЕФОН 65–09–34

ISBN 5–85716–500–8

© Издательство Челябинского государственного
педагогического университета. 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	4
В. П. Костюков, И. П. Алаева Курганы эпохи бронзы у станции Система	5
Г. Ф. Коробкова, Н. Б. Виноградов Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III	57
В. В. Дерягин, С. С. Марков Некоторые проблемы палеоэкологических реконструкций среды обитания населения озер Южного Зауралья второй половины голоцена	88
А. В. Епимахов К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II)	105
А. В. Епимахов, М. Г. Епимахова Новые материалы по алакульскому костюму	112
В. П. Костюков, Д. И. Ражев Погребения из курганной группы Верблюжьих горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье	129
Д. В. Нелин Шибаво 1: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье	150
Л. Ю. Петрова Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок)	181
В. С. Стоколос Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.)	207
В. С. Стоколос, Г. И. Стоколос Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал	237
Список сокращений	256
Сведения об авторах	257

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемый читателям вестник впервые в истории ЧГПИ / ЧГПУ посвящен проблемам археологического изучения Южного Зауралья. Реализована давно назревшая потребность археологов Челябинского государственного педагогического университета в обнародовании результатов своих исследований. Появление этого издания – еще одно подтверждение статуса ЧГПУ как одного из центров археологической науки на Южном Урале. Выпуск включает десять статей, авторами которых являются не только преподаватели и сотрудники ЧГПУ (Н.Б. Виноградов, В.В. Дерягин, С.В.Марков, В.П.Костюков), но и археологи из других вузов и научных центров Челябинска (И.П. Алаева, А.В. Епимахов, М.Г. Епимахова, Д.В. Нелин, Л.Ю. Петрова), Петербурга (Г.Ф. Коробкова), Сыктывкара (В.С. Стоколос), Екатеринбургa (Д.И.Ражев).

Предлагаемое издание, бесспорно, найдет заинтересованного читателя не только среди профессионалов — археологов, но и среди любителей — краеведов, учителей, студентов исторических факультетов вузов Урала.

В. Г. Швеммер,
проректор ЧГПУ по научной работе,
кандидат педагогических наук

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СТАНЦИИ СИСТЕМА

Микрорайон Система располагается на юге Челябинской области (в 30 км к западу от г. Карталы) в среднем течении р. Караталы. Местность, относящаяся к центральной части Урало-Тобольского водораздела, лежит в пределах южной окраины Джабык-Карагайского бора и характеризуется слабо-холмистым рельефом и довольно плотной лесистостью. Река, собственно, крупный ручей шириной до 3 м и длиной около 30 км, принадлежащий бассейну Тобола, на всем протяжении протекает в низких, поросших густым лесом берегах. На водоразделах растительность имеет вид березовых и сосновых колков, разреженных многочисленными и подчас обширными полянами с типично степным полынно-типчачковым покровом.

Археологическое изучение микрорайона началось в 1985 г., когда Н.М. Меньшенин на левом берегу р. Караталы к северо-востоку от железнодорожной станции Система обнаружил могильник, одиночный курган и неолитическое местонахождение (Меньшенин Н.М., 1985). Затем в 1988 и 1990 гг. отряд экспедиции ЧГПУ проводил здесь стационарные работы, в ходе которых практически целиком был исследован открытый Н.М. Меньшениным могильник Система-1, а также — полностью или частично — ряд других найденных в окрестностях станции памятников, в том числе могильники Система-2, Система-4 и Система-6, давшие материалы бронзового века (Костюков В.П., 1989; Костюков В.П., 1991). Сравнительно компактное размещение (дистанция между самыми отдаленными объектами не превышает 2,5 км) и очевидная культурная однородность названных некрополей позволяют рассматривать их совокупность как микрорайон зоны расселения срубных и алакульских популяций эпохи поздней бронзы. В микрорайоне помимо могильников пока известно лишь одно поселение эпохи поздней бронзы (Система-7), локализующееся на одной площадке с могильником Система-6 (рис.2). Любопытно, что оно состоит из двух разнородных, пространственно обособленных групп жилищных впадин, возможно, синхронных. Однако те немногочисленные материалы, которые были добыты из двух разведочных шурфов и раскопок менгира, стоявшего между поселением и могильником (Петров Ф.Н., 2002), данных для основательных заключений относительно характера связи между отдельными частями поселения и публикуемыми могильниками пока не дают.

Могильник Система-1 находится в 1 км северо-восточнее ст. Система¹. Занимает участок коренной террасы левого берега реки, простираясь с запада на восток на 0,6 км. Включал 19 разновременных и разнотипных сооружений. Все 6 курганов бронзового века располагались на правом берегу лога, спускающегося к

¹ Здесь и далее имеется в виду станция Система, а не одноименный поселок, находящийся в 1,2 км к западу-северо-западу от станции.

Рис. 1. Микрорайон археологических памятников у ст. Система

реке с севера и рассекающего площадку памятника почти по центру. Из 6 курганов 5 были организованы в нерегулярную цепочку длиной 100 м, протянувшуюся по склону возвышенности вдоль линии запад-юго-запад — восток-северо-восток в 0,25 км от русла реки. В этой группе раскопаны 3 кургана — № 13, 14 и 15. Не исследованными остались насыпи № 18 и 19; впрочем, выражены они в рельефе слабо, и потому нельзя с полной уверенностью утверждать, что это действительно надмогильные сооружения. Еще один курган (№ 7) стоял обособленно, на середине дистанции между вышеописанной группой и рекой.

Курган 7 (рис.3.1) — одиночная насыпь диаметром 10 м и высотой 0,35 м, сложенная грунтом, состоящим из гумуса и мелкой гранитной дресвы. Подкурганная площадка правильной округлой формы диаметром 8 м ограничена кольцевым ровиком шириной около 1 м и средней глубиной в материке 0,1 м. Земляную конструкцию надмогильного сооружения по периметру первоначально окаймляло, вероятно, сплошное каменное кольцо. Его фрагменты — в общей сложности около двух десятков обломков гранитного плитняка с наибольшим сечением от 0,2 до 0,5 м — сохранились у внутренней стороны ровика в западном и юго-западном секторе. Камни, судя по их положению, были уложены на древний почвенный слой

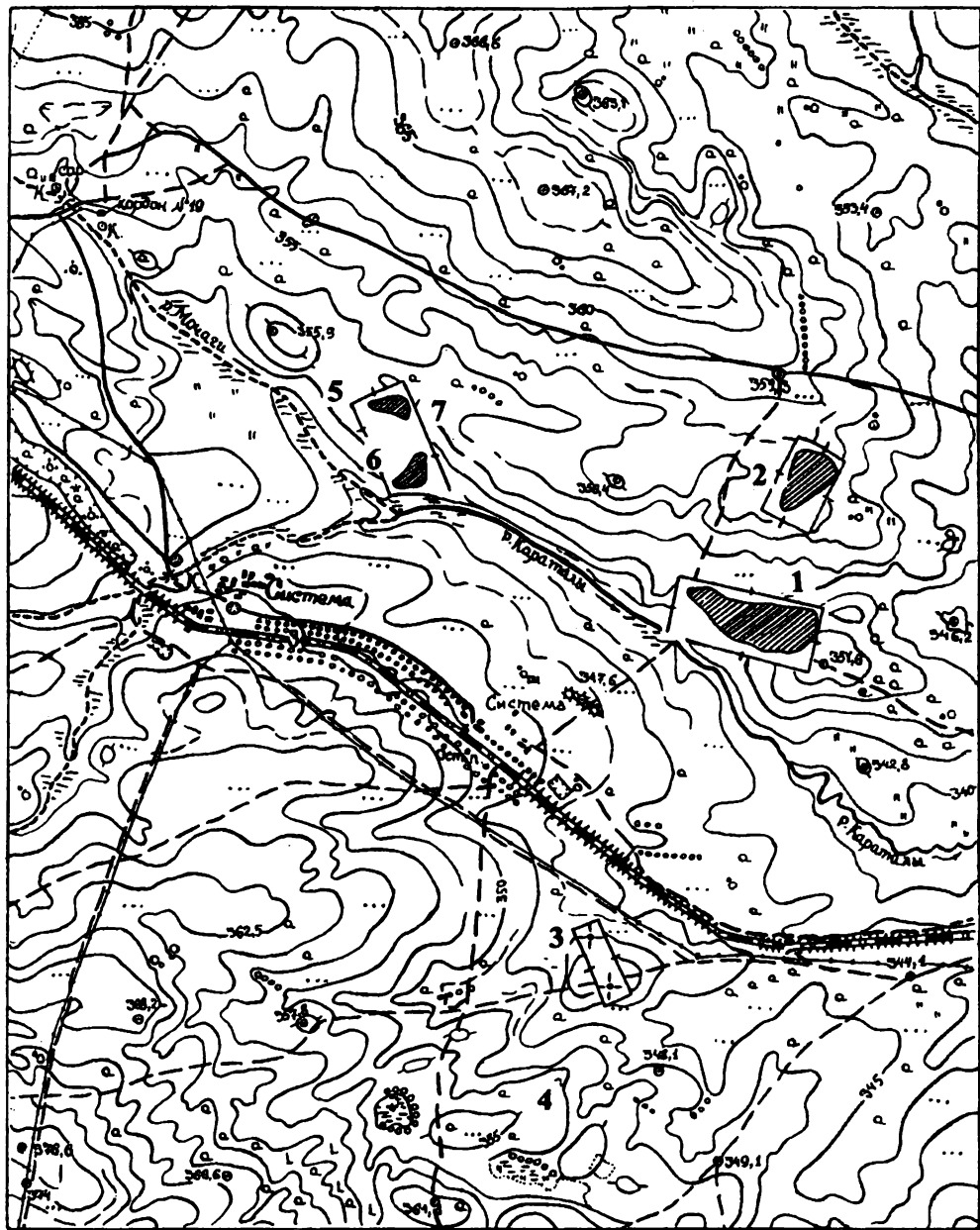

Рис. 2. Карта расположения памятников у станции Система

- 1 — могильник Система-1; 2 — могильник Система-2; 3 — могильник Система-4;
 4 — могильник Система-5; 5 — могильник Система-6; 6 — поселение Система-7;
 7 — менгир Система-8

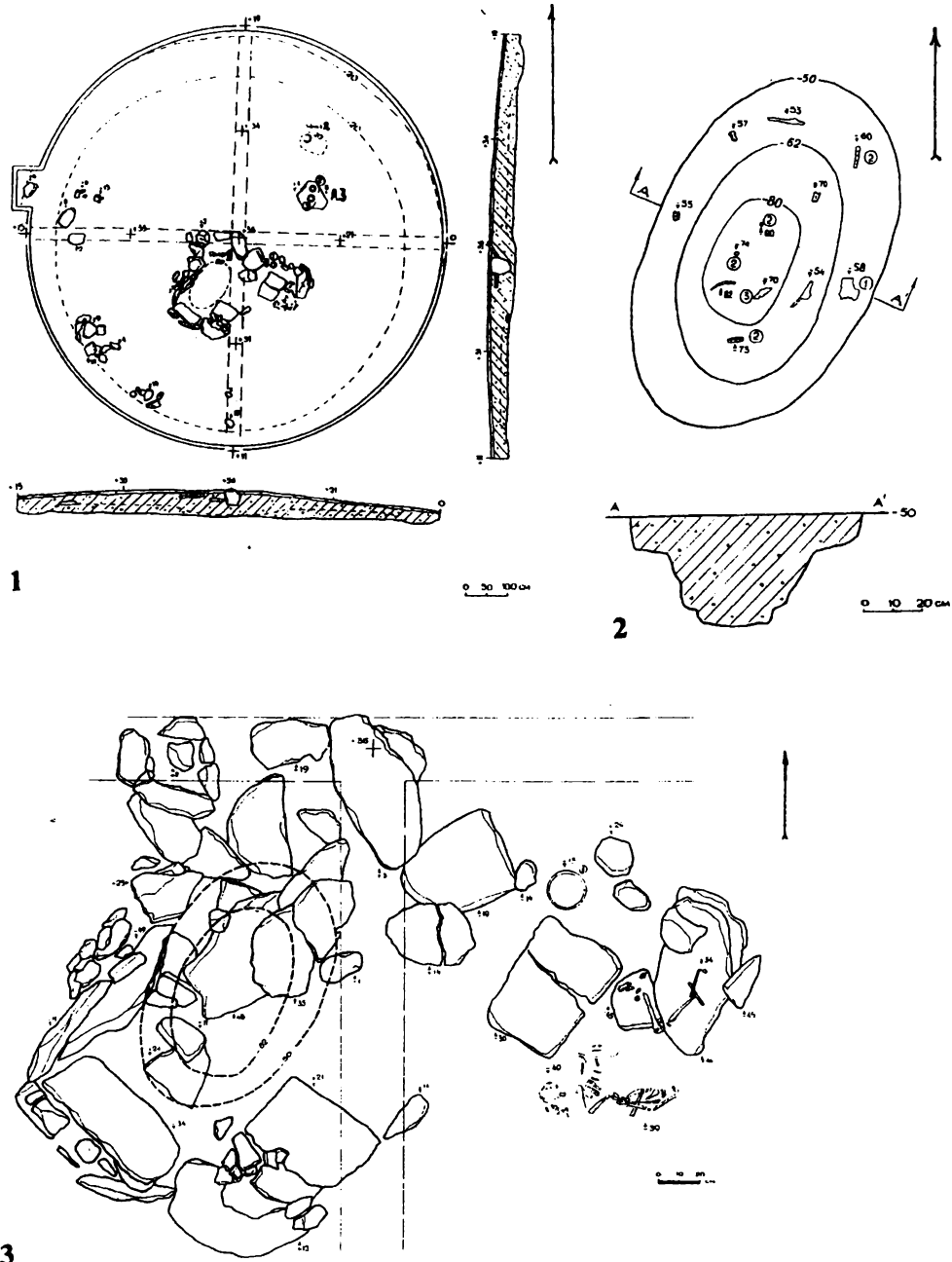

Рис. 3. Могильник Система-1, курган 7

1 — общий план и профили бровок; 2 — план и разрез ямы 1. Остатки погребального инвентаря в заполнении: (1 — отщеп, 2 — обоймы, 3 — каменный наконечник стрелы); 3 — план центральной части подкурганной площадки (яма 1 и жертвенник)

непосредственно у края земляного сооружения, по всей видимости, сложенного из дерновых блоков. Цвет и структура грунта насыпи не отличались от соответствующих параметров погребенной почвы.

Под насыпью открыты 3 могильные ямы и жертвенный комплекс. Самая крупная яма 1 располагалась не строго в центре подкурганной площадки, а очевидно, преднамеренно была смещена от центра на 1 м к югу-юго-западу. Ямы 2 и 3 размещались под северо-восточной полой насыпью.

Яма 1 (рис.3.2,3) с сильно деформированной верхней частью выявлена в пределах разрушенного каменного ящика, первоначально имевшего, по всей видимости, прямоугольную форму (1,5-1,7 x 0,9-1,1 м), ориентированного длинными стенками по линии юг — юго-запад — север — северо-восток. Гранитные плиты, образующие стенки ящика, имели размеры до 0,8x0,6 м, более мелкие обломки с сечением 0,3-0,4 м были использованы для закрепления стенок, впущенных в материк на 0,15-0,2 м. Таким образом, имея в виду, что мощность древней почвы равнялась 0,15-0,2 м, ящик должен был возвышаться над дневной поверхностью на 0,2-0,3 м.

Очертания ямы, углубленной в материк на 0,65 м, определились на 0,3 м ниже материкового горизонта, где она имела форму овала (1,25x0,8 м), ориентированного длинной осью по линии юг — юго-запад — север — северо-восток. От уровня первой фиксации и до дна, т.е. на глубину 0,35 м, яма была выдолблена в материковом выходе крупнозернистого гранита. Ниже по ее периметру были устроены две сплошные горизонтальные ступени. Первая ступенька шириной 12-23 см оставлена в 25 см выше дна, при этом размеры ямы сократились до 0,8x0,5 м. Далее стенки опускались под углом около 30°, а в 5 см от дна была оставлена вторая ступенька шириной около 5 см. В результате размеры ямы непосредственно у дна уменьшились до 0,4x0,25 м. Любопытно не только радикальное уменьшение размеров придонной части ямы по сравнению с верхним отделом, но и изменение ее формы, предположительно, прямоугольной сверху и овальной внизу.

Почти все находки сделаны в сильно перемешанном заполнении ямы ниже уровня материка. На разных глубинах встречались обломки костей животных, принадлежавшие собаке (локтевая кость), овце (таранная кость) и м.р.с. (ребро, лопатка, таранная кость)². Вещевой инвентарь включает 2 изделия из камня и 11 бронзовых обойм. Одно каменное изделие — крупный отщеп сланцевидной породы зеленоватого цвета, слегка подправленный ретушью (рис.4.1.1); второе, грубо обработанное из беловатого кварцита и характеризующееся массивностью (длина 7 см, ширина 2,2 см, толщина до 1 см), асимметрично-листовидной формой и нечетко выделенным черенком, вероятно, является полуфабрикатом наконечника дротика (рис.4.1.2). Все бронзовые обоймы найдены в придонной части заполнения. Ширина обойм 1,0-1,1 см, длина варьирует от 1,1 до 1.6 см. Изготовлены из тонкого листа, свернутого так, что концы его или смыкаются, или слегка заходят друг на друга (рис.4.1.3-13).

При зачистке по дну встречались мелкие кусочки темно-красной охры. Остатки скелета человека не обнаружены. О его возрасте на основании величины ямы

² Определения научного сотрудника ИЭРЖ УрО РАН П.А. Косинцева, которому авторы выражают сердечную признательность.

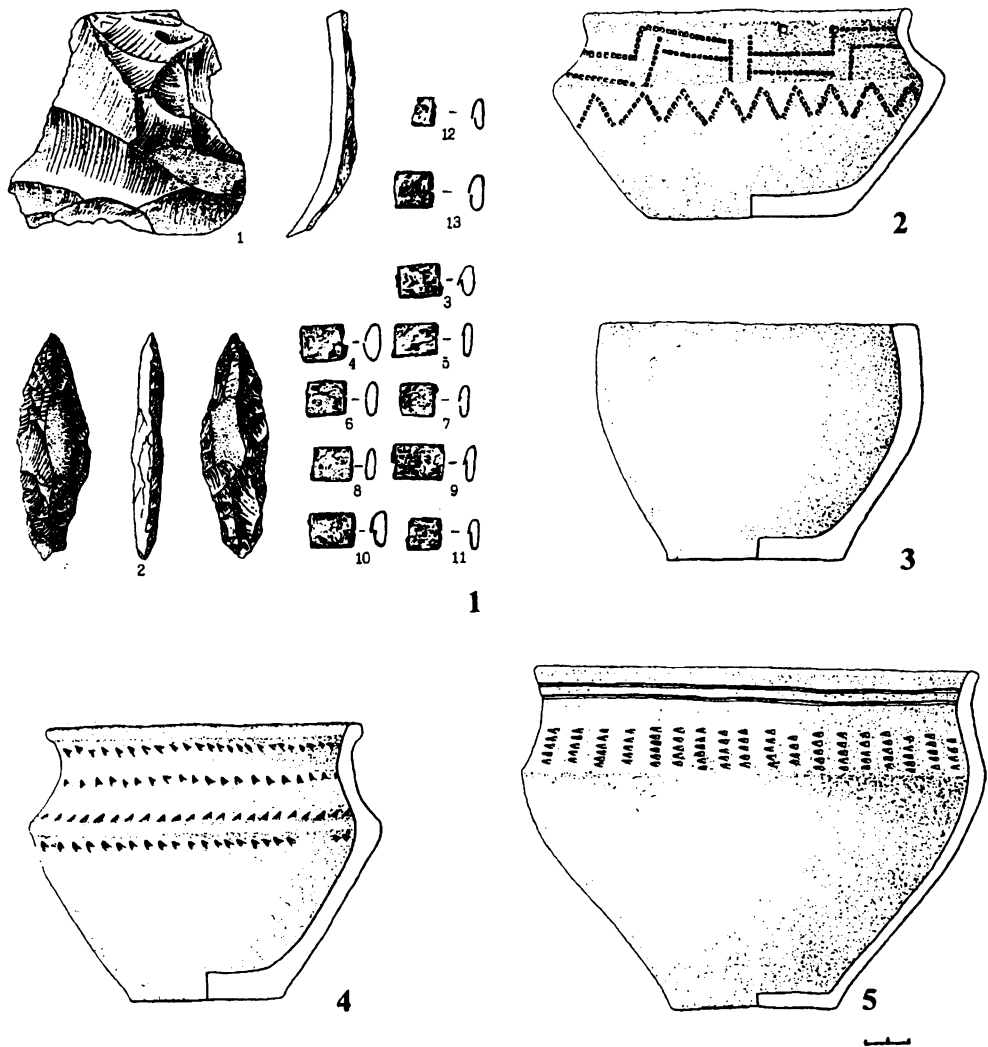

Рис. 4. Могильник Система-1, курган 7

1 — предметы из ямы 1: 1 — отщеп; 2 — наконечник стрелы; 3-13 обоймы (1, 2 — камень, 3-13 — бронза); 2 — сосуд из жертвенника; 3, 4 — сосуды из ямы 3; 5 — сосуд из ямы 2

определенно высказаться трудно. Если судить по длине каменного ящика, могила предназначалась для захоронения взрослого, на дне же можно было поместить только младенца. Впрочем, это противоречие, учитывая сложность доведения ямы до требуемой глубины, снимается, если предполагалось захоронение остатков кремации взрослого человека.

Яма 2 (рис.3.1) размещалась в 3,0 м к северо-востоку от ямы 1. На верхнем материковом уровне имела форму прямоугольника с округленными углами

(0,65x0,4 м), ориентированного длинными сторонами по линии юг — юго-восток — север — северо-запад. Стенки отвесные, глубина в материке 0,15 м. Останки погребенного не сохранились. Погребальный инвентарь ограничен сосудом, стоявшим на дне в северо-западном углу.

Сосуд острореберный, с несколько сглаженным ребром в верхней трети высоты (рис.4.5). В тесте примесь крупной двустворчатой раковины (в пропорции 1:3), тальковой дресвы (1:4 — 1:5), органики³. Тулово сформовано лоскутным налепом, поверхности хорошо обработаны. Орнамент нанесен выше ребра: под венчиком — 2 небрежно прочерченные горизонтальные линии, под ними — ряды вертикальных вдавлений штампа с треугольными зубцами.

Яма 3 (рис.3.1) локализовалась между ямами 1 и 2, в 2,0 метрах к северо-востоку от ямы 1. Глубина ее в погребенной почве не превышала 0,15 м, поэтому форму и размеры определить не удалось. Яма была перекрыта крупной гранитной плитой (0,8x0,6 м). На дне, непосредственно под центром плиты стояли 2 сосуда, ориентированные относительно друг друга по линии север-юг. Если предположить, что плита полностью перекрывала полость ямы, расположение сосудов при полном отсутствии останков человека ставит под сомнение ее погребальное назначение, поэтому мы вносим ее в реестр погребений с некоторой долей условности.

Сосуд, первый с севера, острореберный, с ребром в верхней трети высоты (рис.4.4). Тесто содержит примесь талька, навоза и шамота. Сформован лоскутным налепом, способ конструирования — двухчастный. Орнаментирован четырьмя горизонтальными полосами треугольных вдавлений: под венчиком, по середине шейки, непосредственно над ребром и под ним (последняя полоса не замкнута). Второй сосуд, баночной формы с закрытым профилем, толстостенный, без орнамента (рис.4.3). В тесте присутствуют тальк (1:4 — 1:3), органика. Параметры талькового ингредиента (плотность, форма, цвет) характерны для керамики синташтинских памятников. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены крупно-гребенчатым штампом.

Жертвенный комплекс (рис.3.2) располагался в 1,5 м к востоку от ямы 1. На материке отмечался как углубление аморфных очертаний (1,7x1,3 м), ориентированное длинной осью по линии юг-юго-запад — север-северо-восток и достигавшее в центральной части глубины 0,25 м от материкового уровня. На дне покоился плохо сохранившийся скелет овцы, положенной на правый бок, головой на юго-юго-запад. Задняя часть скелета лежала на каменных плитах, которые, по всей видимости, происходят от юго-западной стенки каменного ящика и оказались здесь после его разрушения. В силу этого причинно-временная связь жертвоприношения овцы и погребения в яме 1 остается не вполне ясной.

У северного края углубления, в ямке, устроенной в погребенной почве, стоял сосуд, характеризующийся приземистыми пропорциями, наличием ребра в верхней трети высоты (рис.4.2). В тесте фиксируются примеси тальковой дресвы и мелкой травянистой органики. Возможно, сосуд изготовлен на форме-основе. Поверхности хорошо заглажены. Верхняя часть орнаментирована зубчатым штампом. Шейка украшена меандровидным узором, под ребром нанесен горизонтальный зигзаг.

³ Авторы благодарны научному сотруднику историко-археологического центра «Аркаим» А.И. Гуткову за исследование технологических характеристик керамики.

Курган-13 (рис.5.1) — первый с запада — юго-запада в цепочке курганов, локализовавшийся на пологом восточном склоне возвышенности у ее подножия. Насыпь овальная в плане (16x12 м), высотой 0,3-0,4 м. Длинная ось ориентирована широтно, вдоль склона возвышенности. Сложена гумусированной супесью, насыщенной гранитной дресвой. При разборке насыпи обнаружены несколько мелких обломков трубчатых костей животных, а также полтора десятка фрагментов керамики, в большинстве локализовавшихся, как выяснилось впоследствии, у ямы 1.

На подкурганной площадке выявлены 4 ямы, организованные в почти правильную, ориентированную широтно линию длиной 11 м.

Яма 1 (рис.5.5,6) — самая крупная, занимала первую с запада позицию, располагаясь в центральной части западной половины подкурганной площадки. Вокруг ямы на погребенной почве слоем средней толщины 0,1 м был распланирован материковый выкид, причем большая его часть локализовалась к востоку от борта ямы — на дистанции 4,5 м. На верхнем материковом уровне яма имела подпрямоугольную форму (2,5x1,5 м), длинные стенки простирались вдоль линии юг — юго-запад — север-северо-восток. Глубина ямы в материке 0,4-0,45 м. В 0,25 м от дна на всех четырех стенках была оставлена сплошная ступенька шириной от 0,05 до 0,15 м. На этой отметке размеры ямы сократились 1,8x1,05 м и оставались неизменными до дна. Ступенька служила для устройства деревянного перекрытия. Остатки перекрытия — обломки около десятка жердей диаметром от 6 см до 9 см — зафиксированы при выборке заполнения на ступеньке и ниже в заполнении.

Могила была ограблена в древности. Как следует из структуры заполнения, состояния перекрытия и остатков на дне, грабительский вкоп был произведен в северную половину ямы. На дне ямы обнаружены остатки скелета взрослого субъекта. Погребение было совершено в скорченной позе, на левом боку, головой на север-северо-восток. В анатомическом порядке сохранились кости ног, верхняя часть скелета полностью разрушена, при этом некоторые кости отсутствовали (в частности, от черепа в могиле остался только обломок верхней челюсти). Несколько костей были найдены в грабительском выкиде за пределами могилы.

Коллекция вещей из могилы включает 2 низки бронзовых бусин. Бусы зафиксированы *in situ* — на обеих ногах у дистальных эпифизов берцовых костей по одной низке, включавшей не менее 50 экземпляров. Бусины бочковидной формы, средним диаметром 0,4-0,5 см.

В грабительском выкиде обнаружены 11 обломков сосуда. Фрагменты, за исключением одного, происходят от стенок и позволяют заключить, что сосуд с диаметром устья около 20 см имел горшечно-баночную форму, характеризовавшуюся плавным переходом от тулова к шейке (рис.5, 4). В тесте присутствуют примеси тальковой дресвы, слюды, органики. Внешние поверхности заглажены, очевидно, овчиной. Декор, нанесенный крупным гребенчатым штампом, зарегистрирован только в верхней части: в основании шейки — полоса равнобедренных, заштрихованных наклонными линиями треугольников.

Кроме того, на погребенной почве восточнее и южнее ямы были найдены 5 мелких обломков трех сосудов. Один из них представлен тремя фрагментами тулова в зоне его наибольшего диаметра, оформленной как сглаженное ребро (рис.5.2). Тесто содержит значительную примесь слюды. Орнаментация резная. Непосредственно по ребру проведены 2 параллельные линии, к которым сверху и снизу примыкают треугольники с наклонной штриховкой. Второй сосуд представлен маленьким об-

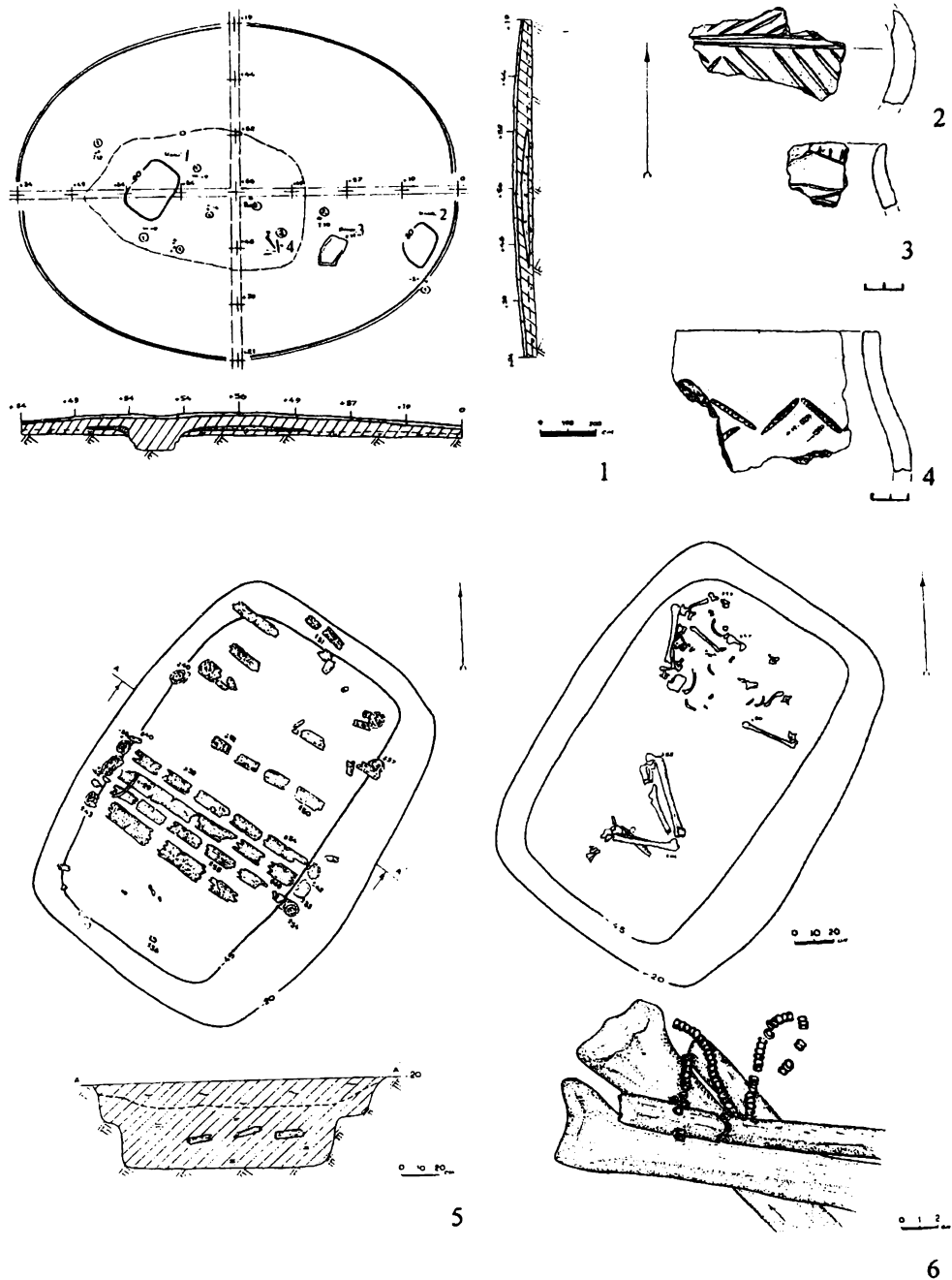

Рис. 5. Могильник Система-1, курган 13

1 — общий план и профили бровок (1 — фрагменты керамики; 2 — кости животных; 3 — остатки погребения человека); 2, 3 — фрагменты керамики из насыпи; 4 — сосуд из ямы 1; 5 — яма 1, план и разрез, остатки перекрытия; 6 — яма 1, остатки на дне (фрагмент)

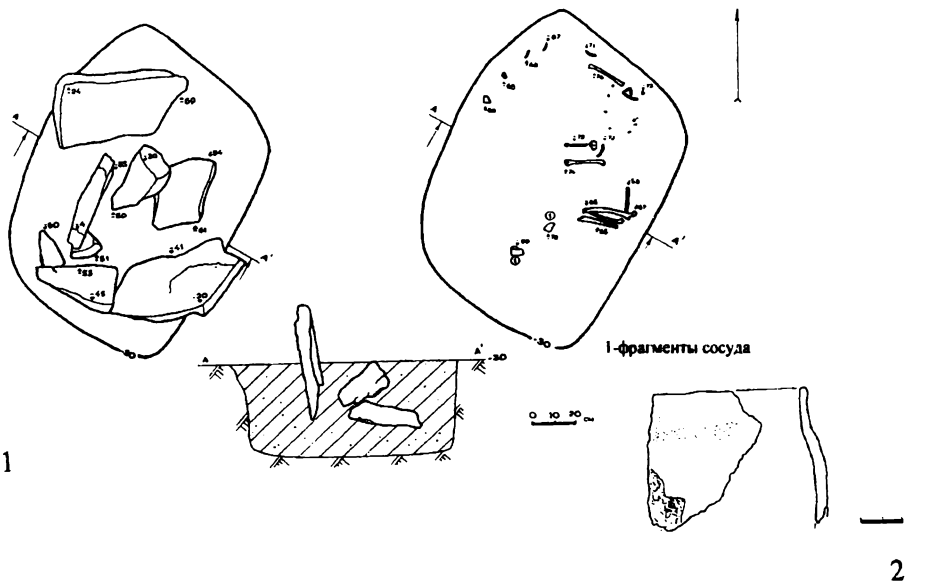
ломком короткой отогнутой наружу шейки с узким скругленным венчиком (рис.5, 3). В тесте заметны мелкий шамот и песок. Орнамент выполнен в прочерченной технике. Под венчиком просматривается треугольник, заполненный вертикальными насечками, а у основания шейки — 2 горизонтальные линии, возможно, образующие наклонно заштрихованную полосу. От третьего сосуда с тщательно обработанными поверхностями происходит маленький обломок неорнаментированной придонной части.

Яма 2 (рис.6.1) располагалась на противоположном, восточном конце линии ям. На материковом горизонте имела подпрямоугольные с скругленными углами очертания (1,35x1,05 м). Ориентировка длинных стенок — юг — юго-запад — север — северо-восток. Стенки отвесные, глубина в материке 0,4-0,45 м. В полости ямы на разных глубинах встречены 8 мелких и крупных обломков гранитных плит (от 0,15x0,15 до 0,8x0,6 м), являвшиеся, по всей видимости, остатками перекрытия, разрушенного при ограблении могилы. На дне и в придонной части заполнения встречены разрозненные кости скелета подростка, все в перемещенном состоянии. В южной половине ямы на дне найдены 2 фрагмента тонкостенного горшечно-баночного сосуда небольших размеров. Тулово слабо профилировано, переход к прямой короткой шейке оформлен в виде сглаженного уступчика (рис.6, 2). Тесто включает большую примесь талька (1:2), органику. Сосуд подвергался вторичному обжигу после разлома. Реконструируется донно-емкостный начин. Поверхности не орнаментированы.

Яма 3 (рис.6.3) находилась в 2 м к западу от ямы 2. Устроена в погребенной почве, перекрыта гранитной плитой (1,05x0,7 м), уложенной длинными гранями вдоль линии юг — юго-запад — север — северо-восток. Глубина ямы не превышала 0,2 м. Заполнение ничем не отличалось от погребенной почвы, поэтому форма и размеры ямы остались не выясненными. Исходя из взаимоположения остатков погребения, можно заключить, что продольные стенки могилы (длина около 0,9 м) были ориентированы точно так же как плита перекрытия.

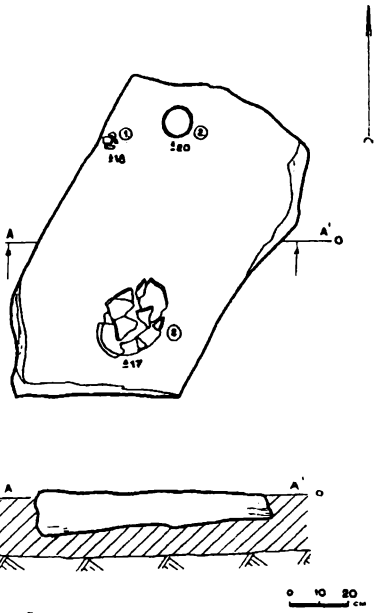
На дне у северной стенки ямы лежали мелкие обломки черепа грудного ребенка. Погребальный инвентарь включал 2 сосуда. Один стоял в 0,15 м к востоку от обломков черепа, второй — в 0,5 м к югу. Первый сосуд — небольшого размера банка с почти прямыми стенками (рис.6, 5). В тесте присутствуют примеси некалиброванного талька и конгломератной слюды (что свидетельствует о смешении двух гончарных традиций). Полое тело выведено лоскутным налепом. Внешняя поверхность слабо заглажена горизонтальным гребенчатым штампом. Поверхности не орнаментированы. Второй сосуд горшечно-баночной формы с уступом при переходе от тулова к высокой прямой шейке (рис.6, 4). Изготовлен спиральным налепом. Тесто содержит примеси слюды и травянистой растительности. Поверхности заглажены слабо, не орнаментированы.

Яма 4 (рис.5.1) располагалась между ямой 1 и ямой 3, в 2 м к западу от последней. Форма и размеры ее не установлены, поскольку погребение совершено в слое погребенной почвы. Хотя яма локализовалась в границах выкида из ямы 1, последовательность сооружения ямы 1 и ямы 4 проследить тоже не удалось. Погребение представлено плохо сохранившимися костями таза и ног подростка, судя по которым захоронение было произведено в скорченной позе, на левом боку, головой на север. Погребение безынвентарное и, возможно, вторичное. О времени описываемого захоронения относительно других могил с полной определенностью

1

2

3

4

5

1- обломки черепа ребенка
2- сосуд

Рис. 6. Могильник Система-1, курган 13

1 — яма 2: А — план и разрез, Б — остатки на дне; 2 — сосуд из ямы 2; 3 — яма 3, план и разрез; 4, 5 — сосуды из яма 3

высказаться трудно, однако «правильность» его расположения в линии ям, поза и ориентировка покойного являются несомненными аргументами в пользу одновременности комплекса.

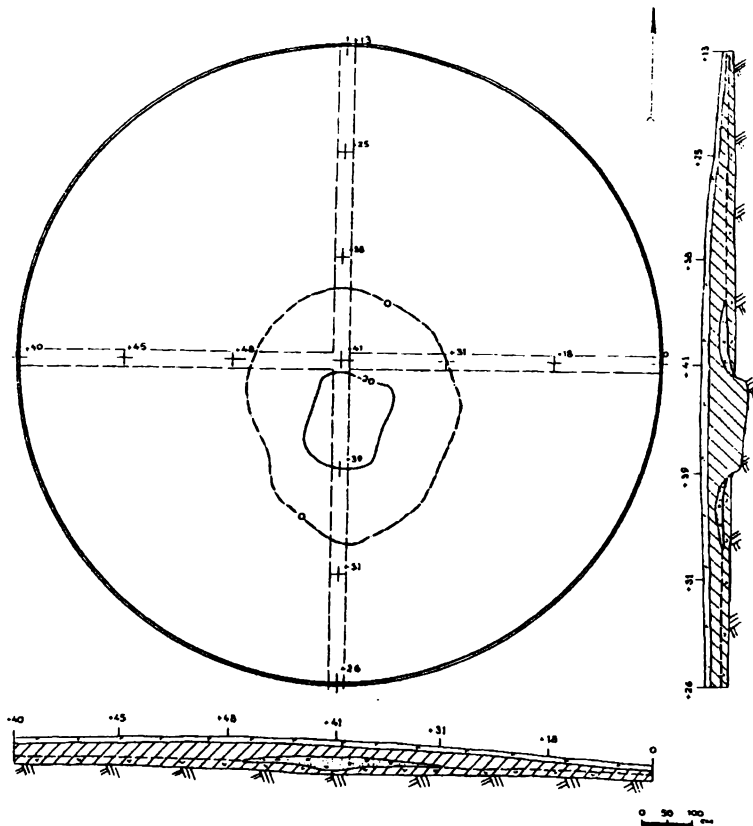
Курган 14 (рис.7.1) располагался в 20 м к востоку от кургана 13. Насыпь земляная округлой в плане формы. Диаметр 12 м, высота 0,2-0,3 м. Сложена гумусированной супесью с обильными включениями гранитной дресвы. Почти в центре подкурганной площадки находилась единственная могильная яма, вокруг которой по погребенной почве на расстоянии 1-1,5 м тонким слоем был распланирован материковый выкид. Могила подпрямоугольной формы, размерами 1,75 м на 1,35 м, со скругленными углами (рис.7.2). Продольная ось ориентирована по линии юг — юго-запад — север — северо-восток. Стенки опускались к неровному дну под небольшим наклоном. Глубина ямы в материке 0,2-0,3 м.

Большую часть объема могилы занимала супесь насыщенно-черного цвета, содержащая отдельные песчанистые и глинистые включения, — заполнение грабительского вкопа. В его пределах на разных глубинах встречены несколько обломков жердей длиной до 10 см, по всей видимости, являвшихся остатками деревянного перекрытия. В придонной части найдены также 2 кости м.р.с. и развал маленького сосуда. Форма сосуда горшечно-баночная, переход тулова к отогнутой наружу шейке снабжен хорошо выраженным уступчиком (рис.7, 3). В тесте фиксируются примеси талька, органики, конгломератной слюды, что следует расценить как смешение разных гончарных традиций. Сосуд сформован лоскутным налепом. Поверхности хорошо заглажены. Орнамент, выполненный в технике «проташенной гребенки», покрывает почти всю поверхность сосуда. Середину шейки занимает многорядная полоса зигзага, в ее основании и под венчиком проведены полосы параллельных линий. Такая же полоса проведена в придонной части, а на тулово нанесены 3 полосы многорядного зигзага.

Курган 15 (рис.8.1) локализовался в середине цепочки курганов. Насыпь с нечетко выраженными границами (диаметр 8-10 м), высотой 0,15 м. Сложена гумусированной супесью, насыщенной гранитной крошкой. На подкурганной площадке располагались 2 могильные ямы: к северу от центра крупная яма, зафиксированная в ходе раскопок как яма 2, и в 2 м к западу от нее яма 1.

Яма 1 (рис.8.3) на уровне древней поверхности была перекрыта двумя гранитными плитами. Нижняя, имевшая длину 1,6 м при наибольшей ширине 0,8 м, ориентирована длинными гранями меридионально. На северном ее окончании лежала плита меньших размеров (0,7х0,4 м). Форма и размеры могилы, углубленной до верхнего материкового горизонта, не установлены. На дне под северной частью перекрытия, т.е. у северной стенки ямы, обнаружен раздавленный череп подростка, положенный на основание, лицевым отделом на запад. Других костей покойного не обнаружено. Как явствовало из локализации маленького сосуда, стоявшего в 10 см южнее черепа, в могиле было совершено захоронение головы человека, при этом она была размещена в соответствии с обрядом, требовавшим ориентации умершего головой на север.

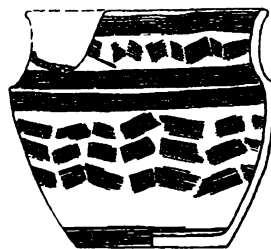
Сосуд горшечно-баночной формы с сглаженным ребром в верхней трети высоты при переходе от тулова к шейке (рис.8, 4). В тесте кроме органики наблюдаются примеси тальковой дресвы и конгломератной слюды, что, как уже отмечалось, отражает смешение различных гончарных традиций. Орнамент, выполненный в пророченной технике и оттисками зубчатого штампа, покрывает всю боковую повер-

1

2

3

Рис. 7. Могильник Система-1, курган 14

1 — общий план и профили бровок; 2 — план и разрез могильной ямы; 3 — сосуд

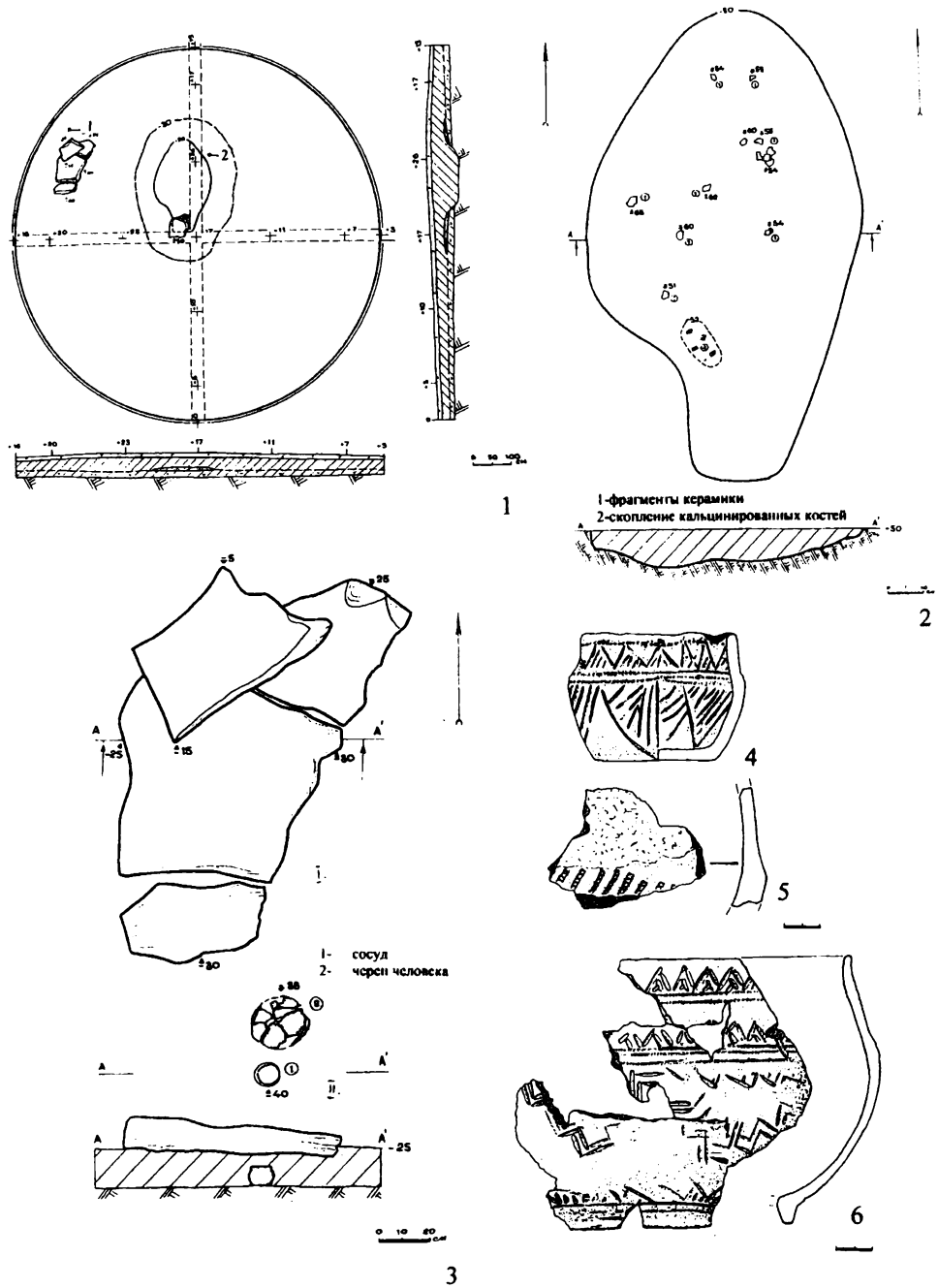

Рис. 8. Могильник Система-1, курган 15

1 — общий план и профили бровок; 2 — яма 2, план и разрез; 3 — яма 1: I — каменное перекрытие; II — остатки на дне и профиль ямы; 4 — сосуд из ямы 1; 5 — фрагмент сосуда из ЮЗ сектора подкурганной площадки; 6 — сосуд из ямы 2

хность. Шейку занимает полоса наклонно заштрихованных равнобедренных треугольников, аналогичные треугольники изображены на тулове. По ребру полосы треугольников разделены двумя горизонтальными линиями, такая же линия проштампована под венчиком.

Яма 2 (рис.8.2) на материковом уровне имела в плане форму неправильного овала (1,9х1,5 м), с выступом-дромосом (?) длиной 0,6 м и шириной до 0,7 м в юго-восточной части куртура. У южного края ямы, в пределах выступа, лежала гранитная плита (0,6 мх0,5 м). Стенки ямы пологие, дно неровное. Глубина в материке 0,25 м. В месте перехода куртура ямы в выступ, т. е. у южной стенки, на дне было встречено разреженное скопление мелких кальцинированных обломков костей площадью 0,3х0,15 м и мощностью 1-2 см.

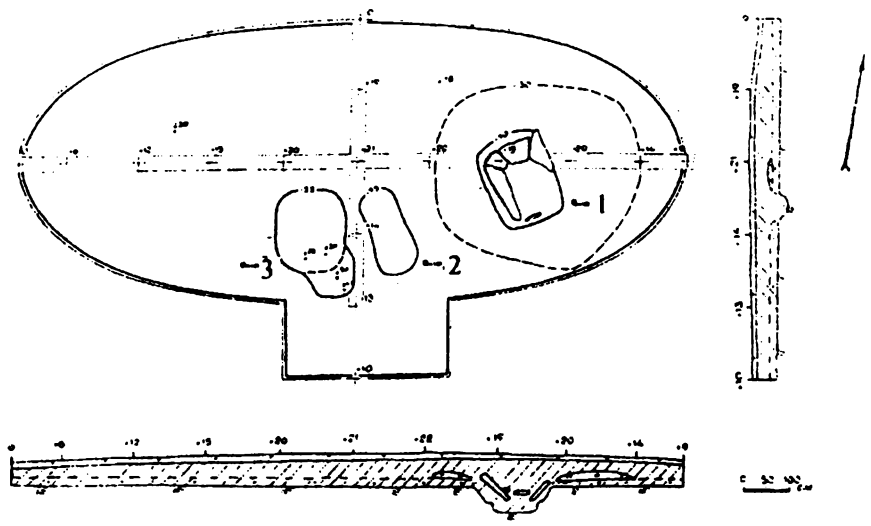
Коллекция находок исчерпывается двумя десятками фрагментов одного сосуда, рассеянными в придонной части заполнения. Сосуд горшечный, хорошо профилированный, с едва заметным уступчиком в верхней трети высоты, на поддоне (рис.8, 6). Тесто замешано с тальком (1:2), кроме того, фиксируются примеси конгломератной кварцевой дресвы и органики (что вновь указывает на смешение традиционных гончарных технологий). Глина среднепластичная. Внутренняя поверхность заглажена овчиной с тонкой шерстью, внешняя — твердым инструментом. Сосуд декорирован мелкозубчатым штампом и штампом с сглаженными зубцами, почти плоским. Орнамент, нанесенный весьма небрежно, распределен по трем зонам. По шейке — два яруса заштрихованных треугольников, подчеркнутых двух- и трехрядной линиями, по тулову — пирамидки вершиной вниз, в придонной части — треугольники, подчеркнутые двухрядной линией.

На погребенной почве в юго-западном секторе найден обломок стенки лепного сосуда (рис. 8.5). Исходное сырье этого сосуда можно определить как смесь ожелезненной и нежелезненной глин. В примесях — тальковая дресва, шамот, раковина.

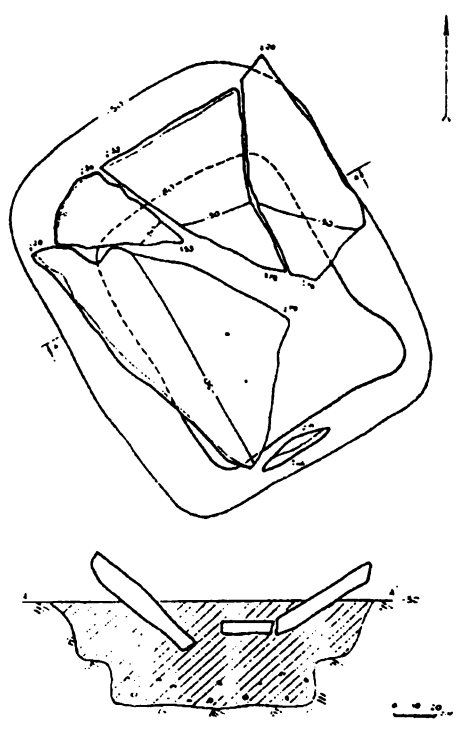
Могильник Система-2 (рис.2) находится в 1,8 км к северо-востоку от ст. Система на кромке водораздела в 0,7-0,9 км от русла. Памятник составляли 12 земляных насыпей. Из них 9 образуют компактную группу, в которой выделяются 2 цепочки по 4 кургана в каждой, протянувшиеся в широтном направлении на 100 м. Все курганы в этой группе округлой в плане формы диаметром от 10 м до 18 м при высоте от 0,35 м до 0,7 м. В 0,1-0,15 км к югу стоят еще 3 кургана — самый крупный (диаметр 18 м, высота 1,2 м), занимающий крайнее с юга положение, и 2 «длинных» кургана. В могильнике исследованы 3 кургана: один из двух «длинных» (№3), первый с запада в южной цепочке (№7) и самый северный (№6), стоявший вне вышеописанных цепочек.

Курган 3 (рис.9.1) стоял рядом с таким же «длинным» курганом 2, к западу от него. Насыпь в плане удлинненно-овальная (14х6 м), высотой 0,2 м; длинная ось ориентирована широтно. Сложена гумусированной супесью. Под насыпью выявлены 3 ямы, организованные в линию длиной 6 м, локализовавшуюся в юго-восточной части подкурганной площадки и простиравшуюся по направлению запад-юго-запад — восток-северо-восток.

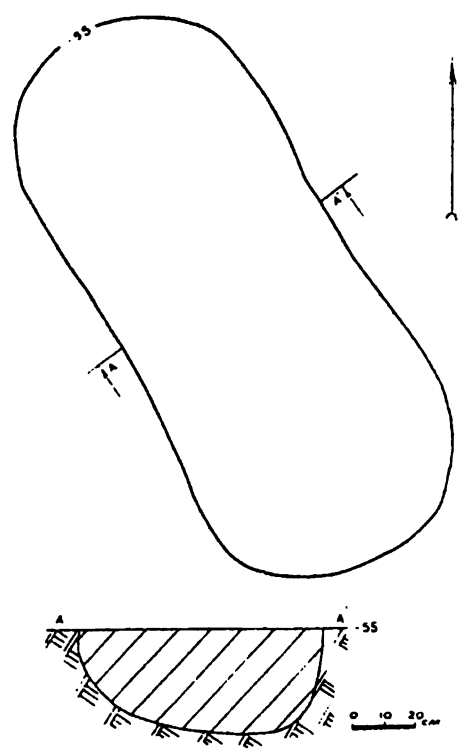
Яма 1 (рис.9.2) первая в линии с востока. Очертания на материковом горизонте подпрямоугольные (1,9х1,5 м), с округленными углами; продольные стороны ориентированы по линии юг — юго-восток — север — северо-запад. Вокруг ямы на расстоянии 1-2 м от стенок слоен мощностью до 0,15 м был распланирован материковый выкид. Стенки опустились ко дну под небольшим углом. В 0,2 м выше дна по

1

2

3

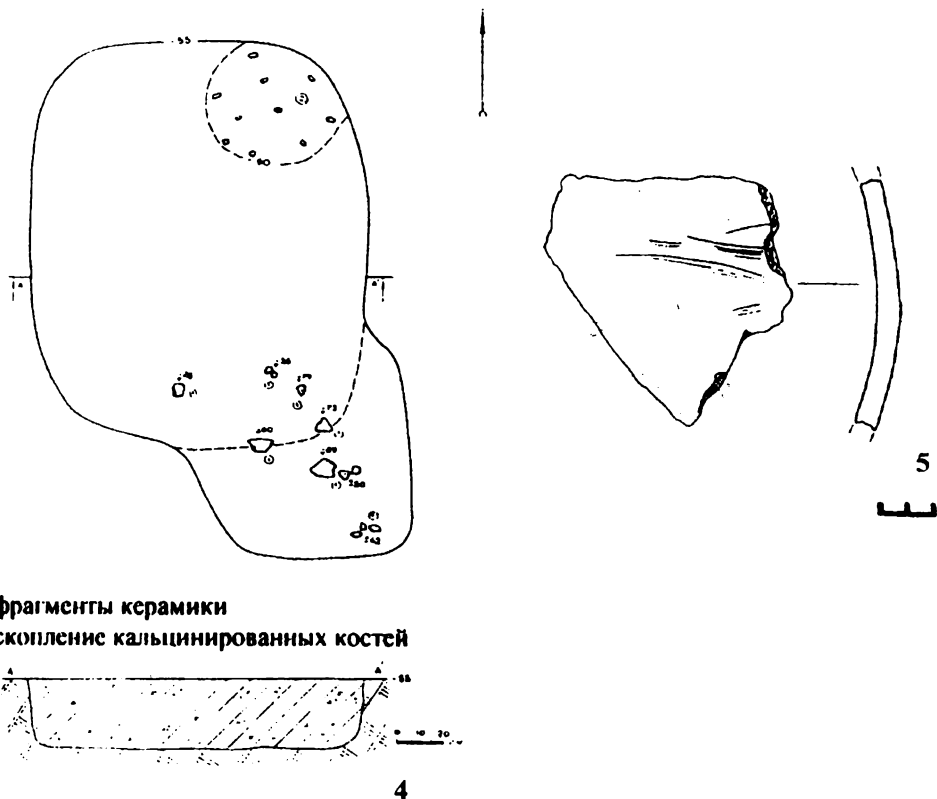

Рис. 9. Могильник Система-2, курган 3

1 — общий план и профили бровок; 2 — яма 1, план и разрез; 3 — яма 2, план и разрез; 4 — яма 3, план и разрез; 5 — фрагмент сосуда из заполнения ямы 3

всему периметру была оставлена ступенька шириной 0,15-0,2 м, после чего размеры ямы сократились до 1,25x1,0 м. Глубина в материке 0,55 м. Могила ограблена. Значительную часть ее полости занимали 5 обломков гранитных плит разной величины (от 0,4x0,35 до 1,45x1,0 м), являвшихся элементами либо разрушенной облицовки стен, либо, что, на наш взгляд, менее вероятно, перекрытия. Помимо плит, в заполнении по всей глубине, и особенно много в придонной части, встречались мелкие кальцинированные обломки костей. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Яма 2 (рис.9.3) располагалась в середине линии. Очертания ямы удлиненно-овальные (1,85x0,8 м), со скругленными углами; продольная ось ориентирована по линии юг — юго-восток — север-северо-запад. Глубина в материке 0,4 м. Полость ямы была заполнена перемешанным грунтом — гумусированной супесью с включениями глины, щебнем. Ни в заполнении, ни на неровном, доведенном до коренного выхода гранита дне никаких находок не обнаружено.

Возможно, описываемая яма 2 не была использована по назначению. Подобные «готовые» ямы нередко встречаются в могильниках эпохи бронзы (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, с. 67).

Яма 3 (рис.9.4) замыкала линию погребений с запада. Контур ямы в плане прямоугольный (1,7x1,45 м), с закругленными углами, продольные стороны ориентированы меридионально. Стенки отвесные; дно доведено до выхода гранита; глубина в материке 0,4 м. Юго-восточный угол ямы осложнен, отходящим к югу «отростком» длиной 0,5 м., Стенки здесь опускались ко дну тоже отвесно, что заставляет интерпретировать «отросток» как грабительский вкоп, а не особенность конфигурации могилы, тем более, что именно в его заполнении найдены 12 фрагментов сосуда, которыми и исчерпывается коллекция вещей из могилы. Весь объем могилы заполнен темно-серой гумусированной супесью, перемешанной с материковым суглинком. При выемке заполнения у дна в северо-восточном углу обнаружено скопление мелких пережженных обломков костей, занимавшее участок диаметром 0,5 м.

Упомянутые выше фрагменты принадлежали сосуду, который характеризовался сравнительно крупными размерами, прямой шейкой и очень коротким сглаженным плечом. В тесте отмечена примесь кварцевой дресвы и слюды (1:4). Сформован лоскутным налепом. Внешняя поверхность грубо заглажена гребенчатым штампом, орнамент отсутствует (рис.9.5).

Курган 6 (рис.10.1) округлый в плане (11x10 м), несколько вытянутый в широтном направлении, высотой 0,2 м. Насыпь сложена гумусированной супесью. Единственная могильная яма была чуть смещена от центра подкурганной площадки к западу. Большая часть материкового выкида была уложена слоем толщиной около 0,1 м западнее ямы на расстояние до 2 м.

Форма ямы (рис.10.2) при зачистке на материке подпрямоугольная (1,9x1,1 м), длинные стенки ориентированы меридионально. Глубина в материке 0,6 м. Слегка наклонные стенки могилы были облицованы гранитными плитами. Значительная часть облицовки разрушена и перемещена, по всей видимости, в ходе ограбления. Судя по положению оставшихся в яме плит, их нижние грани должны были опираться на ступеньку высотой около 0,2 м от дна. На торцевых стенках было установлено по одной плите длиной до 1 м и шириной до 0,6 м, на продольных — по две плиты сопоставимых размеров.

Список находок ограничен 2 фрагментами днища и придонной части одного сосуда (рис.10, 3). В тесте регистрируется сильная естественная примесь извести, что свидетельствует об ином, чем у остальных сосудов данного могильника источнике сырья. Поверхность заглажена щепой, не орнаментирована.

Курган 7 (рис.11.1) — округлая в плане насыпь диаметром 15,5 м и высотой 0,5 м, состоящая из однородной гумусированной супеси, неотличимой от погребенной почвы. К югу, юго-западу и северо-востоку от единственной могильной ямы, располагавшейся почти в центре подкурганной площадки, зафиксированы выемки в материке. Границы выемок нечеткие, прерывистые; ширина варьировала от 1 до 2 м, достигая в одном месте 3 м; дно, как правило, ровное; средняя глубина в материке равнялась 0,1-0,15 м. Выемки можно понять как фрагменты кольцевого ровика с внешним диаметром около 8 м. Однако ровик с такими параметрами, совершенно очевидно, не лимитировал размеры надмогильного сооружения, поэтому резоннее заключить, что в данном случае отмечены следы некой подработки

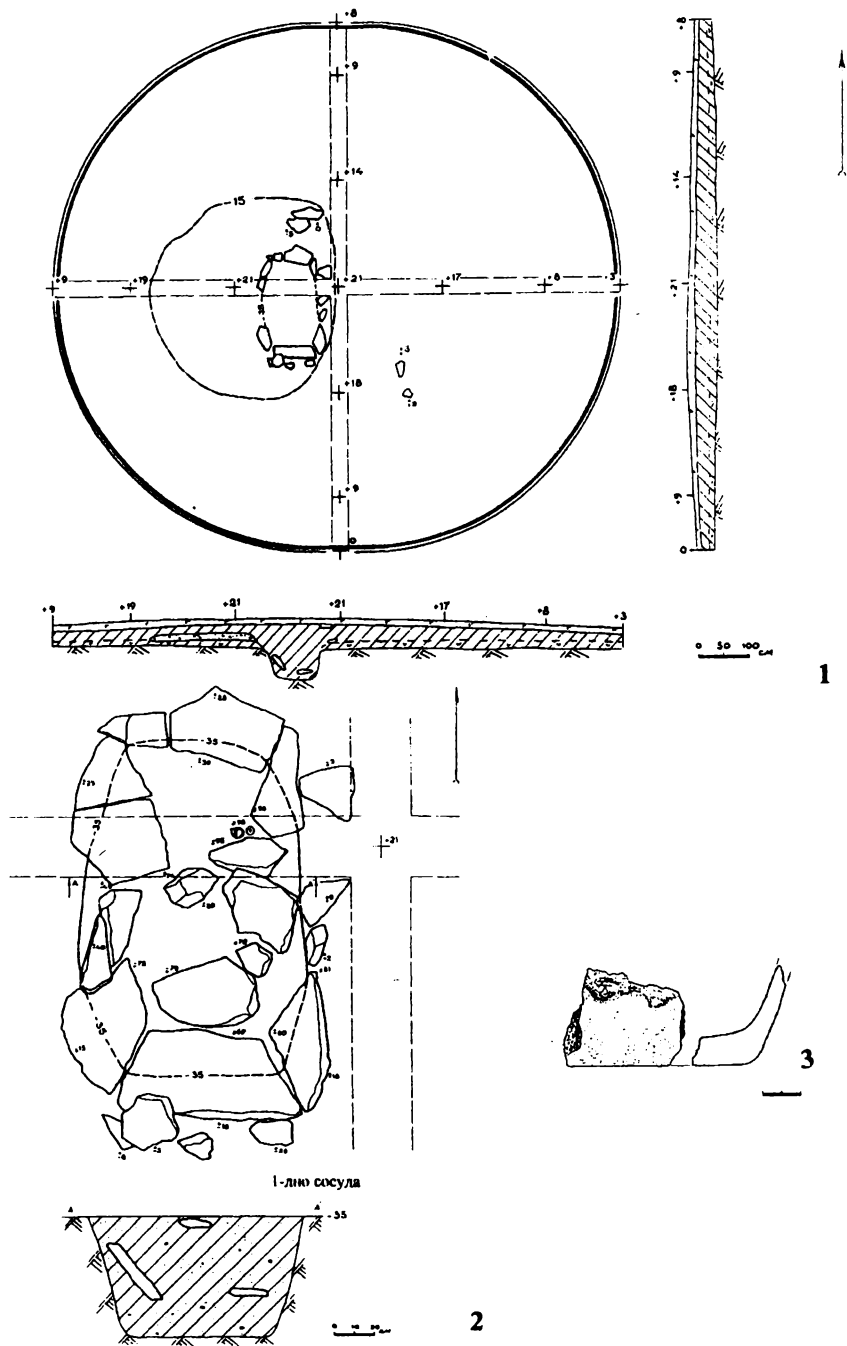

Рис. 10. Могильник Система-2, курган 6
 1 — общий план и профили бровок; 2 — план и разрез могильной ямы; 3 — фрагмент сосуда

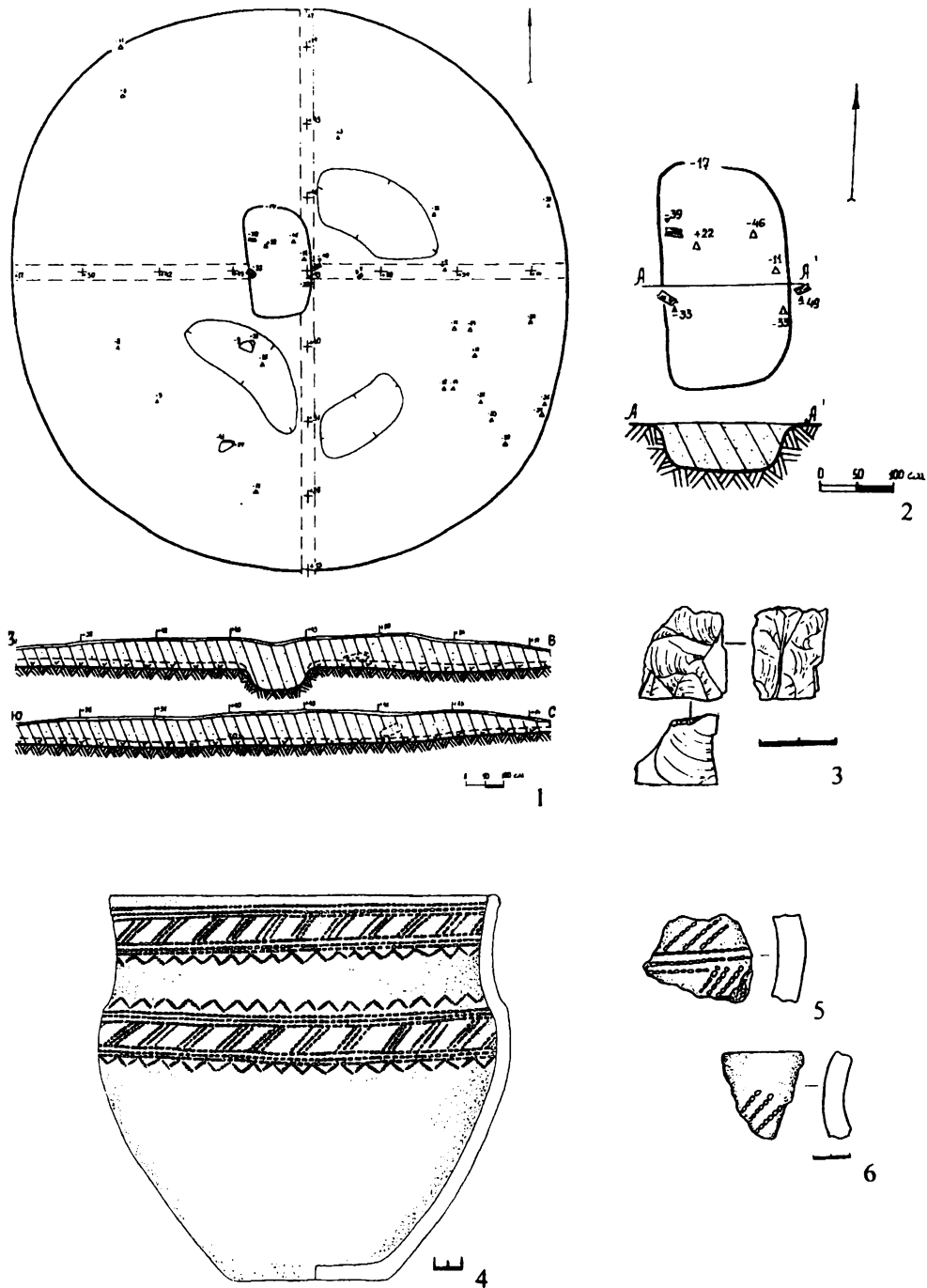

Рис. 11. Могильник Система-2, курган 7

1 — общий план и профили бровок; 2 — план и разрез могильной ямы; 3 — обломок горного хрусталя из насыпи; 4-6 — керамика

подкурганной площадки, предпринятой, к примеру, ради планировавшихся захоронений, в охранительных либо каких-то иных целях.

Зафиксированная на материковом уровне довольно крупная могильная яма (рис.11.2) имела подпрямоугольные с сильно округленными углами очертания (3x1,5 м). Длинные стенки ориентированы меридионально. Глубина в материке 0,6 м. В насыпи над полостью ямы были расчищены 2 коротких обломка жердей, возможно, происходивших от перекрытия. На расстоянии до 1,5 м от бортов ямы на поверхности погребенной почвы наблюдались включения глины и щебня, по всей видимости, относящиеся к материковому выкиду.

Могила ограблена. Останки человека (?) ограничиваются небольшим обожженным обломком косточки, лежавшим на дне. В заполнении обнаружены 4 фрагмента одного сосуда. Более 20 фрагментов этого же сосуда, а также 2 фрагмента другого сосуда и маленький кристалл горного хрусталя (рис.11. 3) были найдены при разборке юго-восточной полы насыпи.

Первый сосуд горшечно-баночной формы археологически целый, характеризуется сравнительно крупными размерами, небольшим уступчиком на плече, высокой отогнутой наружу шейкой (рис.11.4). В тесте заметна примесь слюды. Орнамент, исполненный оттисками зубчатого штампа, размещен в двух зонах: на шейке и в верхней части тулова. На шейке под венчиком нанесены 2 полосы из трех горизонтальных линий, пространство между ними заполнено трехрядными косыми линиями, а под нижней полосой выведен горизонтальный зигзаг. Этот же мотив повторен и на тулове с той лишь разницей, что горизонтальный зигзаг выведен и над верхней полосой.

Сосуд, представленный двумя обломками (рис.11. 5, 6), горшечно-баночной формы, с довольно плавным переходом от тулова к шейке. В плотном по составу тесте фрагментов заметны включения слюды и кварцевой дресвы мелких размеров. Поверхность сосуда темно-серого цвета, хорошо заглажена. Орнамент, нанесенный на верхнюю часть сосуда, представлен каннелюрами и наклонными вдавлениями мелкогребенчатого штампа.

Могильник Система-4 (рис.2) находился в 0,9-1,1 км к югу-юго-востоку от станции на правом берегу реки в 1,2 км от русла. Состоял из двух, по существу, одиночных курганов, располагавшихся в 0,225 км друг от друга по линии юго-восток — северо-запад.

Курган 1 (рис. 12.1) — первая с юго-востока округлая в плане насыпь диаметром 16 м и высотой до 0,55 м, сложенная гумусированной супесью, обильно насыщенной гранитной дресвой. В толще насыпи в ходе разборки ее западной полы найдены несколько мелких фрагментов стенок сосуда и обломков трубчатых костей животного (м.р.с.?), по всей видимости, связанных с грабительским выкидом из центральной могилы. В этой же части насыпи был найден маленький обломок изделия (?) из сильно обожженной трубчатой кости, на выпуклой поверхности которого процарапаны дугообразные линии (рис.12.2)

Под насыпью открыты 5 могильных ям. Наиболее крупная располагалась почти в центре подкурганной площади, остальные — в виде нерегулярной, меридионально ориентированной цепочки длиной около 4 м — в 3 м к востоку от нее.

Яма 1 (рис. 12.3), ограбленная в древности, была зафиксирована на уровне древней почвы. Ее нечеткие очертания улавливались по сравнительно более темному цвету заполнения. Конфигурация определена с некоторым допущением как подпрямоугольная с округленными углами (2,0x1,5 м). Продольная ось ориентирована меридионально. Яма не прорезала материк, поэтому уточнить ее размеры и форму

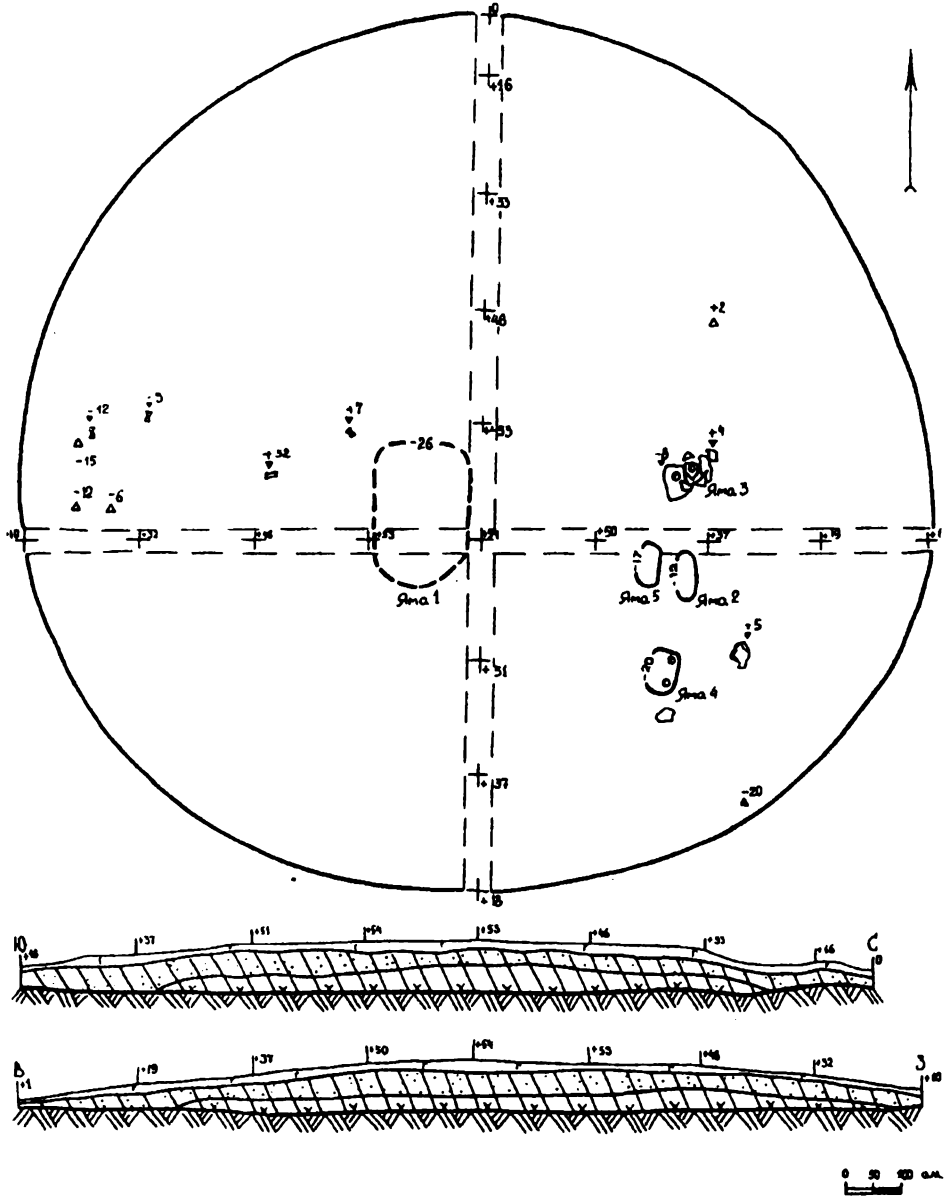
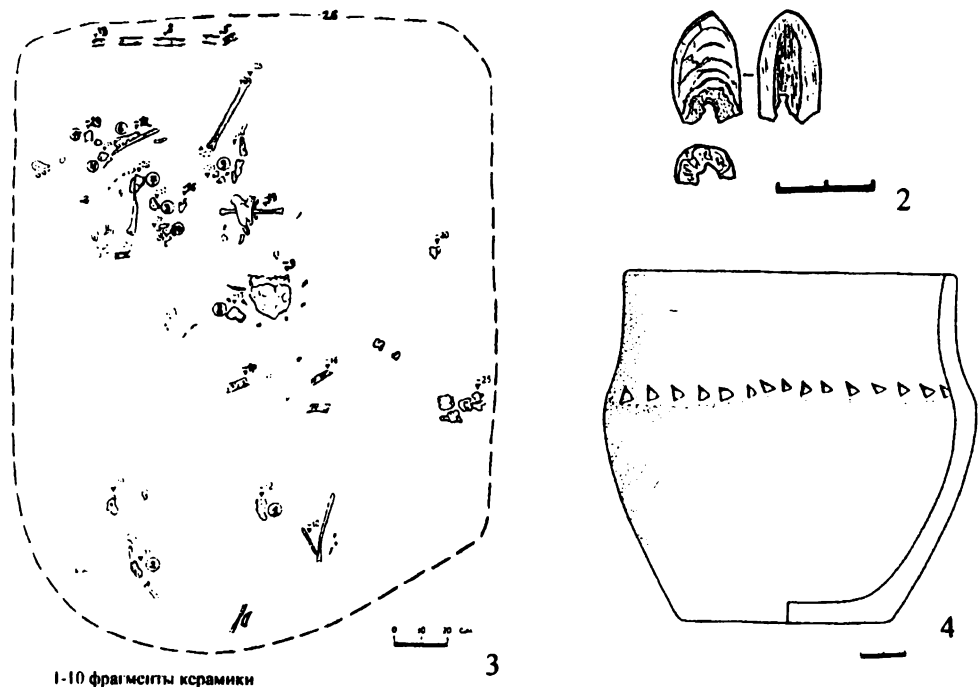

Рис. 12. Могильник Система-4, курган 1
 / — общий план и профили бровок.

1-10 фрагменты керамики

Рис. 12. Могильник Система-4, курган 1

2 — изделие (?) из обожженной кости из насыпи; 3 — очертания ямы 1 (1-10 — фрагменты керамики); 4 — сосуд из ямы 1

не удалось; толщина слоя древней почвы, в которой была устроена яма, не превышала 0,2 м. На уровне древней дневной поверхности у северной границы могилы был расчищен фрагмент деревянного перекрытия — обломки жердей диаметром до 4 см, ориентированные вдоль короткой стенки. Несколько обломков жердей было встречено также в центральной части площади ямы.

Находки, сделанные в заполнении и на дне, включали останки взрослого человека и фрагменты сосуда. Кости человека — целые, в обломках и очень мелкие кальцинированные — были рассеяны по всей площади ямы. В могилу помещены остатки неполного трупосожжения на стороне, причем целыми или в обломках наличествовали только кости верхней половины скелета — все с признаками сильного температурного воздействия. Костей ног ни в целом виде, ни среди распознаваемых фрагментов не обнаружено; возможно, они составляют основную долю массы мелких пережженных обломков.

Фрагменты одного горшечно-баночного сосуда были сосредоточены в южной части ямы. Форма сосуда характеризуется сглаженным ребром-уступчиком в верхней трети высоты (рис. 12.4). В формовочной массе есть примеси песка и шамота. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены щепой. По плечу нанесена неровная линия треугольных вдавлений.

Яма 2 (рис. 13.2) располагалась в середине цепочки периферийных могил. На материковом уровне имела форму удлиненного овала (0,85x0,4 м), ориентированного длинной осью меридионально. Стенки вертикальные, глубина в материке 0,3 м.

По дну рассеяны мелкие кальцинированные обломки костей и комочки обожженного грунта. Обломки костей были сконцентрированы близ северной стенки. В разных местах на дне найдены несколько мелких фрагментов двух сосудов. Один (рис.13.4) — небольшая неорнаментированная баночка с открытым профилем. Тесто с примесью крупной кварцевой дресвы. Второй сосуд (рис. 13.3) представлен обломком стенки, украшенной треугольниками, заштрихованными наклонно, в противоположных направлениях. Тесто содержит примесь кварцевой дресвы и извести.

Яма 3 (рис. 13.5) находилась на северном окончании цепочки периферийных могил. На уровне древней почвы она имела каменное перекрытие, представленное шестью обломками гранитных плит разной величины (размеры самого крупного — 0,7x0,6 м). Камни покрывали участок, протяженный по линии запад — юго-запад — восток-северо-восток на 1,2 м и по линии юг — юго-восток — север — северо-запад на 0,7 м. Очертания ямы установить не удалось, так ее заполнение ничем не отличалось от погребенной почвы. В центральной части площади, перекрытой плитами, на верхнем материковом уровне были расчищены 2 сосуда, стоявшие в 0,2 м один от другого по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток. Костей человека не обнаружено.

Первый с востока-северо-востока сосуд горшечно-баночной формы с плавным переходом от тулова к отогнутой наружу шейке (рис. 13.6). В тесто примешано большое количество талька. Поверхность хорошо заглажена. Декорирована только верхняя часть сосуда, орнамент выполнен зубчатым штампом. По середине шейки нанесен двухрядный зигзаг, по плечу — две горизонтальные линии, по верху тулова — полоса почти прямоугольных треугольников с вертикальной штриховкой. Второй сосуд — маленькая баночка с закрытым профилем (рис. 13.7). В тесте примесь крупной кварцевой дресвы, по преимуществу, конгломератной, со слюдой. Поверхность хорошо заглажена, не орнаментирована.

Яма 4 (рис. 13.8) локализовалась на южном фланге периферийных могил. На материковом горизонте имела форму почти правильного прямоугольника с слегка округленными углами (0,75x0,55 м), ориентированного длинными сторонами меридионально. Дно неровное, глубина в материке 0,2 м. На дне в северной части ямы обнаружены фрагменты черепа ребенка. Между костями черепа и северной стенкой, ближе к северо-восточному углу, стоял сосуд; еще один сосуд находился близ противоположной стенки.

Первый сосуд горшечно-баночной формы, со сглаженным уступом при переходе от тулова к прямой шейке (рис. 13.9). Тесто хорошо отмученное, с примесью талька, органики и шамота. Сосуд не орнаментирован, поверхности небрежно заглажены твердым инструментом. Другой сосуд представляет собой, по существу, уменьшенную копию первого, отличаясь более рельефно выраженным уступчиком и прямой шейкой (рис. 13.10). В тесте наблюдается примесь кварцевой дресвы и органики. Поверхность хорошо заглажена, орнамент отсутствует.

Яма 5 (рис. 13.1) находилась в 0,15 м к западу от ямы 2. Форма, зафиксированная на материковой поверхности, была близка удлиненному овалу (0,7x0,4 м), ориентированному продольной осью меридионально. Глубина в материке 0,35 м. Непосредственно в центре на дне найдены истлевший фрагмент трубчатой кости (ребенок?) и маленький фрагмент стенки сосуда без орнамента.

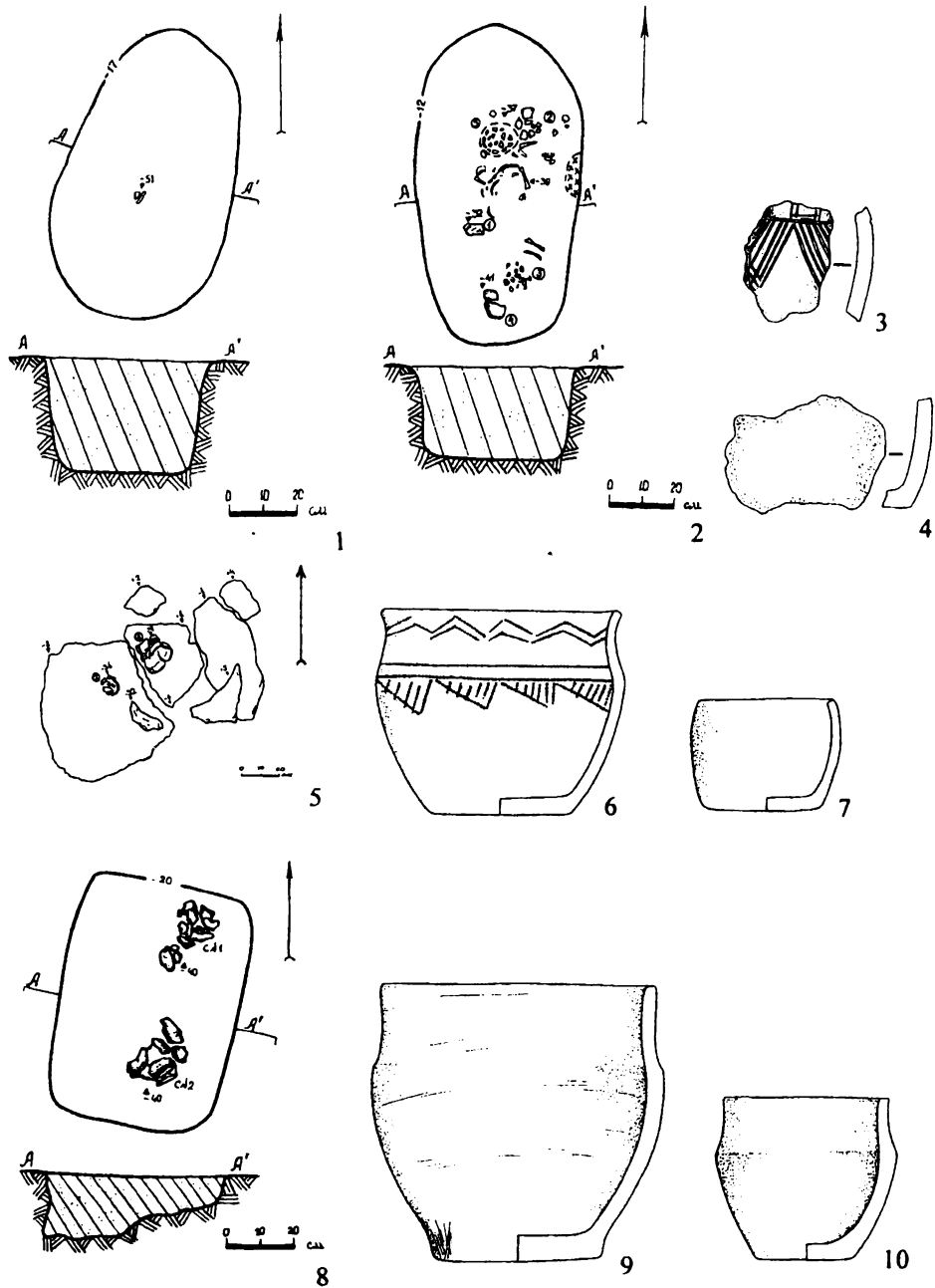

Рис. 13. Могильник Система-4, курган 1

1 — яма 5, план и разрез; 2 — яма 2, план и разрез (1-4 — фрагменты керамики, 5 — разрушенный череп); 3, 4 — фрагменты сосудов из ямы 2; 5 — яма 3, план каменного перекрытия и местоположения сосудов; 6, 7 — сосуды из ямы 3; 8 — яма 4, план и разрез; 9, 10 — сосуды из ямы 4

Курган 2 (рис. 14.1) — северо-западная насыпь, в плане округлая, диаметром 18 м и высотой 0,6 м. Сложена слабо гумусированной супесью, густо насыщенной гранитной дресвой и щебенкой. Центр насыпи и прилегающие к нему с северо-запада, запада и юго-запада участки перекопаны в ходе ограбления крупных могильных ям (№ 1, 13, 14). Вторичный характер грунта свидетельствовался, прежде всего, насыщенностью находками — фрагментами сосудов, древесным тленом, необожженными обломками костей животных, а также мелкими неопределимыми обломками кальцинированных костей. В коллекции находок присутствуют также створка речной раковины (рис. 14.15) и маленький треугольный в сечении скол с нуклеуса (рис. 14.16). К сожалению, по условиям локализации ни один из найденных в грабительском выкиде предметов не удалось достоверно связать с конкретной могильной ямой.

Большинство обломков керамики, найденных вне ям, — неорнаментированные стенки сосудов с примесью песка и шамота в тесте. Лишь около десятка фрагментов несут информацию о деталях формы и орнаментации. Практически все они происходят от горшечно-баночных сосудов, характеризовавшихся ребристым или уступчатым переходом от тулова к прямой или отогнутой наружу шейке, декорированных, как правило, в верхней части геометрическими фигурами, по преимуществу, горизонтальными линиями, наклонно заштрихованными треугольниками и горизонтальным зигзагом, исполненными оттисками гладкого и зубчатого штампа, а также нарезкой (рис. 14, 2-9, 11, 12, 14).

Наибольшая концентрация кальцинированных костей наблюдалась в центральной части насыпи — к западу, северу и, в меньшей степени, к югу от ямы 1. Первые косточки здесь были обнаружены непосредственно под дерновым слоем. В местах скопления пережженных костей встречались также остатки дерева, чаще всего в виде волокон длиной до 5 см. Несколько фрагментированных костей животных (м.р.с.?) найдено в северо-западной части насыпи.

На погребенной почве к западу от центра зафиксированы отдельные пятна перемешанного грунта с преобладанием суглинка площадью до 1,5 м и мощностью до 0,15 м — участки материкового выкида из крупных могильных ям.

На подкурганной площадке зарегистрировано 15 ям (рис. 14, 1). О способе их организации высказаться с достаточной определенностью затруднительно. Наиболее подходящим, разумеется, является термин «центрально-радиальная планировка», но он не отражает все нюансы подкурганной топографии. Несомненно, центральную позицию занимала крупная яма 1, располагавшаяся точно под центром насыпи. Дистанция между ней и значительной частью периферийных ям равнялась в среднем около 3 м. Большинство периферийных ям было сосредоточено в восточной половине подкурганной площадки. При этом нельзя сказать, что все они имели заметно меньшие размеры, нежели центральная яма, и размещались строго в одну линию, огибая ее полукольцом. Во-первых, две ямы, находившиеся в восточной половине подкурганной площадки, и две ямы — в западной имели размеры, весьма близкие размерам ямы 1. Во-вторых, в топографии периферийных ям просматривается тенденция к их взаиморасположению по прямой, ориентированной широтно либо меридионально.

Одна находка — сосуд, извлеченный из погребенной почвы в 2,5 м к северо-востоку от ямы 1 (между ямами 3 и 6), — интерпретирована как жертвенник. Не исключено, конечно, что он сопровождал детское погребение, совершенное в мел-

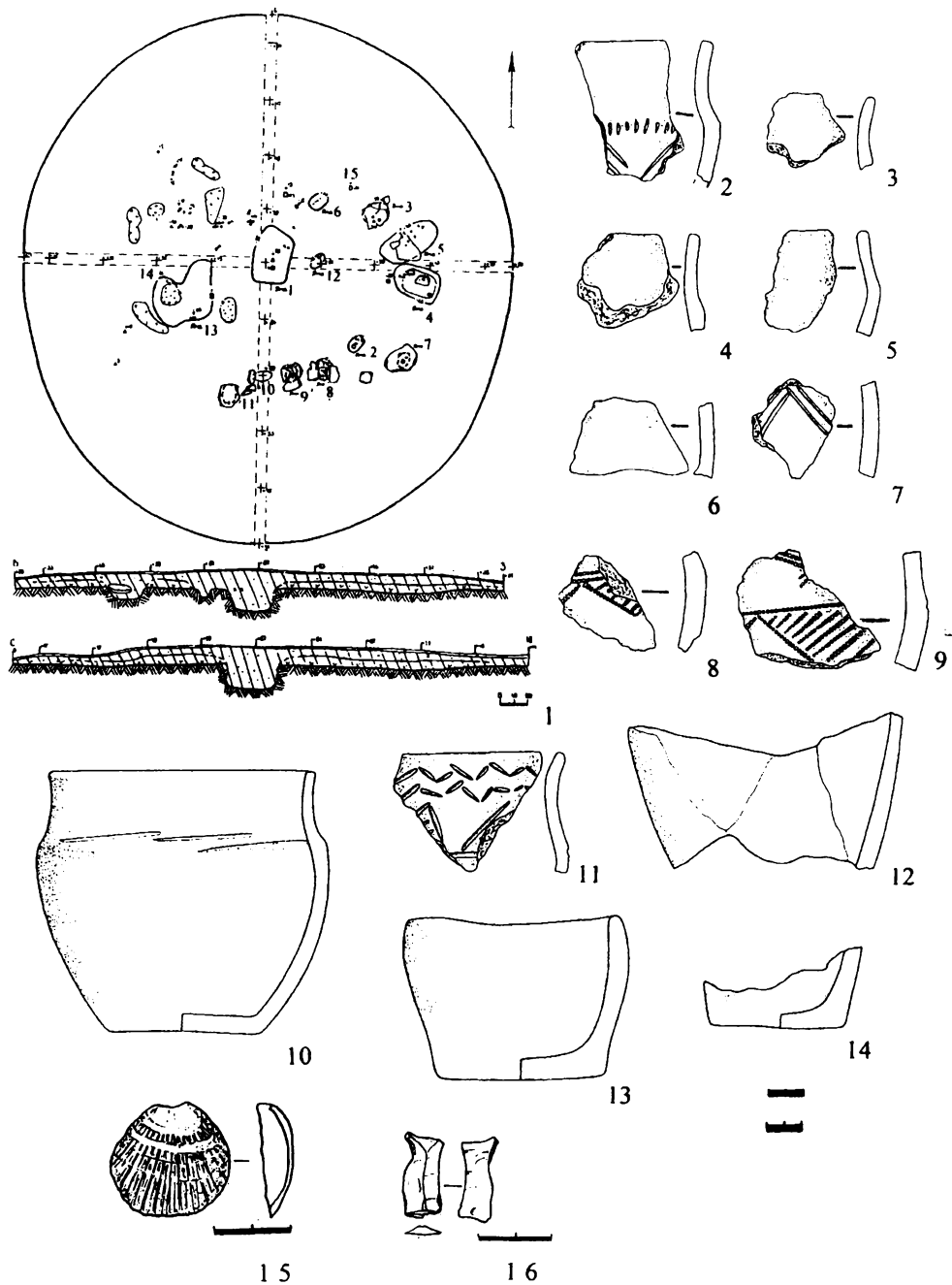

Рис. 14. Могильник Система-4, курган 2

1 — общий план и профили бровок; 2 — 9, 11, 12, 14 — фрагменты сосудов из насыпи; 10 — сосуд из ямы 15; 13 — сосуд из насыпи; 15 — раковина из насыпи; 16 — скол с нуклеуса из насыпи

кой могиле, однако при отсутствии всяких ее признаков мы относим этот сосуд к объектам, не связанным напрямую с конкретным погребальным комплексом. Форма сосуда баночная с открытым профилем (рис. 14, 13). В тесте примесь кварцевой дресвы. Поверхности хорошо заглажены, не орнаментированы.

Яма 1 (рис. 15. 1) располагалась в центре подкурганной площадки. Устойчивые очертания зарегистрированы лишь у дна, поскольку верхняя ее часть была полностью разрушена грабительским вкопом. В 0,2 м выше дна яма имела форму неправильного прямоугольника с округленными углами (2x1,4 м), ориентированного длинными сторонами по линии юг-юго-запад — север-северо-восток. Дно ровное; глубина в материке — 0,6-0,7 м. Все находки — мелкие обломки пережженных костей, древесные волокна, фрагменты двух сосудов — сделаны в заполнении.

Один сосуд горшечно-баночной формы, с ребром-уступом при переходе от тулова к прямой шейке (рис. 15. 2). Начин — донно-емкостный; полое тело сформовано лоскутным спиральным или спирально-зональным налепом. В тесте примеси навоза, слюды. Поверхности хорошо заглажены мягким материалом (кожа?), но без лощения. Орнамент, выполненный оттисками гладкого штампа, расположен в верхней части сосуда. По шейке двухрядный зигзаг, равнобедренные наклонно заштрихованные треугольники. По тулову зигзаг различной кратности (от 1 до 3). Второй сосуд тоже горшечно-баночной формы, с выраженным уступом и прямой шейкой представлен небольшим обломком верхней части (рис. 15. 3). В тесте примесь кварцевой дресвы. Фрагмент не орнаментирован.

Яма 2 (рис. 15.4) находилась в 3,0 м к юго-востоку от ямы 1. На верхнем материковом уровне имела подпрямоугольную с сильно скругленными углами форму (0,6x0,3 м). Длинная ось ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Глубина в материке 0,05 м. На дне ямы у противоположных торцевых стенок стояли два сосуда. Других находок не обнаружено.

Сосуд, стоявший у южной стенки, горшечно-баночной формы, приземистый, с ребром в средней части высоты и высокой, отогнутой наружу шейкой (рис. 15. 5). В тесте примесь шамота. Поверхности хорошо заглажены. Декор, выполненный угловыми оттисками гребенчатого штампа покрывает шейку и верхнюю часть тулова. На шейке нанесен ряд крестообразных фигур, на тулове изображен ряд равнобедренных треугольников вершинами вниз. Второй сосуд горшечно-баночной формы, очевидно, едва обожженный и потому практически полностью расслоившийся. Форма характеризуется невысокой шейкой и сглаженным ребром. В тесте примесь кварцевой дресвы. Поверхности не орнаментированы.

Яма 3 (рис. 15. 6) локализовалась в 2,5 м к востоку-северо-востоку от центральной ямы. На уровне древней дневной поверхности ее полость была перекрыта четырьмя гранитными плитами разной величины (размеры самой крупной — 0,6x0,4 м). Площадь, занимаемая перекрытием, равнялась примерно 1,0x0,6 м, его продольная ось была ориентирована вдоль линии юго-запад — северо-восток. Очертания ямы на верхнем материковом уровне крайне нечеткие, условно определены как овал (1,0x0,8 м), ориентированный длинным сечением с юго-запада на северо-восток. Глубина в материке — до 0,15 м. В заполнении ямы обнаружены три сосуда: один сосуд располагался почти в центре предполагаемой площади ямы, два других располагались у южной стенки.

Первый сосуд у южной стенки — горшечно-баночной формы, с ребром в верхней трети высоты, слегка отогнутой наружу шейкой (рис. 15.9). В примесях

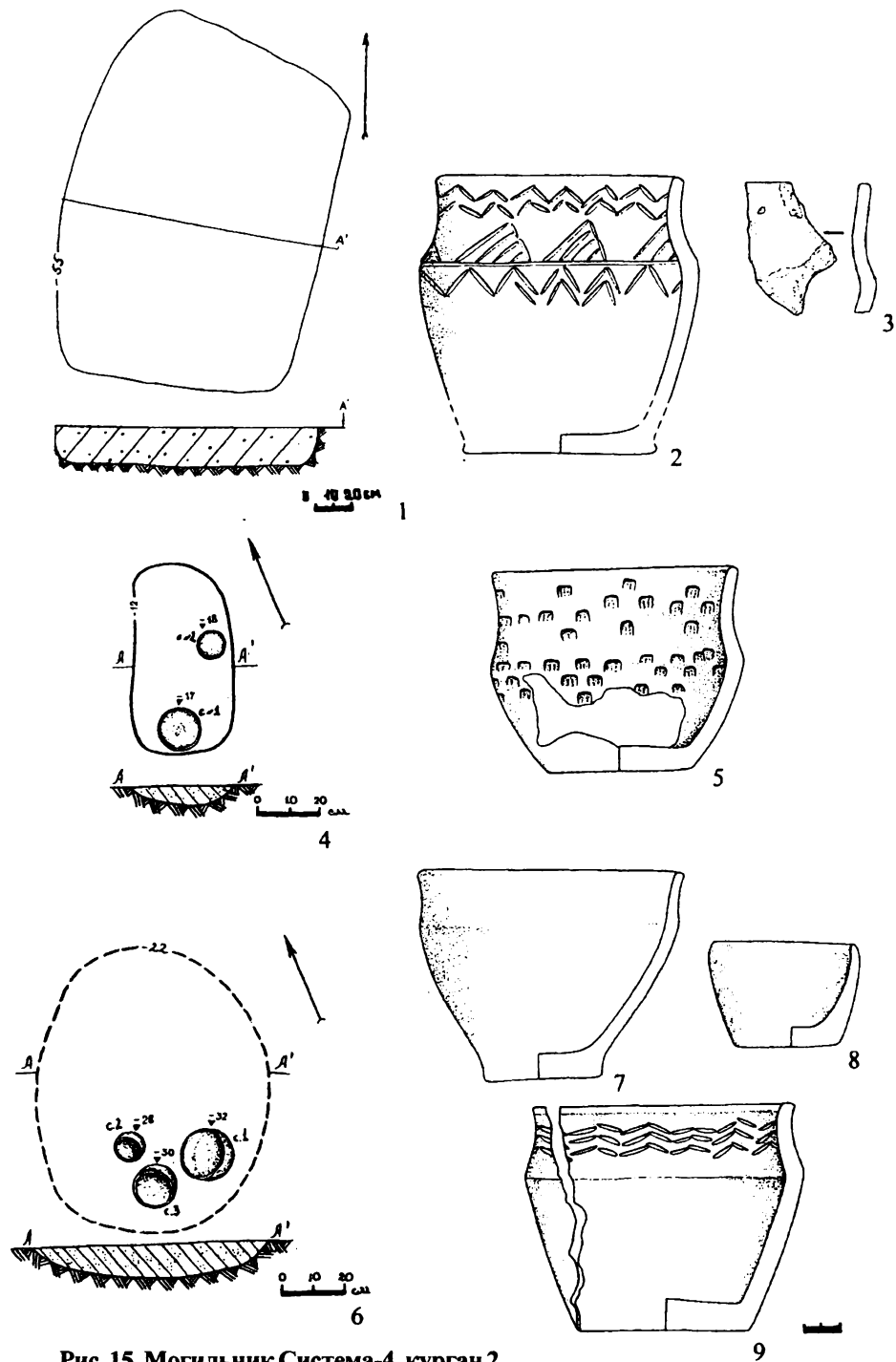

Рис. 15. Могильник Система-4, курган 2

1 — яма 1, план и разрез; 2, 3 — керамика из ямы 1; 4 — яма 2, план и разрез; 5 — сосуд из ямы 2; 6 — яма 3, план и разрез; 7-9 — сосуды из ямы 3

навоз, тальковая дресва. Полое тело сформовано лоскутным налепом. Поверхности хорошо обработаны твердым инструментом. На внешней стороне тулова местами фиксируются отпечатки мягкого материала (кожа?). Обжиг низкотемпературный. Орнаментирована только шейка. Декор представляет собой трехрядный зигзаг слабого наклона, выполненный гладким штампом. Сосуд, стоявший в центральной части дна могилы — миниатюрная баночка открытого профиля, лишь со слегка загнутым внутрь верхним краем. В качестве исходного сырья использована сильноожеженная глина. В тесте наблюдаются примеси шамота из слабоожеженной глины (1:4), навоза и тальковой дресвы. Формирование полого тела осуществлялось донно-емкостным началом и выведено лоскутным налепом. Поверхности, заглаженные деревянным инструментом, не орнаментированы (рис. 15. 8). Третий сосуд горшечно-баночной формы, характеризуется выделенным дном, ребром-уступом в верхней четверти высоты, отогнутой наружу шейкой (рис. 15. 7). Полое тело сформовано спирально-лоскутным налепом. Исходное сырье — сильноожеженная глина. В примеси шамот, органика. Поверхности не орнаментированы.

Яма 4 (рис. 16.1) располагалась в 3,5 м к востоку от ямы 1. На уровне материка форма в плане подпрямоугольная с округленными углами (1,75x1,1 м), продольная ось ориентирована по линии восток-юго-восток — запад-северо-запад. Стенки почти отвесные. На глубине 20 см от верхнего края могилы, в северо-западной части очертания резко сузились. Глубина в материке 0,3 м. В заполнении на разных глубинах встречены один сравнительно крупный (0,6x0,5 м) и несколько мелких обломков гранитных плит (сечением до 0,25 м), вероятно, являвшиеся фрагментами разрушенного перекрытия. Могила ограблена. В заполнении у восточной стенки ямы расчищены развалы двух сосудов. На дне у середины северной стенки найден фрагмент черепа ребенка.

Один из найденных сосудов горшечно-баночной формы с плечом в виде уступа и высокой отогнутой наружу шейкой (рис. 16.3). Изготовлен из среднепластичной глины с примесью шамота и навоза методом лоскутного налета. Поверхности заглажены твердым инструментом, у дна — пальцами. Декорирована только верхняя часть сосуда. Оттисками гладкого штампа нанесены 6 рядов горизонтального зигзага: 2 — в верхней части шейки, 1 — в нижней и 3 — под уступом. Второй сосуд — небольшая банка открытого профиля (рис. 16.2), сформованная лоскутным зональным налепом. Тесто изготовлено из сильноожеженной глины с примесью навоза. На внешних и внутренних поверхностях прослеживаются слабые следы заглаживания шерстью. Сосуд не орнаментирован.

Яма 5 (рис. 16.4) располагалась севернее ямы 4 в 3,0 м к востоку от ямы 1. На материковом уровне имела форму неправильного удлиненного овала (2,15x1,0 м), ориентированного продольной осью по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток. Стенки отвесные. Глубина в материке 0,4 м. Яма ограблена. В заполнении на разных уровнях встречены несколько мелких обломков гранитных плит; единственная крупная плита (1,1x0,8 м) лежала в заполнении западной половины ямы. Эти обломки, несомненно, являются фрагментами каменного перекрытия, однако трудно утверждать, что они перекрывали именно яму 5, а не попали в ее полость при ограблении соседней ямы 4, поскольку среди находок в верхней и нижней части заполнения описываемой могилы встречались небольшие обломки жердей (до 5 см в поперечнике). Помимо камней и обломков дерева найдены также мелкие пережженные косточки, трубчатая кость м.р.с., створка раковины и 3 сосу-

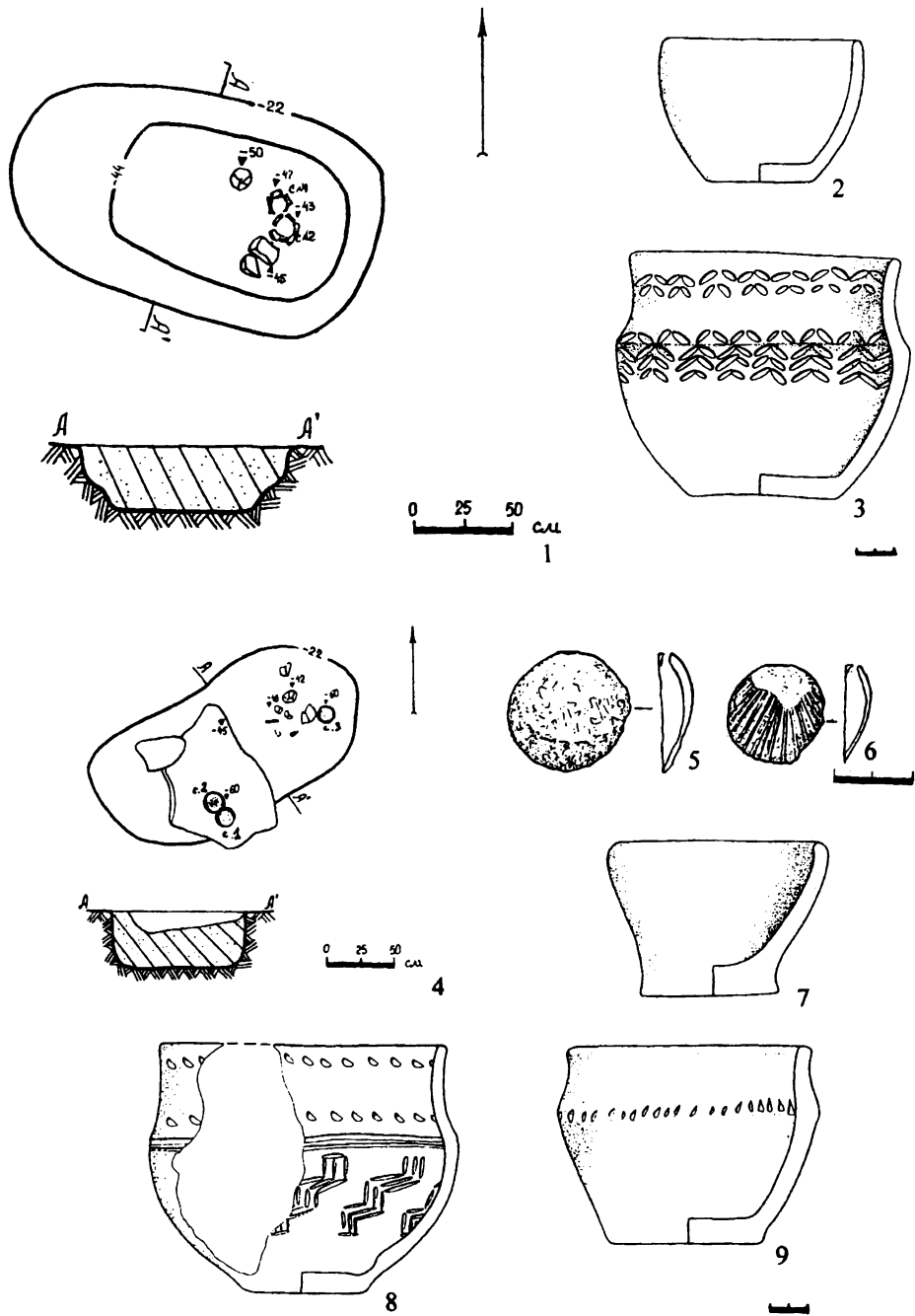

Рис. 16. Могильник Система-4, курган 2

1 — яма 4, план и разрез; 2, 3 — сосуды из ямы 4; 4 — яма 5, план и разрез; 5, 6 — раковины из ямы 5; 7-9 — сосуды из ямы 5

да. Кальцинированные кости найдены как в заполнении (преимущественно в его северо-восточной части), так и на дне у восточно-северо-восточной стенки. Кость м.р.с. лежала на дне в его центральной части. Один сосуд стоял в «восточном углу» ямы (внутри него находились кальцинированные кости и створка раковины с небольшим отверстием), еще два вплотную друг к другу по линии север — юг — у юго-юго-восточной стенки близ «южного угла».

Сосуд, стоявший одиночно у восточно-северо-восточной стенки, представляет собой небольшую неорнаментированную банку открытого профиля с чуть загнутым внутрь верхним краем и выделенным дном (рис. 16.7). Изготовлен из сильноожеженной глины с примесью тальковой дресвы, извести (?) и навоза. Полое тело сформовано лоскутным налепом; предположительно емкостный начин. Внешняя поверхность заглажена без видимых следов инструмента; внутри сосуда отмечены следы заглаживания кожей. Сосуд, в паре из двух сосудов стоявший непосредственно у стенки, горшечно-баночной формы с выраженным уступом при переходе от раздутого тулова к высокой прямой шейке (рис. 16.8). Тесто замешано из среднеожеженной глины с примесью органики, конгломератной слюды и извести (?). Сформован спирально-лоскутным налепом, при донно-емкостном начине. Поверхность подложена по подсыхающей глине, очевидно, костяным орудием. Орнаментирована почти вся внешняя поверхность сосуда. По верху и по основанию шейки нанесен ряд семечковидных вдавлений; непосредственно под уступчиком проведены две горизонтальные линии, ниже гладким штампом отпечатаны трехрядные вертикальные «лесенки», занимающие большую часть высоты тулова. Второй сосуд горшечно-баночной формы с ребром в верхней трети высоты и короткой чуть отогнутой шейкой (рис. 16.9). Тесто изготовлено из сильноожеженной глины с примесью тальковой дресвы. Тело сформовано лоскутным налепом. Внешняя поверхность нерегулярно, до подложенности заглажена твердым, вероятно, костяным инструментом. Орнамент исчерпывается одним рядом семечковидных вдавлений по ребру.

Яма 6 (рис. 17.7) находилась в 1,0 м к северу-северо-востоку от ямы 1. Форма в плане на материковом уровне удлинненно-овальная (0,7х0,5 м), продольная ось ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Стенки пологие; глубина в материке до 0,1 м. На дне обнаружены 4 позвонка м.р.с., выложенных по длинной оси ямы в линию протяженностью 0,4 м с интервалом между соседними позвонками 7-10 см.

Яма 7 (рис. 17.1) локализовалась в 4,5 м юго-восточнее ямы 1. На уровне древней поверхности была перекрыта гранитной плитой (1,15х1,0 м). На материковом уровне форма ямы подпрямоугольная с округленными углами (0,5х0,3 м); длинные стенки ориентированы меридионально. Стенки вертикальные; глубина в материке 0,3 м. На дне расчищены 2 сосуда, занимавшие практически всю его площадь. Остатки погребенного не зафиксированы.

Сосуд, стоявший у южной стенки, горшечно-баночной формы с сильно сглаженным ребром и практически прямой шейкой (рис. 17.2). В тесте наблюдается примесь тальковой дресвы. Поверхность заглажена щепой. Орнамент выполнен оттисками гладкого штампа, весьма небрежно. Под венчиком нанесена полоса вертикальных вдавлений, а по основанию шейки — полоса наклонно заштрихованных треугольников. Второй сосуд баночный, подобный пиале на невысоком поддоне (рис. 17.3). В тесте присутствует примесь шамота. Поверхность неровная, бугристая, без декора.

Яма 8 (рис. 17.4) находилась в 3,0 м к югу-юго-востоку от ямы 1. Имела перекрытие из трех гранитных плит. Любопытно, что для перекрытия полости ямы

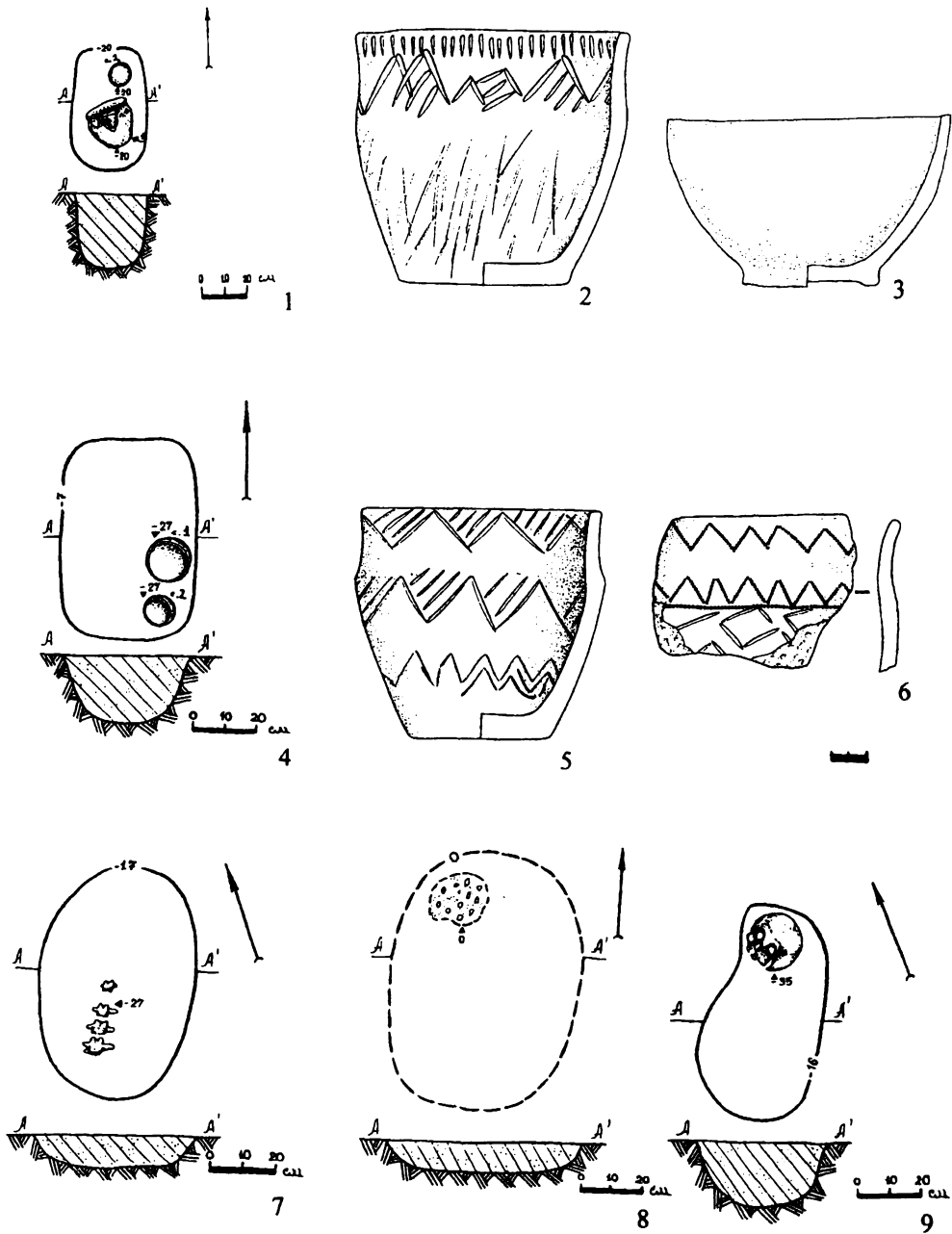

Рис. 17. Могильник Система-4, курган 2

1 — яма 7, план и разрез; 2, 3 — сосуды из ямы 7; 4 — яма 8, план и разрез; 5, 6 — сосуды из ямы 8; 6 — фрагмент сосуда № 2, яма 8; 7 — яма 6, план и разрез; 8 — яма 11, план и разрез; 9 — яма 12

было достаточно одной плиты (0,9x0,6 м), уложенной длинными сторонами вдоль линии С-Ю, однако на ее восточный и западный края с напуском в 0,1-0,2 м была положены еще две плиты примерно одинаковых размеров — 0,6x0,4 м. На уровне материка форма ямы подпрямоугольная с сильно округленными углами (0,6x0,4 м). Длинные стенки ориентированы меридионально. Стенки крутые; глубина в материке 0,2 м. В южной половине дна у восточной стенки расчищены развалы двух сосудов; здесь же найден фрагмент небольшого бронзового изделия.

Сосуд, стоявший в юго-восточном углу, горшечно-баночной формы, с уступчатым плечом в верхней трети высоты (рис. 17.5). В сильноожеженном тесте фиксируется примесь талька и навоза. Внутренняя поверхность заглажена гребенчатым штампом, внешняя — твердым инструментом до подлощенности, на ней заметны также отпечатки волоса. Орнамент нанесен по всей поверхности: по шейке и под ребром оттисками гладкого штампа — по одному ряду наклонно заштрихованных треугольников вершинами вниз; в нижней части тулова — крайне небрежный горизонтальный зигзаг, выполненный в технике прочерчивания. Второй сосуд практически полностью раслоился. Он характеризовался горшечно-баночной формой, сильно сглаженным уступом в верхней трети высоты (рис. 17.6). В тесте примесь дресвы, органики. Поверхность хорошо заглажена, местами залощена. По шейке сосуд орнаментирован двумя полосами однорядного зигзага, выполненными зубчатым штампом. Под уступом в резной технике нанесены ромбовидные фигуры.

Яма 9 (рис. 18.1) находилась в 2,7 м юго-юго-восточнее ямы 1, в 0,8 м западнее ямы 8. На уровне древней почвы была перекрыта гранитной плитой (0,8x0,55 м), ориентированной длинными сторонами по линии С-Ю. Очертания ямы на материковом уровне условно можно определить как удлиненно-овальные (0,75x0,4 м); продольная ось ориентирована меридионально. Глубина в материке 0,15 м. Единственная находка — стоявший на дне около центра ямы небольшой сосуд.

Сосуд горшечно-баночной формы с плавным переходом от тулова к чуть отогнутой шейке (рис. 18.2). Полое тело сформовано лоскутным налепом. В тесте присутствует примесь органики. Поверхность заглажена деревянным инструментом. На внешней поверхности отмечаются отпечатки кожи, что может быть связано с изготовлением сосуда в форме-емкости. Орнамента нет.

Яма 10 (рис. 18.3) локализовалась в 3,0 м к югу от ямы 1, в 0,4 м к западу от ямы 9. На уровне древней почвы была перекрыта гранитной плитой (0,9x0,45 м), уложенной длинными сторонами вдоль линии запад — юго-запад — восток—северо-восток. Очертания на материковом горизонте подпрямоугольные с сильно скругленными углами (0,75x0,35 м), длинные стенки ориентированы широтно. Глубина в материке около 0,05 м. В восточной половине площади дна ямы у южной стенки стоял небольшой сосуд.

Форма сосуда баночная, с закрытым профилем (рис. 18.4). В тесте примесь кварцевой дресвы, талька. Поверхности без декора, заглажены мягким материалом.

Яма 11 (рис. 17.8) размещалась в 3,5 м к югу — юго-западу от ямы 1, в 0,7 м к западу-юго-западу от ямы 10. На уровне древней дневной поверхности была перекрыта гранитной плитой (0,8x0,7 м), уложенной длинными сторонами вдоль меридиональной линии. Очертания ямы на материковом горизонте крайне нечеткие: предположительно подпрямоугольные с округленными углами (0,75x0,6 м); продольная ось ориентирована меридионально. Глубина в материке 0,1 м. На дне у северо-западного угла зафиксировано скопление мелких обломков пережженных костей. Диаметр скопления 15-20 см, мощность около 5 см. Инвентарь отсутствовал.

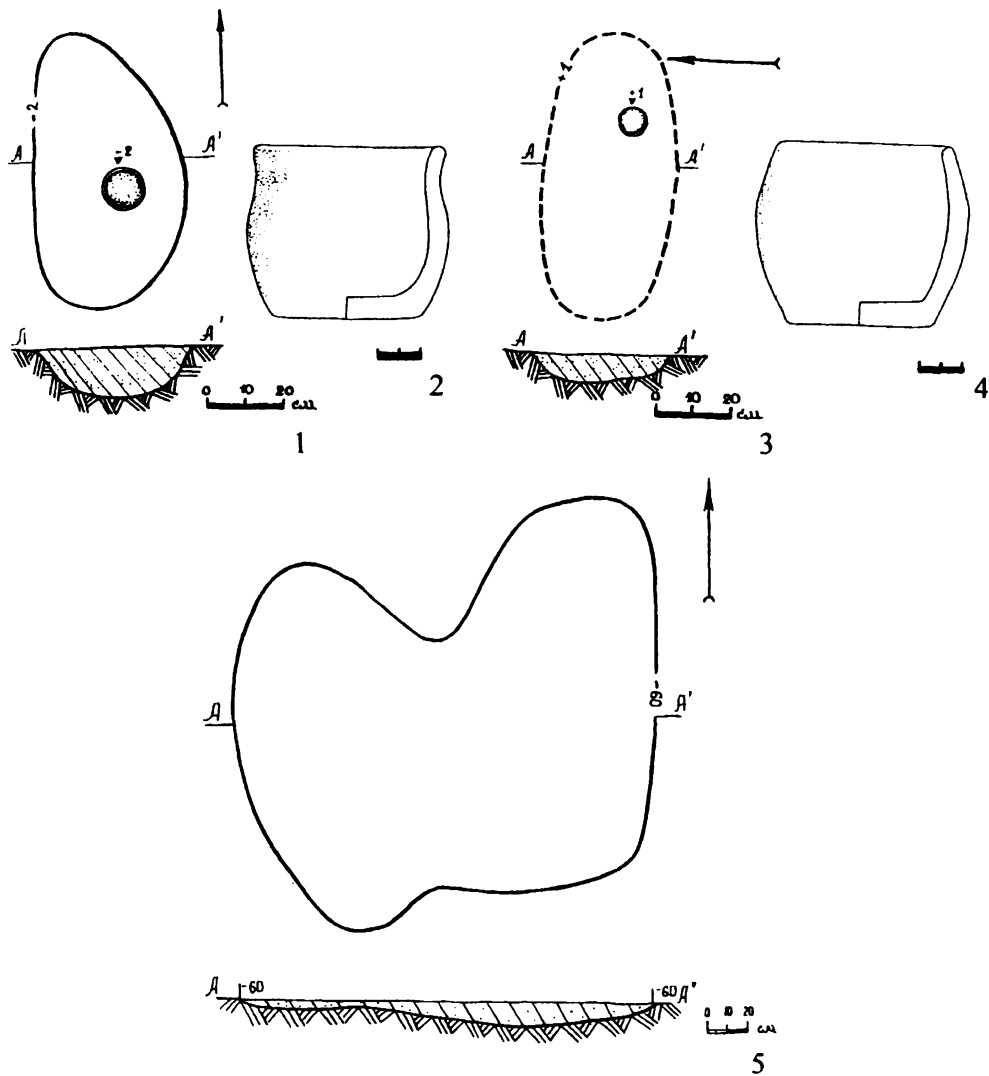

Рис. 18. Могильник Система-4, курган 2

1 — яма 9, план и разрез; 2 — сосуд из ямы 9; 3 — яма 10, план и разрез; 4 — сосуд из ямы 10; 5 — ямы 13 и 14, план и разрез

Яма 12 (рис. 17.9) локализовалась в 0,75 м к востоку от ямы 1 — между последней и восточной линией могильных ям. На верхнем материковом уровне имела подпрямоугольную, с сильно скругленными углами форму (0,65х0,4 м), длинные стенки ориентированы вдоль линии юг—юго-запад—север—северо-восток. Глубина в материке 0,2 м. В северном углу в придонной части заполнения расчищен череп подростка (?), лежавший на основании лицевой частью на запад.

Два обломка нижней челюсти, по всей видимости, этого же черепа были найдены в норе грызуна близ северо-западного угла ямы. Погребение безынвентарное.

Ямы 13 и 14 (рис. 18.5), располагавшиеся в 1,4 м к западу — юго-западу от ямы 1, на верхнем уровне материка фиксировались как сплошное, неправильной формы пятно насыщенной гумусом супеси с включениями комков материковой глины и щебня, не имевшее четких границ и занимавшее площадь около 2,5х2,5 м. Очертания ям, деформированные грабительским раскопом и искаженные многочисленными норами, отчасти стабилизировались и разделились лишь у самого дна, зарегистрированного в 0,5-0,6 м от материкового горизонта. В придонной части яма 13 имела удлиненно-овальный контур (2,1х0,9 м), ее длинная ось была ориентирована по линии юг-юго-восток — север-северо-запад. Дно неровное; в целом яма 13 на 5-10 см глубже ямы 14, которая в придонной части локализовалась в 0,3-0,4 м западнее. Очертания ямы 14 удлиненно-овальные (1,9х0,85 м), продольная ось ориентирована параллельно длинной оси ямы 13 — вдоль линии юг — юго-восток — север — северо-запад. Дно сравнительно ровное. Заполнение обеих ям по всей глубине перемешанное. Остатки погребений, встреченные в заполнении, представлены отдельными мелкими обломками пережженных костей и одним фрагментом стенки сосуда.

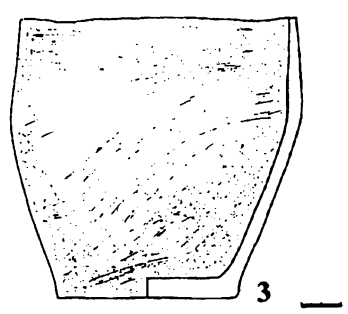
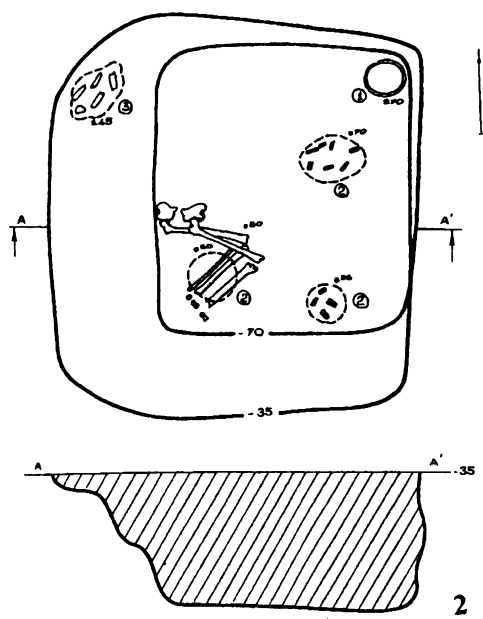
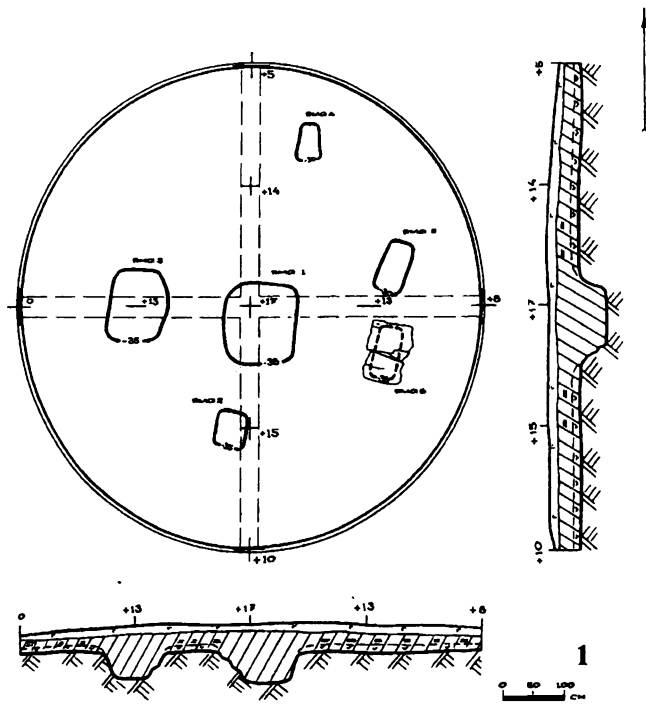
Яма 15 (рис. 14.1) находилась в 2,5 м к северо-востоку от ямы 1. Ее наличие засвидетельствовано стоявшим в древней почве сосудом, вокруг которого на площади примерно 0,5х0,5 м было рассеяно множество мелких обломков пережженных костей (две косточки были найдены также внутри сосуда). Очертания ямы выявить не удалось.

Сосуд горшечно-баночной формы, с выраженным уступом при переходе тулова в высокую прямую шейку (рис. 14.10). В тесте наблюдается примесь тальковой дресвы и органики. Сформован лоскутным налепом. Поверхность хорошо заглажена. Орнамент отсутствует, лишь по уступу прочерчиванием выведена незавершенная горизонтальная линия, состоящая из нескольких коротких отрезков.

Могильник. Система-6 (рис.2) находится в 1,5 км к северу-северо-западу от станции Система на левом берегу левого притока р. Караталы — ручья Мочаги. Занимает участок коренного берега в 0,3 км от русла ручья. Включал 6 курганов, из которых 5 образуют цепочку длиной 130 м, ориентированную по направлению запад-юго-запад — восток-северо-восток. Все насыпи земляные, округлые в плане, диаметром от 10 до 17 м и высотой от 0,2 до 0,7 м. Шестой курган (№ 1), единственный исследованный в могильнике, стоял отдельно в 80 м к югу-юго-востоку от ближайшего в цепочке кургана.

Курган 1 (рис. 19.1) — насыпь круглой в плане формы, диаметром 8 м и высотой 0,15 м. Сложена гумусированной супесью, насыщенной гранитной дресвой. На подкурганной площадке было зафиксировано 6 могильных ям. Наиболее крупная яма 1 располагалась в центре, остальные размещались вокруг на расстоянии 1-2 м от ее бортов.

Яма 1 (рис.19.2) на материковом уровне имела очертания, близкие к квадрату (1,3х1,25 м) с сильно скругленными углами. Чуть более длинные стороны простирались меридионально, ниже, при изменении пропорций, меридиональная ориентировка ямы стала выразительнее. Размеры ямы уменьшались в основном за счет пологой южной и снабженной двумя ступеньками западной стенок. Первая ступенька шириной 10-15 см зафиксирована в 0,4 м выше дна, вторая, шириной 5-10 см — в 0,2 м. На верхней ступеньке в северо-западном углу найдено несколь-

1-сосуд
 2-скопления кальцинированных костей
 3-остатки костей животного (мел.)

Рис. 19. Могильник Система-6, курган 1
 1 — общий план и профили бровок; 2 — яма 1, план и разрез; 3 — сосуд из ямы 1

ко обломков костей ног м.р.с. В придонной части размеры ямы уменьшились до 0,95x0,85 м. Глубина в материке 0,5 м. Весь объем ямы был занят гумусированной супесью с золистыми включениями, особенно обильными в придонной части. В заполнении, начиная с уровня древней поверхности, встречались также отдельные мелкие обломки кальцинированных костей. Ближе к дну они попадались все чаще. Наконец, на дне зафиксировано 3 небольших скопления золы и кальцинированных костей. Первое находилось около центра ямы, второе — у южной стенки близ юго-восточного угла, третье — в юго-западном углу. Диаметр скоплений 13-20 см, мощность до 5 см.

В процессе разборки скопления кальцинированных костей в юго-западном углу обнаружилось, что под ним располагаются берцовые кости человека. При дальнейшей расчистке была выявлена нижняя половина скелета подростка, помещенная в приямок, углубленный примерно на 0,1 м относительно дна могилы. Погребение совершено в скорченной позе, на левом боку, «головой» на север.

Погребальный инвентарь представлен сосудом, стоявшим в северо-восточном углу могилы. Сосуд баночной формы со слабо выраженным ребром в верхней трети высоты (рис. 19.3). В тесте заметны примеси органики и слюды. Декор отсутствует, но на поверхности есть следы заглаживания гребенчатым штампом.

Яма 2 (рис.20.3) локализовалась в 1 м южнее ямы 1. Очертания близки квадрату (0,6x0,55 м) с округленными углами. Длинная ось ориентирована по линии юг-юго-запад — север-северо-восток. Стенки опускались к неровному, покатоному с запада на восток дну отвесно. Глубина в материке до 0,15 м. Гумусированная супесь, заполнявшая полость ямы, насыщена мелкими обломками обожженных костей, а на дне они слоем толщиной около 5 см покрывали всю площадь могилы. Инвентарь отсутствовал.

Яма 3 (рис. 20.1) находилась в 1 м к западу от центральной ямы. Форма ямы в плане подпрямоугольная (1,2x1,0 м) с сильно скругленными углами. Длинные стенки ориентированы по линии юг — юго-запад — север — северо-восток. В придонной части размеры ямы сократились до 1x0,65 м; глубина в материке равнялась 0,35 м.

На дне могилы покоился скелет подростка (?), погребенного в слабо скорченной позе, на левом боку. Череп отсутствовал, но руки согнуты в локтях так, что кисти должны были находиться перед лицом. Мизерное расстояние между шейными позвонками (недоставало первого и второго позвонков) и северной стенкой ямы указывает на то, что умерший был захоронен без головы. Погребение безынвентарное.

Яма 4 (рис.20.4) располагалась в 2 м к северу — северо-востоку от ямы 1. Очертания подтрапециевидные (0,55x0,3-0,45 м) со скругленными углами; длинная ось ориентирована меридионально. Стенки отвесные, глубина в материке 0,25 м. Судя по размерам, могила предназначалась для погребения младенца. Кости не сохранились.

На дне, в юго-восточном углу, обнаружено два сосуда. Сосуд, стоявший непосредственно в углу, — маленькая банка открытого профиля с выделенным дном (рис. 20.6). В формовочной массе наблюдаются примеси тальковой дресвы и органики. Поверхность хорошо заглажена твердым инструментом. Орнаментация исчерпывается несколькими оттисками и прочерченными линиями под венчиком, в которых можно увидеть попытку изобразить наклонно заштрихованные треугольники, и горизонтальной линией длиной 3,5 см, состоящей из 9 вдавлений, сделанных концом трубочки (соломинки?). Второй сосуд (рис. 20.5) горшечно-баночный с хорошо выраженным ребром в средней части высоты, высокой слегка

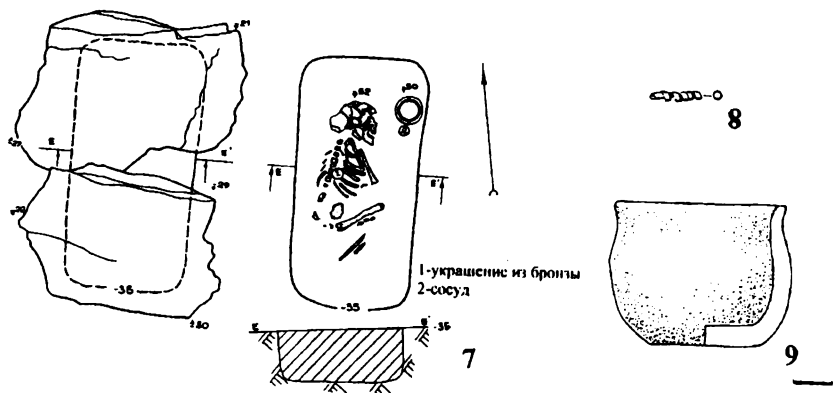
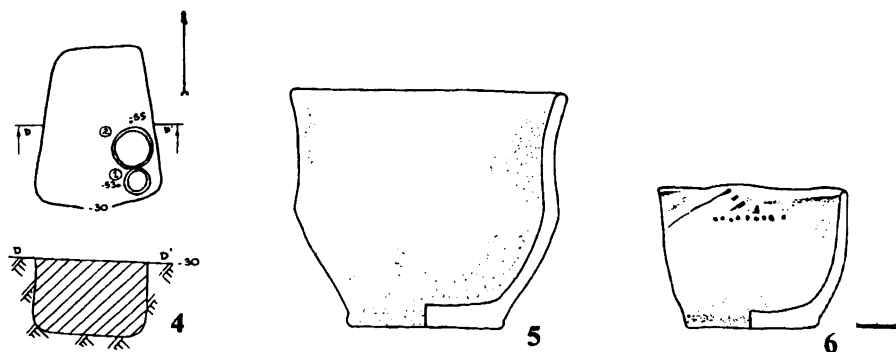
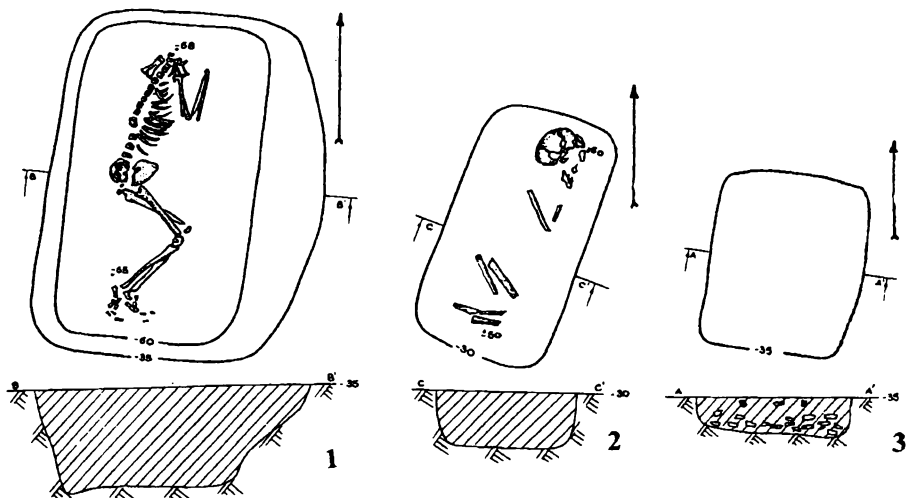

Рис. 20. Могильник Система-6, курган 1

1 — яма 3, план и разрез; 2 — яма 5, план и разрез; 3 — яма 2, план и разрез; 4 — яма 4, план и разрез; 5, 6 — сосуды из ямы 4; 7 — яма 6, каменное перекрытие, план и разрез; 8 — бронзовое украшение из ямы 6; 9 — сосуд из ямы 6

отогнутой шейкой. Тесто содержит примесь тальковой дресвы и органики. Поверхность не орнаментирована, с единичными оттисками ногтя, заглажена гребенчатым штампом.

Яма 5 (рис.20.2) размещалась в 1,3 м к востоку — северо-востоку от центральной ямы. Очертания прямоугольные (0,85x0,5 м), углы слегка округлены, длинные стенки простираются вдоль линии юг — юго-запад — север — северо-восток. Стенки отвесные; глубина в материке 0,2 м. На дне лежал плохо сохранившийся скелет ребенка, погребенного в скорченной позе, на левом боку, головой на север-северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти помещены перед лицом покойного. Погребение безынвентарное.

Яма 6 (рис.20.7) находилась в 1,3 м восточнее ямы 1, характеризовалась прямоугольными со скругленными углами очертаниями (0,85x0,45 м), ориентировкой продольной осью по линии юг — юго-запад — север-северо-восток. На уровне древней поверхности была перекрыта двумя гранитными плитами (0,7x0,55 м и 0,75x0,4 м). Стенки вертикальные, глубина в материке 0,15 м. На дне расчищен скелет ребенка, погребенного в сильно скорченной позе, на левом боку, головой на север-северо-восток. Руки, по всей видимости, были согнуты в локтях, кисти уложены перед лицом. Близ северо-восточного угла могилы стоял сосуд баночной формы с чуть намеченным ребром в верхней трети высоты и слегка отогнутой шейкой (рис. 20.9). В тесте примесь конгломератной кварцевой дресвы и слюды. Поверхность заглажена, не орнаментирована. В районе грудных позвонков найдена бронзовая спиралевидная пронизка длиной 2,5 см (рис. 20.8).

* * *

Таким образом, в четырех могильниках микрорайона Система раскопаны 10 курганов, под которыми в совокупности изучены 41 могильная яма. Полученный материал, несомненно, заслуживает обсуждения, но при этом авторы намерены подчеркнуть, что предлагаемый анализ следует понимать как сугубо предварительный, уже хотя бы потому, что только один могильник (Система-4) может считаться исследованным полностью. В могильнике Система-1 не раскопанными остались, вероятно, еще 2 кургана, а раскопки могильников Система-2 и Система-6 имели, по существу, рекогносцировочный характер. Неполнота и произвольность выборки изначально налагают серьезные ограничения и на статистику выявленных признаков, и на любые выводы в плане восприятия могильников как целостных комплексов. Поэтому мы сосредоточились не на дифференциации и внутренней классификации публикуемого материала, а на элементарных процедурах выделения и обобщения однородных параметров, на поиске соответствий им в синхронных и территориально близких погребальных памятниках с тем, чтобы, по крайней мере, в первом приближении определить степень культурной специфики памятника и его место в субно-алакульском круге древностей.

Первое, что обращает внимание в некрополях Системы и что является, пожалуй, единственным признаком, уже не подлежащим ревизии, это единообразное пространственное размещение курганов. В трех могильниках курганы сведе-

ны в достаточно регулярные, широтно ориентированные цепочки длиной около 100 м, состоящие из 4-5 насыпей. Одновременно на всех курганных полях зафиксированы и обособленные, одиночно расположенные курганы; в качестве таковых можно рассматривать и курганы, обозначенные в ходе раскопок как могильник Система-4.

Все насыпи земляные, для их возведения использовались, по всей видимости, дерновые блоки. Лишь в одном случае в оформлении основания надмогильного сооружения по его периметру применен камень (Система-1, курган 7). Подавляющее большинство насыпей имело округлую в плане конфигурацию. Диаметр — от 8 м до 18 м, высота от 0,15 м до 0,6 м. Насыпи двух курганов (Система-1, курган 13; Система-2, курган 3) продолговатые, вытянутые в широтном направлении, что, очевидно, связано с линейным размещением могильных ям на подкурганной площадке. Связь между размерами насыпи, с одной стороны, и количеством могильных ям или иными признаками, с другой, не прослеживается. Количество могильных ям, вообще, варьирует в большом диапазоне: в 3 курганах — по 1 яме, в 6 курганах — от 2 до 6 ям и в 1 кургане — 15 ям. Ровик, ограничивающий подкурганную площадку, достоверно отмечен только однажды (Система-1, курган 7), в другом случае (Система-2, курган 7), как уже отмечалось выше, более вероятна какая-то другая причина выемки материкового грунта вблизи могильной ямы.

Таблица 1

Насыпи и подкурганные площадки

Могильник, № кургана	№ кургана	размеры насыпи (м)	высота (м)	ровик	кости животных в насыпи	сосуды в насыпи	количество ям	Организация ям				
								одиночная	линейная	радиальная	радиально-линейная	
Система-1	7	10	0,35	+	+	+	3		+	?		
	13	16x12	0,3-0,4			+	+	4		+		
	14	12	0,2-0,3					1	+			
	15	10x8	0,15				+	2		+		
Система-2	3	14x6	0,2					3		+	?	
	6	11x10	0,15-0,2					1	+			
	7	15,5	0,5	+				1	+			
Система-4	1	16	0,6			+		5				+
	2	18	0,6			+	+	15				+
Система-6	1	8	0,15					6			+	
Итого:				2	4	4	41	3	2	1	1	

В курганах с одиночными могильными ямами последние всегда располагались в центральной части подкурганной площадки. В курганах, под которыми было больше одной могильной ямы, реализовано 2 способа взаиморасположения ям: линейный и радиальный (или центрально-круговой). Первый способ с достаточной наглядностью воплощен в кургане 13 могильника Система-1 и в кургане 3 могильника Система-2, где могилы были выстроены в широтно ориентированную линию. «Главная» могила кургана 13, если судить по размерам и наличию площадки из выкида материкового грунта, размещалась на западном фланге, поздние пристраивались к востоку от нее. Этот факт, очевидно, можно поставить в ряд других проявлений особого отношения к восточному сектору горизонта, о которых будет сказано ниже. Однако это наблюдение не находит подтверждения в кургане 3 могильника Система-2, где в иерархии западной и восточной ям, имевших почти одинаковые размеры, первенство по таким признакам, как распланированный выкид и каменная обкладка стенок, должно быть отдано крайней восточной яме.

Различные вариации радиальной планировки подкурганного пространства при числе периферийных могил от 1 до 14 можно наблюдать в 5 курганах. Как правило, могилы не образовывали замкнутого круга (что, вообще, трудно ожидать, если количество периферийных могил меньше трех-четырех); в практически законченный круг могилы были вписаны только в кургане 1 могильника Система-6. Взаиморасположение ям в курганах 7 и 15 могильника Система-1 лишь условно можно определить как радиальное. Могилы кургана 15 располагались относительно одна другой по линии восток-запад, причем меньшая находилась к западу от большей, что на фоне господствующей традиции представляется нетипичным. В кургане 7 могилы, по существу, организованы в линию, ориентированную по направлению юго-запад — северо-восток, и это, вероятно, не случайно, так как большая яма заметно смещена в юго-западный сектор подкурганной площадки. Впрочем, если объект, интерпретированный здесь как яма 3, на самом деле был не детской могилой, а жертвенником, то и линейная организация становится столь же неочевидной. В этом аспекте любопытная ситуация зафиксирована в курганах могильника Система 4. Периферийные ямы кургана 1 сосредоточены к восточной половине подкурганной площадки, но при этом 2 из них находятся на одной линии с центральной могилой, что можно трактовать как пример соединения разных традиций. Аналогичную картину можно наблюдать в кургане 2, где ямы 13 и 14 в западном секторе кургана являются скорее компонентами линейной, а не радиальной планировки.

В целом, на подкурганых площадках, с большей или меньшей выразительностью характеризующихся радиальным расположением могил, периферийные ямы располагались в восточном и соседствующих румбах. Небезынтересно, что погребения, локализовавшиеся в западном секторе, неполные. В одном эпизоде было произведено захоронение головы (Система-1, курган 15, яма 1), в другом — захоронение тела без головы (Система-6, курган 1, яма 3). Погребения такого рода известны в ареале и срубной, и алакульской культур, но, насколько нам известно, какие-то явные закономерности в их расположении на подкурганной площадке до сих пор не регистрировались (Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992, с.84; Потемкина Т.М., 1985, с. 204; Горбунов В.С., 1991, с.80; Моргунова Н.Л., 1999, с.45), поэтому мы готовы допустить, что «ущербность» именно западных периферийных погребений в рассматриваемых комплексах случайна.

Что касается предпочтения, оказываемого восточному направлению при выборе места для периферийных погребений, то эта черта, видимо, в равной степени свойственна и срубной, и алакульской культуре. Исследователи, анализируя алакульские и срубные некрополи Южного Зауралья, Южного Приуралья и Казахстана, уже не однажды отмечали тяготение периферийных погребений к восточному (или южному) сектору подкурганной площадки (Сальников К.В., 1967; Федорова-Давыдова Э.Я., 1973; Виноградов Н.Б., 1984, с.136,140,147; Потемкина Т.М., 1985, с.251; Зданович Г.Б., 1988, с.100-105). Напротив, радиальная планировка является стандартным признаком, прежде всего, алакульской культуры, и в срубной культуре обнаруживается лишь в могильниках, соседствующих с алакульским ареалом, и, по всей видимости, является заимствованием из него. В курганах микрорайона Система присутствуют обе традиции, причем как в «чистом», так и в модифицированном виде, выказывающим их смешение (например, периферийные погребения в кургане 2 могильника Система-4 размещены не на дуге, а на двух сходящихся под прямым углом прямых линиях).

Насколько типичны для рассматриваемых некрополей так называемые жертвенники, устроенные на подкурганых площадках, осталось не ясным. Кости животных были найдены в насыпях четырех курганов, но несомненный жертвенный комплекс, представленный полным скелетом овцы и сосудом, зафиксирован лишь однажды — в кургане 7 могильника Система-1. Ритуал, материализовавшийся в этом жертвеннике, был совершен после того как было разрушено центральное погребение. Впрочем, курган 7, как будет показано ниже, вообще, отличается рядом особенностей, обусловленных его сравнительно ранней хронологической позицией. В насыпях трех многомогильных курганов вблизи ограбленных центральных ям встречались разрозненные обломки костей м.р.с. Не исключено, что они найдены в грабительском выкиде, и это обстоятельство оставляет открытым вопрос о том, к какой стадии погребального процесса они относятся. Довольно часто в насыпи встречались фрагменты сосудов, но, как правило, в таких же ситуациях, как и кости. Связаны они с жертвенными ритуалами или же происходят из ограбленных могильных ям, заключить невозможно.

Могилы в абсолютном большинстве представляли собой простые грунтовые ямы подпрямоугольной в плане формы или, значительно реже, овальной, с размерами от 0,6х0,4 до 3х1,5 м, впущенные в материк на глубину до 0,6 м. Соотношение длины и ширины варьирует в широких пределах — от 1,04 до 2,33, характеризуясь большим разбросом как в группе крупных центральных ям, так и в группе детских (таб. 2). Во всех многомогильных курганах, за исключением кургана 3 из могильника Система-2, обязательно была лишь одна могила, которая по своему расположению, размерам, усложненной конструкции, наличию вокруг нее распланированного материкового выкида уверенно идентифицировалась как основная, центральная.

В трех ямах, из которых две являлись центральными, а одна, находившаяся на восточном окончании широтно протяженной цепочки, имела все признаки центральной, стенки были облицованы тонкими гранитными плитами. Судя по размерам плит, верх каменного ящика находился на уровне древней дневной поверхности или возвышался над нею на высоту около 0,2 м. Плиты устанавливались не на дно ямы, а на кольцевой уступ примерно в 0,2 м от дна. Вообще, уступы, сплошные или на одной-двух стенках, свойственны только центральным ямам. В одном случае сплошной уступ был использован для устройства деревянного перекрытия, в дру-

Могильные ямы (часть 1)

могилиник	№ кургана	№ могильной ямы	размеры			форма			ориентировка					перекрытие		каменный ящик	уступы	наличие выклада		
			>1 кв. м	<1 кв. м	не установлены	подпрямоугольная	подовальная	не выявлена	С-Ю	Ю-Ю - С-СВ	ЮЗ-СВ	Ю-ЮВ - С-СЗ	З-В	не установлена	дерево				камень	
Система-1	7	1	+			+		+									+	+		
		2		+		+														
		3			+			+						+		+				
	13	1	+			+					+			+		+			+	+
		2	+			+					+					+				
		3		+				+	+							+				
		4			+			+	+											
	14	1	+			+				+				+					+	
	15	1			+			+	+						+		+			
		2	+				+		+											
	Система-2	3	1	+			+						+					+	+	+
			2	+				+		+										
3			+				+		+											
6		1	+			+		+									+		+	
7		1	+			+						+		+					+	
Система-4	1	1	+					+	+					+						
		2		+			+		+											
		3		+				+			+					+				
		4	+			+		+												
		5	+			+		+												
	2	1	+			+				+					+					
		2	+			+				+										
		3	+				+				+					+				
		4	+			+						+							+	
		5	+			+					+				+					+
		6	+				+					+								
		7	+			+			+								+			
		8	+			+			+								+			
		9	+			+			+								+			
		10	+			+							+			+				
11	+			+			+							+						
12	+			+						+										
13	+				+						+									
14	+										+									
15			+			+						+								
Система-6	1	1	+			+		+											+	
		2		+			+		+											
		3	+				+		+											
		4	+				+		+											
		5	+			+				+										
		6	+			+					+					+				
Итого:		41	18	19	4	24	10	7	19	6	7	4	3	2	6	12	3	5	5	

Могильные ямы (часть 2)

могильник	№ кургана	№ ямы	способ погребения			возраст погребенных			поза и ориентировка		керамика			инвентарь			кости животных		яма отработана		
			кремация	шыгумадан	нет остатков человека	взрослый	подросток	ребенок	не определен	скорчено, на левом боку	северная или северо-восточная ориентировка	количество сосудов			предметы из камня	украшения из металла	раковины	м.р.с.		собака	
												1	2	3							
Система-1	7	1			+									+	+		+	+	+		
		2			+							+									
		3			+																
	13	1		+		+				+	+	+			+					+	
		2			+							+									
		3			+							+									
	14	1			+					+		+						+		+	
		2	+									+								+	
	15	1		+						+		+									
		2	+									+								+	
Система-2	3	1	+																+		
		2			+																
		3	+									+									
	6	1			+						+								+		
7	1	+							+		+			+					+		
	2				+														+		
Система-4	1	1	+			+					+									+	
		2		+						+		+									
		3			+							+			+						
		4		+							+		+								
		5		+							+		+								
	2	1	+							+		+									+
		2			+							+									
		3			+								+								
		4		+							+		+								
		5	+							+			+					+	+	+	
		6			+													+			
		7			+								+								
		8			+								+								
		9			+								+			+					
		10			+								+								
1	1	+							+		+										
	2	+	+				+	+	+	+	+								+		
	3		+				+		+												
	4			+					+			+									
	5		+						+		+										
Итого	41	11	12	19	2	4	6	12	6	10	15	12	2	3	4	1	5	1	12		

гом на ступеньке были размещены конечности м.р.с., еще в одном случае уступ, как представляется, мог иметь лишь символический смысл. Не лишен интереса и такой элемент усложненной конструкции, как выступ-дромос на южной стороне ямы, перекрытый каменной плитой. Он надежно зафиксирован, по меньшей мере, в одной центральной могиле; в срубно-алакульское время аналог ему известен в могильнике Герасимовка I (курган 8, яма 7) (Федорова-Давыдова Э.Я., 1973). Подобная деталь является более характерной для синташтинских и петровских погребальных памятников, назначение данной конструктивной детали в срубно-алакульских памятниках становится менее понятным, возможно, ей придается совершенно иной смысл.

В половине могильных ям зафиксированы перекрытия. В 7 погребениях взрослых это были жерды или плахи, положенные перпендикулярно длинным стенкам и опирающиеся на уступы в нижней части ямы или на древнюю дневную поверхность; в 12 детских погребениях — каменные плиты, соотношение длины и ширины которых, как правило, соответствовало пропорциям могильной ямы. Давно установлено, что носители алакульской и срубной культур довольно охотно использовали камень для перекрытия детских могил, особенно в южной части территории этих культур (Федорова-Давыдова Э. Я., 1964.; Виноградов Н.Б., 1984, с.140; Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, с.78), поэтому, имея в виду обилие выходов гранитного плитняка в микрорайоне Система и чрезвычайную легкость его добычи, следует только удивляться тому, что он не нашел здесь более широкого применения.

Абсолютно господствующая ориентировка могильных ям — меридиональная, причем почти половина могил была ориентирована строго по линии север-юг и еще четверть — по линии юг — юго-запад — север — северо-восток. Число ям, продольная ось которых была сориентирована широтно, очень незначительно, практически все они сосредоточены в кургане 2 могильника Система-4.

Погребения производились по обряду трупоположения и по обряду кремации. Информация о правилах размещения в могиле тел умерших или их кремированных останков существенно ограничена, поскольку все погребения взрослых людей ограблены и полностью разрушены, а в детских погребениях кости, за немногими исключениями, не сохранились. В 10 могилах обнаружены остатки кремации, в 1 могиле — остатки и трупоположения, и кремации, в 11 — остатки трупоположения (из них в 5 — неполные трупоположения), в 19 могилах, подавляющее большинство из которых детские, останки человека не зафиксированы. Как представляется, ямы были предназначены для индивидуальных захоронений. Это можно уверенно утверждать, по крайней мере, относительно могил с трупоположением, поскольку в них фиксировались останки только одного индивида. По всей видимости, в центральной могиле кургана 1 могильника Система-4, где были найдены единственные в своем роде остатки неполного трупосожжения на стороне, тоже было совершено индивидуальное погребение. Но в других ситуациях по остаткам кремации, представленным мелкими обломками пережженных костей, к сожалению, невозможно заключить, происходят они от одного или большего числа субъектов. Это затруднение распространяется и на центральную яму кургана 1 могильника Система-6, содержащую наряду с нижней частью скелета подростка пережженные кости, сконцентрированные в трех скоплениях. Учитывая особенности локализации костей подростка (у стенки, в специальном углублении), остатков трупосожжения и сосуда, мы склонны рассматривать этот комплекс как ярусный, в котором

захоронение подростка имело, вероятно, подчиненный статус. Нельзя сказать, принадлежат ли остатки трупосожжения взрослому (или взрослым), но, вообще, в крупных ямах остатки трупосожжений встречались чаще, чем в маленьких.

О параметрах трупоположения мы можем судить по целым и частично сохранившимся *in situ* скелетам из кургана 13 могильника Система-1 и кургана 1 могильника Система-6. Умершие в этих курганах укладывались на левый бок головой в северный сектор горизонта сообразно ориентировке ямы, им придавалась в различной степени скорченная поза, а кисти рук размещались перед лицом. В северной части могилы также находились черепа подростков в кургане 15 могильника Система-1 и в кургане 2 могильника Система-4. Эти погребения мы интерпретируем как неполные. К категории неполных относятся также 2 погребения, в которых зафиксирована только нижняя половина туловища (Система-1, курган 13, яма 4 и Система-6, курган 1, яма 1), и 1 погребение, в котором у умершего отсутствовала голова (Система-6, курган 1, яма 3). Маленькие ямы без костных остатков с характерными баночными сосудами небольших размеров, на наш взгляд, являются захоронениями младенцев по обряду трупоположения.

Как уже отмечалось, в общей сложности зарегистрировано 11 могил с остатками кремации (таб. 3). В этом реестре значатся основные погребения из 5 курганов (в центральных ямах еще 3 курганов кости человека отсутствовали, а 1 содержала остатки трупоположения), 1 периферийная яма, судя по размерам, предназначавшаяся для погребения взрослого, и только 4 — детские. Трупосожжение производилось на стороне; обломки костей, перенесенные с погребально-го костра в могилу, имели размер, максимум, 3 см, за исключением одного упомянутого выше случая неполной кремации. В могилах продукты кремации фиксировались чаще всего на дне в виде скопления диаметром 10-20 см и толщиной до 5 см. С полной уверенностью можно утверждать, что в могиле оказывалась обычно лишь малая часть костной массы, образовавшейся после сожжения трупа. В 3 могилах пережженные кости были локализованы у северной стенки, в 2 — у южной, в 1 — внутри сосуда и вокруг него, в 1 образовывали 3 отдельных скопления в южной и центральной части ямы, в 5 были рассеяны по дну или встречены в заполнении. Хотя большинство последних могил ограблены, и, вполне вероятно, что останки погребенных в результате ограбления были перемещены, могила 3 из кургана 1 могильника Система-6, в которой кости покрывали всю площадь дна, демонстрирует бытование и такого способа локализации остатков трупосожжения.

Подводя итог рассмотрению обряда кремации, еще раз обратим внимание на его применение для подготовки к захоронению, прежде всего, взрослых индивидов и в первую очередь тех, которые помещались в центральных могилах. Такая ситуация, в целом, нетипична для Приуралья. Известно, что в алакульских и срубных могильниках региона погребения с трупосожжением в норме занимают обо-собленную позицию, располагаясь, как правило, на периферии, кроме того, они обычно не являются единственным погребением взрослого в кургане (Сальников К.В., 1967; Федорова-Давыдова Э.Я., 1973; Стоколос В.С., 1972, с.151-160; Потемкина Т.М., 1985, с.226, 236; Рутто Н.Г., 1987; Усманова Э.Р., 1992, с.103; Федоров В.К., Рафикова Я.В., 1996). Вместе с тем, нельзя сказать, что центральное положение могил с сожжением совсем несвойственно срубно-алакульскому миру. Оно, хотя и нечасто, но встречается в срубных могильниках Среднего Поволжья (например, в могильнике у совхоза Кирова в Куйбышевской области (Габелко Н.Л.,

корреляционные подсчеты по таким признакам, как организация подкурганной площадки, местоположение остатков сожжения и облик керамики не обнаружили достаточно выразительной связи трупосожжения ни со срубной, ни с алакульской традицией.

Кости животных засвидетельствованы лишь в 5 могилах, но если приплюсовать к ним находки в гробительских выкидах из 3 центральных могил, о которых уже упоминалось выше, то окажется, что этот признак присущ большинству центральных погребений. Все кости без следов температурного воздействия. В могилы помещали, очевидно, только конечности м.р.с. (исключая яму 1 кургана 7 могильника Система-1, где скелет овцы представлен более разнообразно, и, кроме того, присутствовала кость собаки). В непо потревоженном состоянии они встречены только однажды: в виде остатков, по всей вероятности, четырех конечностей на приступке в северо-западном углу (яма 1 кургана 1 могильника Система-6). Загадочный ритуал зафиксирован в яме 6 кургана 2 могильника Система-4. Трудно заключить, что замещали уложенные на дно 4 позвонка м.р.с. — целую тушу жертвенного животного или утраченный труп ребенка.

Коллекция вещей довольно однородная и бедная. В 10 ямах не было никаких вещей, в большинстве остальных инвентарь ограничен керамикой. Другие категории вещей единичны. В 4 погребениях встречены мелкие бронзовые украшения: пронизка, бусы, обоймы. В 1 погребении найдены речные раковины с отверстиями для подвешивания, в 3 погребениях присутствовали изделия из камня: в одном случае — обломок ножевидной пластинки, в другом — обломок кристалла горного хрусталя, в третьем — наконечник дротика и крупный, слегка подработанный отщеп. Относительно последней находки следует заметить, что подобные изделия иногда встречаются в комплексах, синхронных раннесрубной культуре (могильник Ильясский, курган 20, яма 7 (Любчанский И.Э., Иванова Н.О., 1996); могильник Верхняя Алабуга, погребение 52 (Потемкина Т.М., 1985) и др.).

Сосуды, целые или во фрагментах, присутствовали в 29 ямах. В 15 погребениях, в том числе в большинстве центральных, было по одному сосуду (что может быть обусловлено ограблением), в 12, по преимуществу, детских погребениях — по 2 сосуда и еще в 2 детских — по 3 сосуда.

Керамический комплекс, считая целые сосуды и фрагментированный материал из могил и насыпей, включает 60 экземпляров. У 12 сосудов, представленных мелкими обломками стенок, форма не определяется. Остальные 48 по форме делятся на 2 группы: горшечно-баночные (30 экземпляров) и баночные (18 экземпляров).

Большинство горшечно-баночных сосудов (23 экземпляра) характеризуются умеренно раздутым туловом, в различной степени выраженным уступом или сглаженным ребром в верхней трети высоты при переходе от тулова к чуть отогнутой или, реже, прямой шейке. Для теста этих сосудов обычна примесь тальковой и кварцевой дресвы, шамота. Орнамент нанесен преимущественно оттисками зубчатого штампа; реже — оттисками гладкого штампа, прочерчиванием; на одном сосуде зафиксирована техника «проташенной гребенки». Декорировалась только верхняя часть сосуда и, как правило, весьма однообразно. Шейка чаще всего украшена двух-, трехрядным зигзагом, популярны также наклонно заштрихованные треугольники, горизонтальные линии, выполненные угловыми вдавлениями, в единичных случаях изображались крестообразные и другие фигуры. Зигзаг, обычно однорядный, преобладает и в орнаментике тулова; встречаются здесь также треугольники, ромбы, меандровидные фигуры. На многих сосудах орнамент выполнен довольно небрежно. Вовсе не имеют декора 8 сосудов, происходящих из детских погребений или из насыпей.

Форму четырех сосудов, сопровождавших, в основном, детские погребения, отличает усеченно-коническое тулово, переходящее в короткую прямую или чуть отогнутую шейку. В тесте фиксируется примесь дресвы кварцевой. Орнаментирована, как и в вышеописанной подгруппе, верхняя часть сосуда.

Еще 3 сосуда, все из кургана 7 могильника Система-1, отличаются остросреберной формой, приземистыми пропорциями. В тесте есть примесь тальковой дресвы. Декор (многорядные линии, меандровидные фигуры, зигзаг), нанесенный оттисками штампа с крупными зубцами, покрывает верхнюю часть сосуда.

В группе баночных сосудов преобладают банки с открытым профилем. В тесте есть примесь дресвы тальковой, слюды, шамота. Поверхности чаще всего хорошо заглажены, иногда заметно, что выравнивание поверхности производилось щепой или гребенчатым штампом. Орнаментированы лишь 3 из 18 банок. В двух случаях это ряд заштрихованных треугольников, выполненных гребенчатым штампом, в одном — незаконченный ряд оттисков полой трубочки.

Гончарные традиции керамического комплекса отражают процесс смешения разнокультурных навыков, причем в отдельных могильниках они еще довольно обособлены. Так, в посуде могильника Система-1 в примесях явно превалирует тальковая традиция — на фоне добавок в виде слюды, раковины и реже шамота. Кроме того, именно в этом могильнике встречены экземпляры (в курганах 14 и 15), относящиеся к типу «классических» алакульских сосудов (рис. 7, 3; 8, 6): горшечно-баночной формы, с уступом при переходе шейки в тулово, зональной орнаментацией и использованием техники «проташенной гребенки».

Керамика могильника Система-2, как, впрочем, и Система-6, отражает срубные традиции: в примесях преобладает дресва кварцевая, шамот, в меньшей степени используется слюда. В формах в основном представлены баночные типы, причем в массе неорнаментированные.

В гончарном комплексе могильника Система-4 доминирование срубных традиций не столь очевидно. Треть примесей составляет дресва тальковая, большая часть представлена дресвой кварцевой и шамотом. По форме сосудов и принципам орнаментации этот керамический комплекс можно отнести к категории смешанных.

* * *

Публикуемые курганы микрорайона Система с достаточной определенностью характеризуются как срубно-алакульские. Переплетение традиций срубной и алакульской культур наблюдается и в погребальном обряде, и в облике основной категории инвентаря — керамики. Нужно отметить, что смешение срубной и алакульской традиций в керамике особенно наглядно и основательно, поскольку разнообразно проявляется во всех значимых признаках: наборе орнаментальных мотивов, манере исполнения декора, особенностях формы, составе глиняного теста.

Курганы Системы, в целом, демонстрируют наиболее полный вариант сосуществования и синтеза срубных и алакульских культурных стереотипов, и в этом смысле образуют синхронную группу. Лишь курган 7 могильника Система-1 имеет сравнительно раннюю хронологическую позицию. Наличие ровика, ограничивающего подкурганную площадку, использование в ритуале целой туши животного и размещение ее на подкурганной площадке близ могильной ямы, характерная остросреберная форма сосудов, включение в погребальный инвентарь типологически

архаичных каменных изделий — все это позволяет оценить курган 7 как однородный комплекс, относящийся к раннему этапу бытования срубной культуры.

Ближайшими аналогами публикуемым материалам являются срубно-алакульские памятники магнитогорского района (Сальников К.В., 1967). Собственно, сейчас мы имеем все основания расширить границы этого района вплоть до р. Каратылы и считать курганы у станции Система его составной частью.

В магнитогорском районе, как было отмечено еще К.В. Сальниковым, доминируют памятники срубной культуры. Алакульские могильники здесь единичны (могильник у с. Спасское), обычно алакульский компонент представлен отдельными курганами и погребениями в составе срубных могильников и, соответственно, курганов. Абсолютное преобладание срубных черт — несомненный факт и для рассматриваемых курганов микрорайона Система. Наиболее отчетливо оно выражается в преимущественной ориентировке могильных ям и погребенных в северный сектор горизонта, линейном расположении могильных ям, их сравнительно небольшой глубине, общей «срубноидности» керамики.

«Чистых» алакульских курганов в публикуемой выборке, по существу, нет, но присутствие алакульской составляющей весьма заметно и регистрируется практически повсеместно. Она обнаруживается, прежде всего, в центрально-круговой подкурганной планировке и в ориентировке могильных ям по линии восток — запад. Следует подчеркнуть, что не зафиксировано ни одного случая широтной ориентировки основных погребений. Вероятно, алакульское происхождение имеет также традиция облицовки стенок могил каменными плитами (Рутто, Н.Г., 1987), хотя ее носителем вряд ли могло быть алакульское население лесостепного Зауралья, являвшееся, как принято считать, донорским для магнитогорского района (Сальников К.В., 1967; Кузьмина Е.Е., 1994). Более вероятно, что это традиция алакульских популяций южных регионов (Оренбуржье, Казахстан), в результате длительных контактов воспринятая срубным населением и, в частности, прочно вошедшая в погребальную обрядность срубной культуры Южной Башкирии. Алакульское влияние весьма ощутимо в керамике, проявляясь в специфическом подборе ингредиентов теста и в манере оформления перехода от тулова к шейке, в применении техники «проташенная гребенка».

Некоторой аномалией в курганах микрорайона является частое применение кремации умерших. Мы не можем согласиться с С.А. Григорьевым, увидевшим в трупосожжениях срубно-алакульской зоны воздействие федоровской культуры (Григорьев С.А., 2000, с. 299), поскольку, во-первых, кремация сама по себе, хотя и весьма скромно, но имеет место быть и в срубной, и в алакульской культуре, во-вторых, в публикуемых материалах не заметны никакие другие признаки федоровской культуры. Увеличение доли погребений по обряду кремации в срубно-алакульской контактной зоне сравнительно с коренными территориями, вероятно, следует считать следствием существенно большей повторяемости тех условий, которые требовали использования огненного ритуала или делали его желательным в отношении некоторых умерших. Перечень ситуаций, повышающих частоту экстраординарного признака, вообще, может быть очень пространным, но при логических ограничениях, накладываемых анализируемыми материалами, он существенно укорачивается. В частности, резонно предположить, что погребальная традиция алакульцев и срубников допускала кремацию, в первую очередь, для обезвреживания тех покойных, в «добронравии» которых были причины сомневаться. Надо думать, в зоне стационарного контакта носителей двух культур вероятность микроконфликтов на мировоззренческой почве была все же выше обычной и, следовательно, чаще возникали подозрения во вредоносности умерших. Уровень бытовой конфликтности должен был

быть особенно высок на начальном этапе совместного проживания, в период взаимной притирки. Возможно, именно этот период общежития срубных и алакульских коллективов и отражен в публикуемых материалах, хотя, подчеркнем еще раз, все излагаемые в настоящей статье интерпретации сугубо гипотетичны и предварительны.

К.В. Сальников, разумеется, совершенно справедливо констатировал, что взаимодействие срубной и алакульской культур в магнитогорском районе строилось по схеме смешанного проживания (Сальников К.В., 1967). Но какими именно типами взаимоотношений и общежития срубных и алакульских коллективов обусловлено регистрируемое смешение культурных традиций? Очевидно, что простых подходов к решению этого вопроса нет. Для построения убедительных моделей понадобится не только максимально полное привлечение тщательно проработанных специалистами материалов раскопок поселений и могильников, но и соответствующая методологическая основа. Ненадежность социологических выводов, основанных лишь на подсчетах частоты проявления признаков той или иной культуры, без знания их истинной иерархии, мы имеем возможность проиллюстрировать фактом из современной погребальной обрядности на территории Карталинского района. По сообщению коренного жителя села Варшавка, Александра Романовича Терехова, на местном христианском кладбище издавна могилы обустроиваются подбоем на манер мусульманского ляхада. Заимствование из погребальных обычаев очень немногочисленной здесь мусульманской общины объясняется заботой о комфорте умерших: «чтобы земля не давила». ⁴ Естественное, общество, оставившее погребения своих соплеменников в микрорайоне Система, было несравненно более консервативным, но все же, как видно по переплетению и взаимопроникновению элементов погребальной обрядности и технологическим заимствованиям в керамическом производстве, не настолько, чтобы быть абсолютно закрытым и невосприимчивым для инноваций, вдохновленных культурными особенностями соседей.

Масштабы и характер различий между носителями срубной и алакульской культур, на наш взгляд, в самом общем плане можно сопоставить с различиями между средневековыми тюркскими и монгольскими племенами. Мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что предлагаемое сравнение очень «хромает», и привлекаем его вовсе не для того, чтобы развивать в деталях. Мы лишь хотим указать на яркий пример того, насколько этнодифференцирующие элементы культуры, в том числе те, которые отражаются в археологических материалах, сказывались на отношениях соприкасавшихся и взаимопроникавших популяций. Напомним, что тюрков и монголов, в частности, различали: установка юрты входом на восток и на юг, оформление верха юрты (кругловерхие и островерхие), левосторонний и правосторонний запах одежды, восточная и северная ориентировка погребенных, включение в состав погребального инвентаря туши (или части туши) лошади и ограничение присутствия лошади в могиле только сбруей. Список можно было бы впечатляюще продолжить фактами, взятыми из самых разных сфер материальной и духовной культуры, но в данном случае важно, что ни упомянутые выше, ни многие другие различия, включая и фундаментальное языковое, не препятствовали мирным взаимопользным контактам между тюрками и монголами и их сосуществованию в рамках объединений разного уровня, раз за разом запускавшему соответствующие конкретной ситуации этноинтегрирующие процессы.

⁴ Аналогичный пример приводит И.С. Каменецкий, наблюдавший погребение в подбоях у русского населения Сталинградской области (1999, с. 139). Оно тоже мотивируется рационалистически – «нехорошо, если земля попадет на лицо покойного» – но, видимо, все же обязано влиянию мусульманского обряда.

Библиографический список

1. Виноградов Н.Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Урала // СА, №3, 1984.
2. Габелко Н.М. Могильник срубной культуры у совхоза Кирова в Куйбышевской области // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
3. Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
4. Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т.1. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
5. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
6. Каменецкий И.С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
7. Костюков В.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском районе Челябинской области в 1988 г. Челябинск, 1989.
8. Костюков В.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Чесменском районах Челябинской области в 1990 г. Челябинск, 1991.
9. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
10. Любчанский И.Э., Иванов Н.О. Могильник Ильясский I — новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
11. Меньшенин Н.М. Отчет об археологической разведке по р.Караталы-Аят в Карталинском районе Челябинской области в 1985 году. Челябинск, 1986.
12. Моргунова Н.Л. Могильник у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург, 1999.
13. Морозов Ю.А. Могильники эпохи бронзы у села Верхнетавлыкаево // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
14. Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992.
15. Пестрикова В.И. Обряд трупосожжения у срубных племен Поволжья и Приуралья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
16. Петров Ф.Н. Раскопки мегалитических памятников в южных районах Челябинской области // Вестник Общества открытых исследований древности. Выпуск 1. Челябинск, 2002.
17. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
18. Рутто Н.Г. К вопросу о срубно-алакульских контактах // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.
19. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
20. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Урала (хронология и периодизация). М., 1973.
21. Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения, ч.1, Алматы, 1992.
22. Федоров В.К., Рафикова Я.В. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. Вып. 6, Уфа, 1996.
23. Федорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Археология и этнография Башкирии, Т. II, Уфа, 1964.
24. Федорова-Давыдова Э.А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

КАМЕННЫЕ И КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КУЛЕВЧИ III

Изделия из камня и кости из памятников бронзового века в Южном Зауралье не часто становятся объектом внимания трасологов (Зайков В.В., Зданович С.Я. 1999, с. 73-94). Тем более ценной представляется настоящая публикация трасологического исследования каменных и костяных предметов из раскопок поселения Кулевчи III.

Памятник расположен на севере степной части Южного Зауралья, на берегу р.Караталы-Аят, в Варненском районе Челябинской области. Исследовался Н.Б.Виноградовым и Г.Б.Здановичем в конце 70-х годов прошедшего века. (Виноградов Н.Б., 1982). На поселении вскрыто 3000 кв.м.; выделено два периода его истории. Основу культурного слоя составляет комплекс плотно расположенных помещений петровского этапа истории алакульского населения Южного Зауралья (рис. 1). Петровский слой прорезан сооружениями с керамикой типа Алакульского

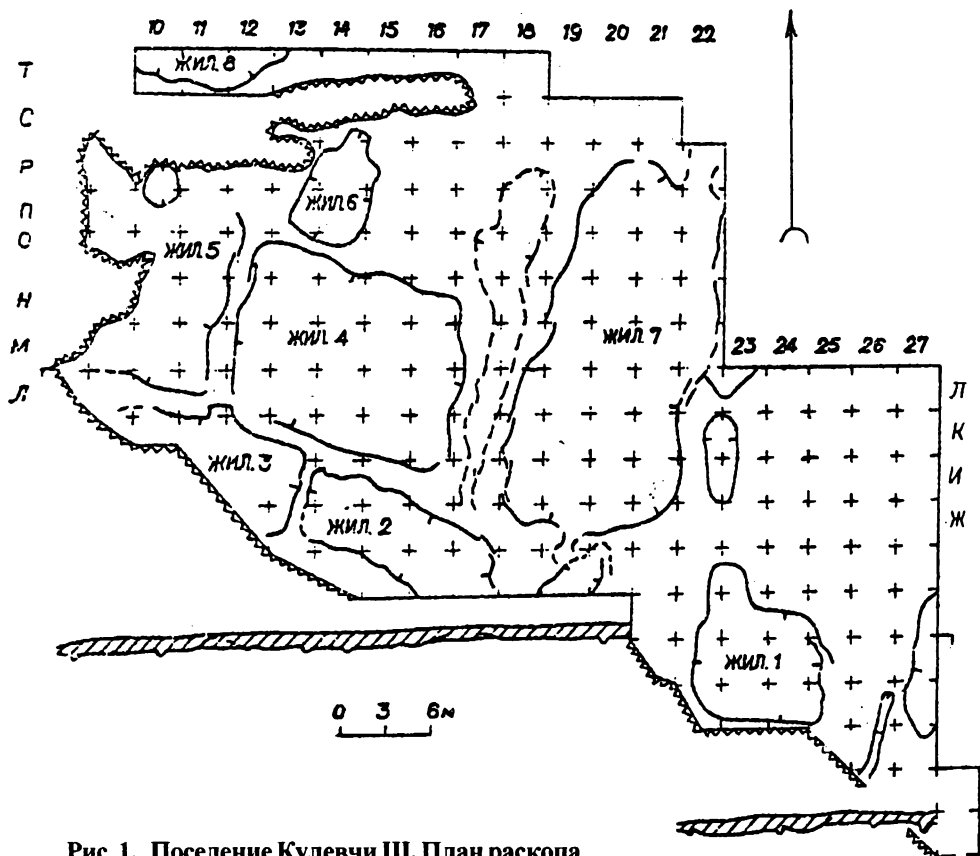

Рис. 1. Поселение Кулевчи III. План раскопа

могильника. Поселение Кулевчи — первый из обнаруженных в Южном Зауралье памятников петровского типа. Г.Б. Зданович по материалам поселения Кулевчи III выделил особый «кулевчинский» этап истории степного населения Южного Зауралья в бронзовом веке (Зданович Г.Б., 1988, с. 152), с материальной культурой переходного (петровско-алакульского) облика.

Петровский слой поселения дал исключительно большую коллекцию бронзовых изделий и остатков процессов металлургии и металлообработки, что позволило исследователям впервые составить достаточно объективное представление об облике металлопроизводства у петровского населения этой части Южного Зауралья (Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., 2001). Однако значительная серия каменных орудий из раскопок поселения Кулевчи III до сих пор оставалась вне внимания историков древней металлургии. Между тем, возможности трасологического метода изучения каменных орудий позволяют существенно дополнить облик металлопроизводства у петровского населения поселения Кулевчи III. Что касается костяных предметов, то их трасологическое исследование является весомым аргументом сторонников гипотезы об оседло-скотоводческой и преимущественно металлопроизводящей структуре хозяйства и производства петровского населения Южного Зауралья (Виноградов Н.Б., 2001, с. 193).

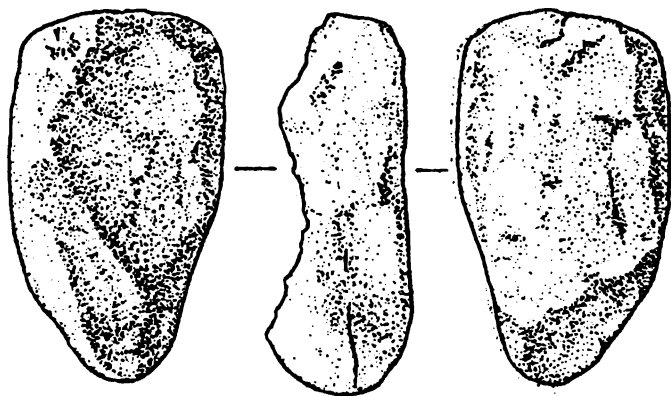
Трасологическое исследование коллекции из раскопок поселения Кулевчи III произведено Г.Ф.Коробковой (ИИМК РАН). При этом использовался бинокулярный микроскоп МБС-2 с увеличением от 16 до 56 раз. Всего было изучено 49 каменных и 44 костяных изделия, что составило с учетом вторичных функций 121 изделие.

Каменные предметы

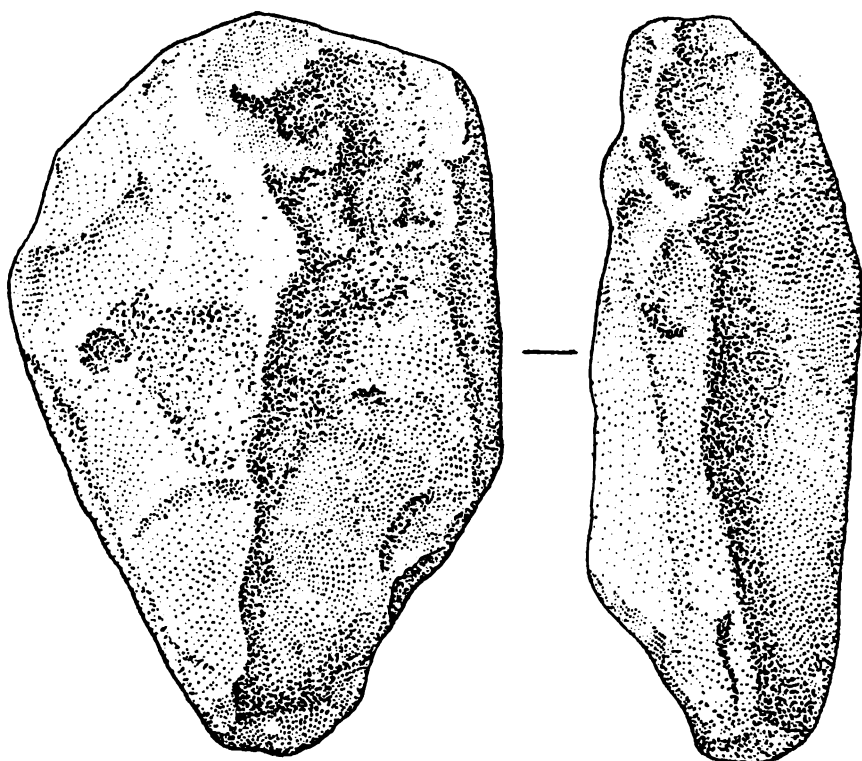
Каменные предметы из раскопок поселения Кулевчи III (49 предметов) подразделены на несколько групп. Вместе с тем количество этих изделий значительно возрастает при учете полифункциональных орудий с несколькими рабочими поверхностями. Ведь это 2-3 самостоятельных изделия, занимающих поверхности одной заготовки. В итоге каменных предметов оказалось 63 экземпляра.

Молотки и молоты. Представлены тремя экземплярами (рис. 2). Имеются как молоточки легкого (рис. 2, 1), молотки среднего действия для изготовления металлических предметов (2 экз.), так и двуручный молот тяжелого действия (рис. 2, 2). Орудия изготовлены из порфирита и туфолавы (петрографические определения здесь и далее произведены петрографом минералого-петрографического отряда Челябинской геологоразведочной экспедиции Г.С.Онищенко). Вес молоточков — 250 г, молотков — 900 г. Вес молота — 1,8 кг. Лишь одному орудию в этой группе была придана правильная геометрическая форма. Два других орудия сохранили свою естественную каплевидную форму и не имеют следов дополнительной обработки. На функцию молотков указывают следы срабатанности на торцевых поверхностях. На них хорошо фиксируются легкие плоские разнокалиберные выбоинки. На краях заметны выкрошенные участки и признаки смятости. Местами края заглажены или ребристы. На выступающих контактных участках поверхностей сохранился металлический блеск.

Все три орудия полифункциональны. В частности, одно из них имело три функции: молоточек легкого действия для тонкойковки изделий (скорее, для изготовления ювелирных предметов) из металла; абразив для направки лезвий металлических орудий с плоской поверхностью и пест для растирания руды.

1

2

Рис. 2. Поселение Кулевчи III. Каменные орудия
1 — молоточек легкого действия; *2* — молот тяжелого действия

Песты для дробления и растирания руды. В этой группе 16 предметов (рис. 3). 13 из них — целые формы. Основу серии составили песты из порфирита (8 экз.). Три предмета изготовлены из кварца; по одному — из алевролита, аргиллита, серпентинита, песчаника и туфолавы. Из всей выборки лишь шести пестам при изготовлении была придана геометрически правильная форма. Остальные использовались в качестве орудий без дополнительной обработки. При этом выбирались желваки, удобно лежащие в руке. Вес 11 экземпляров колеблется от 250 г. до 900 г., что соответствует одноручным орудиям. Лишь два образца имеют вес 1, 4 — 1, 8 кг и, естественно, они могли применяться как двуручные инструменты. В процессе работы использовалась одна, либо обе торцевые поверхности и лишь в одном случае — только боковая. Характер рабочих поверхностей, их диагностические признаки отличают эту серию орудий от других. Почти во всех случаях фиксируются следы вторичной обработки — разноуровневые выемки-выбоинки разных размеров, очертаний и глубины, улучшавшие сцепление поверхности орудий с частицами руды (рис. 4; 4а). Помимо них появились другие углубления вытянутых пропорций, более крупных размеров и глубины с рваными краями, образовавшиеся вследствие использования. Вся сработанная поверхность изборождена плотно расположенными друг к другу линейными следами, идущими в одном или в двух (рис. 3а) направлениях. Это грубые, глубокие удлиненные царапины, часто взаимопараллельные (от прямолинейного движения орудия в работе), нередко налегающие друг на друга и частично пересекающиеся (рис. 5а). Зачастую пограничные участки рабочих площадок разбиты от нанесения сильных ударов пестом при дроблении крупных кусочков руды (рис. 5). При длительной работе рабочие поверхности пестов стираются, уплощаются и приобретают четкую огранку (рис. 6), что визуально отличает их от пестов для размола зерен злаковых растений. Отдельные участки рабочих поверхностей затерты до блеска. Характерен металлический блеск.

Несколько орудий из рассматриваемой серии имеют следы вторичного использования. В частности, поверхность одного из подобных орудий использовалась как абразив для заострения, наводки рабочих концов шильев и игл (рис. 7), на которой хорошо сохранились четкие строго параллельные царапины утилизации (рис. 7а).

Пест для растирания краски. Орудие усеченно-конической формы, подтреугольного сечения, длиной 17,0 см; весом 1,1 кг (рис. 8). Изготовлено из диорита. Рабочими площадками служили торцевые поверхности. На них есть следы пикетажа в виде многочисленных выбоинок, нанесенных в целях оформления орудия для сцепления с обрабатываемым материалом, и следы утилизации в виде ямок, разнокалиберных углублений, в которых отчетливо видны остатки красной краски, скорее всего, охры. Кроме того, на межямочных участках прослеживаются короткие и удлиненные, разнонаправленные глубокие царапинки, оставшиеся от растирания последней.

Таким образом, несмотря на различия в форме, весе, размерах, абсолютное большинство пестов из поселения Кулевчи III связывается с операциями по дроблению и растиранию руды.

Рудотерки. Среди комплекса каменных орудий из поселения Кулевчи III имеется два экземпляра, определенные как рудотерки (рис. 9). Одна из них сделана на обломке плиты гравийного песчаника неправильной формы размерами 21,0 x 17,0 см при толщине до 5,6 см (рис. 9,2). Рабочие поверхности размещены на верхней и нижней плоскостях заготовки. В результате истирания рабочие площадки оказа-

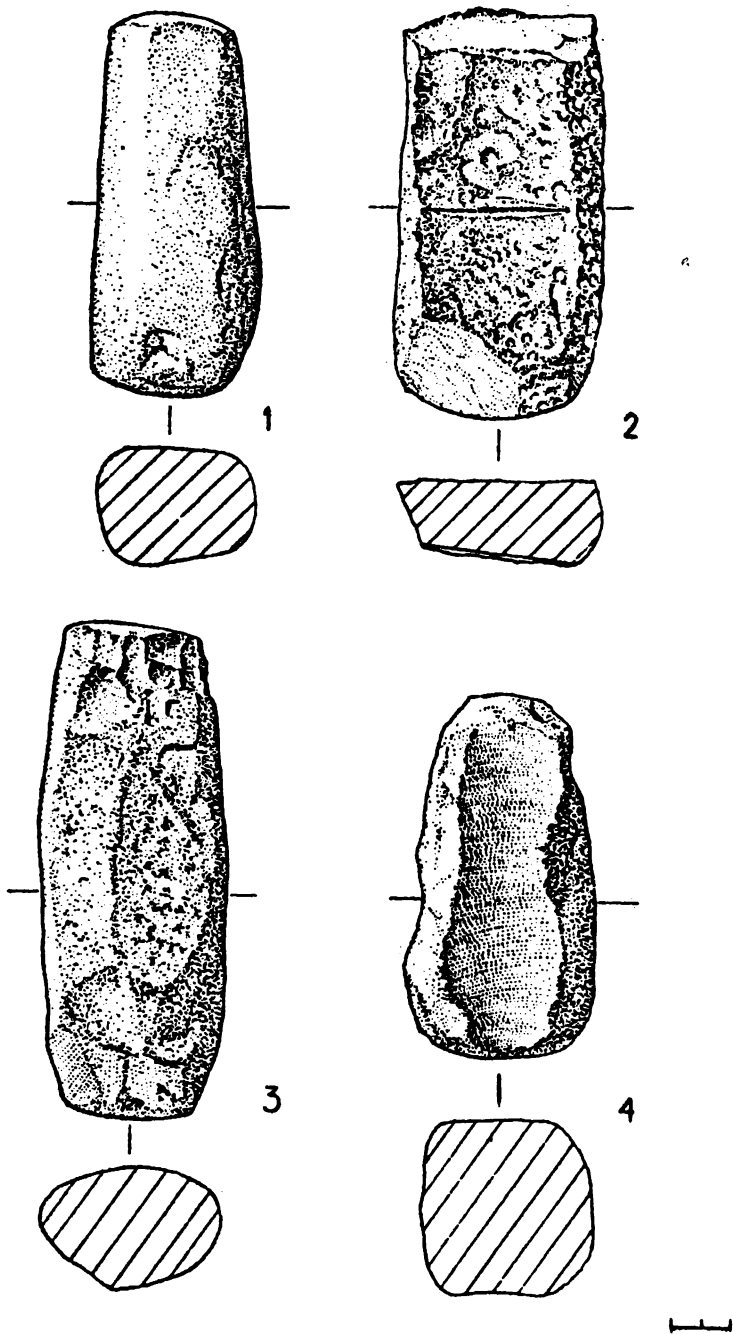

Рис. 3. Поселение Кулевчи III. Каменные орудия

1, 3 — песты для растирания руды; 2, 4 — полифункциональные орудия (пест для растирания руды и абразив)

Рис. 3а. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность песта для дробления и растирания руды (увеличено)

Рис. 4. Поселение Кулевчи III. Каменный пест для дробления и растирания руды

Рис. 4а. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность каменного песта для дробления и растирания руды (увеличено)

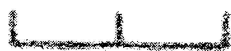

Рис. 5. Поселение Кулевчи III. Каменный пест для дробления и растирания руды — общий вид

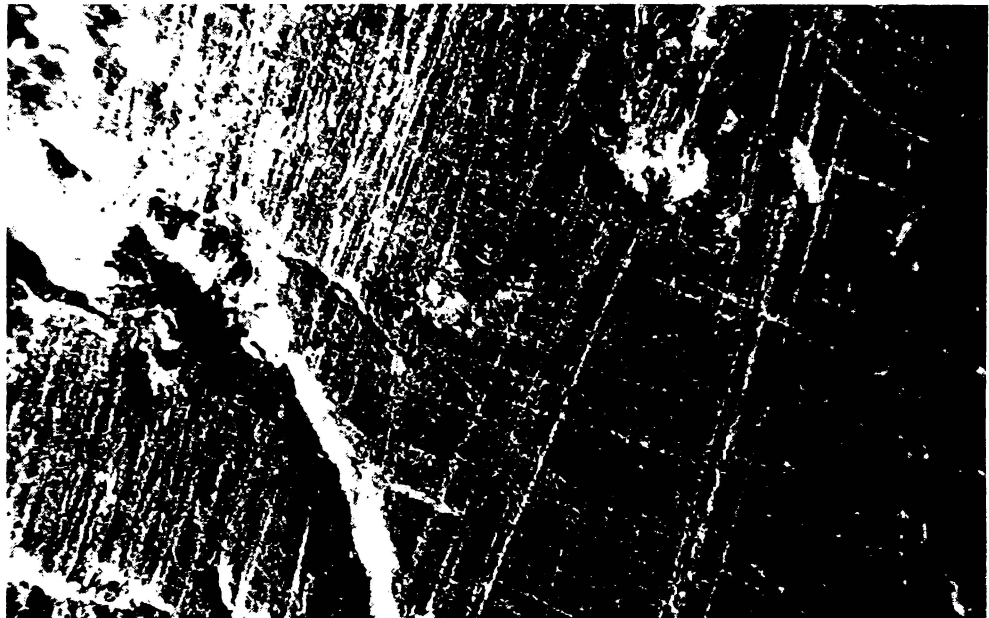

Рис. 5а. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность каменного песта для дробления и растирания руды (увеличено)

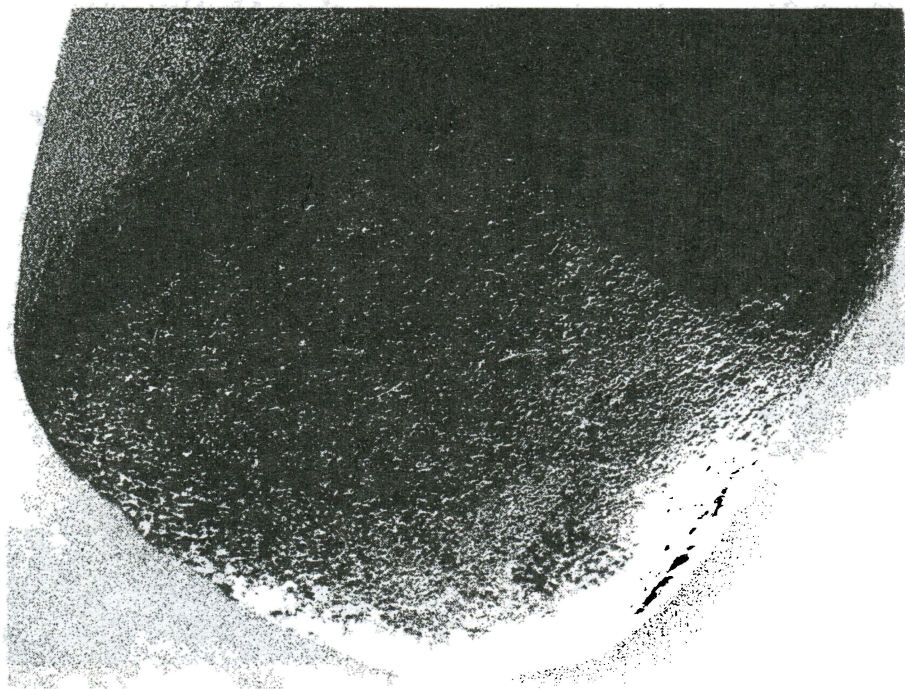

Рис. 6. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность песта для дробления и растирания руды (увеличено)

Рис. 7. Поселение Кулевчи III. Полифункциональное каменное орудие (пест для дробления и растирания руды и абразив)

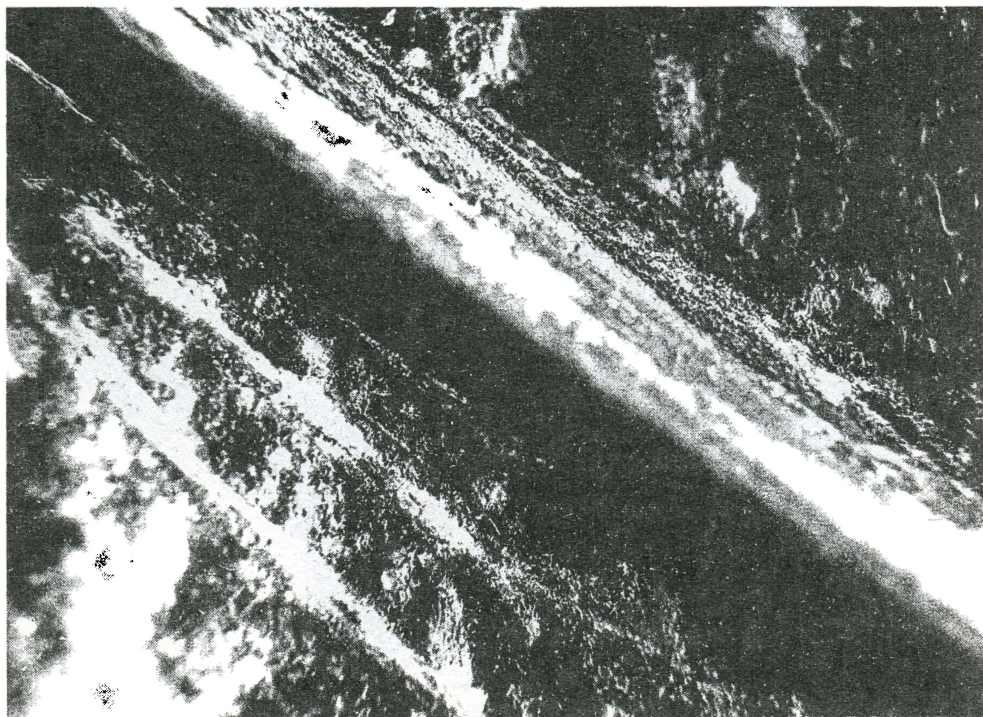

Рис. 7а. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность абразива для заточки и направления лезвий шильев и игл (увеличено)

лись заглубленными. На них сохранились сильно разношенные в одну сторону выемки глубиной 0,6 — 0,9 см (рис. 10, 10а). На поверхностях и краях углублений фиксируются бороздки линейных следов, параллельные бортикам выемок, что характерно именно для процесса растирания руды (Семенов С.А., 1969, с.8-9). На рабочих площадках хорошо заметен металлический блеск. Вторая рудотерка (рис. 9,1) также представлена обломком массивной (до 8,0 см толщиной) порфириновой плиты. Следы износа на ней идентичны тем, что наблюдались на первом орудии и занимают обе стороны изделия.

Зернотерка. Обломок песчаниковой плиты неправильной формы размерами 17,0 — 19,0 x 8,0 — 8,5 см при толщине до 4,8 см (рис. 11). Имеет две рабочие поверхности, но разного функционального назначения. Одна из них, связанная с выполнением первичной функции, располагается на широкой поверхности плиты. Она сильно истерта, в результате чего толщина плиты заметно уменьшилась в направлении к центру. Рабочая поверхность сглажена. В результате истирания следы пикетажа едва прослеживаются. Другая плоскость плиты неровная, шероховатая, без следов износа. Однако, вторично этот предмет использовался как абразив. На границе боковой грани с рабочей поверхностью вдоль одной стороны плиты заметна группировка неравномерных по длине углубленных желобчатых царапин в виде раструба, заостренного с одной стороны. Такие следы обычно остаются при заострении металлических орудий, в частности, шильев и игл (рис. 12). Выемка на широкой плоскости вторично использовалась для заточки и направки лезвий изделий из металла.

Рис. 8. Поселение Кулевчи III. Каменный пест для растирания краски

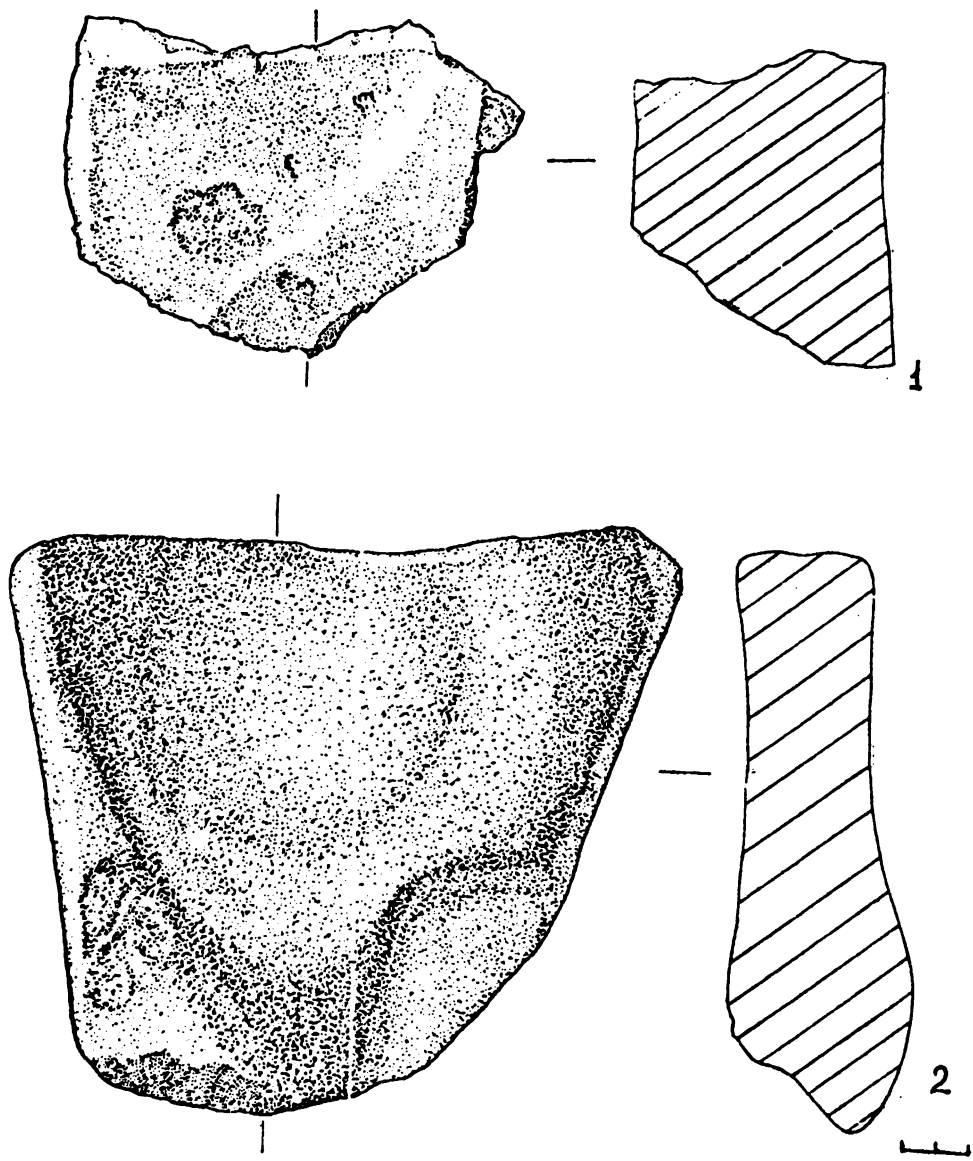

Рис. 9. Поселение Кулевчи III. Каменные орудия
1, 2 — рудотерки

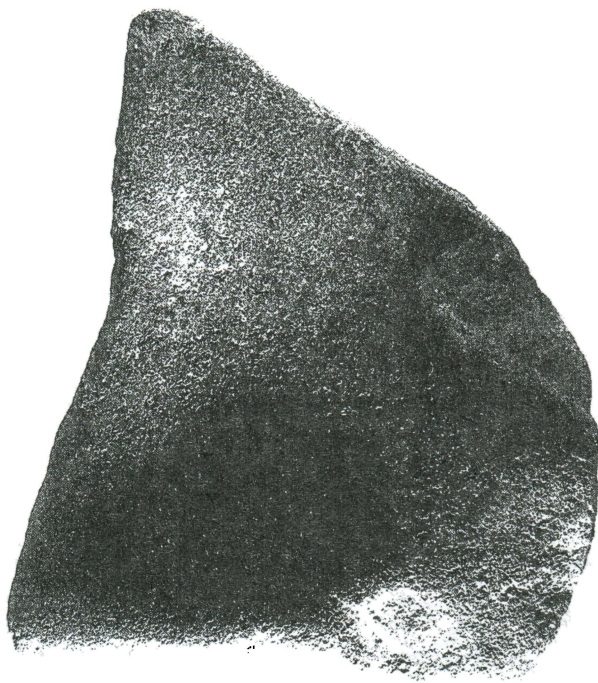

Рис. 10. Поселение Кулевчи III. Каменная рудотерка. Общий вид

Рис. 10а. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность рудотерки (увеличено)

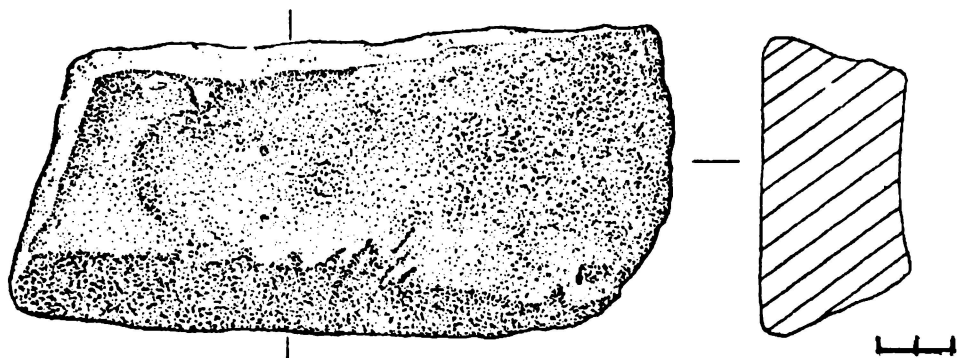

Рис. 11. Поселение Кулевчи III. Каменное полифункциональное орудие (зернотерка и абразив)

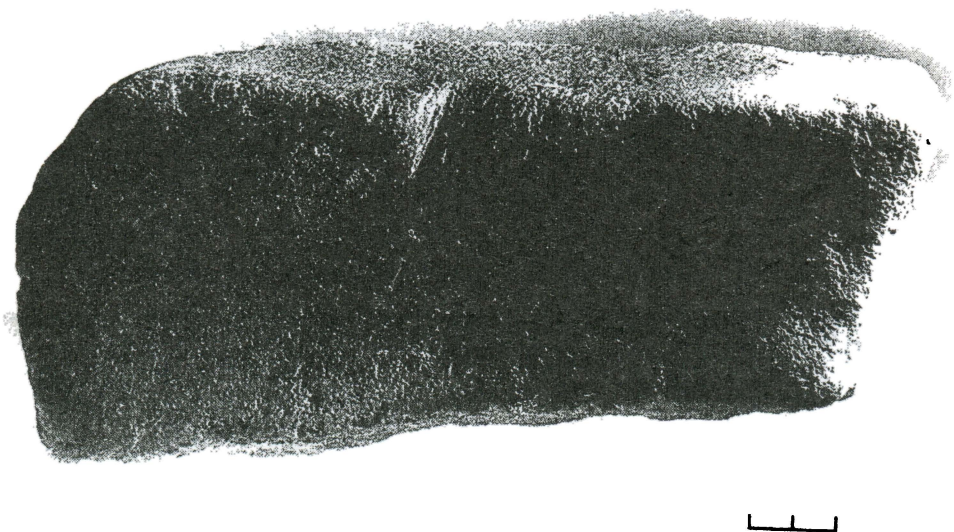

Рис. 12. Поселение Кулевчи III. Каменное полифункциональное орудие (зернотерка и абразив)

Абразивы. Серия абразивов в комплексе каменных предметов из раскопок поселения Кулевчи III значительна — 22 экземпляра. Почти все они представлены обломками плит неправильной формы, различных размеров при толщине от 1,3 см до 5,7 см. Более половины рассматриваемой серии (14 экз.) изготовлены из песчаника. Пять экземпляров — из порфирита. По одному орудию изготовлено из мелкозернистого гранита, серпентинита, алевролита. Лишь одно изделие оказалось связанным с обработкой, заточкой, шлифовкой каменных и костяных орудий. На одной из широких плоскостей этой подпрямоугольной плитки железистого песчаника (рис. 13) отчетливо видна полоса сильно сглаженной поверхности шириной до 5,5

Рис. 13. Поселение Кулевчи III. Каменное орудие. Абразив. Общий вид

см, истертой в результате срабатывания плитки. Линейные следы здесь расположены вдоль продольной оси орудия. На боковой грани — углубление шириной 0,6 — 0,65 см, глубиной до 0,5 см.

Остальные орудия связаны с обработкой дифференцированных изделий из металла: общей заточкой, направкой, снятием шероховатостей, заусениц, заострением концов и др. На рабочих поверхностях заметен металлический блеск. Проиллюстрируем функции орудий данной серии конкретными примерами. Для общей заточки и заострения рабочих концов металлических орудий была предназначена прямоугольная плитка кварцито — песчаника с одной рабочей поверхностью на широкой плоскости (рис. 14). Здесь имеются тонкие целенаправленные линейные следы, параллельные продольной оси орудия и глубокие желобчатые царапины, оставшиеся от подправки острий шильев, игл и других заостренных предметов. Примером абразива для направки лезвий металлических изделий с плоской поверхностью (типа ножей, кинжалов) является обломок массивной (до 5,7 см толщиной) плиты дацитового порфира, две плоскости которой служили рабочими поверхностями. На них зафиксированы участки с металлическим блеском. Хорошо различимы тонкие линейные следы, ориентированные вдоль продольной оси орудия и частично пересекающиеся. Плитка песчаника подтреугольной формы служила абразивом для направки лезвий металлических орудий с плоской поверхностью и заостренным концом (рис. 15). Функцию первой выполняла одна сторона изделия, где помимо пришлифовки сохранились пунктирные линейные следы (рис. 15а).

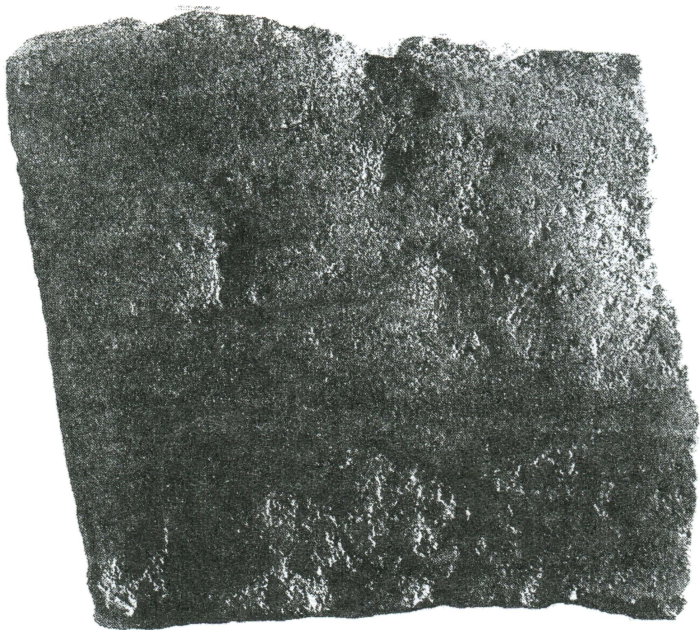

Рис. 14. Поселение Кулевчи III. Каменное орудие. Абразив. Общий вид

Рис. 15. Поселение Кулевчи III. Каменное орудие. Абразив. Общий вид

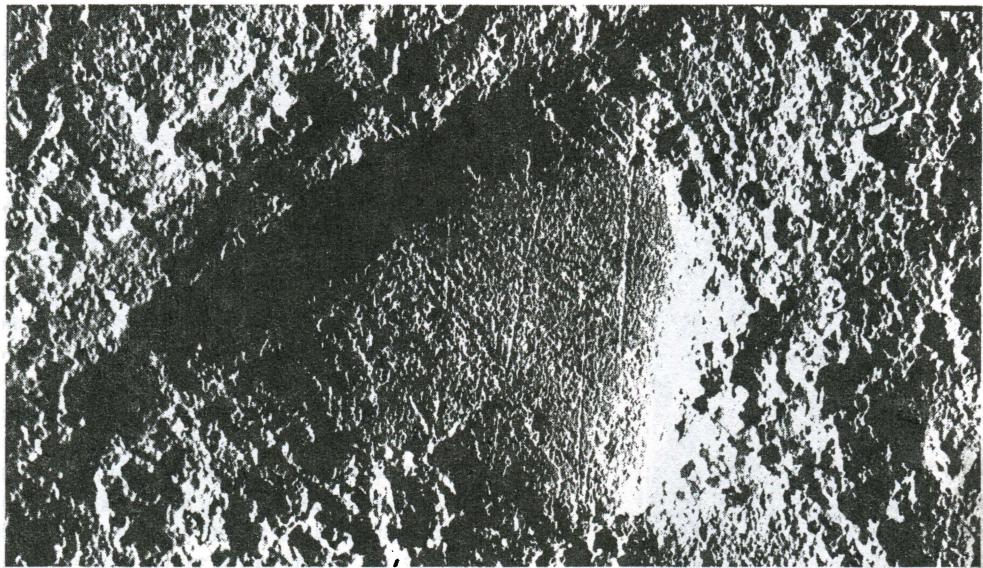

Рис. 15а. Поселение Кулевчи III. Каменное орудие. Абразив. Рабочая поверхность абразива (увеличено)

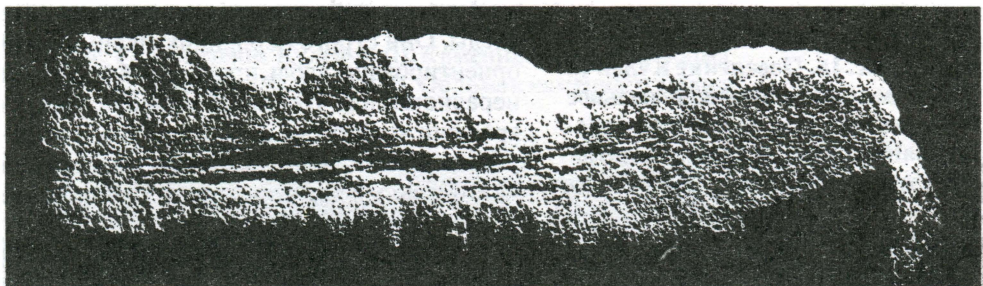

Рис. 15б. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность абразива (увеличено)

Функцию второй выполняла боковая грань (рис. 15б), где четко видны желобчатые линии утилизации. Сходный с описанной плиткой облик имеет одна из рабочих поверхностей полифункционального орудия, описанного выше (рис. 7а). Она имеет вид желобка, выработанного остриями шильев, игл при их заточке. В серии абразивов имеются четыре полифункциональных орудия, которые служили не только абразивами, но и пестами для дробления, растирания руды (рис. 16а), молотками среднего действия дляковки металла (рис. 16). Девять абразивов имеют одну сработанную поверхность, семь характеризуются двумя — тремя рабочими плоскостями, а остальные имели более трех используемых площадок. Как правило, рабочими поверхностями служили плоские стороны плиток и лишь иногда боковые. Большинство орудий служили плоскими оселками для заточки и направления лезвий металлических ножей, кинжалов.

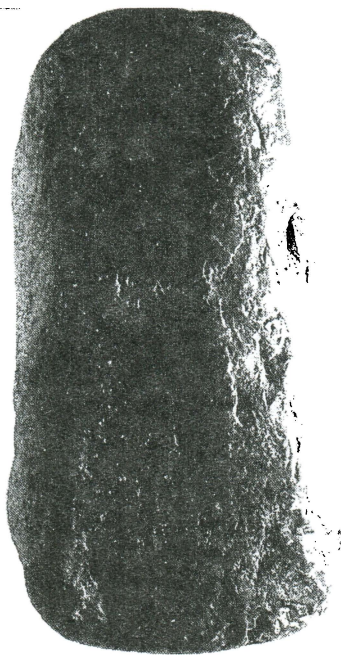

Рис. 16. Поселение Кулевчи III. Каменное полифункциональное орудие (пест для дробления и растирания руды; абразив; молоток среднего действия). Общий вид

Литейная форма. Небольшая плитка железистого песчаника (рис. 17). На одной из плоскостей ее имеются продолговатые углубления для отливки стерженьков длиной 3,8 — 5,8 см, шириной до 0,4 см. В сечении одно из углублений линзовидное; второе — подтреугольное. Плитка сильно прокалена.

Топор. Небольшой обломок шлифованного топорика, изготовленного из алевролита (рис. 18). В обушковой части — кольцевой желобок, пропиленный каменной абразивной пилой. Он являлся частью системы крепления топора к рукояти. На сохранившемся фрагменте асимметричного лезвия зафиксированы удлиненные разновеликие линейные следы, расположенные по диагонали к кромке лезвия и прослеживаемые на обеих его сторонах. Заметна легкая забитость и затупленность кромочной линии.

Тесло. Представлено обломком (рис. 19). Изготовлено из продольно расколотой гальки аргиллита абразивной техникой. На сохранившейся части рабочего лезвия видны линейные следы. Они строго перпендикулярны лезвию, ориентированы вдоль продольной оси орудия, неравномерны. На одной стороне рабочего края они вытянутых пропорций, на другой — укороченных. Такие признаки являются диагностическими для определения функции тес-

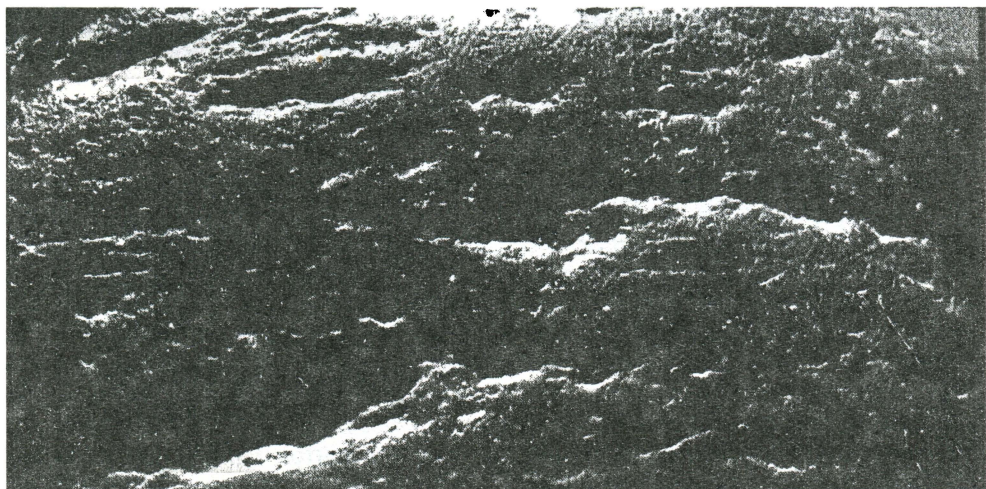

Рис. 16а. Поселение Кулевчи III. Одна из рабочих поверхностей каменного полифункционального орудия (пест для дробления и растирания руды) (увеличено)

Рис. 17. Поселение Кулевчи III. Каменная литейная форма

Рис. 18. Поселение Кулевчи III. Обломок каменного топора

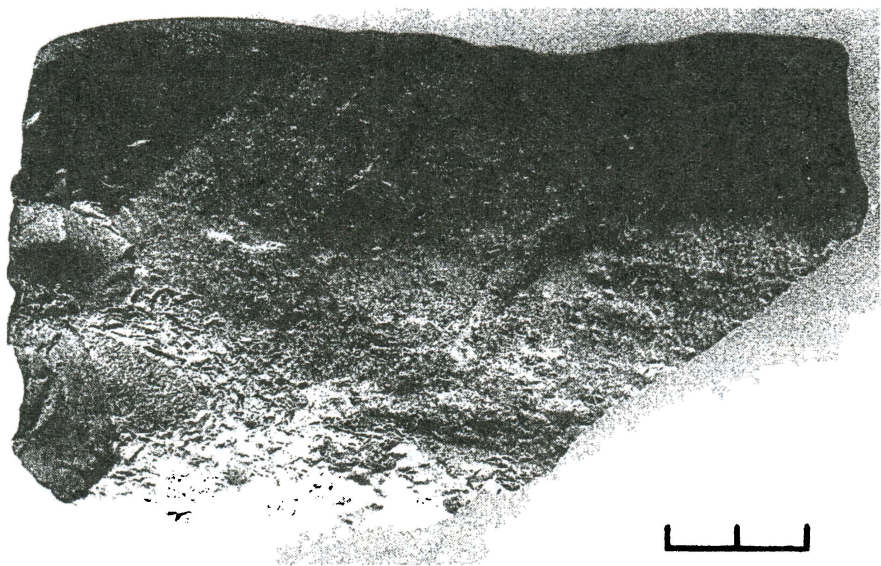

Рис. 19. Поселение Кулевчи III. Каменное тесло. Общий вид

ла. После деформации рабочего лезвия орудие использовалось вторично для этих же целей, о чем свидетельствуют следы приострения его крупной чешуйчатой ретушью, нанесенной с одной выпуклой стороны лезвия, но уже после пришлифовки. На кромке образовались участки заломов, смятости, особенно заметные с ретушированной поверхности.

Булава. Материал изготовления — серпентинит. В сечении булава округлая, уплощенная на верхней и нижней сторонах. В центральной части — круглое на поверхности и биконическое в разрезе сквозное отверстие, сделанное с двух противоположащих уплощенных площадок во встречном направлении.

Костяные изделия

В результате трасологического анализа комплекса костяных и роговых предметов (44 экземпляра или, с учетом вторичных функций, 58 изделий) было выделено несколько групп.

Шилья. В ходе раскопок обнаружено 16 шильев (рис. 20; 21). Десять из них представлены целыми формами; остальные — обломками. Орудия изготовлены из грифельных и расколотых вдоль трубчатых костей. Длина орудий колеблется от 8,4 см до 16,0 см. У большинства экземпляров рабочая поверхность лишь слегка подправлена и заострена металлическим ножом. Исключением является шило, рабочая поверхность которого оформлена как многогранник (рис. 21, 4). Поверх срезов заметны следы пришлифовки. Все шилья в разной степени заполированы, особенно в области острия. Однако, у некоторых экземпляров заложена вся поверхность, что происходит при совмещении следов заложности от руки и заполировки от кожи. Помимо заполировки на рабочих поверхностях прослеживаются линейные следы в виде очень тонких паутинообразных царапин, ориентированных как вдоль продольной оси, так и поперек (от возвратно-поступательного движения при вращении). Шилья использовались при работе по коже и шкурам, о чем свидетельствует сильный жирный блеск утилизации и характер царапинок.

Тупики. В коллекции из пос. Кулевчи III их 16 экземпляров (рис. 22). Три из них почти не повреждены. Остальные представлены обломками. Орудия изготовлены преимущественно из нижних челюстей коров и лошадей. Рабочими поверхностями служили верхние края челюстей (рис. 23). После удаления зубов они приострялись металлическими ножами. Срезы наносились в продольном направлении по отношению к кромке. В редких случаях одна из сторон челюсти полностью срезалась.

Тупики служили скребковыми инструментами, предназначенными для волососгонки, снятия мездры и разминания полос кожи (Семенов С.А., 1968, с. 161-162 и рис. 53; Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1988, с. 60-79; Усачук А.Н., 1994, с. 63-64). Внешняя поверхность орудий заложена от трения о руки. На поверхности контактной зоны, особенно в области кромок, имеются многочисленные линейные следы. Они расположены как под углом к кромке, так и перпендикулярно ей, что объясняется сменой направления орудия. Рисунок их не ярок из-за заглаженности краев царапин вследствие изнашивания. Кромка скруглена. В рабочих операциях были задействованы и тыльные стороны орудий, на которых остались следы срабатывания. Тупики относятся к разряду двуручных орудий. Торцы челюстей, захватывающиеся руками, порой специально подправлялись (во избежание повреждения рук).

Лощила-полировальники. В коллекции они представлены шестью экземплярами двух разновидностей. Орудия первой (5 экземпляров) изготавливались из головок бедренных костей крупных животных (рис. 24). Из них четыре использовались во вторичной функции. Заготовки орудий распиливались поперек металли-

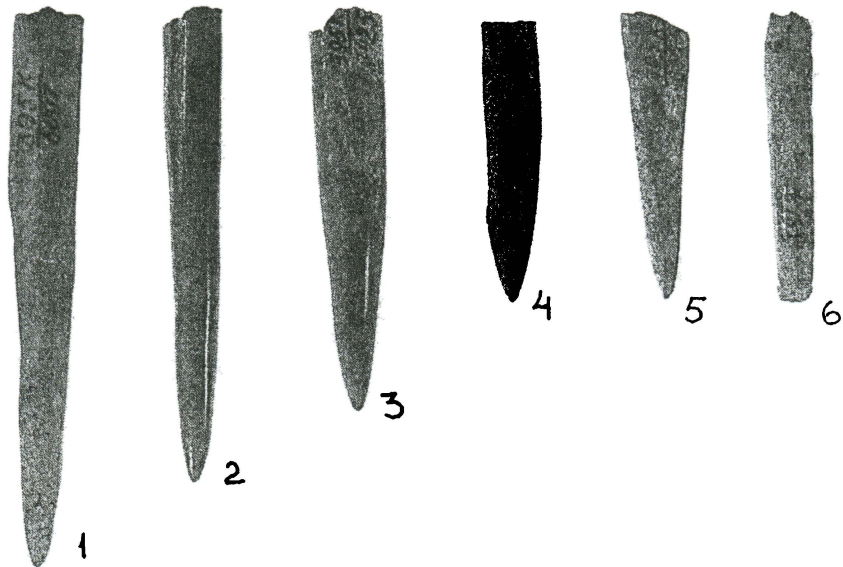

Рис. 20. Поселение Кулевчи III. Костяные орудия
1—6 — шилья

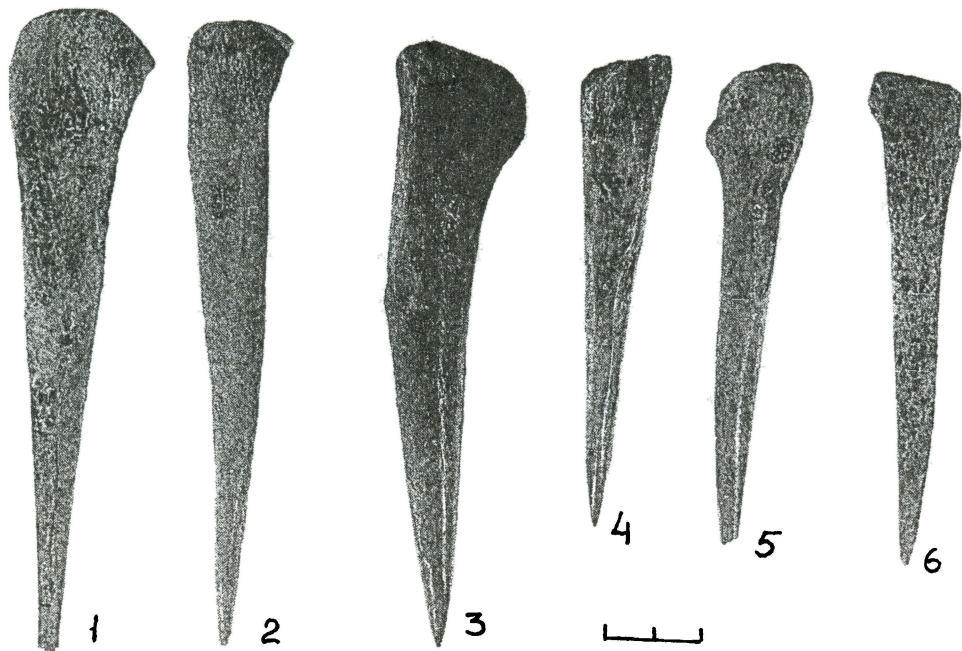

Рис. 21. Поселение Кулевчи III. Костяные орудия
1—6 — шилья

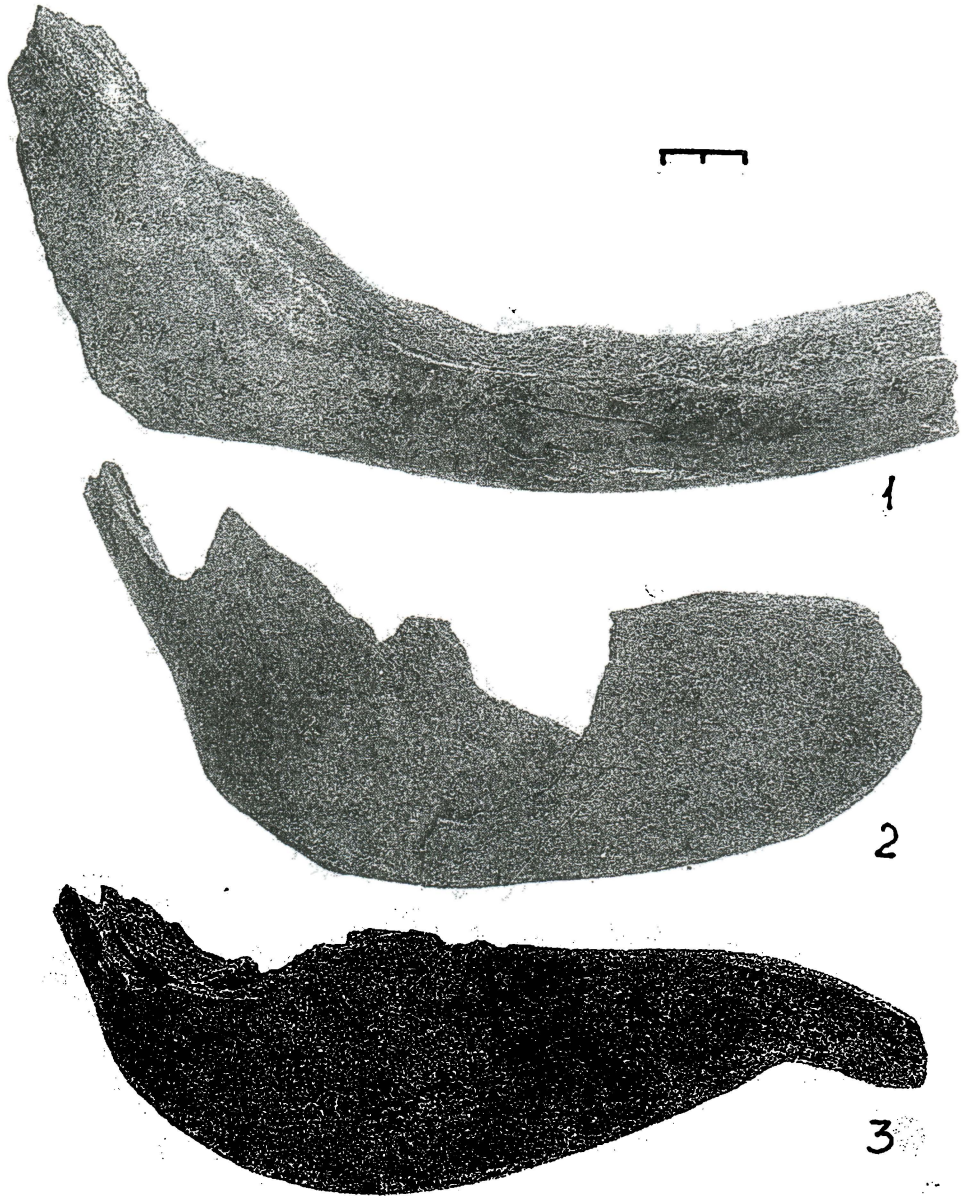

Рис. 22. Поселение Кулевчи III. Костяные орудия
1—3 — тупики

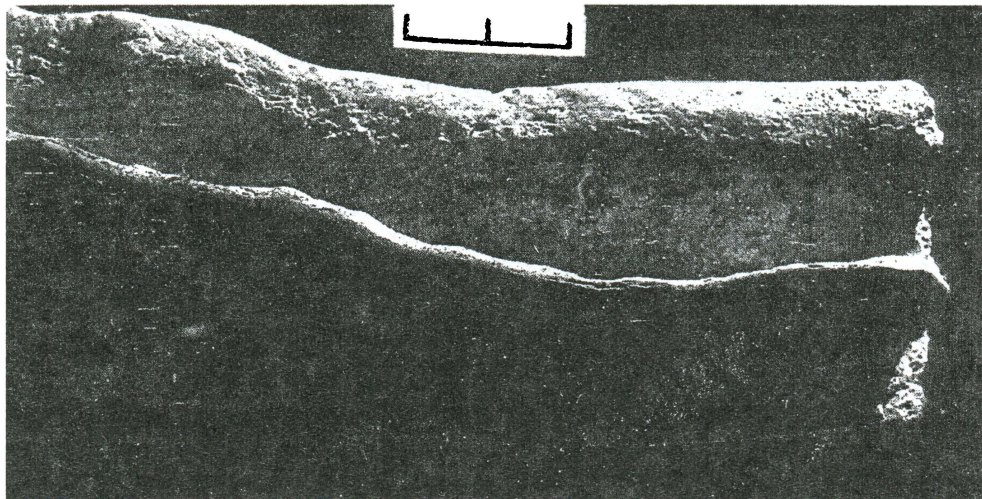

Рис. 23. Поселение Кулевчи III. Рабочая поверхность костяного тупика (увеличено)

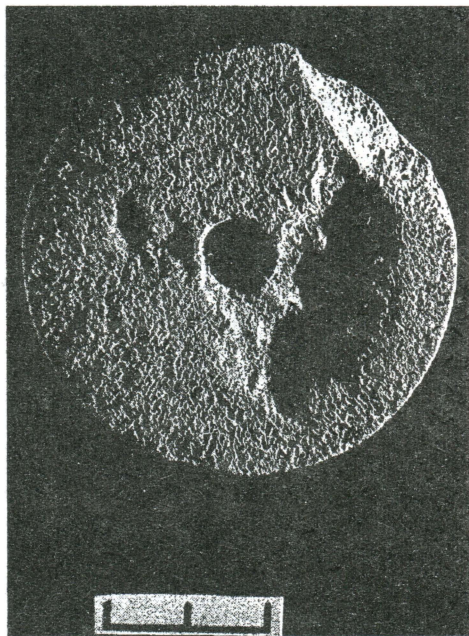
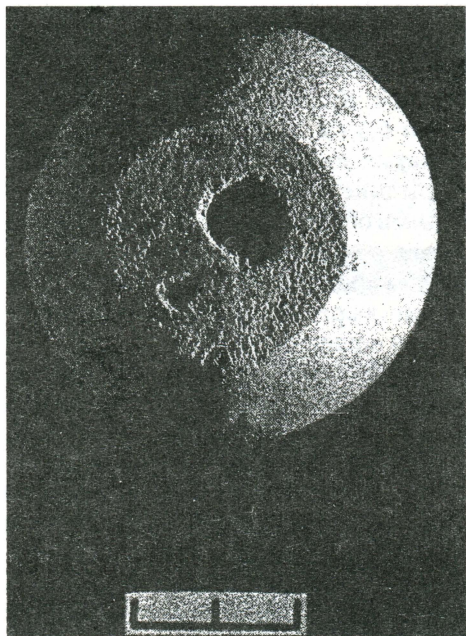

Рис. 24. Поселение Кулевчи III. Костяное ложило-полировальник
Рис. 24а. Поселение Кулевчи III. Костяное ложило-полировальник

ческой пилой. В результате изделие приобретало форму усеченно-конического в сечении диска. У двух орудий боковая поверхность подправлена металлическим ножом. У четырех — в центре имеется сквозное отверстие, проделанное цилиндрическим станковым сверлением (рис. 24 а). Рабочей поверхностью орудий рассматриваемой разновидности служила наибольшая плоскость диска. Она — выровненная, ограниченная по краям. Губчатая масса стерта и сглажена.

Как показали наши опыты, подобные орудия использовались в функции полировальников для обработки каменных изделий. Губчатая масса хорошо удерживала абразивные песчинки, с помощью которых (песка) производилась отделка камня. На это указывают и царапинки утилизации, наблюдаемые на рабочей поверхности дисков. Такие следы были обнаружены С.А.Семеновым на костяных полировальниках из Ольвии (Семенов С.А., 1957, с.222-223, рис. 102). Форму круга имеют и современные лощила-полировальники (Тхиладзе Г.Р., 1950, с. 156). Орудия из Кулевчей III имеют еще и следы от использования их в функции напрясел для веретена, о чем свидетельствует сглаженность микрорельефа рабочей поверхности дисков и следы от стержня, вставляемого в отверстия. Подобные орудия широко известны по этнографии (Кармышева Б.Х., 1979, с. 251-263). Вторая разновидность лощил по козам из Кулевчей III представлен единственным экземпляром. Лощилу придана форма небольшого ножа с лезвием длиной 4,0 см и рукоятью длиной до 5,0 см. Орудие изготовлено с помощью металлического ножа на обломке трубчатой кости. Лезвие отделено от рукояти выемками. На рабочей поверхности орудия фиксируются тонкие нитеобразные следы, расположенные по диагонали и поперек рабочей плоскости, носящей скругленные очертания от обработки мягкого материала.

Кочедыки. Два орудия этого типа из пос. Кулевчи III имеют вид костяных стерженьков (рис. 25, 1, 2) длиной 5,8 см и 6,3 см, выделанных металлическим ножом и изготовленных на обломках трубчатых костей. В сечении они овальные. Их рабочие поверхности приострены. Последние имеют стамескообразные, либо скругленные очертания. У одного из кочедыков обушковая часть выделена боковыми выемками (рис. 25, 1). Поверхность кочедыков залощена, особенно в контактной зоне. Есть и очень тонкие линейные следы продольной направленности. Отличительной особенностью является наличие вырезов на обушковом торце для крепления с нитью в целях подвешивания при ношении.

Рукояти. Представлены 12 экземплярами (рис. 26). Изготовлены из поперечно распиленных трубчатых костей. При изготовлении кость вместе с эпифизом надпиливалась по кругу металлической пилой, затем обламывалась. Веерообразный вид спила и ободок по внутреннему краю кости служат доказательствами незначительной длины рабочего лезвия пилы. Две такие бронзовые пилы были обнаружены на пос. Кулевчи III. Место спила затем обрабатывалось на абразиве в целях выравнивания и выглаживания поверхности. Длина рукоятей колеблется от 3,2 см до 16,0 см. Судя по форме углубления, они оформляли различные орудия: ножи, пилы, шилья. Из всей серии лишь одно изделие представлено медиальной частью трубчатой кости, опиленной аналогичным образом с двух сторон. Оно могло служить как рукоятью, так и игольником.

Прочие изделия. В коллекции костяных предметов из Кулевчей III имеется шпатель (рис. 27, а, б), предназначенный для выглаживания стенок сырых глиняных сосудов. Имеется обломок его рабочей части. Шпатель изготовлен на расколотой повдоль трубчатой кости. В работе участвовала как лицевая, так и обратная стороны орудия. Кромки его скруглены, заполированы. Заполировка распростра-

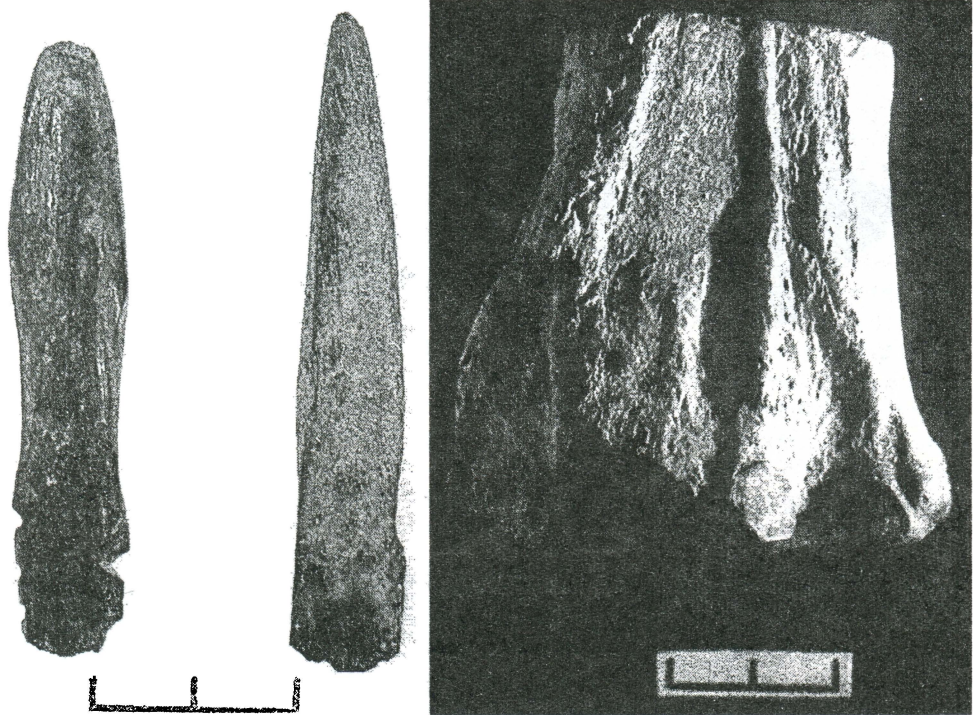

Рис. 25. Поселение Кулевчи III. Костяные кочедыки
Рис. 26. Поселение Кулевчи III. Костяная рукоять

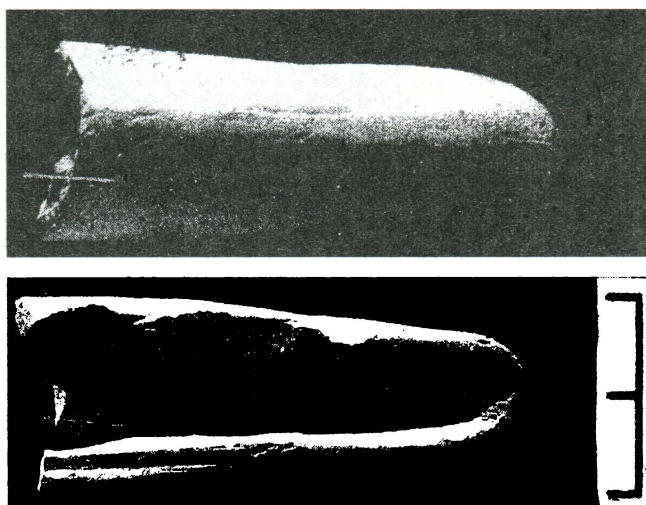

Рис. 27. Поселение Кулевчи III. Шпатель. Кость
a, б — лицевая и оборотная стороны орудия

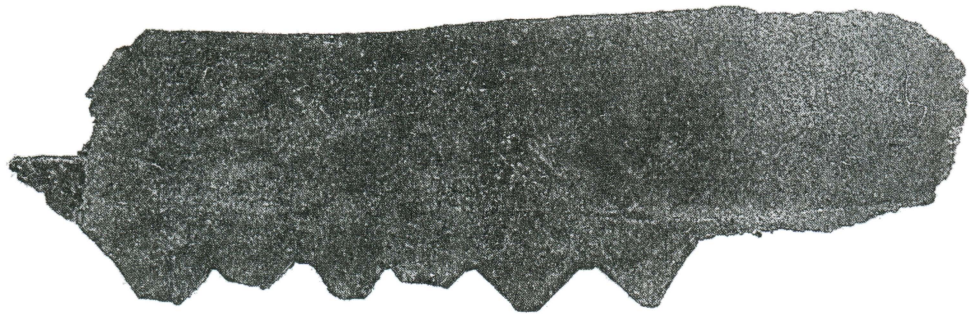

Рис. 28а. Поселение Кулевчи III. Трепало. Кость. Общий вид

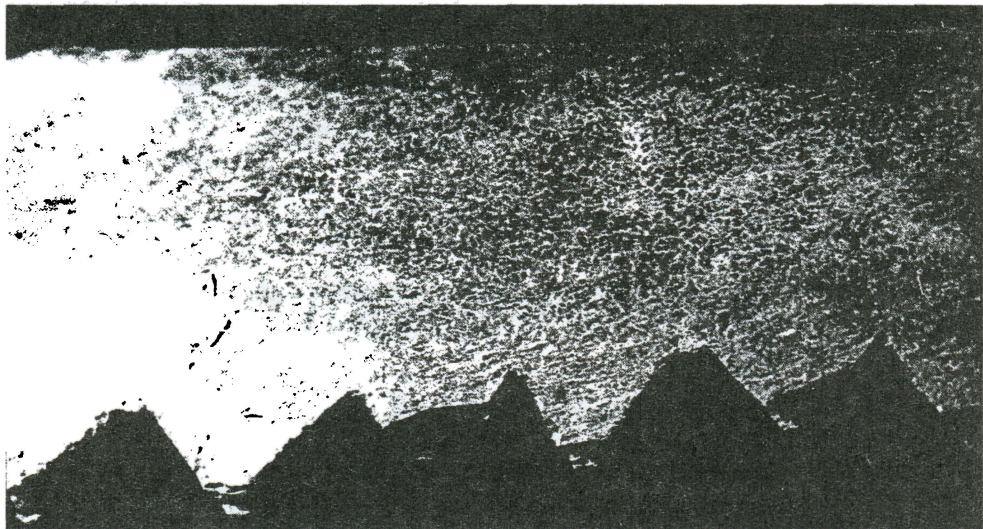

Рис. 28б. Поселение Кулевчи III. Трепало. Кость. Рабочая поверхность (увеличено)

ненная, приглушенная. Здесь имеются линейные следы, расположенные перпендикулярно и слегка диагонально к рабочим кромкам. Царапины удлиненные, далеко заходящие на обе контактные стороны изделия.

Другое орудие определено как трепало (рис. 28, а, б). На одной из боковых поверхностей сохранилось шесть крупных треугольных зубцов (рис. 28 б). Расстояние между ними разновеликое. Длина сохранившейся части рабочей поверхности равна 8,5 см. Следы наиболее сильного износа отмечены между зубцами. Они видны как на дне углублений, так и на стенках в виде яркой заполировки и царапинок перпендикулярной направленности.

Спектр функций рассмотренных каменных и костяных орудий из поселения Кулевчи III вполне согласуется со структурой хозяйства алакульского населения Южного Зауралья на петровском этапе его истории.

Каменные орудия в абсолютном большинстве иллюстрируют обработку бронзы (около 47% от числа всех каменных изделий или 51,8% от орудий). С металлопроизводством связаны 56 инструментов. Это рудообрабатывающие орудия — 24, молоточек легкого — 1, молотки среднего — 2, молот тяжелого — 1 — действия; абразивы для обработки металлических изделий с плоской поверхностью типа ножей, кинжалов — 23 и для заострения рабочих концов шильев, игл — 4; литейная форма — 1.

Типология орудий этой группы вызывает ряд вопросов. Главный из них: почему при такой обширной серии пестов для дробления и растирания руды (24) следы плавки руды на поселении (металлургические горны, куски медьсодержащих минералов, металлургические шлаки) единичны? Ответ может быть лишь один, а именно, — участок, где производилась подготовка руды к плавке и сама плавка, располагался вне площадки поселения, а в раскопанных помещениях производился лишь процесс переплавки бронзовых слитков и лома в готовые изделия с последующей их доводкой. Типология металлических предметов из раскопок поселения Кулевчи III не противоречит этому утверждению. С другой стороны, в коллекции имеется лишь одна каменная литейная форма.

Каменный топор и тесло, наверняка, не связаны с культурным слоем поселения эпохи бронзы и их нахождение здесь — результат переотложенного их состояния. Возможно, поселение бронзового века наложилось на невыраженный культурный слой более раннего времени.

Таблица 1

Каменные орудия из пос. Кулевчи III

Тип каменного орудия	Кол-во	Кол-во с учетом второй функции	Материал
Молоточки, молотки и молоты	3	1	порфирит, туфо-лава
Песты для дробления и растирания руды	16	5	аргиллит, серпентинит
Пест для растирания краски	1		диорит
Рудотерки	2	1	порфирит, грав. песч.
Зернотерки	1		Песчаник
Абразивы для металла, камня, кости	22	6	песчаник и др.
Литейная форма	1		железист. песчаник
Топор. Грузило	1	1	алевролит
Тесло	1		аргиллит
Булава	1		серпентинит
Итого:	49	14	

24 орудия (песты для дробления и растирания руды, рудотерки) отражают первичный металлургический цикл, связанный с подготовкой (обогащением) руды к плавке. 32 предмета связаны с различными операциями по обработке бронзы (молоты и молоточки, литейная форма, абразивы). Здесь представлен полный набор инструментов, задействованных в металлообрабатывающем производстве, начиная

от ковки ювелирных и более крупных изделий, плющения, уплотнения заготовок, снятия шероховатостей, заусениц, придания нужной формы, литья в формах и конечная изготвлением конкретного предмета.

Другой основной отраслью петровской хозяйственно — экономической системы было пастушеское скотоводство (табл. 3), с обработкой продукции которого связано 38 (или 30,6% от числа всех орудий) костяных орудий. Среди них шилья — 16, тупики — 16, лощило для кожи — 1, напрясла для прядения нитей из шерсти — 4, трепало — 1. Шесть орудий были заняты в обработке камня, нацеленной на шлифовку и полирование поверхности каменных изделий.

Таблица 2

Костяные предметы из поселения Кулевчи III

Тип орудия	Кол-во	Кол-во с учетом второй функции	Назначение
Шилья	16		Работа по коже и шкурам
Тупики	16		«Сгонка» шерсти
Лощила	1		Обработка кожи
Лощила - полир.	5		Обработка камня
Кочедыки	2		Плетение
Напрясла		4	Прядение нитей
Рукояти	12		
Трепало	1		
Шпатель	1		Выглаживание стенок сырых глиняных сосудов
Итого:	54	4	

В заключение необходимо отметить, что общая номенклатура как каменных, так и костяных предметов, происходящих из культурного слоя поселения Кулевчи III, несколько шире обозначенной в данной публикации. Так, в частности, костяные предметы представлены также лопаточками, наконечниками стрел, псалием и др. Все они не составляют серий и не анализировались с позиций трасологии. В данной работе рассмотрены лишь орудия, прошедшие трасологическое изучение.

Подводя итоги трасологического исследования каменных и костяных изделий из поселения Кулевчи III можно отметить лидирующую роль камня и кости в трудовых процессах обитателей поселения. Удалось восстановить конкретный набор орудий, использованных в дифференцированных операциях, связанных с обработкой различных материалов, в том числе с металлургией и металлообработкой. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку при наличии на поселении металлических изделий было неизвестно, с помощью каких орудий и каким способом они были выполнены.

На основании следов сработанности, сохранившихся на поверхности каменных и костяных изделий, удалось выявить рудо — и металлообрабатывающие инструменты, а также изделия традиционных производств — камне- и деревообработки, кожевенной и керамической отрасли, прядения и плетения, зерно- и краскообработки, и др. При этом следует подчеркнуть, что значительная часть инструментария была использована в двойных — тройных функциях, а некоторые од-

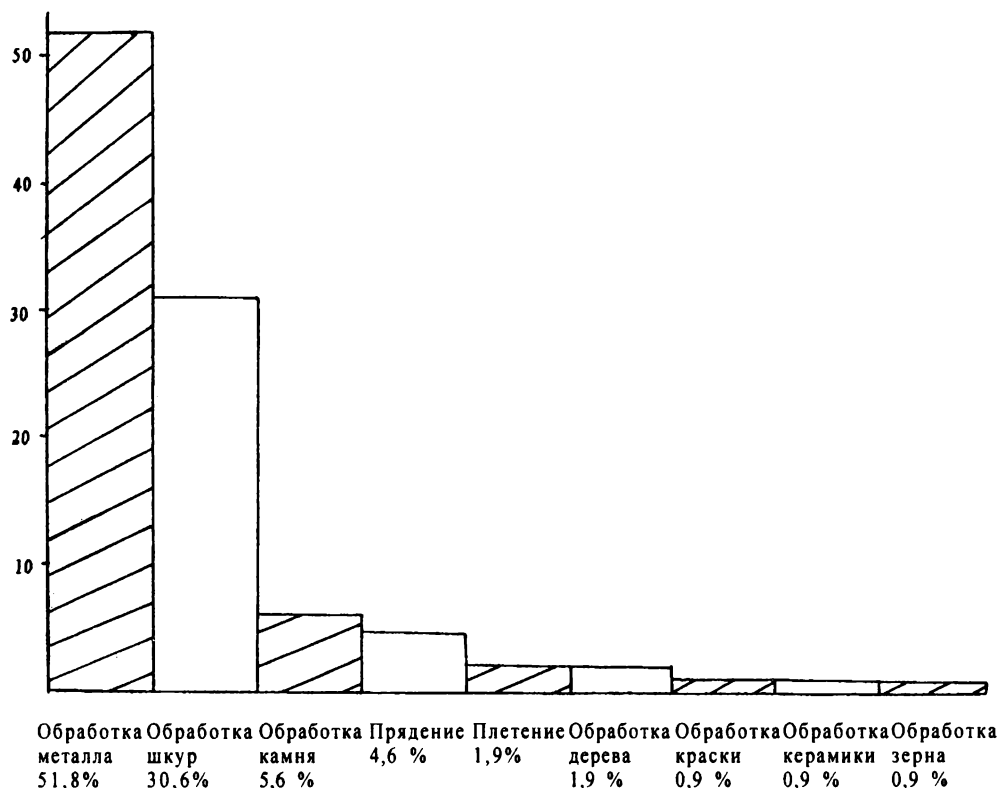
нофункциональные орудия срабатывались с двух-трех сторон. Тем самым число конкретно задействованных в работе инструментов оказалось заметно выше, чем самих археологических образцов.

Еще раз нужно отметить, что уровень развития металлургии и металлообработки во многом определяют каменные орудия, указывающие как на технологические процессы, которые фигурировали в этих производствах, так и на мастерство изготовителей их продукции. Безусловно, такой подход значительно расширил наши представления об экономической базе обитателей поселения Кулевчи III и заметно дополнил информацию, полученную при изучении собственно металлических изделий, не содержащих данных об орудиях, участвовавших в их изготовлении.

Следует подчеркнуть принципиально важную роль результатов трасологических изысканий каменных предметов для восстановления хозяйственно-производственной системы населения поселения Кулевчи III и ее функциональной направленности (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Соотношение орудий в разных производствах

Судя по высокому качественному показателю орудий, занятых в обработке шкур и выделке кож, а также в прядении, исследуемое поселение демонстрирует модель скотоводческого хозяйства. А в производственной деятельности, как свидетельствуют аналитические и количественные данные, преобладали металлургия и металлообработка, нацеленные на изготовление ювелирных изделий и бытовых предметов (табл. 3).

Числовой показатель каменных инструментов, их разнообразие и дифференцированное назначение, готовые металлические изделия — все это показывает высокий уровень развития металлургического и металлообрабатывающего производства, функционировавшего на поселении Кулевчи III. Принципиально важное значение имеет вывод о подготовке руды к плавке на территории самого поселения и местном характере рудоперерабатывающего производства. Невыраженность же следов собственно плавки указывает на ее функционирование где-то вне поселения.

Судя по разнообразию орудийного набора, металлургия и металлообработка обслуживались высококвалифицированными мастерами — кузнецами и ювелирами, владевшими всеми навыками и совершенными технологиями хорошо развитого по тем временам производства.

Немаловажную роль в производственной деятельности играла обработка и выделка камня и изготовление каменных предметов престижного толка (типа булавы), а также, возможно, полированных топоров, тесел и других орудий труда. Уникальна серия лошил-полировальников, выполненных из поперечно распиленных головок бедра крупных животных, и сохранивших специфические следы износа, оставшиеся от полировки поверхности камня. Это особенность поселения Кулевчи III.

На другие традиционные виды деятельности указывают находки краскообрабатывающих, деревообрабатывающих и зернообрабатывающих инструментов. Заметную роль играло прядение нитей, плетение циновок, керамическое производство. Словом, на территории поселения Кулевчи III зафиксирован весь набор производств, обеспечивавший жизнедеятельность населения и способствовавший развитию прогрессивных видов экономики — металлургии и металлообработки, которые являлись основой общего хозяйственно-культурного роста.

Библиографический список

1. Виноградов Н.Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье. КСИА. Вып. 169, 1982.
2. Виноградов Н.Б. Парадоксы Синташты // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной конференции «К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.
3. Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Выпуск 3. Тюмень, 2001.
4. Зайков В.В., Зданович С.Я. Каменные изделия и минеральносырьевая база каменной индустрии Аркаима // Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 2000.

5. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
6. Зданович Г.Б., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.
7. Кармышева Б.Х. Ткачество и прядение у населения южных районов Таджикистана и Узбекистана (XIX — нач. XX в.) // Проблема типологии в этнографии. М., 1979.
8. Семенов С.А. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957.
9. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
10. Семенов С.А. Каменные орудия эпохи ранних металлов // СА, № 2, 1969.
11. Тхиладзе Г.Р. Обработка декоративного камня. М., 1956.
12. Усачук А.Н. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений северо-восточного Приазовья // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ОЗЕР ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ГОЛОЦЕНА

Поводом для написания статьи послужили полевые исследования, проведенные весной 2002 г. объединенным отрядом экспедиции Челябинского государственного педагогического университета, Общества открытых исследований древности и специализированного центра «Аркаиm». Исследования носили комплексный археологический и лимнологический характер и были посвящены изучению небольших лесостепных озер бассейна реки Караталы-Аят Варненского района Челябинской области. Традиционно, археологи обращают мало внимания на подобные озера, поскольку сейчас большинство из них заросло высшей водной растительностью, являются бессточными, многие — с солоноватой водой и очень небольшим водным зеркалом. Такие характеристики делают их малопригодными для обитания и активной хозяйственной деятельности человека. Вместе с тем, в последнее время благодаря дешифровке аэрофотоснимков¹, на этих озерах выявлены поселения и могильники эпохи бронзы, погребальные комплексы раннего железного века и средневековья, что вызывает вопросы по проблемам обитания и реконструкции взаимодействий человека и природы в данной системе.

Попытки реконструкций могут быть проведены по двум направлениям: влияние природной среды на условия обитания человека, и влияние человека на естественные ландшафты в результате хозяйственной и иной деятельности. Вместе с тем актуальной остается и собственно палеогеографическая реконструкция среды обитания населения озерных памятников лесостепных районов Южного Зауралья.

Исследования, посвященные степным и лесостепным палеоэкосистемам Южного Зауралья довольно немногочисленны. Прежде всего, необходимо отметить исследования, проведенные для юго-западных районов Южного Зауралья. Данные, преимущественно, палеопочвоведческих анализов позволяют достаточно уверенно реконструировать для Южного Урала на рубеже III — II тысячелетия до н.э. аридную зону со смещением почвенно-географических границ к северу (Демкин В.А., 1999), в более позднее время (XVII — XV вв. до н.э.) — нестабильную природную обстановку. В начале интервала в южных районах сообщества — злаковые степи, а затем проявился процесс облесения территории, постепенного увлажнения климата, происходит формирование современного облика почвенной зональности (Демкин В.А., 1999; Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995). В целом

¹ Дешифровка аэрофотоснимков выполнена сотрудниками отдела мониторинга археологических памятников центра «Аркаиm» И.М. Батаниной и Н.В. Левит.

сходную картину демонстрируют работы палеоэкологов по лесостепной зоне Зауралья (Матвеев А.В., Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И., 1999). По мнению этих исследователей в I половине II тысячелетия до н.э. в лесостепном Зауралье преобладали лугово-степные ландшафты, характеризующиеся засушливым климатом. Тенденция развития территории заключалась в повышении увлажненности климата, большей облесенности, которая наиболее отчетливо выразилась к началу I тысячелетия до н.э.

Однако для обсуждаемой территории юго-восточных районов Южного Зауралья подобные исследования практически не проводились, а имеющиеся реконструкции для юго-западных районов Южного Зауралья требуют уточнения и дополнения. Полученные за последние 20 лет данные палеогеографических реконструкций ландшафтов Челябинской области позволяют с большей точностью выявить динамику развития ландшафтов в позднеледниковье и голоцене, основываясь на методе косвенного анализа палеогеографической обстановки через геоморфологию древних береговых линий.

Археологические исследования

Весной 2002 г. объединенным отрядом экспедиции Челябинского государственного педагогического университета, Общества открытых исследований древности и специализированного центра «Аркаим» была проведена разведка по пяти озерам Варненского района Челябинской области (рис. 1). В результате обследования было выявлено 3 поселения и 2 могильника эпохи бронзы, переобследованы три кургана раннего железного века (оз. Караоба). Кроме того, использованы отчетные данные о разведках по озерам Варненского района (Епимахов А.В., 1992). Они дополнили данные о памятниках укрепленным поселением Чекотай с могильником и неукрепленным поселением Тумак, также с могильником².

Поселения и могильники эпохи бронзы зафиксированы на четырех озерах (Чекотай, Тумак, Жабаны, Баканжул) (рис. 2; 3,1). В трех случаях на одном озере располагалось одно поселение и один могильник. Исключением является озеро Баканжул, на котором располагалось два поселения и один могильник. Озера, на которых расположены поселения, находятся друг от друга на расстоянии 5-12 км (расстояния даются от центра озера). Если учесть, что городище Чекотай занимает наиболее раннюю хронологическую позицию в этом ряду (синташтинское время) и исключить его из выборки, то расстояние между ближайшими поселениями составляет 10-12 км.

Все поселения располагаются в непосредственной близости от озер, на расстоянии от 10 до 60 м от линии берега. Особенность расположения поселений по берегам озера заключается в полном игнорировании западного берега, что, вероятно, объясняется стремлением расположить поселения с наветренного берега. Памятники располагаются на мысовидных участках берега, либо на ровных, возвышенных площадках. Высота их от уреза воды невелика. В трех случаях — не превышает одного метра, в двух случаях — от метра до двух. В настоящее время площадки памятников частично заливаются весенними паводковыми водами.

² Авторы считают своим долгом поблагодарить А.В. Епимахова за предоставленную возможность использования материалов отчета по разведкам на озерах Варненского района Челябинской области Чекотай и Тумак, а также Ф.Н. Петрова, И.П. Алаеву, Е.Л. Полякову, А.В. Шмидта, А.В. Дерягина, без помощи которых эта работа могла не состояться.

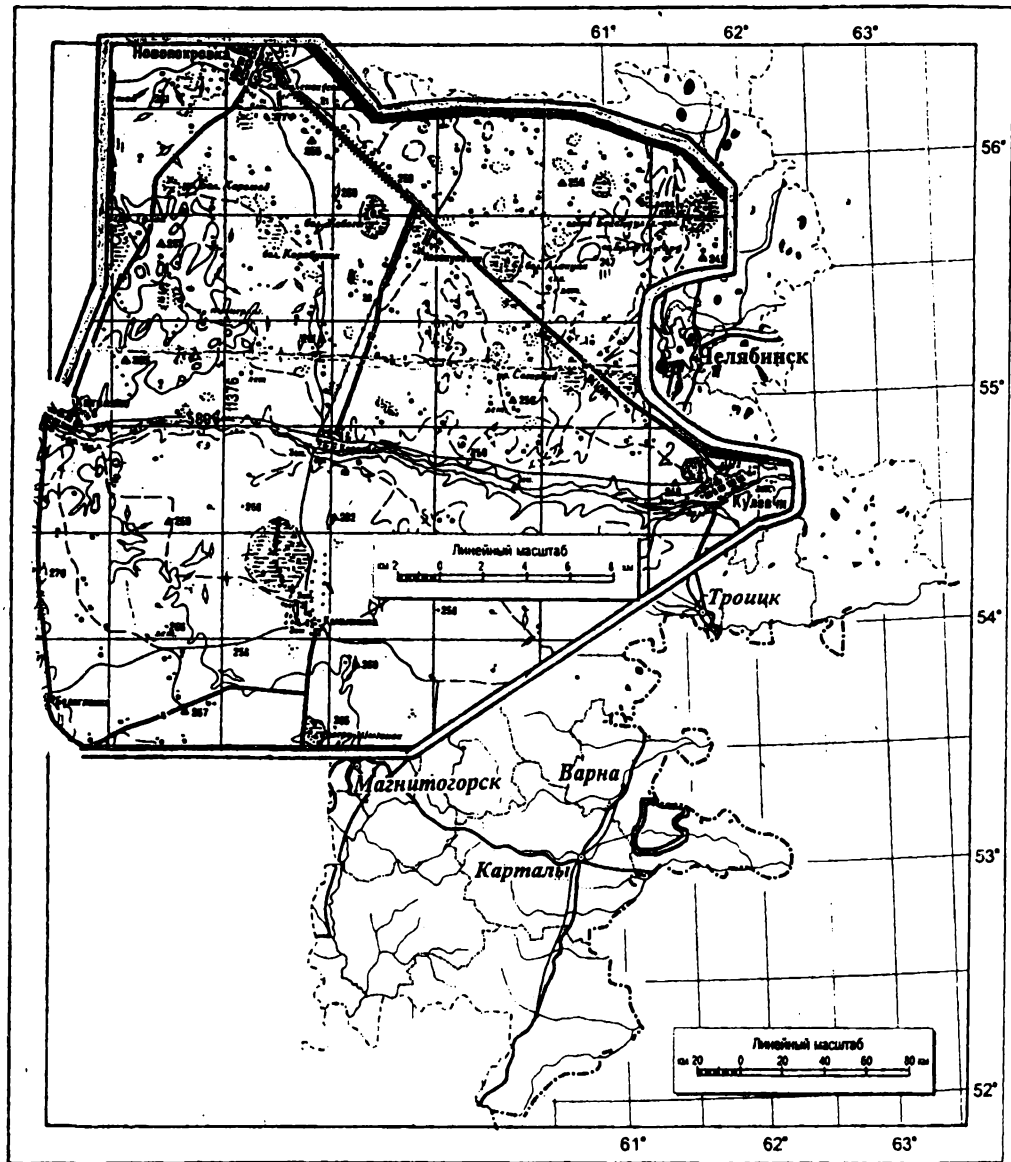
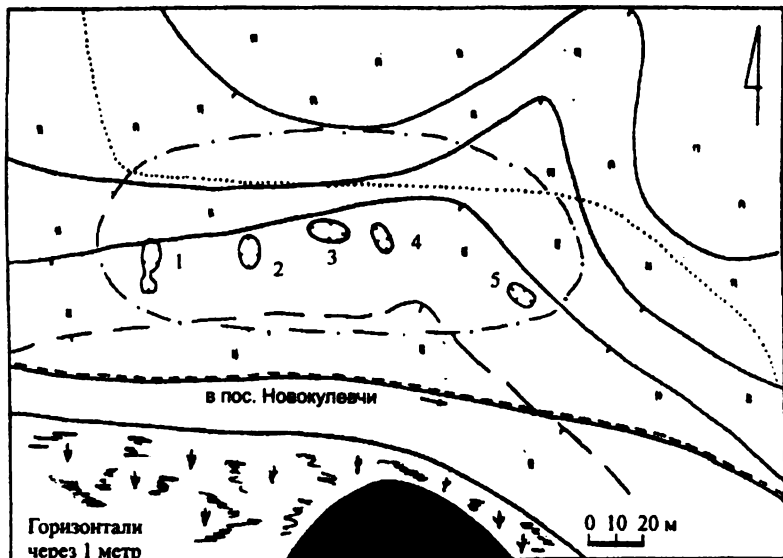

Рис. 1. Географическое положение и топография исследуемого района

Поселения, по величине, относятся к разряду средних и крупных. Одно из них, укрепленное городище Чекотай, занимает площадь 11000 м². Укрепления имеют прямоугольную форму со сторонами около 105 м. В пределах укреплений зафиксировано 26 жилищных впадин. Культурный слой на поселении достигает 0,8 метра на межжилищном пространстве. Наиболее крупным среди неукрепленных поселений является поселение Тумак, площадь которого превышает 35000 м².

○ -а — -б

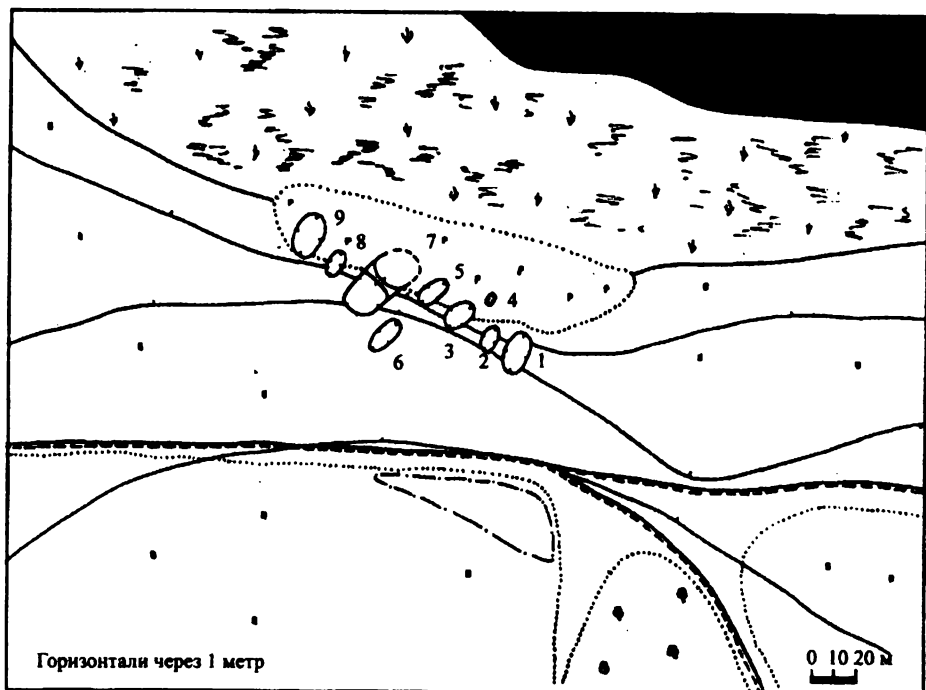

Рис. 2. Планы поселений

1 — поселение Жабagy 1; 2 — поселение Баканжул 1.

а — жилищная впадина; б — границы подъемных сборов

На территории поселения зафиксировано 34 впадины, расположенные двумя группами. Мощность культурного слоя на этом памятнике достигает 0,5 м. Поселения Жабагы 1, Баканжул 1,3 также являются достаточно крупными (рис. 2; 3,1). Площадь поселений: Жабагы 1 — 14400 м², Баканжул 1 — 13000 м², Баканжул 3 — 6500 м². Количество впадин соответственно — пять, девять и двенадцать. Причем, на поселениях Жабагы 1 по данным дешифровки аэрофотоснимков их число превышало восемнадцать, часть из них, наиболее далеко отстоящая от берега, на данный момент уничтожена распашкой. Планировка поселений вполне традиционна для эпохи поздней бронзы. Впадины расположены несколькими рядами, ориентированными параллельно относительно берега озера. Как правило, жилища длинными сторонами располагались перпендикулярно берегу озера, хотя встречается исключение. Так на поселении Жабагы 1 наряду с перпендикулярной ориентировкой относительно берега встречалась и параллельная.

Мощность культурного слоя на поселениях варьируется в пределах 0,4-0,6 м, что говорит об их долговременности. Показательно, что при закладке шурфов грунтовые воды выступали уже на глубине 30-40 см от поверхности.

Материал, собранный на поверхности памятников и полученный из шурфов также достаточно традиционен для поселений эпохи бронзы и включает в себя преимущественно обломки костей и керамику. По керамике (рис. 3, 2-10) поселения Жабагы 1, Баканжул 1,3 определяются как алакульские, причем в керамике поселения Жабагы 1 присутствуют и федоровские черты (рис. 3, 3). Поселение Тумак датируется эпохой бронзы, вероятно 2 половиной II тысячелетия (Епимахов А.В., 1992).

Городище Чекотай по особенностям архитектуры относится к кругу синташтинских и петровских памятников.

Дополнительным свидетельством в пользу долговременного характера поселений служат могильники, фиксировавшиеся недалеко от поселений, в пределах одного километра. Количество насыпей в могильниках по данным дешифровок аэрофотоснимков достаточно велико: Чекотай — 35, Тумак — 49, Жабагы — более 32. Могильник Баканжул 2 содержит около 10 насыпей. Причем, только на могильнике Тумак с уверенностью вычлняются сооружения позднее эпохи бронзы, относящиеся к раннему железному веку и средневековью (Епимахов А.В., 1992, с. 14).

Таким образом, можно говорить о долговременном характере освоения озер в бассейне реки Караталы-Аят в эпоху бронзы.

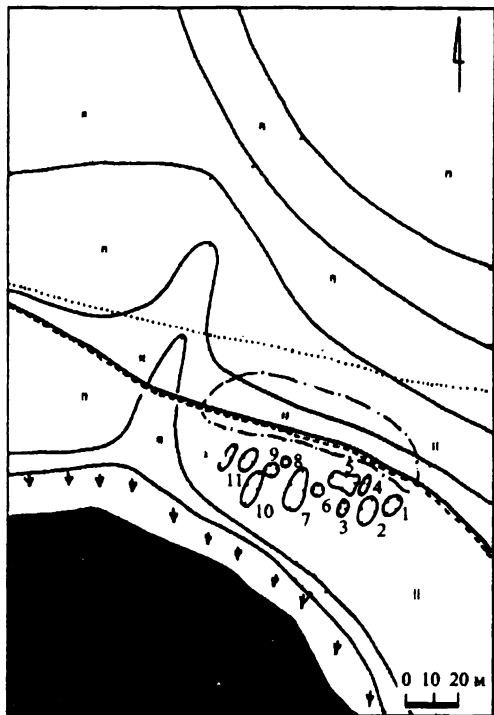
На обследованных озерах встречены памятники и кочевых культур раннего железного века и средневековья. Они представлены исключительно погребальными сооружениями. На берегу озера Караоба известен курганный могильник эпохи раннего железного века. В составе могильника Тумак по данным дешифровки аэрофотоснимков выделяется курган «с усам» и ряд других сооружений. Курган «с усам», ныне уничтоженный, локализуется и на болоте Алакупа.

Основным предметом нашего исследования будут проблемы взаимодействия человека и озерных экосистем в эпоху бронзы, поскольку именно в этот период наблюдается наиболее активное хозяйственное освоение озер.

Геоморфологические исследования

Исходным материалом для интерпретации результатов полевого обследования озер послужила диссертация одного из авторов статьи (Дерягин В.В., 1999).

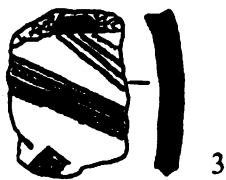
На основании комплексных палеогеографических исследований с применением палинологического анализа донных отложений выявлена динамика увлажнения в многовековом аспекте, позволяющая оценить формирование водной массы

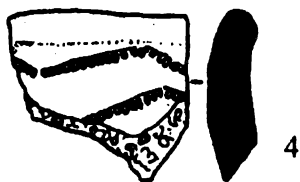
1

2

3

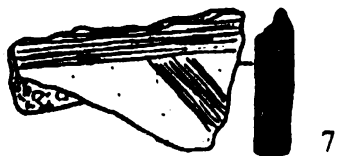
4

5

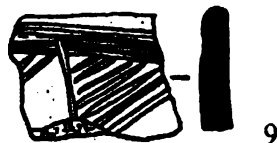
6

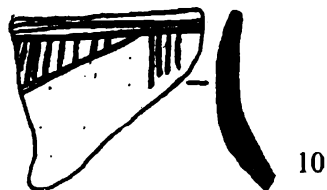
7

8

9

10

Рис. 3. План поселения и керамика

1 — поселение Баканжул 2; 2—6 — керамика поселения Жабагы 1; 7—9 — керамика поселения Баканжул 1; 10 — керамика поселения Баканжул 2

озер северной территории восточного склона Южного Урала. Установлено, что не только крупные, но и малые озера восточного склона существовали уже в среднем дриасе (DR₂) — около 12,5 тыс. лет назад. По результатам изучения озерных геосистем (ОГС) Серебры, Увильды, Б.Кисегач, Аргаяш Аргаяшского района выявлена последовательность палеогеографических событий на восточном склоне Южного Урала, которая выражается в закономерной смене ландшафтов этой территории. В результате реконструирования палеоландшафтов территории северной части восточного склона Южного Урала прослежено субмеридиональное простираание природных зон с бореального времени голоцена (ВО, 9,5 тыс. лет назад — возраст первых озерных отложений оз. Аргаяш Аргаяшского района) на территории южнотаежной горной, переходной предгорной и северной лесостепной зон, что указывает на соответствующее простираание изогийет.

Основой исследований является палеогеографическая реконструкция природных комплексов, опирающаяся на результаты палеоэкологических методов, позволивших сравнить историю развития ОГС восточного склона Южного Урала между собой. Результаты спорово-пыльцевого анализа исследованных с участием автора водоемов сопоставимы с данными по истории развития других озер Южного Урала, что позволяет провести палеогеографическую реконструкцию развития озерных геосистем района исследования в голоцене.

По результатам исследований позднеледниковье подразделено на три зоны: средний дриас (DR₂), аллеред (AL) и верхний дриас (DR₃). Для послеледниковья внутри зон выделены подзоны (пребореальный период: PB₁ и PB₂, бореальный: BO₁, BO₂, атлантический: AT₁, AT₂, AT₃, суббореальный: SB₁, SB₂, SB₃). Формировавшиеся в субатлантическом периоде осадки частично размыты при взятии колонки, так как представлены жидким илом. Поэтому для верхней части голоцена принята единая зона субатлантики (SA).

На основании полученных данных о формировании растительного покрова изучаемой территории выделены 15 этапов развития растительности и соответствующие им периоды развития ОГС. Выделение этапов позволило провести палеогеографическую реконструкцию эволюции природных зон на исследуемой территории за последние 9,5 тыс. лет (с ВО-периода). Она показала, что при всем своеобразии природы Южного Урала, развитие его растительности (как лесных, так и озерных экосистем) определялось общей направленностью и ритмичностью динамики природно-климатических процессов в голоцене. Данные по истории основных лесобразующих видов свидетельствуют, что при существующем типе климата наиболее соответствующими физико-географическим условиям района восточного склона Южного Урала являются сосна и береза (Панова Н.К., 1987). Изложенные материалы позволяют утверждать, что многие черты современных ландшафтов унаследованы от предыдущих эпох. Смена растительных формаций в северной части Южного Урала происходила относительно плавно, своеобразие рельефа обусловило наличие микроклиматических особенностей, при которых было возможным существование «убежищ» широколиственных пород во время похолоданий. Так как эти изменения не были катастрофическими, происхождение ландшафтов лежит далеко за пределами голоцена. Данные палинологического и диатомового анализов позволяют восстановить динамику увлажнения исследуемой территории и тенденции развития ОГС, краткая характеристика которых представлена в таблице 1.

Результаты проведенного ретроспективного анализа позволили установить: возраст ландшафтов и крупных ОГС восточного склона Южного Урала (оз. Увильды, оз. Б.Кисегач) выходит за рамки голоцена, малые также имеют позднеледниковый (оз. Серебры, г.Карабаш) и раннеголоценовый (оз. Аргаяш Аргаяшского района) возраст.

**Общие тенденции развития озерных геосистем
в поздне- и послеледниковое время
по данным изучения вещественного состава
донных отложений озер восточного склона
Южного Урала**

Период голоцена	Кув	Тенденции развития растительности	Тенденции развития водоемов
SA	1,1	Сосново-березовые травяные леса	Уменьшение глубины, повышение трофности
SB	1,2	Березово-сосновые травяные леса	Снижение трофности (олиготрофные), опреснение, уменьшение глубины с повышением к концу периода
AT	1,4	Сосново-березовые разнотравные леса с широколиственными	Повышение температуры, обводнение, увеличение трофности (крупные озера – до мезотрофных)
BO	1,1	Сосново-березовые леса с лиственницей	Увеличение глубины и трофности (до олиго-мезотрофных)
PB	1	Лиственничные леса	Увеличение глубины и трофности, опреснение
DR ₃	0,7	Холодные лесостепи с редкостойными лиственничниками	Мелководные, Солоноватые
AL	0,9	Лиственничные леса с сосной и березой	Пресноводные, олиготрофные, Неглубокие
DR ₂	0,6	Перигляциальные лесостепи с редкостойными лиственничниками	Мелководные, Солоноватые

Кув — коэффициент увлажнения Н.Н. Иванова (1948)

Из таблицы 1 следует возможность реконструкции палеоландшафтов с периода AT, исходя из особенностей формирования озерных геосистем: наибольшая глубина (а значит, самый высокий от современного уреза береговой комплекс) зафиксированы в AT, в последующие периоды (суммарно около 4,5 тыс. лет) формировались ниже расположенные береговые линии.

Обращаясь к анализу полевых материалов, необходимо отметить, что данная работа является только предварительной. Окончательные заключения относительно развития озерных геосистем в позднем голоцене можно делать только после проведения палинологического, диатомового и иных анализов донных отложений.

За период полевых исследований обследовано 5 озер и построено 8 профилей. Характеристика некоторых собранных в экспедиционном выезде материалов содержится в таблице 2.

Результаты обследования некоторых озер Варненского района

№	Озеро	f о, км ²	f "з"%	Lб/Лос, км	Профиль
1	Караоба	4,91	16	7,5 / 2,5	3/2
2	Шыганак	0,56	11	2,5 / 2,5	2/1
3	Жабагы	1,33	5	4,2 / 1,2	2/1
4	Алакупа	0,95	20	3,5 / 3,5	3/2
5	Баканжул	1,54	40	4,4 / 1,2	2

Озеро Караоба (53°08' N, 61°10'45'' E)³. Представление о его внешнем облике, степени зарастания и местоположении профилей дает рис. 4, 1. Берега относительно твердые, супесчаные, илистые отложения почти не встречаются. На северо-восточном берегу имеется выраженный современный комплекс береговой линии и 3 древних (рис. 4, 1). До глубины 0,6 м подводных (затопленных на период осмотра) террас не обнаружено. Можно утверждать о характерном строении восточного берега этого озера, заключающегося в следующем.

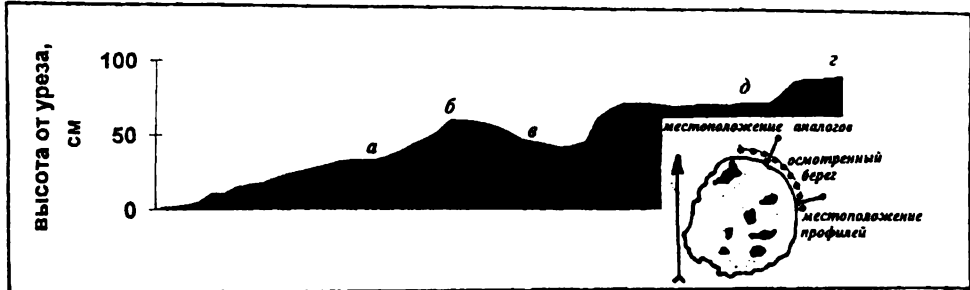
Из трех береговых комплексов ярче остальных выражен первый от уреза древний береговой комплекс, включающий сублиторальный участок а (зону заплеска), приозерный береговой вал б и приозерную террасу в с очень характерным понижением в сторону коренного берега г. Необходимо отметить, что именно по бывшим сублиторальным отмелям, зонам заплеска или вдольбереговым террасам за валами прокладываются прибрежные проселочные дороги д. Такая дорога, маскирующая самый древний береговой вал, проложена по зоне заплеска третьего древнего берегового комплекса на протяжении более километра (северо-восточный берег).

Наличие трех древних абразионно-аккумулятивных береговых зон позволяет сделать предположение о возрасте данной озерной геосистемы не менее чем в 8 тысяч лет (начало атлантики голоцена). В пользу такого предположения говорит выраженность «высокой» береговой линии, которая могла сформироваться лишь в условиях длительного обводнения в климатический оптимум голоцена. Относительно четкие комплексы береговых линий разного возраста позволяют говорить о возможной реконструкции палеогеографической обстановки за период развития оз. Караоба.

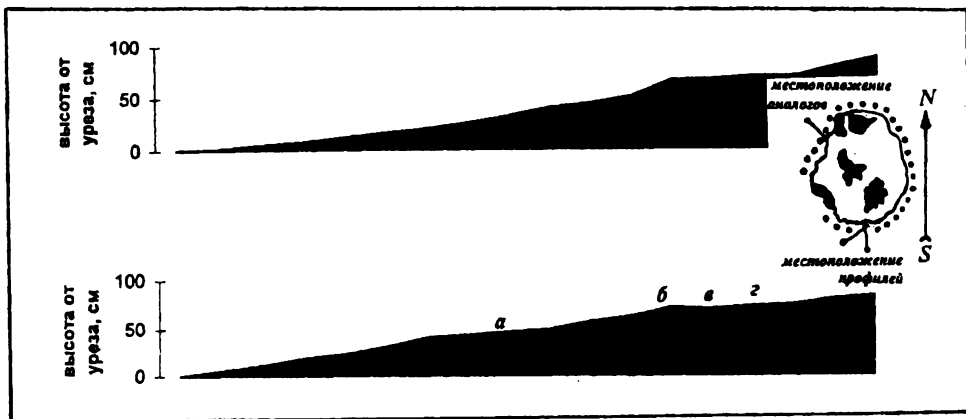
Озеро Шыганак (53°04'26'' N, 61°12'10'' E, на геологической карте 1963 г. — оз.Чегалак) осмотрено все побережье. Современные берега вязкие, сложены тяжелым суглинком. Обнаружены три комплекса береговых линий (рис. 4, 2), наиболее четко выраженные на северо-западном и южном берегах. Два верхних (по гипсометрическому положению), несомненно, могут считаться древними (заложены в среднем, перемытом до легкого, суглинке), первый от уреза — лишь предположительно, в связи со значительной весенней обводненностью. Исследования литорали показывают наличие подводных террас на северном берегу на глубинах менее полуметра.

Ситуация в некоторой степени повторяет оз.Караоба. Геоморфологическая схема (рис. 4, 3) дает представление об изменчивости площадей элементов побережья даже на микроучастках. Четко обозначенная на местности верхняя (древнейшая) береговая линия позволяет сделать предположение о длительном «высоком» стоянии воды, что может соответствовать атлантике голоцена.

³ Здесь и далее — координаты центра водоема.

1

2

3

Рис. 4. Профили побережий и геоморфологическая схема озер Караоба и Шыганак
 1 — профиль побережья озера Караоба; 2 — профиль побережья озера Шыганак;
 3 — геоморфологическая схема участка побережья оз. Шыганак

Озеро Жабагы (53°14'53" N, 61°13'40" E) осмотрена северная и западная часть побережья. Исключительно слабое развитие береговых комплексов даже на западном берегу создает трудности в их обнаружении. Возможной причиной является характер отложения на берегах (суглинок с большим количеством илистых частиц). Профиль построен на юго-восточном берегу, его аналог обнаружен в западно-северо-западной части побережья (рис. 5, 1). До глубин 0,65 м подводных террас не обнаружено, что позволяет считать первый береговой комплекс квазисовременным, второй — древним.

По результатам обследования оз.Жабагы невозможно с уверенностью гарантировать палеореконструкцию ландшафтов в связи с нечеткостью береговых линий. В процессе полевых исследований высказана гипотеза о возможном существовании ложбины стока на юг из озера, в результате чего уровень зеркала не превышал 0,6 м относительно современного. Если гипотеза о стоке (или обширной западине, являющейся «резервуаром» прибывающих вод и регулятором уровня — она просматривается на южном побережье озера) верна, то «верхняя» береговая линия относится к атлантическому времени. Остатки жилищных ям на северном берегу (терраса б) — не древнее 4 тыс. лет, вероятнее — 3-3,5 тыс. лет.

Озеро Алакупа (53°14'05" N, 61°18'15" E) полностью осмотрено по береговой линии. Профиль построен на северном берегу (рис. 5, 2). Четко выраженных аналогов на других берегах не обнаружено, прежде всего, по причине распаханности прибрежной зоны и интенсивного сельскохозяйственного использования ее в засушливые годы. В частности, весь восточный берег распахан до уреза, четко выраженный окраинный вал пахоты по гипсометрическому положению совпадает с древним береговым комплексом а,б,в. При этом с помощью нивелирования на уровне 0,7-0,8 м и 1,0-1,2 м восточного берега эпизодически угадываются (просматриваются после целеуказания) выложенные пахотой древние береговые комплексы.

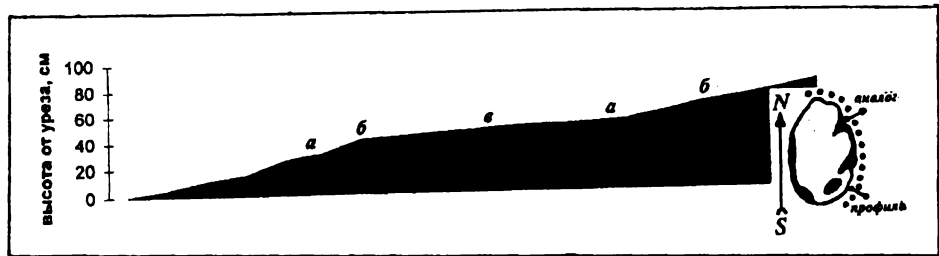
Относительно четкая выраженность серии береговых линий на крутом северном побережье оз.Алакупа позволяет провести реконструкцию развития данной озерной геосистемы со времени образования «верхней» береговой линии (предположительно, атлантика голоцена) с известными допущениями (отсутствие аналогов ставит под вопрос достоверность выводов).

Озеро Баканжул (53°15'10" N, 61°24'30" E, местное название — Бакандык) осмотрено по западному и южному берегу.

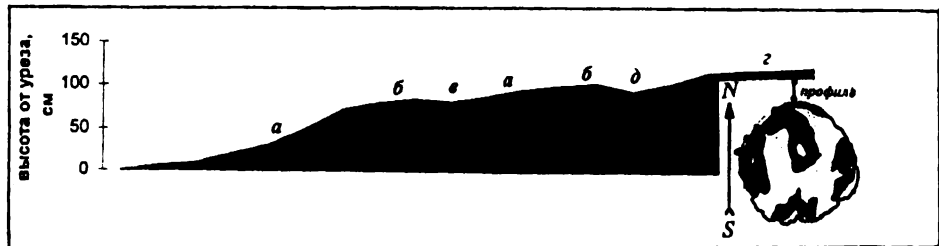
Западный берег имеет очень слабо выраженные береговые комплексы на уровнях 0,6 и 0,8 м. При этом в суффузионной котловине размерами 40x60 м в 50 м по горизонтали и в 2,5 м по вертикали от современного уреза имеются следы-ниши предположительно абразионного происхождения, что говорит о возможном длительном повышении уровня озера примерно до 2,5 м.

Профиль по южному берегу (рис. 5, 3) имеет четко выраженную террасу в начале «гряд» (а) и «перегиб» склона (б) на уровне середины жилищных впадин, который мы считаем древним береговым комплексом. Жилищные впадины «врезаны» в древнейшую террасу (уровень «фасада», обращенного к озеру, на несколько десятков сантиметров ниже тыловой части сооружения).

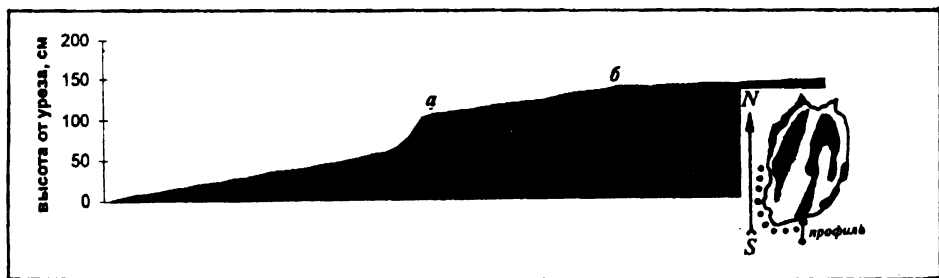
В результате опроса местных жителей получены данные о различных уровнях стояния озера за последние 40 лет. Так, в середине 70-х и 90-х годов оз.Баканжул полностью пересыхало, а в 60-х — имело уровень на 2,5 м более современного. При осмотре южного коренного берега следов подтопления и абразии не обнаружено, о следах на западном говорилось выше. Кстати, дорога по западному бе-

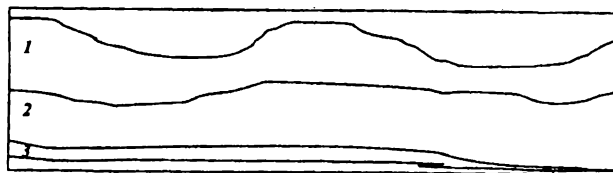
1

2

3

4

Рис. 5. Профили побережий озер Жабagy, Алакупа, Баканжул

1 — профиль побережья озера Жабagy; 2 — профиль побережья озера Алакупа; 3 — профиль побережья озера Баканжул

регу идет именно на этом уровне и скрадывает возможную береговую линию.

Возможность палеогеографической реконструкции для оз.Баканжул по береговым комплексам сомнительна в связи с «некорректностью» осмотренной площади (западный и южный берега).

На северной окраине поселения Баканжул 2, на границе кочковатого болота и луга была зафиксирована область «гривистого» рельефа. Протяженность его вдоль

берега озера составила 140 метров, а вглубь берега — не более 20 метров. Этот участок представлял собой чередование гривок и понижений шириной около 2 м. На площадке «гривистого» рельефа был заложен геоморфологический шурф. Глубина его составила 1,5 м, коренная порода — светло-желтый легкий суглинок. Схема разреза представлена на рис. 5, 4 и включает несколько горизонтов: современная почва (1), зольник (2), погребенная почва (3) и материнская порода под ней. Авторам известно только одно аналогичное образование на площадке поселения — поселение Кривое Озеро 1 в Нагайбакском районе Челябинской области⁴. Поселение расположено на берегу старичного озера, и расположение и характеристики «гривок» практически полностью аналогичны материалам поселения Баканжул-3. Такие формы рельефа на поселенческих памятниках никогда специально не изучались, однако нельзя отвергать версию об их искусственном происхождении, поскольку в обоих случаях они связаны с зольником.

Систематизация полученных данных и сопоставление с данными по развитию ОГС северной части восточного склона Южного Урала приводит к следующему (табл.3).

Современная зона развития активного берега (ЗАБ — стандартный береговой комплекс форм рельефа: заплеск или прибрежная отмель, береговой вал, приозерная терраса) имеет возраст не более 1 тыс. лет и обнаружена только на озерах Караоба и Алакупа. Вероятно, найти ее можно на побережье всех озер при низком уровне стояния воды, т.к. затопленное ее подобие зафиксировано на северном берегу оз. Шыганак.

Вторая от уреза воды ЗАБ формировалась в интервале 2-2,5 тыс. лет в конце суббореального периода (SB₃). На оз. Баканжул она не обнаружена, вероятно, в связи с неполным обследованием побережья.

Третья ЗАБ предположительного возраста 3-4,5 тыс. лет знаменует собой окончание климатического оптимума голоцена. Растянутость этого «окончания» во времени объясняется не только замедленной реакцией (инертностью) ОГС на изменение условий увлажнения, но и ступенчатым характером этих изменений в SB1.

Четвертая, самая древняя ЗАБ, могла формироваться только в условиях длительного периода максимального увлажнения. В Северной Евразии это АТ. Вероятно, относительная размытость данного берегового комплекса связана не только с древностью, но и с тем, что уровни водоемов в АТ2 и АТ3, по всей видимости, ненамного отличались друг от друга.

Таблица 3

Высота серий береговых линий обследованных озер

№	Озеро	Высота разных ЗАБ от уреза, см			
		15	35-50	60	75-80
1	Караоба	15	35-50	60	75-80
2	Шыганак	-	45	70-75	85
	Жабагы	-	30-40	55-62	-
	Алакупа	22	60	70-82	98-112
	Баканжул	-	?	60-65	80-120
	Амплитуда ЗАБ	7	25	27	45
	Время развития ЗАБ*	0-1тыс.	2-2,5тыс.	3-4,5тыс.	4,5-8тыс.

* — предположительное время развития зоны активного берега (заплеск+вал+терраса)

⁴ Обследовано научным сотрудником центра «Аркаим» И.П. Алаевой.

По данным табл.3 построен график изменения уровня водоемов обследованной территории во второй половине голоцена (рис. 6, 1), из которого следует, что только средний суббореал (SB_2) не оставил следов на склонах озерных котловин.

Необходимо заметить, что амплитуда колебаний высоты в сериях береговых линий обследованных озер находится в пределах 45 см для древнейшей ЗАБ. Это можно объяснить двумя причинами:

1. ЗАБ на одном озере изначально имеет разную мощность по вертикали, зависящую от площади и конфигурации озера (т.е. от длины разгона волн господствующими ветрами). Для современной ЗАБ (0-1 тыс.лет) она колеблется в пределах 10-40 см.

2. Высотный уровень развития ЗАБ на разных озерах одной местности может различаться на несколько десятков см (до 1 м), что обусловлено рядом таких факторов, как рельеф водосбора и самой котловины водоема, площадь водосбора, площадь зеркала, их соотношение и т.п.

Таким образом, возможная амплитуда колебаний высоты ЗАБ одного возраста, в одной местности, но на разных озерах, лежит в пределах 1 м (чаще до 0,5 м). Из этого следует правомерность объединения ЗАБ разных озер, различающихся по превышению над урезом, в определенные категории относительно времени их образования, как это сделано в табл.3.

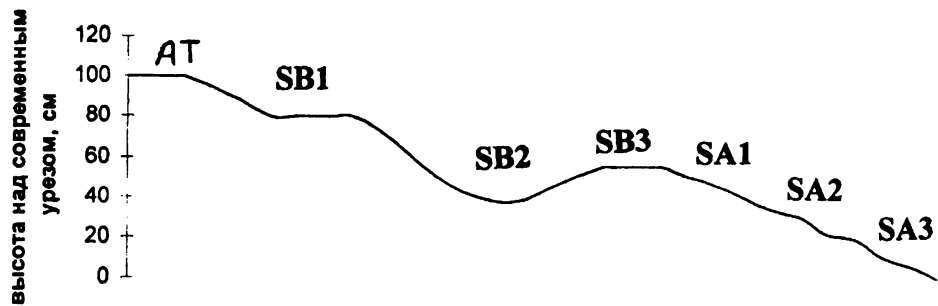
По графику (рис. 6, 1) фиксируется относительная стабильность уровней водоемов в АТ, SB_1 и SB_3 при общем последовательном их снижении до SB_3 (когда выявлено повышение уровня), а также нестабильность уровня в современной нам SA при более медленном снижении. Первое вызвало образование настолько мощных ЗАБ, что их следы сохранились и через 4 тыс.лет, второе (относительно быстрые колебания уровня в субатлантике) не только обеспечило сохранность древних ЗАБ, но и создало на большей части водоемов обширные (до 30-50 м мощности по фронту), современные литоральные зоны равномерного уклона, как бы предваряющие их.

Для большей наглядности (и в подтверждение обоснованности таблицы 3), а также проведения дальнейших уровенных корреляций, мы приводим совмещенный профиль побережий исследованных озер (рис. 6, 2).

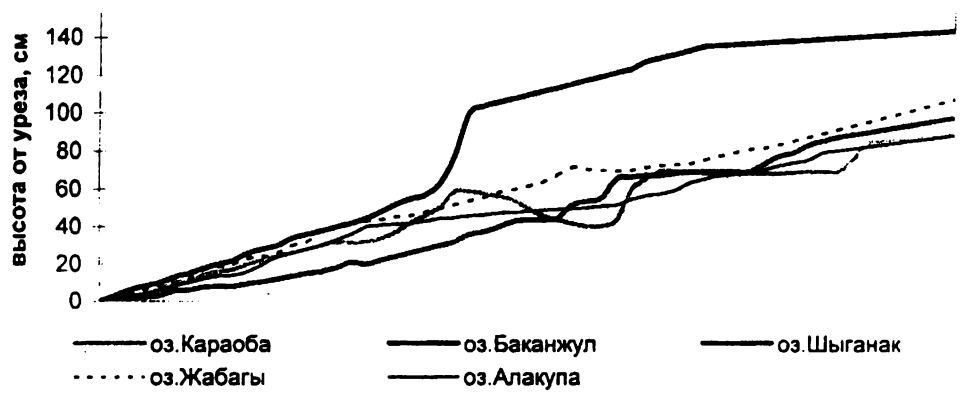
Анализируя совмещенный профиль побережий озер Варненского района, можно выделить 6 высотных уровней береговых линий разного возраста. В один уровень, по нашему мнению, могут входить береговые линии разного возраста, что поясняет табл.3 и нижеприведенные рассуждения.

Первый от современного уреза береговой абразионно-аккумулятивный комплекс расположен на высотах 10-35 см и выражен на всех озерах, за исключением оз.Баканжул (о возможной некорректности данных по Баканжулу говорилось выше). Второй комплекс (от 40 до 58 см над современным урезом) имеется на всех озерах без исключения. Третий комплекс имеет очень узкий диапазон и, скорее всего, ему присуща гетерохронность (разновозрастность): от 70 до 75 см, кроме Баканжула. То же с четвертым комплексом, от 79 до 83 см. Пятый комплекс (97-114 см) четко прослеживается только на Алакупе и Баканжуле. Самое высокое положение имеет комплекс древних береговых линий на оз.Баканжул (шестой высотный уровень, 120-130 см от современного уреза), однако он слабее всех читается на местности.

Гетерохронность покажем на следующем примере. Наиболее древние береговые комплексы, четко читаемые на оз.Алакупа (97-114 см, пятый высотный уровень), оз.Караоба (около 80 см, четвертый) и оз.Шыганак (чуть менее 70 см, тре-

1

2

Рис. 6. График колебаний уровня озер и совмещенный профиль озер
 1 — график колебания уровня водоемов во второй половине голоцена;
 2 — совмещенный профиль побережий озер Варненского района

тий) по времени образования предположительно совпадают с шестым высотным уровнем для оз.Баканжул и соответствуют концу атлантики в голоцене.

Подводя итоги геоморфологического анализа озерных террас, следует отметить следующие моменты.

Три основные террасы, как и на севере Челябинской области, повторяются на исследованных озерах. Ход уровней на северных водоемах идентичен изменениям на южных, что говорит о приблизительно одинаковом ходе увлажнения территории. Временные корреляции имеют право на существование в связи с небольшими рас-

стояниями между сравниваемыми пунктами (менее 200 км по меридиану). Это позволяет распространить данные корреляции и на растительный покров, который зависит, в основном, от увлажнения. Однако надежность проведенной экстраполяции данных с северных территорий Челябинской области на исследуемую, по нашему мнению, не может быть признана вполне удовлетворительной в связи со спецификой развития природы (в частности, интразональная сейчас лесная растительность могла быть доминирующей до конца SB₁; именно в этом районе могла проходить граница лесов и лесостепей). Достоверность реконструкций может быть повышена специальными палеолимнологическими исследованиями водоемов этой территории.

На основании вышеизложенного можно высказать осторожное предположение, что 3—4,5 тыс. лет назад данная территория была, как минимум, северной лесостепью с небольшим участием степных видов, или, как максимум, южной границей лиственных лесов. Наличие лесов не подтверждают, но и не опровергают исследователи сходных территорий этого периода (Рябогина Н.Е. и др., 2001; Смирнов Н.Г., 1976).

Обнаруженные «высокие» ЗАБ соответствуют стабильным уровням озер в атлантике, нижнем суббореале, на границе суббореала и субатлантики. Современные колебания уровня быстрые, в связи, с чем нет следов абразионно-аккумулятивной деятельности вод. Однако отсутствие таких следов приводит к следующим выводам и умозаключениям:

- современный этап развития ОГС данной территории характеризуется зарастанием и неустойчивым водным режимом, который не выражается геоморфологически;
- уровеньный режим озер во время существования поселений был относительно стабильным, зарастаемость — минимальной (вероятно, редкие полосы 1-2 м ширины прерывистого распространения на литорали).

Такое заключение позволяет рассматривать исследуемые озера в эпоху бронзы как вполне способные выдержать прессинг долговременных поселений со скотоводческим характером хозяйствования.

Вместе с тем, возникает проблема, заключающаяся в топографическом положении поселений. Как уже было отмечено выше, в современности площадки памятников заливаются весенними паводками и отмечается высокий уровень стояния грунтовых вод. Если предполагать более высокий уровень увлажненности в период существования поселений и, следовательно, постоянное подтопление площадок (по крайней мере, в период весенних паводков), то необходимо предполагать и сооружение сложных дренажных систем для отвода грунтовых вод. Однако целесообразность создания таких систем остается под вопросом, поскольку проблема может быть просто решена отнесением поселений на более высокую площадку.

Один из путей решения проблемы может быть предложен при учете не только глобальных смен природно-климатических условий. А.В. Шнитников при анализе внутривековых циклов увлажненности по данным степных и лесостепных озер Западной Азии подробно разбирает 30-40-летние брикнеровские циклы динамики увлажненности озер (Шнитников А.В., 1969). В течение этих циклов наблюдается смена фазы высыхания и увлажнения озер. Особенно быстро и энергично наблюдаются явления внутривековой изменчивости на озерах «расположенных в плоских, мелких депрессиях типа степных блюдеч не имеющих грунтового и тем более подземного питания». Подобные озера даже во влажные фазы не способны сохранять устойчивый гидрологический режим и в начале засушливой фазы быстро пересыхают (Шнитников А.В., 1969, с.23). Возможно, что существование поселений

на исследуемых озерах Варненского района Челябинской области связано именно с засушливой фазой внутривековой изменчивости при общей повышенной увлажненности климата и более высоком и стабильном уровненом режиме озер.

Существование долговременных поселений на исследуемых озерах в рамках засушливой фазы сталкивается с определенными трудностями. Прежде всего, это касается недостатка воды для функционирования поселения. По всей вероятности, эта проблема решалась за счет создания колодцев на поселении. Водопой же скота мог осуществляться на близлежащих водных источниках. Так, до ближайших озер расстояние не превышает пяти километров, а до реки Караталы-Аят — десяти километров. При полном пересыхании озер привлекательность для скотоводческого хозяйства заключается в возможности использования их как сенокосных угодий (Косарев Ф.М., 1984, с. 27-30).

В заключение необходимо отметить, что выводы, предложенные в статье, носят предварительный характер и дальнейшие исследования предполагают как стационарные раскопные исследования поселений, так и проведение специальных палеолимнологических исследований водоемов этой территории.

Библиографический список

1. Демкин В.А. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы конференции. Челябинск, 1999.
2. Дерягин В.В. Озерные геосистемы восточного склона Южного Урала в условиях техногенного воздействия. Автореф. дис. ... к.г.н. Пермь, 1999.
3. Епимахов А.В. Отчет о разведках в Варненском и Красноармейском районах Челябинской области в 1992 году. Челябинск, 1992.
4. Иванов Н.Н. Ландшафтно-климатические зоны земного шара // Записки всесоюзного географического общества. Серия новая. М.-Л., 1948.
5. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
6. Лаврушин Ю.А. Спиридонова Е.А. Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V, кн.2. Челябинск, 1995.
7. Матвеев А.В., Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. К палеогеографической характеристике андроновской эпохи в лесостепном Зауралье // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы конференции. Челябинск, 1999.
8. Панова Н.К. История лесной и болотной растительности центральной и горной провинции Южного Урала в голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа). Автореф. дис. ... к.б.н. Свердловск, 1987.
9. Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Иванов С.Н. Реконструкция условий обитания населения нижнего Приисетья в позднем бронзовом и раннем железном веках // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии Ученого совета Института проблем освоения Севера СО РАН 2000 г. Вып.2. Тюмень, 2001.
10. Смирнов Н.Г. Некоторые особенности голоценового этапа развития териофауны Урала // История биогеоценозов СССР в голоцене. М., 1976.
11. Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969.

К ВОПРОСУ О «ДЕГРАДАЦИИ» КОЛЕСНИЧНОГО КОМПЛЕКСА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

(по материалам могильника Николаевка II)¹

Яркость синташтинских древностей, демонстрирующих высокую степень милитаризованности погребальной обрядности и развитые системы фортификации, несколько затеняет следующий хронологический период поздней бронзы. При несомненной родственности синташтинский, петровский и алакульский комплексы столь же очевидно различаются по глубине проявления военной «специализации» части населения. Одним из основных ее аспектов признается развитие колесничного дела². Часто в отношении эпохи поздней бронзы высказывается мнение о «деградации» колесничного комплекса и военного дела в целом. Ситуация не представляется столь однозначной, во всяком случае темпы «вымывания» соответствующих атрибутов существенно различаются на разных территориях. Иллюстрацией такого заключения могут служить результаты исследования могильника Николаевка II. В настоящей публикации приведены итоги раскопок кургана I, содержащего материалы по рассматриваемой теме³.

Курган диаметром 12 м и высотой 0,9 м, занимавший в некрополе центральную позицию, содержал три разновременных погребения. К интересующему нас времени относятся крупная центральная яма, периферийная яма № 6 и ряд углублений по краю подкурганной площадки (вероятно, выборки грунта для сооружения насыпи, имевшей первоначально диаметр 7-8 м). Кроме материалов эпохи бронзы выявлены два разновременных погребения РЖВ.

Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии запад-восток, серьезно пострадала от ограбления и упомянутых погребений РЖВ. Размеры по мере углубления в грунт уменьшались, а очертания приобретали все более правильную форму (рис. 1). Лишь в СВ углу сохранялся округлый выступ, который автор раскопок трактовал как «вход»⁴. В придонной части размеры камеры составили 2,05х3,1 м; общая глубина от уровня материка — около 1 м.

¹ Работа выполнена при частичной поддержке гранта РГНФ №02-01-00479а/Т.

² Естественно, различия не сводятся к этому аспекту культуры, однако ему уделяется столь пристальное внимание, что уже сформулирована периодизация по данному основанию: «эпоха повозок — эпоха колесниц — эпоха всадников».

³ Считаю приятным долгом высказать слова благодарности автору раскопок А.Д.Таирову, предоставившему неопубликованные материалы раскопок (см. также статью А.В. Епимахова и М.Г. Епимаховой в настоящем сборнике).

⁴ Эта деталь может быть трактована как результат деятельности грабителей, проникших под еще не рухнувшее перекрытие путем подкопа одной из стен. Такому заключению не противоречит и большое число находок переотложенной керамики в этой части могилы.

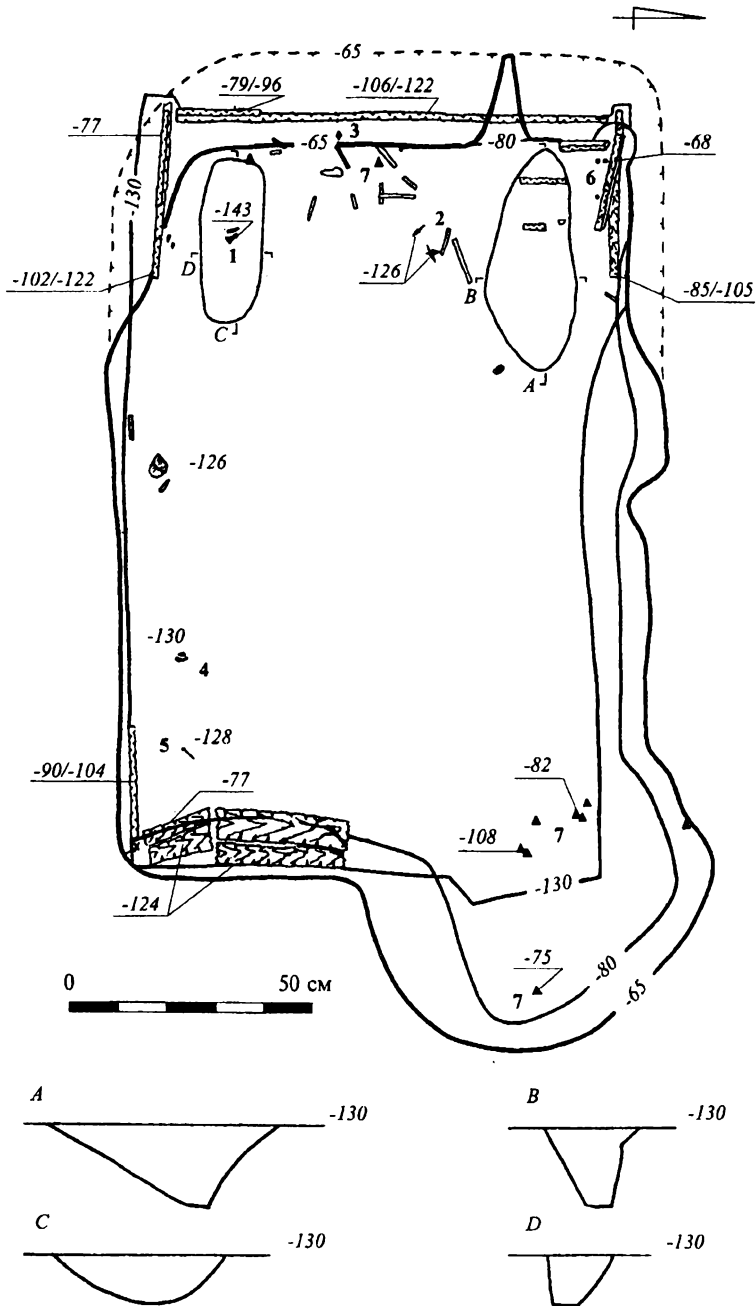

Рис. 1. Могильник Николаевка II. Курган 1. Центральная могильная яма. План и разрезы ямок

1 — гвоздь; 2 — наконечники стрел; 3 — шлак; 4 — клыки; 5 — игла; 6 — бусы; 7 — фрагменты керамики. 1, 5 — бронза; 2, 4 — кость; 6 — фаянс (паста)

Внутримогильная конструкция представлена фрагментами поперечного деревянного перекрытия, которое опиралось на продольные плахи (шириной 12-15 см и толщиной 3-4 см⁵) на высоте 0,8-0,9 м от дна. Стенки в придонной части были облицованы двумя «венцами» плах, расположенных друг над другом с разрывом 9-10 см. Для вертикального закрепления «досок», больших по длине, чем яма, были сделаны специальные пазы в грунтовых стенках могилы. К сожалению, материалы на дне выявлены не *in situ*, однако ряд важных наблюдений все же был сделан. Дно было покрыто кожаной (?) «подстилкой» (толщиной до 1,5 см), которая хорошо фиксировалась в западной части, хуже — у южной и восточной стенок. Именно на этом слое органического тлена расчищены три костяных наконечника стрел. Судя по нивелировочным отметкам, на дне обнаружены два клыка собаки и игла.

Кроме того, близ западной стенки были зачищены две параллельные ямки овальной формы (0,7х0,25 и 0,9х0,25), ориентированные по линии запад-восток, расстояние между их длинными осями составило 1,3 м. Глубина лучше сохранившейся восточной ямки равнялась около 20 см. При выборке ее заполнения встречены многочисленные следы древесного тлена и бронзовый⁶ гвоздь. Несмотря на деформацию границ одной из ямок, линзовидный профиль, размерные характеристики, локализация и находки в заполнении позволяют уверенно интерпретировать оба углубления как следы установки колесницы или ее имитации. Реконструируемый диаметр колеса составляет 0,9-1,0 м.

Аналогии этой традиции столь многочисленны в синташтинских и петровских памятниках, что, видимо, бессмысленно приводить их в полном объеме (Генинг В.Ф. и др., 1992; Костюков В.П. и др., 1994; Зданович Г.Б., 1988). Однако «колесничный» комплекс в алакульских памятниках до сей поры был документирован редкими находками орнаментированных псалиев в могилах и на поселениях (Сальников К.В., 1952; Потемкина Т.М., 1985; Нелин Д.В., 2000. С.125; Чемякин Ю.П., Епимахов А.В., 2003 и др.). Впрочем, достоверные следы установки колесниц отсутствуют и в петровских комплексах Южного Зауралья. Если наша интерпретация верна, то находка бронзового гвоздя — одно из первых надежных свидетельств использования металла в конструкции колес⁷. О наличии костяных гвоздей для крепления шины упоминает В.А.Новоженков при описании петровского кургана могильника Сатан в Центральном Казахстане (1994).

Находки в заполнении и на дне могилы представлены фрагментами не менее двух керамических сосудов (рис. 3, 5, 7), значительная часть которых встречена в овальной яме-«входе», тремя листовидными черешковыми наконечниками стрел из кости (рис. 2, 1, 6, 7), бронзовой иглой с ушком (рис. 2, 8), кусочком шлака⁸, тремя белыми пастовыми бусинами, двумя клыками (рис. 2, 1, 2) и бронзовым

⁵ Полной уверенности в том, что это истинная величина, нет, но дерево в придонной части сходно по метрическим характеристикам.

⁶ Ввиду отсутствия соответствующих анализов здесь и далее термин «бронзовый» использован условно для обозначения материала медесодержащих изделий.

⁷ Единичность находки заставляет подозревать, что эта деталь была использована, скорее всего, для закрепления кожаной шины, а не спицы.

⁸ Находки следов металлургической деятельности в погребениях не имеют широкого распространения в алакульских курганах и более характерны для синташтинской обрядности (например, Епимахов А.В., 1996).

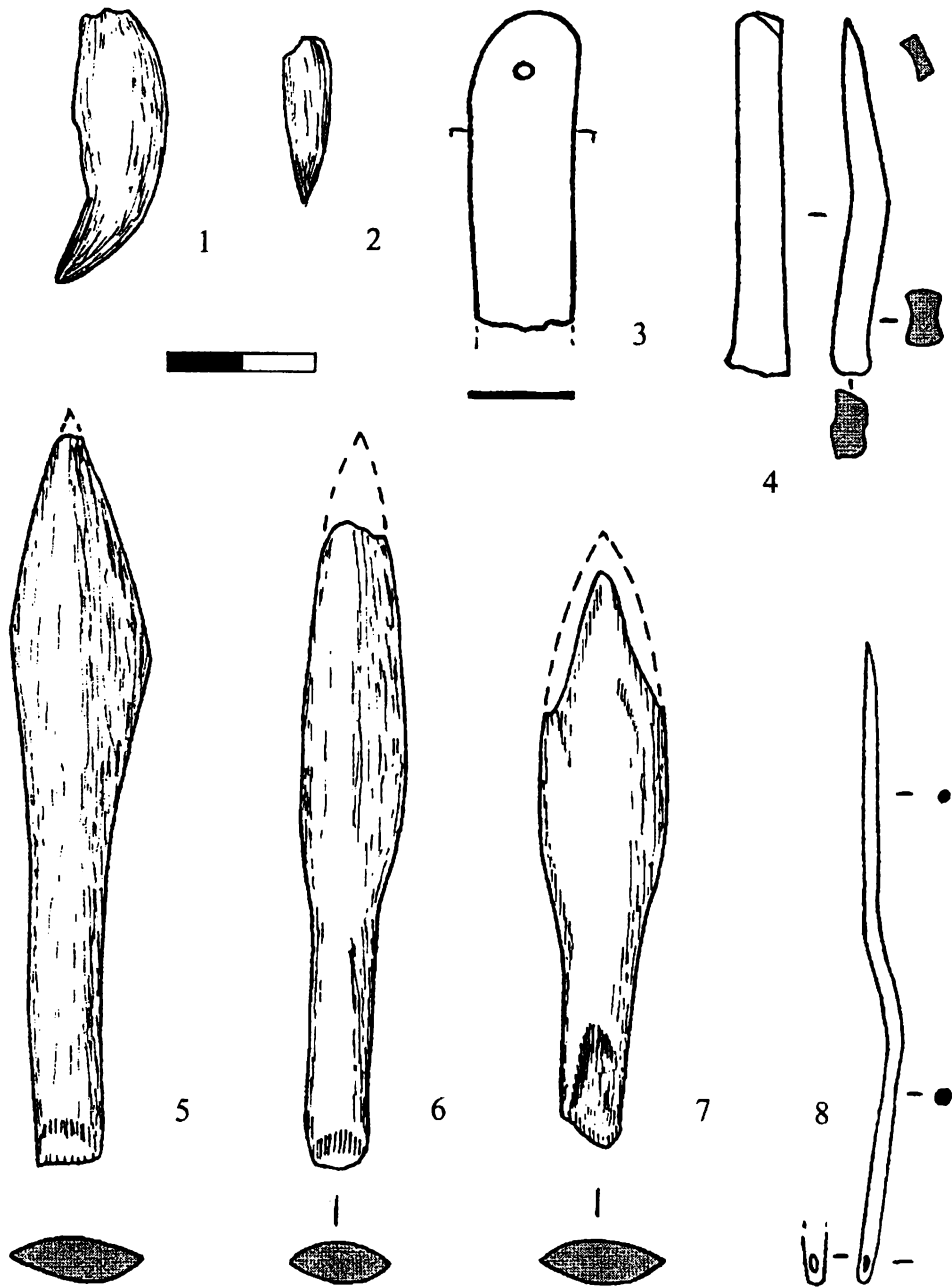

Рис. 2. Могильник Николаевка II. Курган 1. Инвентарь

1-2 — клыки; 3 — пластина; 4 — гвоздь; 5-7 — наконечники стрел; 8 — игла.
 1-2, 5-7 — кость; 3, 8 — бронза

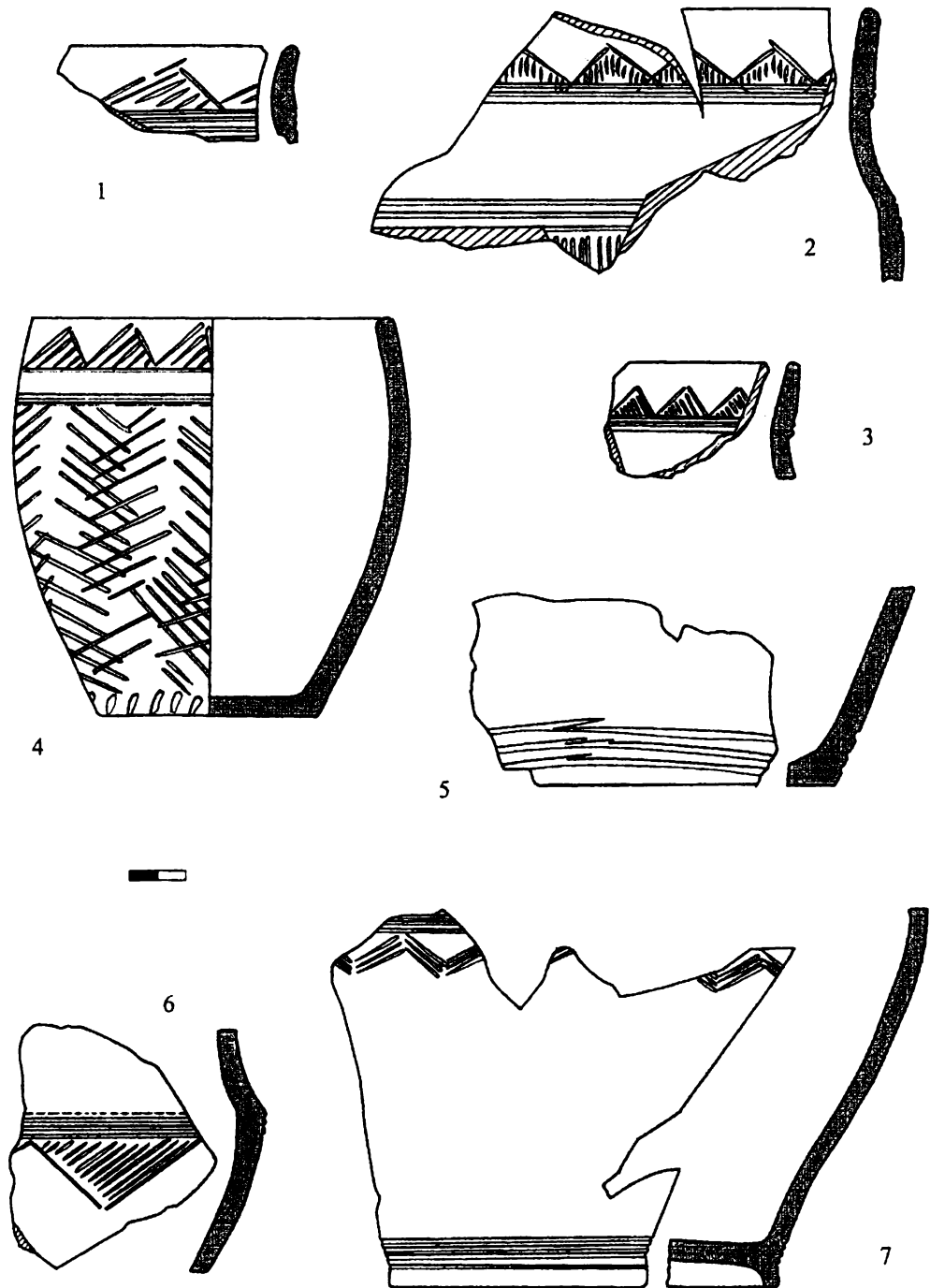

Рис. 3. Могильник Николаевка II. Курган 1. Керамика
 1-2, 3, 6 — насыпь; 4 — яма 6; 5, 7 — центральная могильная яма

гвоздем (рис. 2, 4). Возможно, к числу находок эпохи бронзы относится и фрагмент тонкой бронзовой пластины с отверстием (рис. 2, 3). Достоверно к комплексу центральной могилы относятся придонные части двух плоскодонных сосудов, один из которых был снабжен поддоном. Данный сосуд ниже плеча был украшен рядом горизонтальных линий и горизонтальным зигзагом. Сближает сосуды между собой техника нанесения орнамента (гладкий штамп) и использование одного мотива — параллельные горизонтальные линии у дна.

Вполне вероятно, что значительная часть фрагментов, найденных при разборке насыпи, также относится к центральному погребению. Подтверждает данное заключение находка в 3 м СВ границ центральной ямы (яма 8) фрагмента сосуда, основная часть которого обнаружена близ геометрического центра кургана. Таким образом, керамическая коллекция может быть расширена еще на четыре сосуда. В этой серии, представленной верхними частями сосудов, имеется единственный экземпляр (рис. 3, б), плечо которого оформлено в виде ребра, подчеркнутого тройной горизонтальной линией. Ниже этой линии расположены косо заштрихованные равнобедренные треугольники вершиной вниз. Остальные три сосуда характеризуются округлыми венчиками, намеченным за счет орнаментации воротничком. Во всех случаях использованы максимум два мотива — горизонтальная многорядная линия и косо или вертикально заштрихованные треугольники. Выше плеча оставлена неорнаментированная полоса (рис. 3, 2, 3, б). Керамика оставляет впечатление очень близкой по морфологическим и технологическим особенностям⁹.

К В-ЮВ от центра была исследована небольшая овальная яма 6 (1,1x0,5 м) с крупными камнями в заполнении, перекрывавшими практически всю ее площадь. Ориентировка по линии З-ЮЗ — В-СВ. После снятия камней яма сократилась до 0,5x0,2 м при сохранении ориентировки. В СВ части под плитой, опирающейся на уступ, обнаружен плоскодонный баночный сосуд закрытой формы с округлым венчиком (рис. 3, 4). Верхняя часть сосуда орнаментирована рядом косо заштрихованных равнобедренных треугольников, подчеркнутым прочерченной горизонтальной линией. На плече оставлена свободной от украшения полоса, ниже которой тулово покрыто нерегулярной резной горизонтальной елочкой. В придонной части — ряд подовальных вдавлений.

Однозначность культурной атрибуции кургана лимитирована фрагментарностью и мизерностью материалов, в первую очередь керамического комплекса. С одной стороны, наличие острореберного сосуда и оформление венчиков в виде воротничка свидетельствует в пользу относительно ранней хронологической позиции кургана в системе алакульских древностей. С другой — тип зонирования орнамента, использованные мотивы и техника нанесения вызывают очевидные алакульские ассоциации. С учетом этих обстоятельств комплекс может быть определен как раннеалакульский, что в нашем понимании не является синонимом определения «петровский». Достаточно близкий облик керамического комплекса демонстрирует курган 2, хотя число «ранних» черт в нем несколько меньше.

Таким образом, описанный курган являет собой довольно редкий пример «колесничного» комплекса поздней бронзы. Мы не намерены отрицать очевидное —

⁹ Сосуды тонкостенны, все поверхности тщательно заглажены, в тесте визуально прослеживаются только примесь песка и слюды. Использована очень близкая техника нанесения орнамента и пр.

черты военной специализации (частным проявлением которой обычно считают колесницы) поэтапно исчезают из алакульской погребальной обрядности. Однако этот процесс лежит в русле общего снижения трудозатрат на совершение похоронных ритуалов. В материалах же поселений поздней бронзы псалии отнюдь не редкость, а наскальные изображения колесниц — один из широко распространенных сюжетов в искусстве Центрального Казахстана. Трудно поверить, что столь «идеологизированный» объект как колесница (лежащий в основе целого пласта мифологии) мог просто исчезнуть из реальной действительности и перейти в сферу не подкрепленных материально образов. Если исходить из тезиса о формировании всадничества только в финале бронзового века, то между периодами средней и финальной бронзы возникает «лакуна», когда колесниц уже не было, а верховое использование лошади еще не получило широкого распространения. Полагаем, что такая ситуация в условиях практически неизменного типа основной хозяйственной деятельности (животноводство) абсолютно нереальна. В данном случае, видимо, нет смысла погружаться в гипотезы по поводу сферы реального применения колесниц, тем более, что сомнения в их сугубо военном характере уже высказаны (Littauer M.A. & Crouwel J.H., 1996).

Библиографический список

1. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т.1. Челябинск, 1992.
2. Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
3. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
4. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.
5. Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шибаетово-I: результаты исследования (предварительная публикация) // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
6. Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы.
7. Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1994.
8. Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА, № 24, 1952.
9. Таиров А.Д. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
10. Чемякин Ю.П., Епимахов А.В. Материалы по конской упряжи периода поздней бронзы Зауралья // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2003.
11. Littauer M.A. & Crouwel J.H. The origin of the true chariot // Antiquity. Volume 70. Number 270, 1996.

А. В. Епимахов, М. Г. Епимахова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АЛАКУЛЬСКОМУ КОСТЮМУ¹

Введение

В последние годы наметилось возрождение интереса к алакульской проблематике (равно и андроновской в широком понимании этого термина), однако, с нашей точки зрения, решение задач реконструкции картины эволюции культуры, взаимоотношений с соседями, установления демографических параметров и пр. сталкивается с многочисленными источниковыми трудностями. Во многом это обусловлено отсутствием полноценных публикаций материалов. Частным проявлением этой общей тенденции является дефицит сведений о костюме алакульского населения. Хотя эта сфера имеет довольно обширную историографию (Кривцова-Гракова О.А., 1947; Сальников К.В., 1952; Виноградов Н.Б., 1998; Кузьмина Е.Е., 1994; Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998 и др.), авторы в большинстве своем не ставили задачу реконструкции костюма в целом, сосредоточившись на наиболее яркой и вариативной категории — головном уборе. Между тем, процесс накопления сведений об остальных деталях продолжается и, видимо, мы стоим перед необходимостью создания обобщающих работ по этой теме.

Препятствия на этом пути очевидны: главное из них — «ограбление» захоронений взрослых (Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1999), но это никак не избавляет нас от детальной публикации всей имеющейся суммы сведений. Кроме того, своей целью мы видели демонстрацию того факта, что плотность заселения зауральской территории носителями алакульских традиций была достаточно высокой на протяжении эпохи поздней бронзы. Так, в границах Варненского района Челябинской области наряду с широко известным могильником Кулевчи VI (Виноградов Н.Б., 1984; 2000), на расстоянии 15 и 35 км (от него) выявлены минимум еще два синхронных некрополя, материалы которых представлены в настоящей статье (Николаевка II и Владимировка). У нас нет сомнений, что процесс выявления не завершен. В этом убеждает опыт раскопок Д.Г.Здановичем могильников Исеней и Чека тай, который получил алакульские материалы при исследовании некрополей бронзового века, находящихся в 16 км В-ЮВ и в 20 км З-ЮЗ Кулевчинского комплекса².

Результаты раскопок

Могильник Николаевка II (Челябинская область, Варненский район, 2,5 км юго-восточнее одноименного села), локализованный на мысу левого берега р.Аят, был открыт В.С.Стоколосом в 1959 г. Стационарные работы произведены по руководством А.Д.Таирова в 1984 г.³. Последний исследовал два кургана из семи, дав-

¹ Работа выполнена при частичной поддержке гранта РГНФ №02-01-00479а/Г.

² Благодарим Д.Г.Здановича за возможность сослаться на неопубликованные материалы.

³ Авторы глубоко признательны А.Д.Таирову, давшему согласие на публикацию материалов его отчета.

ших разновременные материалы бронзового и раннего железного веков. Если материалы поздней части комплекса уже введены в оборот автором раскопок (Тайров А.Д., 1987), то ранняя часть некрополя, с нашей точки зрения также достойная внимания, не попала в поле зрения специалистов. Настоящая публикация призвана восполнить этот пробел⁴.

В ландшафтном отношении территория расположения памятника может быть определена как степная. Обращает на себя внимание несколько необычная локализация некрополя, удаленного от русла более чем на 180 м, на высоте 16-17 м. Такая ситуация в целом нетипична для могильников бронзового века в Зауралье. Справедливости ради стоит сказать, что р.Аят на данном участке не имеет пологих уплощенных террас. Насыпи организованы в виде нерегулярной субмеридиональной цепочки на расстоянии 20–50 м друг от друга.

Курган 2, замыкавший цепочку с севера, к моменту раскопок имел диаметр 12 м и высоту 0,4 м. Курган содержал три могильных ямы и жертвенный комплекс. К эпохе поздней бронзы относятся две могилы и жертвенник. При разборке грунтовой насыпи были обнаружены две бронзовые иглы⁵ (рис. 6, 12, 13), а в 3 м от центра к В-ЮВ на уровне древней поверхности расчищен жертвенный комплекс. В его составе: нижние части двух ног к.р.с. с копытами, расположенные параллельно по линии 3-В, поверх которых лежал череп плохой сохранности лицевым отделом на С-СЗ. С севера к этому скоплению примыкал развал сосуда (рис. 8, 2), в 15 см западнее найдены две кости ног м.р.с. Сосуд сохранился чуть выше плеча, поэтому закрытая баночная форма устанавливается только предположительно. Уверенно можно утверждать лишь, что плечо, орнаментально подчеркнутое тройной прочерченной горизонтальной линией, не оформлялось ни уступом, ни ребром. Выше плеча зона, не заполненная орнаментом, ниже — ряд равнобедренных, косо заштрихованных треугольников вершинами вниз. Придонная часть зеркально повторяет композицию из линий и треугольников. При нанесении использовался один гладкий штамп.

Центральная могильная яма 1 (рис. 1) имела подпрямоугольную форму с сильно скругленными углами и размеры на уровне первой фиксации (-40) — 2,65-2,9 x 2,1 м. Ориентировка широтная. С глубины от -40 до -65 в СВ углу наблюдался выступ, аналогичный выступу в яме 1 кургана 1 этого же могильника (см. статью А.В. Епимахова в настоящем сборнике), ниже яма обрела более правильный абрис (2,45 x 1,75-1,9 м)⁶. Южная и восточная стенки характеризовались некоторым отклонением от вертикальности и образовывали подбой глубиной до 8 см. Неровное дно зачищено на уровне -85–97 (около 0,7 м в материке). Конструкции сохранились только в виде канавки на дне ямы, расположенной по периметру могилы. Этот элемент погребальной архитектуры, видимо, является следами установки деревянной рамы. Не исключено, что расширения близ углов отражают использование элементов столбовых конструкций. В придонной части выявлено большое количество переотложенных костей человека, фрагменты сосудов, металлические украшения

⁴ См. также статью А.В. Епимахова в настоящем сборнике, посвященную результатам исследования кургана 1.

⁵ Одна из них, имеющая спиралевидное окончание, определена автором раскопок как «булавка».

⁶ Северная часть очертаний уничтожена впускным захоронением РЖВ.

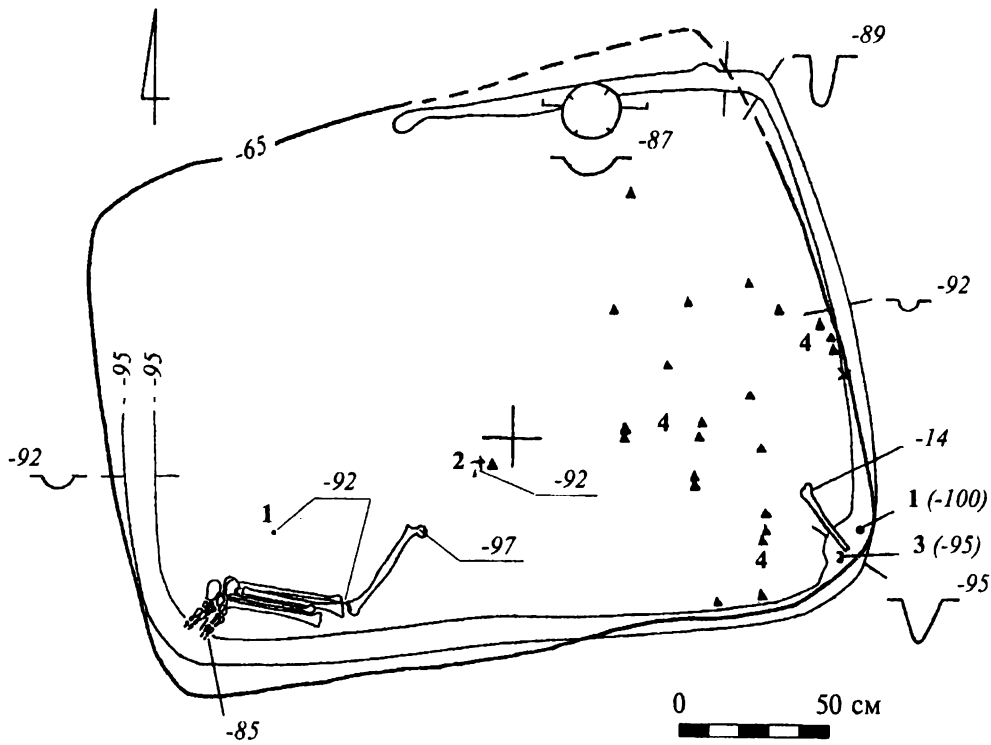

Рис. 1. Могильник Николаевка II. Курган 2. Могильная яма 1. План

1 — бляшка; 2 — клыки; 3 — скрепка; 4 — фрагменты керамики. 1, 3 — бронза; 2 — кость

(спиральная бляшка, бусы, браслет, рифленные бляшки (рис. 4, 17, 19, 20, 21, 29, 30; 5, 3)), клыки, раковина (рис. 5, 1, 2). В неповрежденном состоянии выявлены 3 клыка в центре погребальной камеры, а также кости ног человека — левая от бедра, а правая — ниже коленного сустава. Положение костей позволяет установить позу покойного, уложенного в слабо скорченном положении на левом боку головой на восток.

Именно этот небольшой фрагмент (рис. 2) сохранил информацию о расположении металлических деталей костюма. На шиколотках обеих положенных друг на друга ног в 15-16 см от ступней сохранились низки бус, которыми был обшит вероятнее всего верх обуви. На левой ноге это бронзовые бусы двух типов, на правой — бронзовые двух типов и 2 пастовые. У пяточных костей обеих ног находились бронзовые листовидные подвески и бронзовые обоймы, лежавшие в беспорядке крупные и мелкие бронзовые и пастовые бусы.

Лежащие выше пастовые бусы и бронзовые бляшки различных типов принадлежат уже, скорее всего, деталям одежды (возможно, подолу?). Причем в расположении бронзовых бляшек прослеживается определенная закономерность. От перевернутой бляшки с концентрическими окружностями вниз спускались 6 подпрямоугольных углублений (1,6 x 0,9 см), заполненных светло-зеленой кристаллической массой (по-

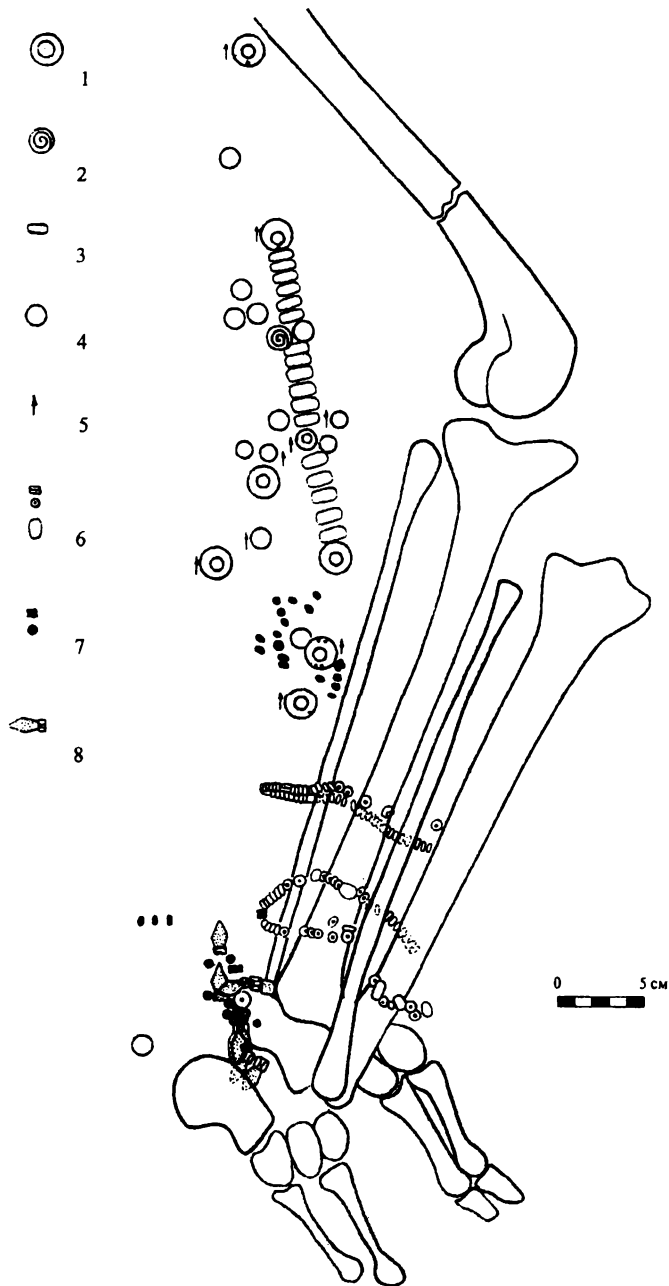

Рис. 2. Могильник Николаевка II. Курган 2. Могильная яма 1. План (фрагмент)
 1 — рифленая бляшка; 2 — спиральная бляшка; 3 — фрагментированная бусина (?); 4 — полусферическая бляшка; 5 — перевернутая бляшка; 6 — бусы; 7 — бусы; 8 — листовидная подвеска. 1-4, 6, 8 — бронза; 7 — фаянс (паста)

видимому, это остатки крупных бус). Затем две горизонтально расположенные бляшки — спиральная и полусферическая. Левее и выше них — 3 полусферические бляшки, расположенные в виде треугольника вершиной вверх. От горизонтально расположенных бляшек вниз вновь опускаются 6 углублений со светло-зеленой массой. Затем 2 горизонтально расположенные бляшки — перевернутая с концентрическими окружностями и полусферическая. Левее и ниже них — 3 бляшки (две полусферические и одна с концентрическими окружностями), расположенные в виде треугольника вершиной вниз. От двух горизонтально расположенных бляшек вниз вновь опускается 5 углублений. Закрывает ряд бляшка с концентрическими окружностями. Левее и выше этого ряда встречены еще несколько бляшек. Ниже описанного ряда среди массы пастовых бусин очень плохой сохранности обнаружены еще 3 бляшки (две с концентрическими окружностями и одна полусферическая).

Под бляшками и бусинами в районе ног и бедер на дне могильной ямы фиксировались остатки кожи в виде темно-коричневого тлена. Иногда тлен закрывал бляшки, а иногда слой его был между рядом расположенными бляшками (в том случае, если одна из них перевернута). Точные северные границы тлена проследить не удалось из-за ограбления ямы. К югу от костей ног, в неограбленной части могильной ямы, кожаного тлена нет.

Керамический комплекс, состоявший не менее чем из 3 сосудов, сохранился фрагментарно. Один сосуд представлен придонной частью, украшенной, видимо, равнобедренными косо заштрихованными треугольниками, выполненными в технике прочерчивания (рис. 7, 2). Для двух других относительно уверенно реконструируется горшечная форма (рис. 7, 3, 5), в одном случае хорошо фиксируется уступ по плечу. Сближает сосуды и использование исключительно гладкого штампа при нанесении орнамента, расположенного в зоне венчика, плеча и в придонной части. Среди мотивов наиболее «популярны» горизонтальные линии (ниже венчика, по плечу и у дна) и многорядные зигзаги. Для орнаментирования крупного сосуда использованы зигзаги из штрихованных лент.

Кроме описанных, в насыпи обнаружены фрагменты керамики минимум от двух сосудов, возможно, также относящиеся к могильной яме 1, потревоженной ограблением. Небольшая часть шейки с плечом (рис. 7, 1), украшенная горизонтальными линиями и косо заштрихованными треугольниками (гладкий штамп), принадлежит сосуду горшечной формы с уступом при переходе от шеи к тулову. На втором сосуде (рис. 7, 4) горшечно-баночной формы уступ на плече имитирован нанесением горизонтальных линий, ниже которых расположен многорядный зигзаг.

Могильная яма 3 (рис. 3) даже на уровне ниже материковой зачистки имела неправильные очертания, что отчасти объясняется частичным наложением впускного погребения 2. Размеры сооружения — 0,85-1,0х1,85 м, длинная ось ориентирована В-СВ — 3-ЮЗ. Неровное дно с уклоном к западу зафиксировано на уровне -67-74 (около 0,5 м ниже материка). Вдоль северной стенки расчищен полный костяк человека, похороненного в средне скорченном положении, на левом боку с кистями рук, приближенными к лицу. Ориентировка покойного восточная с небольшим отклонением к северу, однако голова сильно закинута назад, в результате лицевой отдел частично разрушенного черепа обращен на ЮВ. Между головой и стенкой ямы располагался жертвенник из костей к.р.с.⁷ (лопатка, ребра и др.),

⁷ Здесь и далее приведены определения П.А. Косинцева (ИЭРЖ УрО РАН).

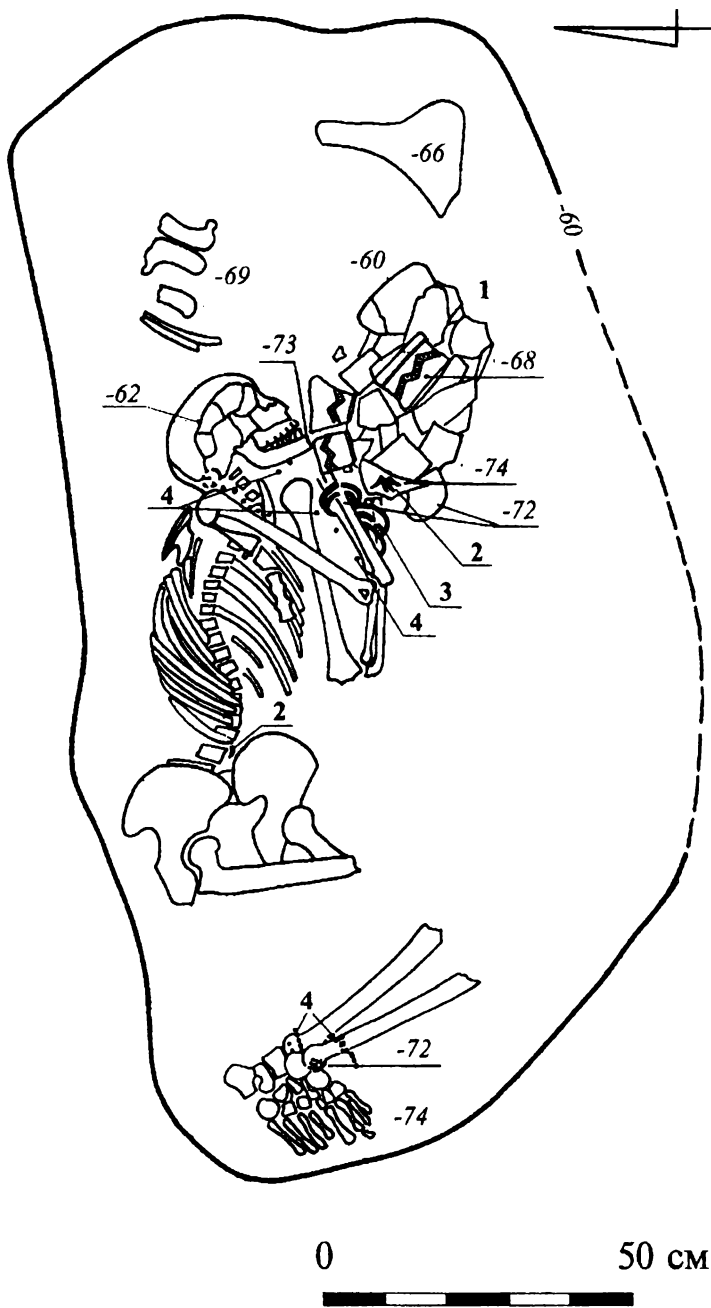

Рис. 3. Могильник Николаевка II. Курган 2. Могильная яма 3. План

1 — сосуд; 2 — клыки; 3 — браслеты; 4 — бусы. 1 — керамика; 2 — кость; 3-4 — бронза

перед лицом покойного был зафиксирован развал крупного сосуда, частично перекрывающий кисти рук. Близ запястья левой руки выявлена связка из 4 клыков собаки. На запястья были надеты по два бронзовых браслета. Между кистями рук и черепом обнаружено значительное количество пастовых бус. Расположение части из них позволяет увидеть следы отделки плечевых швов верхней одежды (возможно, с захватом предплечья) линиями бус, расположенных на расстоянии 1-2 см друг о друга⁸.

Вопреки сложившемуся у исследователей представлению о едва ли не обязательном сложном женском головном уборе, в нашем случае эта часть костюма представлена скромно. Между шейными позвонками и развалом черепа обнаружен сильно корродированный предмет (сместившееся височное кольцо?), фрагменты мелкого предмета из бронзы расчищены и под левой глазницей. В районе поясницы сделана находка еще одного клыка собаки. Довершали облик костюма две низки бронзовых бус, опоясывающих щиколотки на расстоянии около 10 см от пяточных костей. С нашей точки зрения, устойчивость этой величины (см. материалы могильной ямы 1), равно как и точность ориентировки линий, свидетельствует в пользу интерпретации этой детали костюма как оторочки верхней кромки короткой обуви.

Погребальный инвентарь представлен 4 желобчатыми браслетами с округлыми окончаниями (рис. 6, 1-4), бронзовыми цилиндрическими и пастовыми биконическими бусами (рис. 6, 5-7), амулетами из просверленных клыков собаки (рис. 6, 9-11). Крупный сосуд горшечной формы (рис. 8, 1) характеризуется округлым венчиком, имеет уступ при переходе от шеи к тулову, поверхность хорошо заглажена. Орнамент разделен на три зоны: верхняя часть шеи — зигзагообразная лента, заполненная короткими вертикальными оттисками, подчеркнута сверху двойной, а снизу тройной горизонтальной линией; ниже плеча — горизонтальная лента, заполненная косыми оттисками, ниже которой две зигзагообразные ленты, аналогичные нанесенным на шее; придонная часть — многорядный зигзаг. Комплекс инвентаря позволяет отнести данное погребение к алакульской культуре.

Несмотря на установленную стратиграфическую одновременность погребений (могильная яма 1 — основная, могильная яма 2 — впускная), никаких данных о хронологическом разрыве нет. Более того, сопоставление керамических серий демонстрирует явные черты сходства между двумя погребальными комплексами, в некоторых случаях (особенно в орнаментации) граничащие с идентичностью. Неожиданной обрядовой чертой может показаться ориентировка взрослых головой на восток, однако эта деталь находит многочисленные параллели в территориально близких алакульских могильниках Алексеевский и Кулевчи VI⁹. Возможно, эта обрядовая черта составляет одну из локальных этнографических особенностей района.

Еще один достойный упоминания момент — относительно небольшие размеры некрополя. Даже если предположить, что все оставшиеся насыпи сооружены в период поздней бронзы, их размеры (от 8 до 12 м диаметром, высота — 0,2-0,4 м) убеждают в том, что вряд ли речь идет о многомогильных комплексах. Следовательно, используя материалы исследованных курганов, можно прийти к выводу о

⁸ Более надежно это установлено для правой (верхней) половины тела, однако и под левыми ключицей и предплечьем также обнаружены в большом количестве пастовые бусы.

⁹ Николаевка занимает промежуточную позицию между этими памятниками: до Кулевчей — около 35 км к З-СЗ, до Алексеевского — около 75 км В.

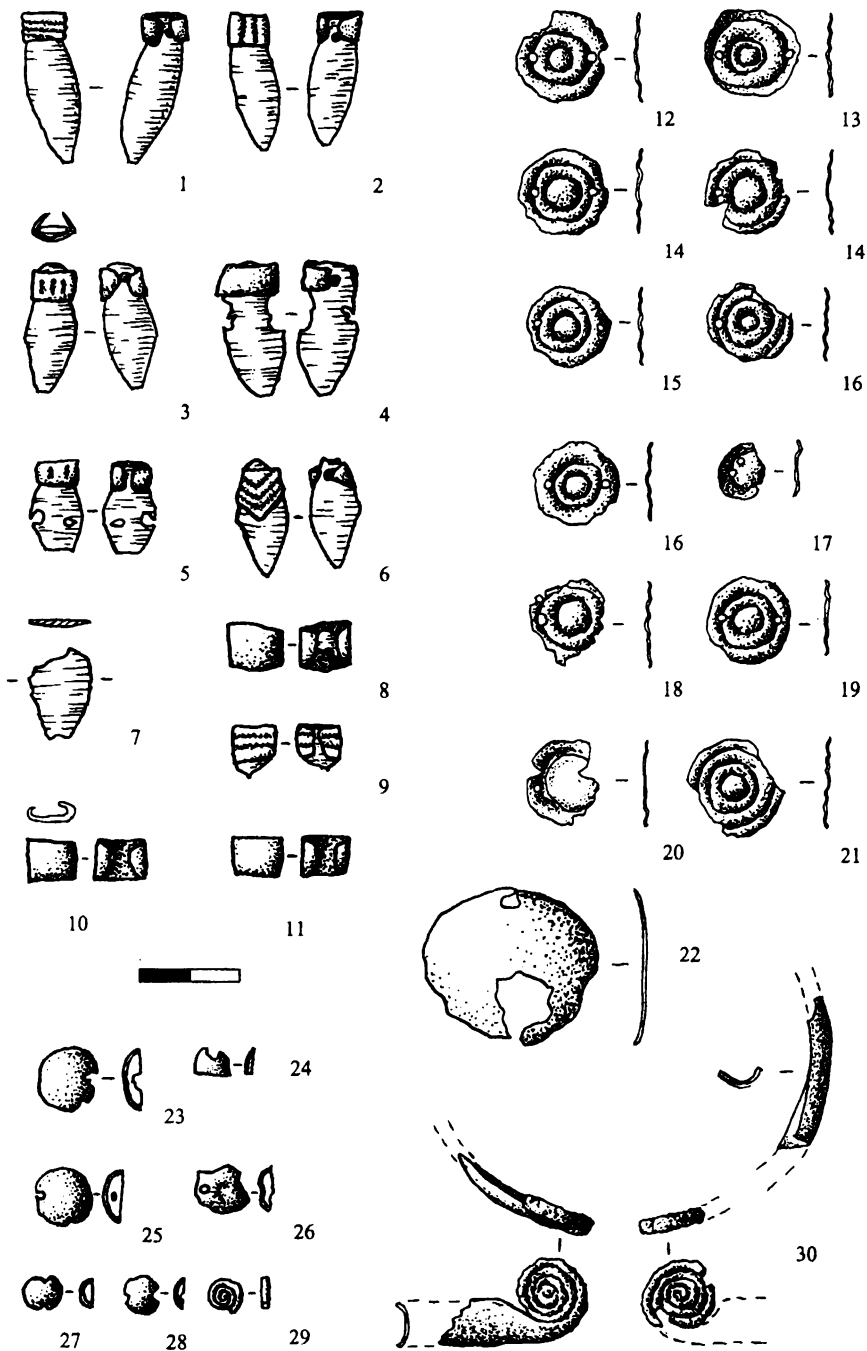

Рис. 4. Могильник Николаевка II. Курган 2. Могильная яма 1. Украшения из бронзы

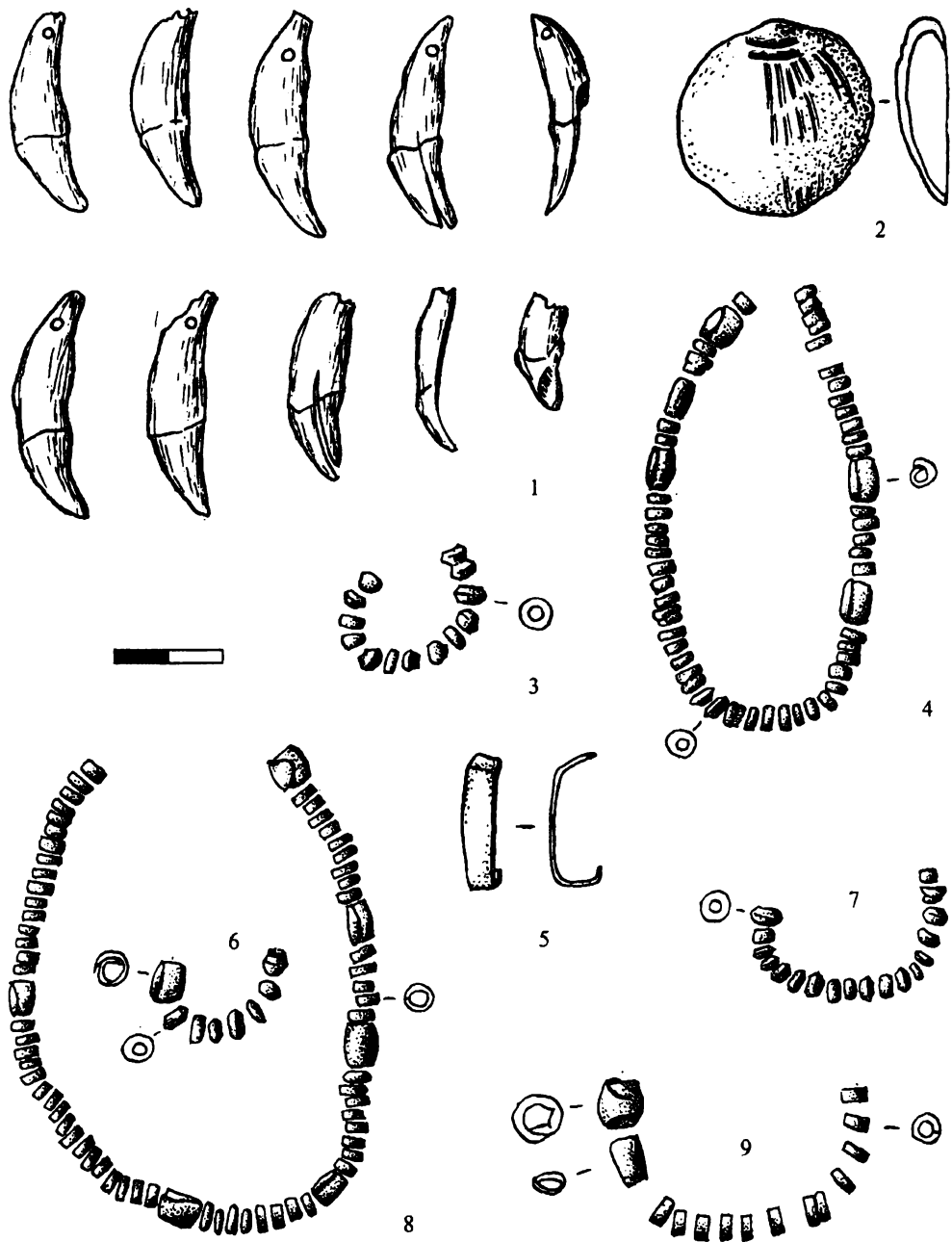

Рис. 5. Могильник Николаевка II. Курган 2. Могильная яма 1. Инвентарь
 1 — клыки; 2 — раковина; 3-4, 6-9 — бронзовые бусы; 5 — скрепка

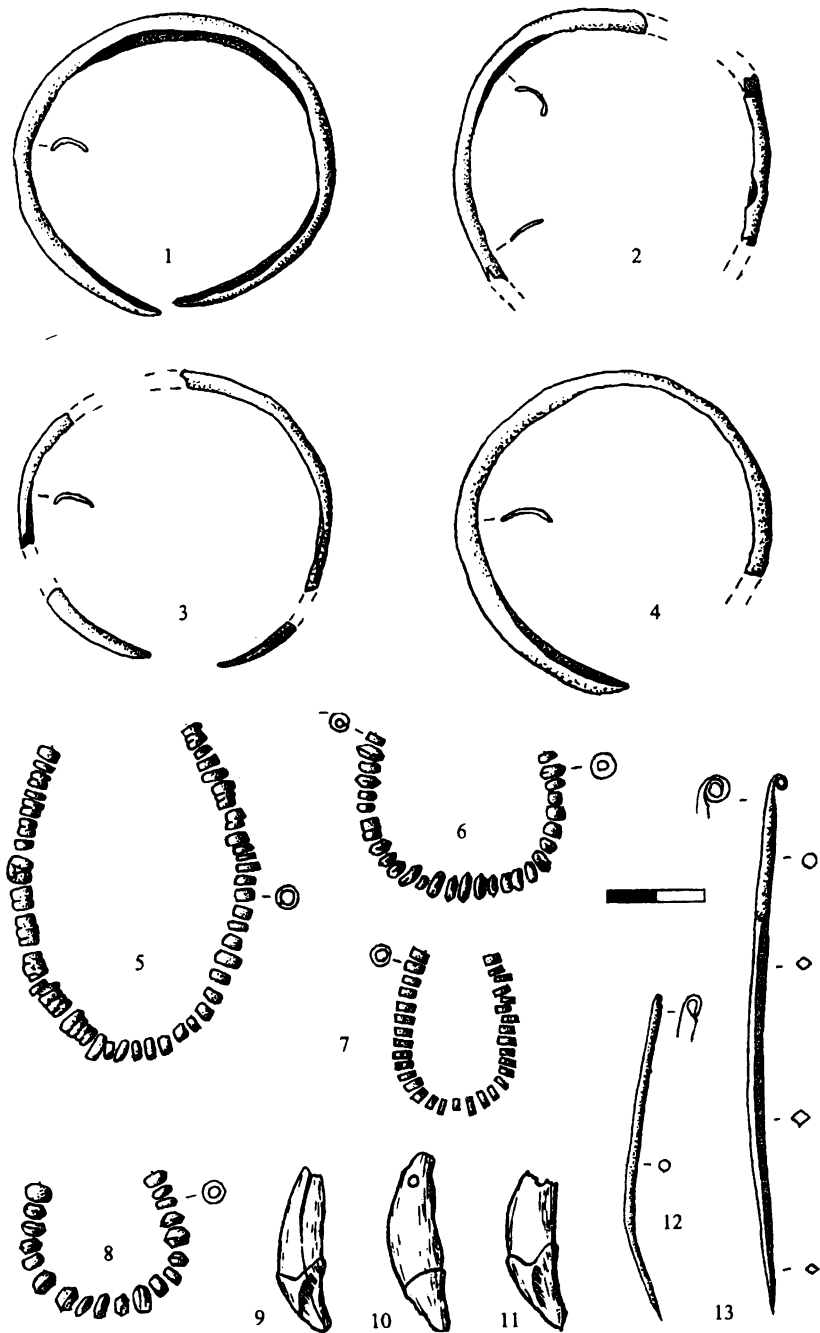

Рис. 6. Могильник Николаевка II. Курган 2. Инвентарь

1-11 — могильная яма 3; 12-13 — насыпь. 1-4 — браслеты; 5-8 — бусы; 9-11 — клыки; 12-13 — иглы. 1-8, 12-13 — бронза

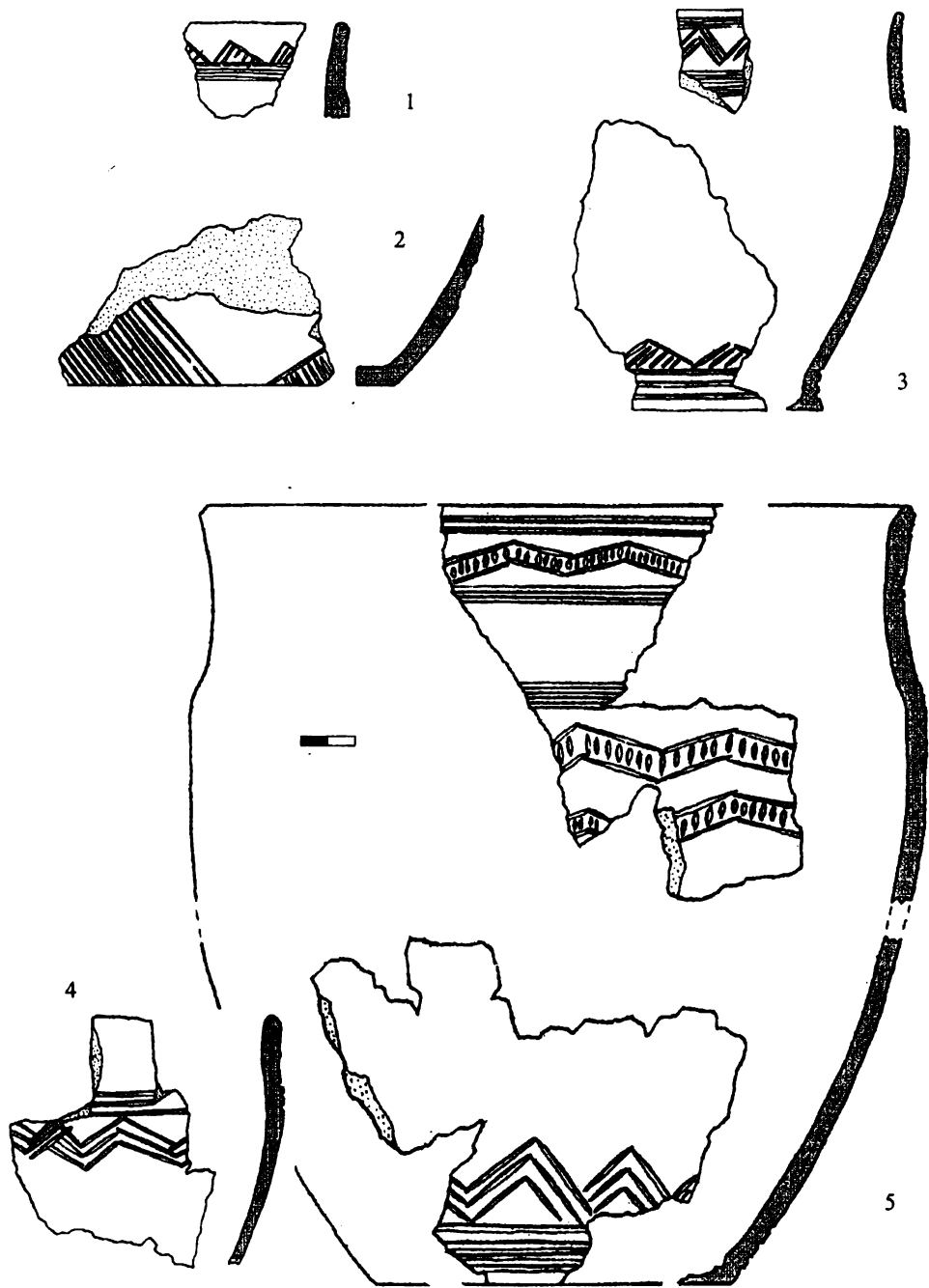

Рис. 7. Могильник Николаевка II. Курган 2. Керамика
 1, 4 — насыпь; 2-3, 5 — могильная яма 1

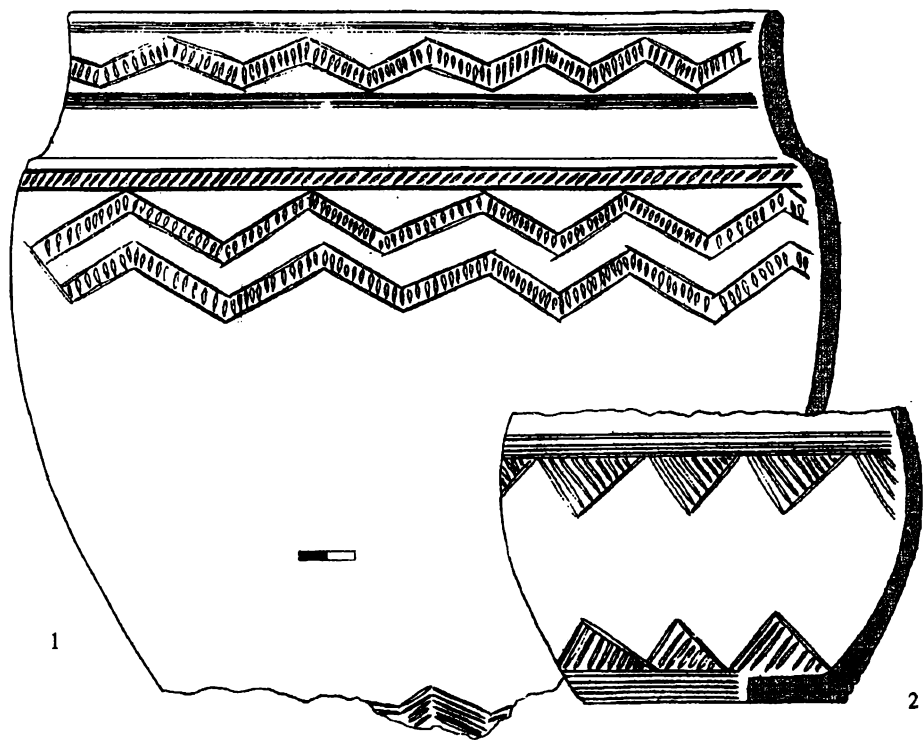

Рис. 8. Могильник Николаевка II. Курган 2. Керамика
 1 — могильная яма 3; 2 — жертвенный комплекс

сравнительно скромном числе взрослых погребенных — в пределах 10–15 человек. Гораздо большую известность получили крупные алакульские могильники (Алакульский (Сальников К.В., 1952), Лисаковский (Усманова Э.Р., 1995); Раскатиха (Потемкина Т.М., 1985); Чистолебяжский (Матвеев А.В., 1998) и др.). Очевидно, что наряду с ними функционировали и более «локальные» кладбища.

Могильник Владимировка расположен в 1–1,5 км восточнее одноименного села на левом берегу р. Арчаглы-Аят, на удалении от русла — более 300 м. Обследование памятника проведено летом 1992 года, когда в лабораторию археологических исследований ЧГИИ поступили сведения от работников Варненского районного историко-краеведческого музея. В результате разведки установлено, что территория могильника практически уничтожена¹⁰ в результате эрозионных процессов и разработки песчаного карьера.

¹⁰ О масштабах разрушений позволяет судить обширная коллекция алакульской керамики и металла, собранная учащимися местной школы на протяжении многих лет. Данное собрание хранится в школьном музее, руководимом М.А. Ивановой. Авторы выражают глубокую благодарность ей, а также сотруднику Варненского районного музея Е.П. Нестеренко за оказанное содействие в проведении полевых работ.

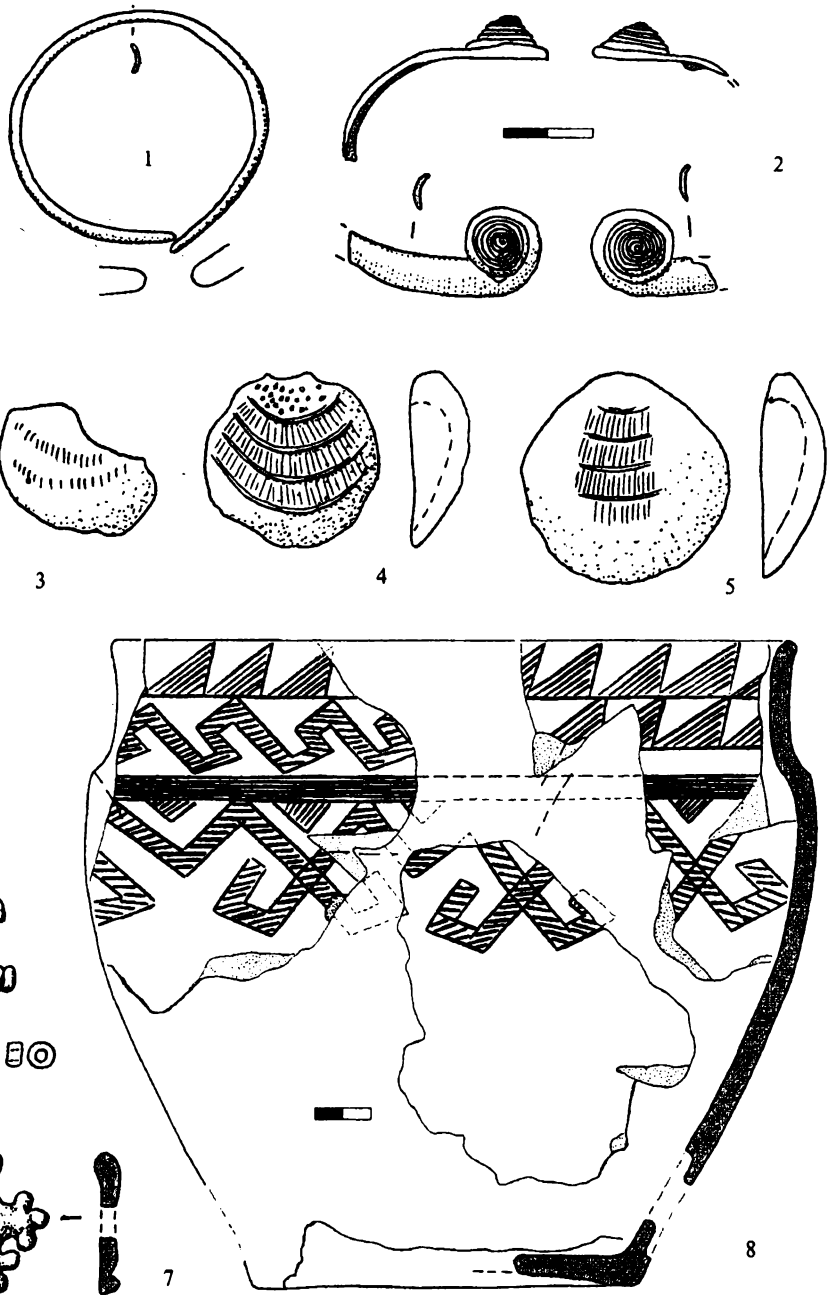

Рис. 9. Могильник Владимировка. Инвентарь

1-2 — браслеты; 3-5 — раковины; 6 — бусы; 7 — подвеска; 8 — сосуд. 1-2, 6-7 — бронза; 8 — керамика

Ландшафт в районе памятника сильно остепненный. Долина реки асимметрична: левый берег более крутой, зачастую обрывается отвесно, правый — низкий, полого поднимающийся к водоразделу. Берега сильно изрезаны глубокими извилистыми оврагами. Ширина поймы в окрестностях села составляет 200-300 м. Место обследования — обширное открытое пространство, слабо всхолмленное, подверженное ветровой эрозии, покрытое скудной степной растительностью, сильно угнетенной перевыпасом мелкого рогатого скота.

В 1,5 км к востоку от села Владимировка на террасе левого коренного берега реки Арчаглы-Аят был обследован песчаный карьер. При осмотре дна карьера были найдены: бронзовая крестовидная привеска и фрагменты двух бронзовых браслетов с остатками костей руки, а в борту карьера выявлен профиль разрушаемой могильной ямы. Мощность сохранившегося слоя — 0,2 м. Никаких следов надмогильного сооружения визуально не фиксировалось. Очевидно, здесь сказались и природные факторы (паводковые воды, ветровая эрозия), и антропогенное воздействие. Осмотром окрестностей карьера курганных насыпей зафиксировано не было. Зачисткой по материку были околонтурены остатки могильной ямы, ориентированной по линии север — юг и первоначально имевшей подпрямоугольную форму. Размеры сохранившейся части ямы: 1,8 м — северная стенка, 0,9 м — южная стенка, 2,7 м — восточная стенка.

На дне ямы расчищены остатки костяка человека. *In situ* сохранились кости ног, таз, позвоночник, части ребер и костей рук. Остальная часть скелета была срезана при разработке карьера. Первичные антропологические определения позволяют предположить, что была погребена женщина до 30 лет. Судя по положению костей, погребенная была уложена скорченно, на левом боку, головой на север, руки согнуты в локтях, ноги — в коленях. Степень скорченности — средняя.

В районе столпы и лодыжки найдены многочисленные бронзовые бусы. Часть бус спеклась по 5-6 штук, образовав подобие пронизей. Очевидно, такими плотными группами они были нашиты на обувь. У локтя погребенной были расчищены 3 украшения из створок раковины. Близ предполагаемого места расположения черепа был зафиксирован развал сосуда. У северной стенки могильной ямы найден бараний астрагал.

Сосуд алакульского облика (рис. 9, 18), горшечной формы с округлым венчиком, длинной слегка отогнутой шейкой, уступом в месте перехода от шейки к тулову, прогнутым в центральной части дном. Высота сосуда — 24,1 см, диаметры устья, плеча и дна соответственно 25,6, 27,2 и 14,8 см. Формовочная масса пористая, с примесью слюды. Черепок рыхлый, слоится. Обжиг довольно равномерный, цвет поверхностей всех частей горшка и излома черепка практически одинаков — светло-коричневый. Довольно интересно выполнен орнамент. На одном из крупных фрагментов заштрихованные прямоугольные треугольники в два ряда заполняют шейку. По плечу идет горизонтальная 6-рядная полоса, выполненная мелкозубчатым гребенчатым штампом. Ниже полосы — равнобедренные заштрихованные треугольники вершиной вниз и меандр. На другом крупном фрагменте вместо нижнего ряда прямоугольных треугольников шейку украшает меандр. Место стыковки треугольников и меандра не найдено. Вся орнаментация выполнена мелкозубчатым штампом.

Остальной погребальной инвентарь (рис. 9, 1-7) — бронзовый желобчатый браслет с округлыми окончаниями, фрагменты бронзового желобчатого браслета со спиралевидными окончаниями, рельефная бронзовая крестовидная привеска с отверстием для подвешивания, 3 украшения из створок раковин моллюсков, бронзовые бусины диаметром 5-6 мм и толщиной 2-3 мм.

Комплекс признаков обрядности и инвентаря позволяет уверенно атрибутировать комплекс как классический алакульский. Употребляя этот несколько условный термин, мы имеем в виду отсутствие петровских черт в инвентаре, обычно трактуемых как свидетельство ранней даты комплекса в рамках алакульских древностей.

Заключение

Подводя некоторые итоги, хотелось бы обратить внимание читателя на ряд принципиально важных, с нашей точки зрения, обстоятельств. Во-первых, единичные факты, полученные при исследовании могильника Кулевчи VI и предположительно связанные автором раскопок с оформлением обуви, находят полное подтверждение в приводимых нами материалах. Кроме того, как нам кажется, полученные при исследовании могильника Николаевка II данные позволяют вернуться к вопросу об истоках алакульского костюма. Мнения о генезисе алакульской культуры могут быть сведены к двум основным позициям: происхождение из петровской (Зданович Г.Б., 1988 и др.; Виноградов Н.Б., 1984) либо синташтинской традиции (Матвеев А.В., 1998; Григорьев С.А., 2000, с.311 и др.). Естественно, мы не склонны отрицать возможность самостоятельной выработки культурных стереотипов, хотя для данного периода сравнительно единодушно предполагается эволюционный характер изменений.

Традиции орнаментации погребального костюма металлическими изделиями, как и, в принципе, использование украшений из металла, известны по синташтинским и петровским материалам. К сожалению, по поводу вторых приходится констатировать явный дефицит данных. Может быть упомянут только могильник Троицк-7 (раскопки В.П.Костюкова), где в одном из центральных погребений кургана 7 была выявлена *in situ* нижняя часть скелета человека, с большим количеством бронзовых бус¹¹. К сожалению, в интересующем нас аспекте мало полезны оказались и материалы петровской части могильника Кривое Озеро (раскопки Н.Б.Виноградова), где значительная часть захоронений принадлежала младшим возрастным категориям, снабженным минимумом инвентаря.

Остается обратиться к гораздо лучше представленным синташтинским и алакульским данным. Очевидным образом синташтинский и алакульский костюм объединяют следующие категории украшений: позолоченные подвески в полтора оборота (при некоторой разнице в размерах), желобчатые браслеты с закругленными и спиралевидными окончаниями (алакульские экземпляры несколько уже), перстни со спиралевидным щитком (наряду с ними в синташтинских комплексах широко бытуют проволочные кольца), створки раковин, подвески из клыков *Canis* (в синташтинских погребениях встречаются клыки и других животных¹²), сложные наконечники¹³, бусы. На последней категории остановимся более подробно. Синташтинские материалы демонстрируют полное численное преобладание пастовых бус над металлическими (более чем 10:1)¹⁴, для алакульских памятников такой статис-

¹¹ Благодарим автора раскопок за возможность сослаться на неопубликованные материалы.

¹² Наряду с сериями («связками») встречаются единичные экземпляры, которые, вероятно, имеют иную семантику.

¹³ В синташтинских памятниках они единичны и интерпретируются как «нагрудники», однако их расположение относительно тела не дает оснований для абсолютно однозначного заключения (Генинг В.Ф. и др., 1992, с.188-194). Эта деталь костюма могла быть помещена и отдельно от тела (см. статью В.С. Стоколоса в настоящем сборнике). Должно быть упомянуто и различие в материале — серебро и бронза.

¹⁴ По нашим данным, лишь 3 из 36 погребений содержали бусы из этого материала.

тики в нашем распоряжении нет, но публикуемые материалы достаточно красноречивы: более половины всех бус — металлические. Кроме того, «синташта» характеризуется рядом редких изделий из камня (нефрит, гагат и др.), в том числе и сложных форм (например, Зданович Д.Г., 1997, с.51), и кости. Алакульские бусы — гораздо более массовая и стандартизированная находка.

Различия культурных стереотипов также имеются. Во-первых, синташтинские погребенные гораздо реже снабжены украшениями, особенно металлическими. Например, браслеты, являющиеся практически обязательной составляющей алакульского костюма взрослых, в синташтинских памятниках обнаружены лишь в 12 могильных ямах. Притом, что ни о какой экономии металла в синташтинский период речь не идет. К тому же, массовые находки бус, клыков и раковин в синташтинское время связаны с детскими захоронениями, а в алакульское эти виды инвентаря широко распространены и в женских могилах.

Во-вторых, схема расположения украшений, а следовательно, и особенности костюма различаются. Для синташтинских погребений традиция декорирования обуви не зафиксирована, редко обнаруживаются свидетельства оторочки бусами (исключительно пастовыми) края рукава и швов. Гораздо чаще и с большим основанием эти находки могут быть интерпретированы как нашейное украшение. Для алакульского же погребального костюма описанный способ декорирования (плюс ряд других) — эта одна из характернейших черт. Мы сознательно не обсуждаем конструктивные и прочие особенности головного убора, поскольку эта тема для «алакуля» имеет богатую историографию, а для «синташты» материал для обсуждения отсутствует. Столь же трудно аргументировать синташтинскими прототипами широкое использование алакульским населением нашивных плоских и сферических бляшек.

Суммируя приведенные (хотя и не исчерпывающие) наблюдения, считаем возможным усомниться в перспективности поиска прямых истоков традиции алакульского костюма в синташтинских материалах. Вероятно, этот вывод с оттенком негативности должен быть скорректирован за счет расширения источниковой базы петровских памятников Зауралья, а также за счет привлечения более широкого круга аналогий из сопредельных территорий.

Библиографический список

1. Виноградов Н.Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях южного Зауралья // СА, № 3, 1984.
2. Виноградов Н.Б. Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М.-Магнитогорск, 1998.
3. Виноградов Н.Б. Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.- Магнитогорск, 2000.
4. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т.1. Челябинск, 1992.
5. Григорьев С.А. Эпоха бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Т.1. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
6. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

7. Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
8. Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.): Тез. докл. Челябинск, 1999.
9. Кривцова-Гракова О.А., Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII, 1948.
10. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоари? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
11. Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
12. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
13. Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА, №24, 1952.
14. Таиров А.Д. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
15. Усманова Э.Р. О менталитете «федоровцев» и «алакульцев» в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.
16. Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наkosные украшения Казахстана: (эпоха бронзы). Лисаковск, 1998.

ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ВЕРБЛЮЖЬИ ГОРКИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ¹

Публикуемый памятник находится на юге Челябинской области на территории Карталинского района в 4,0-5,0 км к СЗ от г. Карталы, на правом берегу р. Караталы-Аят. Здесь, у восточной окраины Джабык-Карагайского бора слабовсхолмленная равнина Урало-Тобольского междуречья осложнена низкогорным массивом, из-за характерного профиля довольно метко именуемым Верблюжьими Горками. В ландшафтном отношении это несколько гряд каменистых холмов в западной половине глубокой северной излучины реки. Полосой шириною примерно в 2 км они простираются с юга на север на расстояние 6-7 км. Наиболее высокие холмы возвышаются над рекой на 60-80 м (абсолютные отметки 365-385 м). Растительность степная, полынно-типчаковая, лишь в двух-трех распадках локализуются маленькие березовые колки.

О курганах на Верблюжьих Горках и перспективности их раскопок для пополнения фонда погребений кочевников одному из авторов публикации любезно сообщил А.Г. Гаврилюк, обнаруживший в 1987 г. в северной половине массива на участке между селами Краснотал и Родники, среди прочих памятников, 5 небольших курганных могильников и 5 одиночных каменных курганов (Гаврилюк А.Г., 1988). В 1993 г. отрядом экспедиции ЧГПИУ на Верблюжьих Горках были исследованы два одиночных кургана. Оба кургана дали материалы, относящиеся ко времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку, до сих пор чрезвычайно скупо отраженному в изученных археологических памятниках Южного Зауралья и сопредельных областей.

Курган 1 располагался напротив ЮЗ окраины с. Родники на мысовидном выступе коренного берега примерно в 0,3 км к В от русла, на высоте 25 м от уровня реки (рис. 1). До начала работ представлял собой рельефно выделяющуюся на местности задернованную каменную насыпь диаметром около 5,5 м и высотой 0,2 м. Насыпь состояла, по преимуществу, из небольших ломаных камней (средний размер в поперечнике 0,2-0,3 м), набросанных без видимого порядка в один-три слоя (рис. 2).

Могильная яма размещалась в центре подкурганной площадки. В плане имела форму неправильного овала длиной 1,8 м и шириной до 0,95 м (в восточной половине), ориентированного широтно. Стенки почти отвесные, глубина в материке 0,3 м. Полость ямы была заполнена камнями средних и мелких размеров и гумусированной супесью.

¹ Работа выполнена при частичной поддержке гранта РГНФ №02-01-00479а/Т.

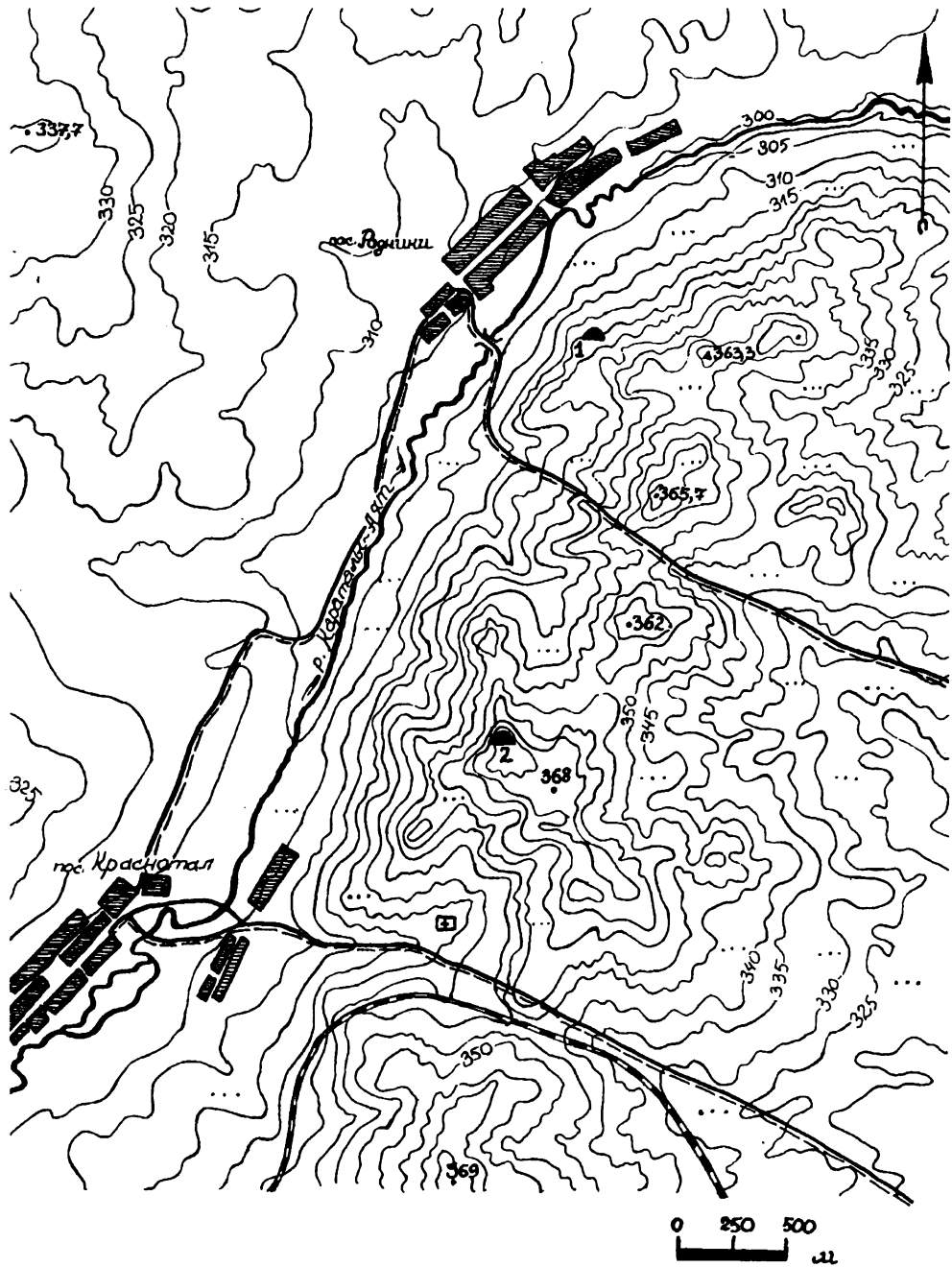

Рис. 1. Курганная группа Верблюжьи Горки. План расположения курганов 1 и 2

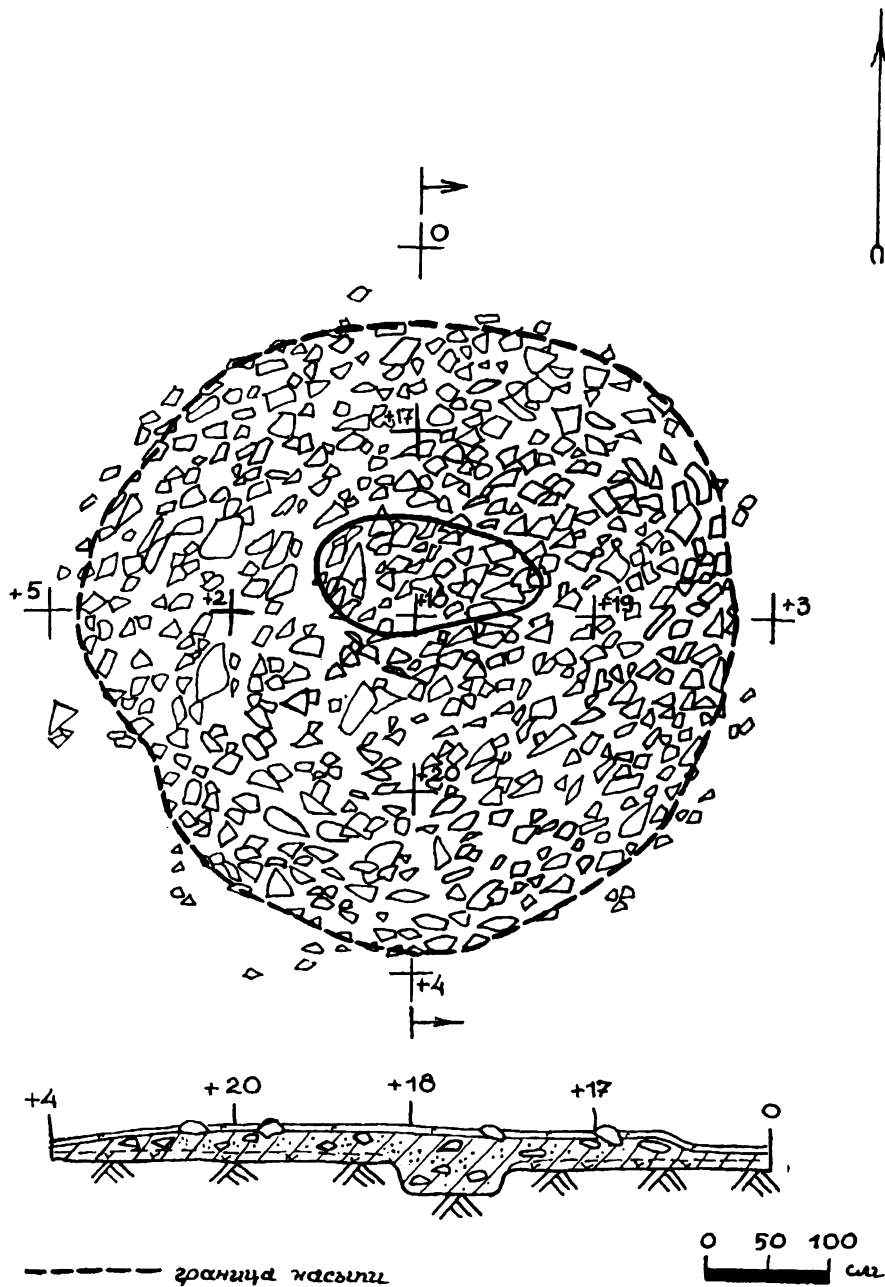

Рис. 2. Курганная группа Верблюжьей Горки. Курган 1. План и профиль насыпи

На дне могилы расчищены останки двух взрослых людей, погребенных одновременно (рис. 3). Как следовало из их взаиморасположения, первым был захоронен мужчина, умерший в возрасте 30-40 лет (скелет № 1). Он был положен головой на запад, вероятно, на левом боку в слабоскорченной позе и, судя по сильно сближенному положению костей голени, со связанными ногами. Рост покойного, рассчитанный по длине большеберцовой кости по формулам Троттер и Глезер для европеоидов (Алексеев, 1966), с учетом поправки Джентца с соавторами (Jantz et al, 1995), равнялся ~169 см. Окружности диафизов относительно и абсолютно большие, что свидетельствует о сильно развитом мускульном компоненте тела (Мамонова, 1986). На костях черепа наблюдается выраженный поротический гиперостоз, указывающий на хроническое малокровие индивидуума. Коленные суставы несут признаки начальной стадии деформирующего артроза. В середине суставных поверхностей оснований проксимальных фаланг больших пальцев обеих сторон имеются крупные воронковидные углубления (диаметром 4-6 мм), обнажающие губчатую ткань. На дистальных фалангах больших пальцев присутствуют медиальные остеофиты (~2мм). Описанные патологии суставных поверхностей являются, по всей видимости, результатом нарушения трофики (остеохондропатия) плюсне-фаланговых суставов больших пальцев вследствие их физической перегрузки (Рейнберг, 1955).

Когда мягкие ткани покойного уже разложились, на дно могилы были помещены кремированные останки второго субъекта (скелет № 2), для чего она была вскрыта по всей длине либо, что более вероятно, только в западной половине. Часть костей среднего и верхнего отделов скелета первого погребенного при этом, очевидно, была выброшена, а оставшиеся подверглись некоторому воздействию высокой температуры со стороны массы костей, перенесенной с погребального костра, что с особенной наглядностью демонстрируют проксимальные зоны бедренных костей и фрагменты черепа.

Остатки трупосожжения на стороне представлены элементами всех отделов (но не в полном объеме) скелета мужчины 25-30 лет. Кости измельчены, средний размер фрагментов 3x4 см. Трещины немногочисленные. Цвет костей темный: от темно-коричневого до черного. Окрашенность всего костного фрагмента, в том числе поверхности сломов, сходная. Грунт, находящийся внутри трубчатых костей, обожжен. Последний факт, правда, не обязательно означает, что кремации подвергся скелет, длительное время находившийся в земле, поскольку обожженный грунт мог попасть в кости при их извлечении из костра или после помещения в могилу. Тем не менее, общий вид кремированных костей оставляет впечатление, что в огонь были помещены останки с уже истлевшими мягкими тканями, притом, что часть костей оставалась в естественных суставных соединениях. Тела трех грудных позвонков ниже-среднего отдела значительно деструктурированы. Фрагменты симфизарных поверхностей имеют крупные каверны с губчатыми стенками и плавными очертаниями, что с полной определенностью указывает на туберкулезный спондилит (Рохлин, 1965; Ortner, Putschar, 1985). На левой проксимальной фаланге большого пальца суставная поверхность основания с заложениями, окружена костным гребнем — остеоартроз плюснефалангового сустава большого пальца. Кроме того, концевая пластинка ногтевой фаланги этого пальца отсутствует, а укороченное окончание фаланги покрыто пористыми костными новообразованиями. На одной из 5 средних фаланг типичных пальцев головка также отсутствует, на её месте примерно с середины диафиза имеются пористые костные новообразования.

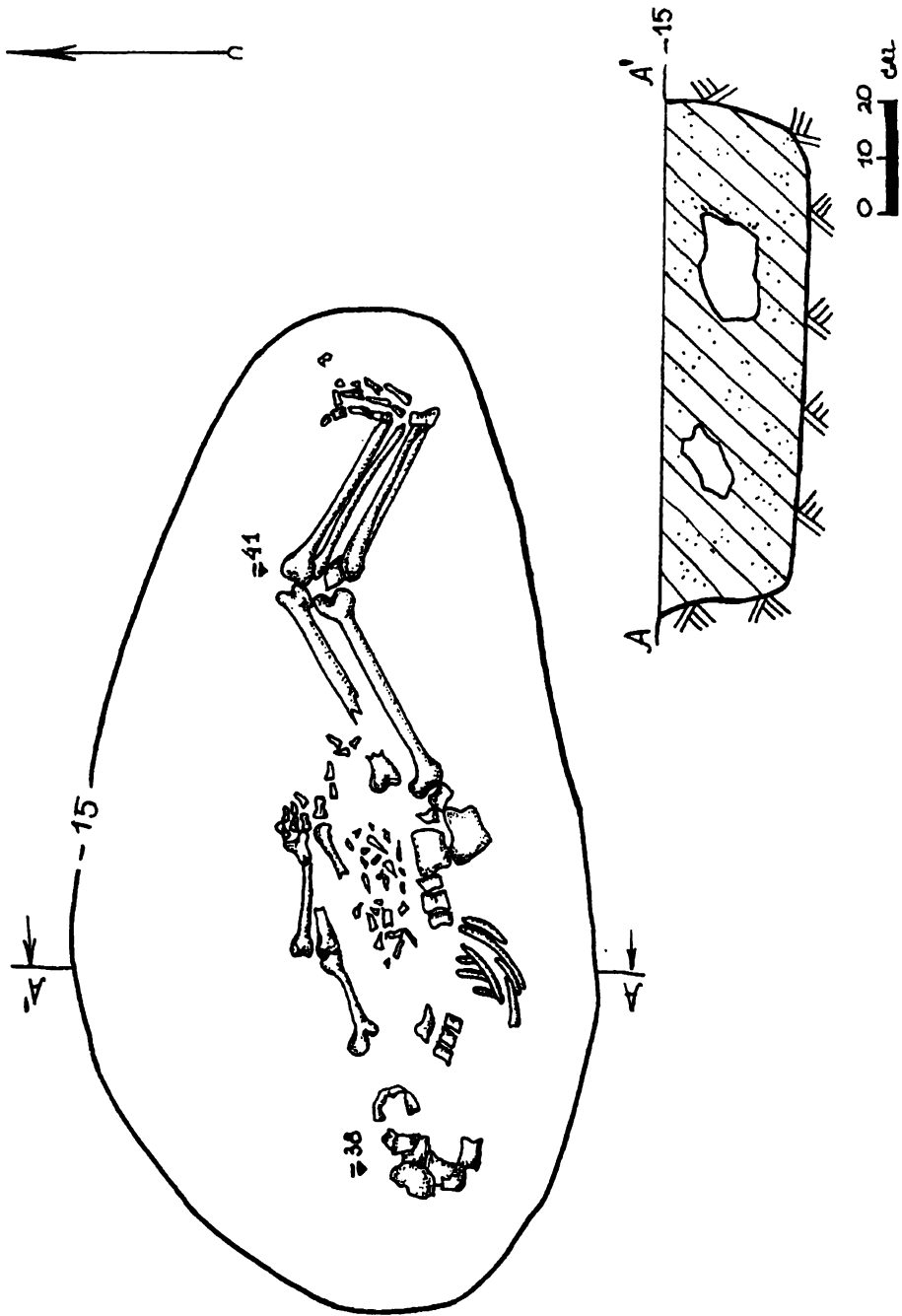

Рис. 3. Курганная группа Верблюжки Горки, Курган 1. Могильная яма. План и профиль

Всё это следы воспалительного процесса в стадии выздоровления, приведшего к прижизненной утере окончания большого пальца левой ноги и окончания, по крайней мере, еще одного пальца. Судя по локализации поражений, весьма вероятно, что фактором, определившим такую ситуацию, было обморожение ног.

Кроме костей, никаких других находок в могильной яме не было.

Курган 2 находился в 2 км к Ю от вышеописанного кургана на одной из самых высоких вершин Верблюжьих Горок в 1,5 км СВ правобережной части с. Краснотал, в 0,8 км к В от русла, на высоте немногим более 70 м от уровня реки (рис. 1). До раскопок фиксировался как овальная в плане (7,5x5,0 м, длинная ось ориентирована широтно), слегка задернованная каменная насыпь, возвышавшаяся над окружающей поверхностью на 0,35 м. Надмогильное сооружение сложено из рваного камня (средний размер в поперечнике 0,2-0,3 м) без видимого порядка, в один-три слоя (рис. 4).

Под западной полкой насыпи на погребенной почве найден фрагмент стенки лепного неорнаментированного сосуда (рис. 5, 2). Обломок, имеющий толщину 0,7 см, слишком маленький, чтобы вынести суждение о форме и размерах сосуда. Поверхности неровные, но хорошо заглажены и уплотнены; цвет серо-коричневый. Основа формовочной массы — среднепластичная глина с естественной примесью песка. В нее были добавлены некалиброванный шамот и органика (нетравянистая, во влажном состоянии). Сосуд, переработанный на шамот, в свою очередь, тоже был изготовлен из среднепластичной глины с примесью органики².

В ЮВ секторе насыпи на погребенной почве встречены сесамовидная кость лошади и два мелких неопределимых обломка костей животных.

Могильная яма располагалась в центре подкурганной площадки. На верхнем материковом уровне она наблюдалась как неправильный удлиненный овал (3,4x1,65 м), ориентированный широтно. При зачистке материка в 0,5 м к северу от середины северной стенки был найден небольшой обломок ребра человека. Уже на глубине 0,2 м от верхнего материкового уровня размеры ямы сократились до 1,85x0,8-0,85 м; ее очертания стали удлиненно-подпрямоугольными с сильно скругленными углами. В придонной части длина ямы равнялась 1,6 м, ширина 0,6-0,8 м; глубина в материке составила 0,85 м. В полости могилы были обнаружены останки трех человек: полный скелет — на дне и два неполных — на разных уровнях в ее заполнении.

На дне у южной стенки лежали останки мужчины 20-30 лет (скелет № 1). Поза вытянутая, на левом полубоку (рис. 5, 11). Голова покойного, ориентированная на запад, склонена к левому плечу, руки перекрещены и простерты вперед к коленям, ноги слегка согнуты. Руки, очевидно, были перевязаны в локтевых суставах, а ноги — в коленных. Плюсневые кости правой ноги отсутствовали. Процесс мацерации проходил в условиях свободного пространства, т.е. в погребальной камере, на что указывает отваливание тела на спину и перекрещивание рук, которые изначально, по-видимому, располагались параллельно. Череп умершего гипердолихокранный, с очень большим продольным и средними поперечным и высотным диаметрами мозговой коробки. Лицевой отдел средний по высоте и ширине, сильно профилированный. Глазницы относительно низкие. Нос сильно выступающий, относительно узкий, с очень высоким переносьем (Алексеев, Дебеч, 1964). В расо-

² Авторы выражают сердечную благодарность научному сотруднику историко-археологического центра «Аркаим» А.И. Гуткову за анализ керамики.

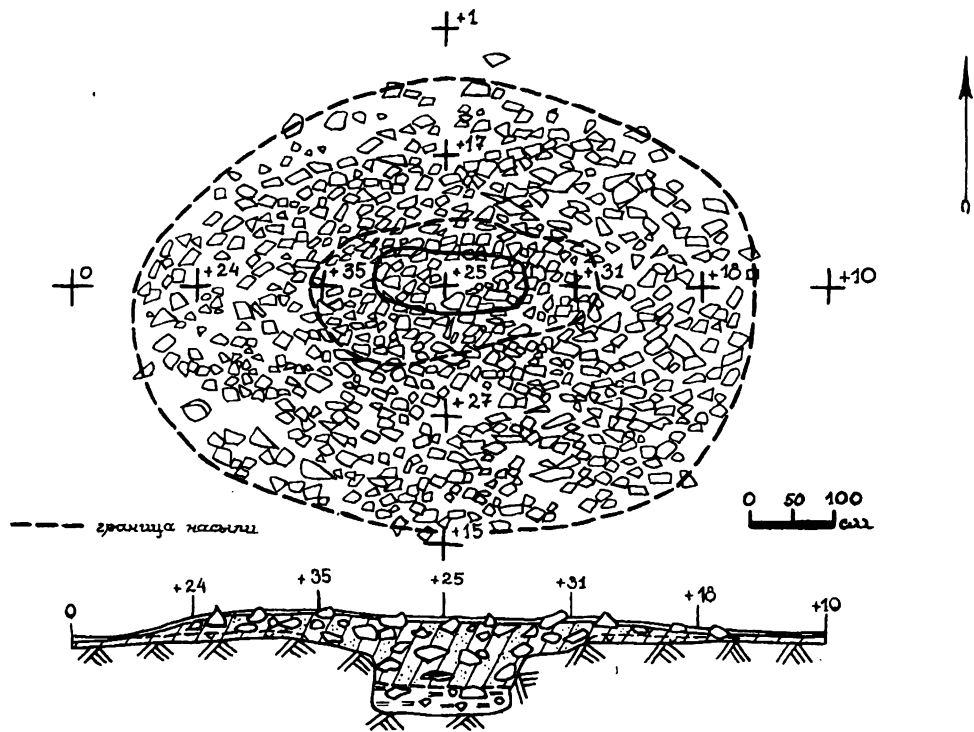

Рис. 4. Курганная группа Верблюжьих Горки. Курган 2. План и профиль насыпи

вом отношении выраженный европеоид. Рост погребенного, вычисленный по формуле Троттер и Глезер для длины бедренной кости, небольшой — 164 см. Ширина плеч средняя — 37 см. Окружности диафизов большие, но это связано с патологией (Мамонова, 1986). У погребенного на момент смерти протекало системное заболевание, оставившее серьезный след на костном аппарате. Болезнь проявлялась в утолщении диафизов, периоссальных наслоениях и свищах на длинных костях, деструкции костей правой ступни, изменении оболочек головного мозга. По всей вероятности, мы имеем дело с активным воспалительным процессом. Однако уточнение диагноза без рентгенографии костей невозможно.

К северу от ног и кистей рук человека располагались кости задней части туши овцы (возраст 1,5 года), расчлененной примерно по линии между животом и грудной клеткой.

Напротив лицевого отдела умершего остриями на запад лежали три костяных наконечника стрел. Все наконечники относятся к одному типу: втульчатые (со скрытой цилиндрической втулкой), лавролистной формы, с ромбическим сечением пера (рис. 5, 3-5). Острия остроугольные, плечики покатые. Длина самого крупного наконечника равнялась 6,0 см, ширина 1,7 см; длина других наконечников — в пределах 3,0 см при ширине до 1,2 см.

Нижняя часть могилы, в которой помещалось вышеописанное погребение, была заполнена почти чистым материковым грунтом (глина с крупным щеб-

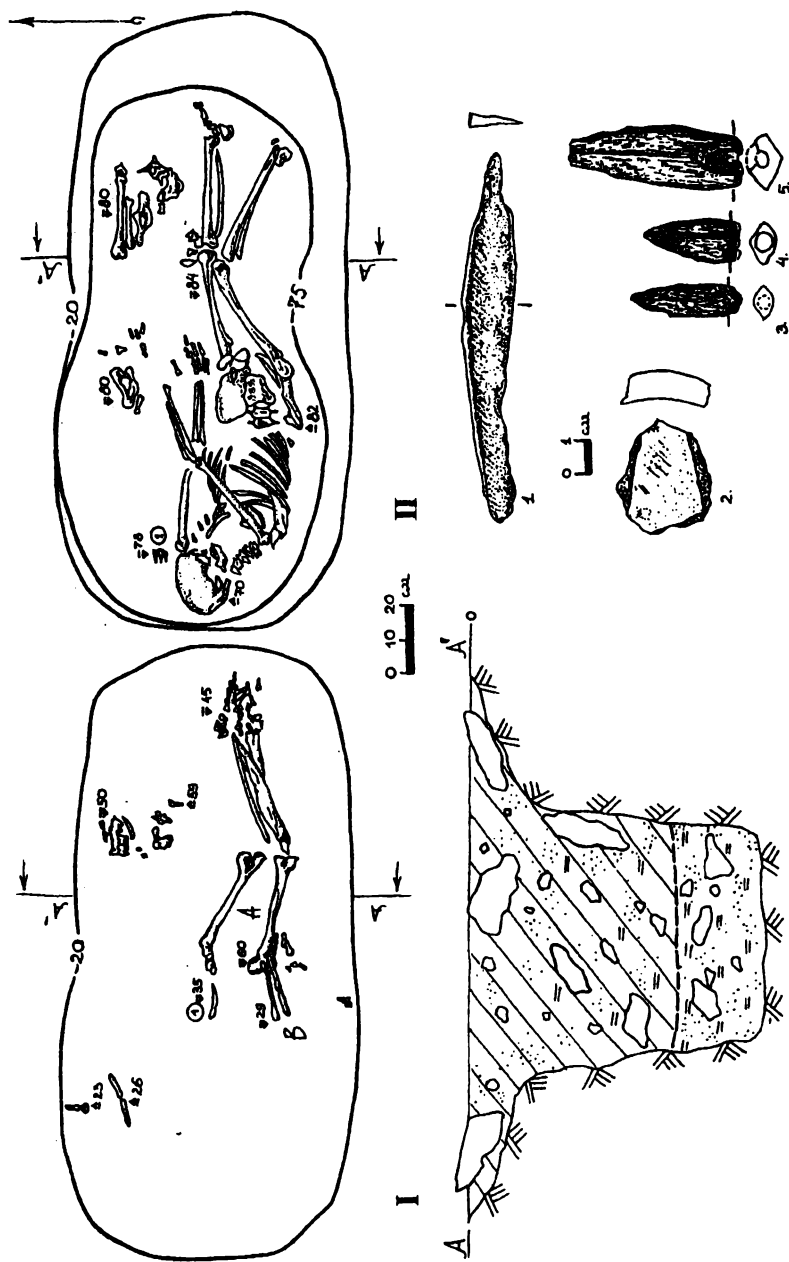

Рис. 5. Курганная группа Верблюжья Горки. Курган 2. Могильная яма. План и профиль. Инвентарь

I — погребения в заполнении; А — остатки скелета № 2, В — остатки скелета № 3; II — остатки на дне. 1 — железный нож; 2 — фрагмент стенки сосуда; 3-5 — костяные наконечники стрел

нем). Выше полость ямы заполняла гумусированная супесь с включениями глины, щебня и крупных камней. На границе этих двух разнородных заполнений, на 0,2-0,3 м выше дна ямы, в ее восточной половине у южной стенки были расчищены останки второго погребенного — мужчины, умершего в возрасте 40-50 лет (скелет № 2). Скелет неполный: сохранились только кости ног (в сочлененном состоянии) и фаланги правой кисти (рис. 5, I, A). Захоронение было произведено головой на запад. Поскольку кости левой стопы и голени лежат поверх правых, причем те и другие лежат на правых сторонах, можно заключить, что тело первоначально было положено на правый бок. Вместе с тем, расположение обеих бедренных костей на передних поверхностях однозначно указывает на то, что потом оно было завалено на грудь, и сделано это было преднамеренно. Таким образом, наиболее вероятное положение тела при захоронении было лицом (да и всем корпусом) вниз. Руки были вытянуты вдоль тела, а ноги согнуты, возможно, для придания более устойчивой или традиционной позы. Рост погребенного, определенный по длине бедренной кости, равнялся примерно 170 см. Окружности диафизов относительно и абсолютно малые. На обоих коленных суставах отмечен деформирующий остеоартроз. Суставные поверхности дистальных эпифизов бедренных костей окружены значительными костными разрастаниями, медиальные мышелки характеризуются множественными залощениями, местами обнажающими губчатую ткань. Вокруг проксимальной суставной поверхности правой большеберцовой кости наблюдаются значительные костные выросты. Медиальные мышелки обеих костей характеризуются множественными залощениями, местами обнажающими губчатую ткань. На костях ног наиболее развиты мышцы, присоединяющиеся к медиальной губе бедренной кости и приводящие бедро (сжимающие ноги). Суставная поверхность головки проксимальной фаланги большого пальца окружена гребнем — остеоартроз плюсне-фалангового сустава большого пальца.

Вышеописанное захоронение тоже сопровождалось задней частью туши овцы (возраст до 1,5 лет), расчлененной в той же манере, что и в погребении на дне ямы. Кости овцы, за исключением элементов правой ноги, находились у северной стенки ямы, близ коленного сустава человека. Кости правой ноги овцы были найдены в западной половине ямы у северной стенки примерно на 0,3 м выше уровня описываемого захоронения.

Третий индивид (скелет № 3) — предположительно, женщина зрелого или старческого возраста — представлен лишь двумя фрагментами левой и правой больших берцовых костей и одним зубом, происходившими из верхней части заполнения ямы (рис. 5, I, B). Фрагменты берцовых костей были найдены в центральной части площади ямы над бедренными костями скелета №2, на 0,3 м выше последних. Они лежали рядом, параллельно друг другу, вдоль длинной оси ямы.

В 0,15 м к северу от берцовых костей скелета №3 на той же глубине был найден железный нож, входивший, по всей видимости, в состав инвентаря этого последнего, третьего захоронения.

Нож характеризуется коротким (обломанным?), выделенным с двух сторон черенком, толстой горбатой спинкой, скругленным острием, неровным, сильно сработанным в прилегающей к острию половине лезвием (рис. 5, I). Общая длина ножа 11,0 см, длина черенка 1,4 см, ширина клинка 0,8-1,4 см, толщина спинки 0,3 см.

Публикуемые курганы объединяет ряд сходных черт. Сходство мы видим в одиночном размещении комплексов, их ландшафтной привязке, конструкции надмогильных сооружений, форме, размерах и ориентировке могильных ям, ориентировке, некоторых деталях позы и особенностях обращения с телами покойных при помещении в могилу, практике подзахоронений, фактах разрушения и полного или частично удаления из могилы верхних отделов тел погребенных, бедности или же полного отсутствия инвентаря. Что-то из названных параллелей, несомненно, имеет случайный или, допустим, стадиальный характер, но в целом список, на наш взгляд, достаточно пространен, чтобы пониматься, по меньшей мере, как отражение синхронности и культурного единства памятников. Не кажется нам безосновательным и предположение о принадлежности курганов одной популяции малого или среднего масштаба. К сожалению, возможности антропологического материала, вследствие фрагментарности, в рассматриваемом аспекте очень ограничены, тем не менее, и здесь фиксируются некоторые общие феномены. В частности, следы перегрузки на плюсне-фаланговых суставах больших пальцев всех погребенных мужчин, как представляется, указывают на интенсивное пешее передвижение в мягкой обуви или/и на управление лошадью при помощи больших пальцев ног (Ражев Д.И., 1996; Reinhard K.J. et al, 1994). В пользу второй причины говорит сильная развитость приводящих бедра мышц у доступного для изучения индивидуума, являющаяся индикатором комплекса всадников (Ражев Д.И., 1996; Бужилова А.П., 1998, Reinhard K.J. et al, 1994). Таким образом, имеются основания заключить, что погребенные в курганах люди были активными (постоянными?) всадниками.

Тезис о культурной однородности рассматриваемых памятников, естественно, подразумевает однородность погребений в каждом из курганов. По нашему мнению, она в достаточной степени наглядна в кургане 2 и вероятна, хотя и существенно менее очевидна, в кургане 1. В последнем случае, кроме отмеченных выше антропологических данных, мы можем привести лишь один аргумент — присутствие в синхронных курганах погребений по обряду неполной кремации, в том числе и в ситуациях, которые могут трактоваться как ярусные погребения или подзахоронения. Сравнительно длительный временной диапазон между двумя погребальными актами в кургане 1 характеризует кремированные останки как подзахоронение. Не исключено, что причиной особого обращения с трупом — кремации, совершенной спустя продолжительное время после смерти — мог быть отмеченный выше туберкулезный спондилит, которым страдал покойный.

В кургане 2 ярусность предстает в почти классическом виде. В первую очередь принадлежность одной погребальной традиции несомненна для нижних захоронений. Тела покойных были ориентированы головой на запад и локализованы у южной стенки могилы, ноги были связаны; кроме того, что более доказательно, оба погребения сопровождалась одинаковыми частями туш овцы, одинаково размещенными относительно тела человека. Правда, умершим были приданы разные позы, но нарочито неординарное положение верхнего субъекта здесь, как мы думаем, означает либо нестандартность обстоятельства смерти, либо некую особость социального статуса. Нашлось ли третье, верхнее, погребение в такой же степени культурной близости к двум нижним, в какой они находились между собой, заключить невозможно, однако его принадлежность к той же эпохе, как будет показано ниже, более чем вероятна.

Ярусные погребения обычно интерпретируются в категориях социального неравенства. Покойные в зависимости от их взаиморасположения в вертикальной плоскости, позы, состояния скелета, количества и качества сопровождающего инвентаря и других признаков понимаются как «свободные» и «рабы», «господа» и «стражники». Правомерность и продуктивность этого подхода к ярусным захоронениям не вызывает сомнения уже потому, что практика человеческих жертвоприношений в традиционных обществах при погребении элиты засвидетельствована многочисленными письменными источниками. Но он, конечно, не объясняет все вариации ярусных погребений, включая и ту, где их одновременность очевидна. Например, среди десятка раннековчевнических ярусных могил из Западного Казахстана, подготовленных С.Г. Гуцаловым к публикации, нет ни одной, где количество и разнообразие инвентаря ясно указывали бы на различие социального статуса погребенных. Точно также отсутствовали и другие символы ранжирования, кроме одной ситуации, позволяющей подозревать искусственную декапитацию. Между тем, как специально подчеркивает С.Г. Гуцалов, он отбирал для публикации только те комплексы, которые несут самые верные знаки одновременности (2003). Мы думаем, что часть ярусных погребений имеет иную природу, не обусловленную социальной стратификацией. Ярусные погребения не один раз зафиксированы, к примеру, на средневековых русских кладбищах (Макаров Л.Д., 1998, с. 38; Тарасов А.Ю., 2000, с. 150), причем в столь разных ситуациях, что могут быть объяснены и одновременной смертью, и родственными узами покойных и, наконец, соображениями экономии трудозатрат.

В кургане 2 не прослеживаются надежные признаки одновременности или, напротив, разновременности погребения индивидов, представленных скелетами № 1 и № 2. Нет также и признаков, ясно знаменующих соподчиненность покойных, чему виной, может быть, является разрушение второго погребения. Тем не менее, некоторую пищу для рассуждений о своем статусе это погребение все же предоставляет. Оно находится в заполнении могилы, что типично для сопогребений «рабов» и «стражников», и один его признак (поза), хотя бы условно можно отнести к числу тех, которые характеризуют покойного как представителя низшей страты. Однако другая черта (часть туши овцы), уравнивающая его с нижним погребением, несомненно, противоречит такому выводу. К тому же трупоположение «лицом вниз», судя по этнографическим данным, предпочтительнее истолковывается как поза покойника, потенциально опасного для живых (Асеев И.В., 1982, с. 135). Принимая во внимание явную тщательность удаления костей скелета № 2 из могилы, резонно допустить, что здесь совершено ритуальное действие, обязанное недостаточности превентивных мер и нужде в более радикальном способе «обезвреживания». Заметим, что разрушение или удаление именно верхней части скелета обычно трактуются в плане «обезвреживания». Тогда, если такие действия имели место в действительности, их адресатом должен быть субъект, имеющий самостоятельный, а не подчиненный статус, из чего, в нашей модели рассуждений, следует равноправность и самостоятельность рассматриваемых погребений, независимо от того, одновременно они были совершены или нет.

Последнее проникновение в полость ямы, в ходе которого в нее были помещены останки третьего индивида, произошло спустя сравнительно длительное время после второго захоронения. Это свидетельствуется не только разрушением скелета №2, но и состоянием верхней части ямы, которое можно объяснить поиском полости могилы после разборки насыпи. Размещение останков третьего индивида в центре

площади могилы, их состав и локализация ножа заставляют видеть здесь вторичное захоронение.

В комплексах Верблюжьих Горок, как видно из описания, не фиксируются знаки ранжированности отдельных погребений, и, в силу их разновременности, неочевидной только для нижних захоронений кургана 2, пожалуй, излишне предполагать, что ранжирование осталось за пределами археологического контекста. О прочих мировоззренческих или психологических резонах, заставлявших родственников усопших неоднократно использовать могильную яму, можно только догадываться. Впрочем, бедность и основных погребений, и подзахоронений, позволяет предложить в качестве наиболее вероятной причины соображения уменьшения трудозатрат. Значимость такого рода мотивации отчасти подтверждается тем, что урало-казахстанские погребения, причисляемые исследователями к переходным, в большинстве впускные (Кореняко В.А., 1982, с. 39-41; Гуцалов С.Ю., 1996, с. 156-163). Практика впускных погребений, присущая многим культурам-мигрантам, осваивающим новую территорию, и обусловленная комплексом приспособительных реакций, по меньшей мере, в качестве побочного результата давала экономию сил (особенно актуальную по окончании зимы, на которую приходилась наибольшая смертность)³.

* * *

Датирующий потенциал вещей из кургана 2 весьма ограничен. Ножи и костяные наконечники стрел типологических рядов, по большей части, не образуют, и если все же привлекаются к процедуре датирования, то как вспомогательный материал. Однако в нашем случае им поневоле приходится играть большую, нежели обычно, роль. Тип железных ножей с дуговидной спинкой, широко распространившийся в начале раннего железного века, как полагают, сложился в переходное время (Ковпаненко Г.Т., 1981, с. 99). Для нас, в частности, важно, что подобной формы железный нож был найден в одиночном кургане на р. Первый Макан (Юго-Восточная Башкирия). Погребальный инвентарь этого кургана включал керамику саргаринского облика, что позволило Г.Н. Гарустовичу датировать памятник периодом финальной бронзы (или, как следует из названия публикации, переходным от бронзы к раннему железному веку временем) (2000). Втульчатые костяные наконечники — сравнительно редкая и, вместе с тем, вариабельная разновидность наконечников; если некоторые экземпляры и дают повод видеть в их форме подражания бронзовым наконечникам, сходство с прототипами почти никогда не бывает достаточно убедительным (Кореня-

³ В умозрительном плане эту особенность анализируемых курганов, имея в виду их промежуточное положение между эпохами бронзы и железа, позволительно расценивать как способ разрешения конфликта между новыми представлениями о благих условиях перехода в иной мир, требовавшими размещения погребальных конструкций на площадках горных вершин, и старой традицией компактных родовых кладбищ. Хотя нам известен всего один ярусный комплекс (Ак-Жар, курган 2), во многом близкий погребениям Верблюжьих Горок и, по-видимому, синхронный им (Кореняко В.А., 1982, с. 39-40), это обстоятельство не противоречит нашему предположению, поскольку практически все «переходные» памятники, разбросанные на огромной территории, являются одиночными погребениями.

ко В.А., 1982, с. 40). Однако у наших наконечников есть несколько близких аналогов среди бронзовых втульчатых ромбических в сечении наконечников, найденных на памятниках поздней бронзы и в курганах первых веков раннего железного века (Смирнов К.Ф., 1961, рис. 39, А, 10, 11, 13, 14, 21, 22). Наконечники этого типа, встречающиеся почти исключительно в Южном Приуралье, по заключению К.Ф. Смирнова, непосредственно или косвенно связаны по происхождению с костяными стрелами евразийских степей эпохи бронзы и предскифского времени (Смирнов К.Ф., 1961, с. 58), поэтому более вероятно, что наконечники Верблюжьих Горок являются не копиями репликами бронзовых наконечников, а оригинальными изделиями, в которых отражены традиционные форма и технология. Таким образом, можно заключить, что хронологические позиции ножа и наконечников стрел, в целом, совпадают, указывая на переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку время как наиболее вероятный период возникновения памятника. Такая датировка находит подтверждение и в обрядовой составляющей. Насколько позволяют судить публикации, общими чертами погребений урало-казахстанской степной зоны, атрибутируемых как переходные, являются одиночный характер курганов, скромность трудовых затрат на возведение надмогильных сооружений (при очень большой доле впускных погребений), бедность или полное отсутствие инвентаря. Отмечаются также «промежуточность» позы покойных (компромисс между скорченной на боку позой «адорации» и вытянутым на спине положением), наличие трупосожжений, и, в целом, «неустойчивость» обряда. Все это, как видно, в полной мере представлено в материалах Верблюжьих Горок.

* * *

Содержание периода, к которому принадлежат публикуемые памятники, в литературе не обойдено вниманием. Проблему перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку рассматривали едва ли не все специалисты по раннему железному веку Южного Урала, она неизменно присутствует в обобщающих работах по эпохе бронзы региона и сопредельных территорий, различные ее аспекты затрагиваются в публикациях материалов финальной бронзы и раннего железного века (историографию см.: Ю.А. Морозов, 1995). Обсуждаются две гипотезы: автохтонная, выдвинутая и обоснованная К.Ф. Смирновым (Смирнов К.Ф., 1964), и миграционная, в основных чертах сформулированная К.В. Сальниковым (Сальников К.В., 1967). Сторонники первой доказывают, что в культурах раннего железного века наблюдаются многочисленные проявления генетической связи с местными культурами заключительной части бронзового века, их оппоненты полагают, что сколько-нибудь убедительная преемственность отсутствует (обзор см.: Таиров А.Д., 2003). Существует и третья точка зрения, согласно которой на Южном Урале могли иметь место комбинации разных механизмов утверждения номадизма. Наиболее обстоятельно она изложена Н.Б. Виноградовым и А.В. Епимаховым (Vinogradov N.B., Yermachov A.V., 2000). Поскольку на сегодняшний день их статья является, по существу, единственной работой, специально посвященной интересующей нас теме, позволим себе кратко коснуться ее содержания, а заодно и проблематики периода в целом.

Исследователи опирались, главным образом, на поселенческие материалы финальной бронзы Южного Зауралья. Поселения, сильно различающиеся размерами и планировкой, довольно многочисленны, хотя, как следует записать в пассив, стационарно исследовались не часто и поэтому типологически и хронологически

не выстроены. Помимо факта многочисленности, важнейшая информация, предоставляемая поселенческими памятниками, сводится к следующему: наиболее крупные из них располагаются в долинах больших рек; топография многих поселков говорит о маловодности водоемов; разведочные шурфы нередко свидетельствуют о кратковременности заселения; коллекция костей домашних животных демонстрирует повышение доли лошади в стаде; верхняя дата заходит в VII в. до н.э. Счет надежно датированных погребений идет на единицы, что при обилии поселений заставляет предполагать существование способов обращения с телами покойных, альтернативных ингумации. Серия случайных находок изделий из бронзы указывает на культурные связи с Казахстаном и Южной Сибирью.

Все эти данные понимаются так, что население Южного Зауралья, на протяжении всей эпохи бронзы занимавшее преимущественно скотоводством и накопившее в этом секторе хозяйства изрядный опыт, на рубеже II-I тыс. до н.э. переживало глубокий кризис, обусловленный, в первую очередь, аридизацией климата, и заметно сократилось, но все же постепенно преодолело трудности. Адаптация к ухудшающимся климатическим условиям происходила за счет переселения в сравнительно устойчивые экологические ниши в пределах региона, включения в хозяйственный оборот пастбищных ресурсов на водоразделах, внутриобщинного разделения труда, т.е. сохранения оседлости для части коллектива и перехода к кочеванию другой его части, полезных заимствований у ближних и дальних соседей, контакты с которыми в силу возросшей мобильности стали более тесными. В разных частях региона население, в зависимости от местных условий, осуществляло различные схемы приспособления и эволюции, но, в конечном счете, оценив все преимущества кочевого образа жизни, благополучно вступило в ранний железный век.

Радикальная и всесторонняя перестройка культуры при переходе к кочеванию, по мнению Н.Б. Виноградова и А.В. Епимахова, серьезно подрывает убедительность вывода об отсутствии генетической связи между периодами. Тем не менее, они допускают возможность другой модели развития, в которой оседлость и соответствующие ей формы скотоводства, несмотря на ухудшение климата, сохранялись вплоть до тех пор, когда в результате внедрения извне, скорее всего, из Центрального Казахстана, носителей уже сложившегося кочевого скотоводства не произошла резкая замена способа ведения хозяйства. При этом пришельцы ассимилировали местное население, что при их давних контактах и вероятном этническом родстве не вызвало больших затруднений.

Как видно, имеющиеся источники дают слишком большой простор для реконструкций, допуская достаточно логичное обоснование, по существу, альтернативных моделей. Для нас несомненным представляется, пожалуй, лишь одно: в финале эпохи бронзы в жизни местного населения происходили масштабные перемены, отразившиеся как в поселенческих, так и в погребальных памятниках. Но далее, начиная с вопроса о направленности совершавшихся перемен, мы вследствие и количественной, и видовой недостаточности информации поневоле вынуждены вступать в область догадок.

Конечный итог и отдельные факты склоняют к мысли, что перемены, скорее всего, были деструктивными, но буквально все их аспекты — причины, содержание, временные рамки, механизмы и итоги преодоления — остаются не ясными. К примеру, если главной причиной кризиса полагать климатический фактор, осложнивший или даже сделавший невозможным нормальное функционирование хозяйства, непонятно, какого рода изменения имели место. Длительное время в литературе климат Южного

Зауралья на рубеже II и I тыс. до н.э. определялся как ксеротерм, и тезис об аридизации ландшафта служил отправной точкой реконструкций изменений в хозяйстве, кстати, совершенно естественным образом генерируя автохтонную модель сложения кочевничества, в которой переход к номадизму предстает закономерным ответом на вызов природы. Однако результаты палеоэкологических исследований последних лет свидетельствуют, чаще всего, о прямо противоположном. Согласно новым данным, со второй половины II тыс. до н.э. западная половина евразийских степей, включая и Южное Зауралье, переживала период гумидизации, достигшей пика на рубеже II-I тыс. до н.э., когда произошел заметный сдвиг природных зон к югу, и они заняли области, соответствующие современным почвенно-климатическим границам, после чего увлажнение продолжало нарастать, достигнув максимума к началу VIII в. до н.э. (Иванов И.В., Чернянский С.С., 1996; Иванов И.В., Чернянский С.С., 2000, с. 11; Демкин В.А. и др., 2000, с. 237; Demkin V.A., Demkina T.S., 2002, p. 398). Вместе с тем, для сибирско-казахстанских степей констатируется продолжавшаяся вплоть до VII в. до н.э. аридность, особенно жесткая во второй половине периода (Иванов И.В., Луковская Т.С., 1997, с. 81-82). Противоречивость и чрезвычайная обобщенность, пока достаточно приметные и в новых сведениях об изменении климата на территориях распространения андроновской культурно-исторической общности, не позволяют использовать их в целях объяснения причин перехода к номадизму. Надо думать, что гораздо большее влияние на хозяйство имели не эпохальные сдвиги границ природных зон, а кратковременные, глубокие экстремумы климата, подобные тем, что зафиксированы, например, на юге Западной Сибири Н.Е. Рябогиной и Л.А. Орловой, отмечившими на фоне постепенного уменьшения увлажнения, длившегося от начала II до середины I тыс. до н.э., периоды непродолжительного, но резкого возрастания сухости около середины XII и в начале IX вв. до н.э. (Рябогина Н.Е., Орлова Л.А., 2002, с. 212). К сожалению, такого рода флуктуации климата в Южном Зауралье пока не выявлены (см. статью В.В. Дерягина и С.С. Маркова в настоящем сборнике).

Одним из самых больших препятствий для разрешения рассматриваемой проблемы является недостаточность информации о функционировании продовольственных секторов хозяйства эпохи бронзы. Хозяйство степных культур бронзового века традиционно понимается как комплексное, скотоводческо-земледельческое. Однако полновесные следы растениеводства обнаружены лишь на отдельных памятниках заключительного этапа эпохи, и многие специалисты, справедливо указывая на отсутствие достоверных признаков земледелия в предшествующих культурах, по меньшей мере, скептически оценивают уровень его развития и роль произведений земледелия в пищевом рационе населения. Но коль земледелие было несуществующей или несущественной отраслью экономики, то насколько же высоким должен был быть потенциал скотоводства, чтобы оно могло обеспечить потребности общества в пище. Ведь даже в условиях полного господства кочевой формы скотоводства номады, как утверждают большинство кочевниковедов, категорически не могли обойтись без продукции земледелия. Эта дилемма означает, что принципиальное отличие кочевого скотоводства от тех его форм, что подразумевают оседлость, заключалось не в большей продуктивности или более активном освоении окрестных пастбищных территорий, и, следовательно, совсем иные причины заставили людей отказаться от привычного уклада жизни.

Надо полагать, это были причины внешнего порядка. Конечно, люди в повседневной деятельности порой руководствуются установками и стереотипами, настолько мудренными, что в итоге, по выражению А.П. Платонова, «даже чернозем травы не

родит», однако материалы заключительных этапов эпохи бронзы (земледелие, состав стада, топография поселений), вообще, указывают на активный поиск способов адаптации к меняющейся природной среде. Другое дело, что ни одна из этих приспособительных новаций, по-видимому, не приблизила местное население к номадизму в общепотребительном смысле этого понятия, а, возможно, даже не уберегла его от катастрофической депопуляции⁴.

Последнее предположение мы выводим не столько из малочисленности погребений финальной бронзы, сколько из их своеобразного и довольно унифицированного облика, в котором отчетливо проступают типические элементы погребального обряда ирменской культуры (Костюков В.П., Епимахов А.В., 2003). За выразительной ирменской обрядностью естественно видеть восточный миграционный импульс, в значительной степени подавивший местную традицию. В этой связи представляет интерес мнение А.Д. Таирова, согласно которому исходной территорией, откуда в конце VIII — начале VII вв. до н.э. в Урало-Ишимское междуречье пришло новое население с кочевой формой хозяйства, заложившее фундамент культуры раннего железного века, следует считать Восточный Туркестан и Монголию. Причину миграции А.Д. Таиров видит в ухудшении экологической обстановки на восточной периферии Степи (А.Д. Таиров, 2003). На наш взгляд, разрыв генетической связи с аборигенной культурой случился еще раньше. Судя по упомянутым погребальным памятникам финального этапа эпохи бронзы, уже в то время населением критических зон, в которых аридизация предельно жестко продиктовала разрыв с оседлостью, был проложен путь в экологически приемлемые регионы, в том числе и в Южное Зауралье⁵. Именно эти импульсы, вероятно, впервые породили эффект цепной реакции, впоследствии не раз повторявшийся, и вовлекли в передвижения племена с самыми разными градациями подвижности. Одну из таких волн документируют публикуемые курганы, несущие черты, обособляющие их и от комплексов финальной бронзы, и от комплексов начала раннего железного века.

Не исключено, что как раз в ходе дальних миграций происходила кристаллизация специфических форм быта, социальных институтов и духовных ценностей, в конечном счете обеспечивших военные успехи кочевников и, в известной степени, большую приспособленность их хозяйства к вызовам природной среды⁶. Выше-сказанное, разумеется, не означает, что усвоенная в ходе переселений или иными способами «школа» номадизма принуждала новопоселенцев Южного Зауралья ежегодно пускаться в тысячекилометровые путешествия, амплитуда которых огра-

⁴ Заметим, что тезис о сложении кочевничества на местной почве особенно плохо уживается с относящимися именно к финальному этапу эпохи бронзы свидетельствами упражнений в земледелии. С другой стороны, большая роль зерновых в пищевом рационе в условиях увлажнения климата могла стать самостоятельным фактором кризиса (Шамильоглу Ю., 2002, с. 16-17).

⁵ Непосредственной причиной миграций была, как правило, не аридизация сама по себе, а обострение конкуренции за сокращающиеся ресурсы. Средневековая история дает немало примеров сверхдальних переселений племен и народов, вынужденных уступить свои пастбища победителям.

⁶ Показательно, что над одним из ирменоидных погребений финальной бронзы в кургане Белоключевка-7 возведена плоскостная каменная композиция, имитирующая влекому «тяглом» четырехколесную повозку (Костюков В.П., 1999; Vinogradov N.B., Yepimachov A.V., 2000, fig. 3).

ничивалась единственно границами так называемых пастбищно-кочевых систем. Мы полагаем, что склонность кочевников к дальним перекочевкам, вообще, сильно преувеличивается. Территория кочевания ранних номадов степи и лесостепи Южного Урала, по расчетам И.М. Акбулатова, составляла от 50 до 100 кв. км. (Акбулатов И.М., 1996, с. 95). В позднем средневековье юго-восточные башкиры кочевали с весны до осени, «переходя с кочевками с места на место, на расстоянии от 5 до 35 верст от деревень своих» (Янгузин Р.З., 1997). Средняя протяженность маршрутов «чистых» кочевников — казахов, по Н.Э. Масанову, не превышала 50-100 км в течение года (Масанов Н.Э., 1997, с. 7), а пересекающие степь с юга на север кочевки были скорее исключением, чем правилом. Приведенные величины, в сущности, мало отличаются от гипотетического радиуса освоенной территории оседлых скотоводов, определяемого, скажем, для населения синташтинской культуры в 20-30 км (Зданович Г.Б., 1999, с. 42). Отметим, что достаточно солидный фонд аргументов в пользу малой подвижности сарматов (Смирнов К.Ф., 1964а, с. 53, 55; Мошкова М.Г., 1974, с. 49-50; Железчиков Б.Ф. 1983, с. 56; 1984, с. 10, 13) в последнее время пополнен новыми убедительными фактами и наблюдениями (например: Демкин В.А., Демкина Т.С., 1998; Савельев Н.С., 1998)⁷. Все это, как мы полагаем, свидетельствует о весьма тонкой грани между хозяйственным и, возможно, бытовым укладом ранних кочевников, с одной стороны, и населения бронзового века, с другой, в Южном Зауралье.

Таблица 1

**Размеры длинных костей скелета № 1 кургана 1
и скелета № 2 кургана 2**

Признак	Курган 1, скелет №1, Л/П	Курган 2, скелет №2, Л
БЕДРЕННАЯ		
2. Естественная длина.	-	449
18. Вертикальный диаметр головки	-	-
9. Верхняя ширина диафиза	-	38
10. Верхний сагиттальный диаметр	-	29
7а. Ширина середины диафиза	-	30,0
6а. Срединный сагиттальный диаметр	-	30,5
8. Окружность середины диафиза	-	-
21. Ширина нижнего эпифиза	-	-

⁷ Представительный ряд находок сарматской керамики на поселениях эпохи бронзы, опубликованный Н.С. Савельевым, кстати, продолжают материалы из статей В.С. Стоколоса в настоящем сборнике.

БОЛЬШАЯ БЕРЦОВАЯ		
1. Общая длина	338/343	376
3. Ширина верхнего эпифиза	-/83	-
9а. Ширина у питательного отверстия	28/29	-
8а. Сагиттальный диаметр у питательного отверстия	34/34,5	-
9. Ширина середины диафиза	22/22	-
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	27/27	-
10б. Наименьшая окружность диафиза	75/73	70

Таблица 2

Размеры черепа скелета № 1 кургана 2

Признак	Размер	Признак	Размер
1. Продольный диаметр	191	75(1). Угол выступания носа	30
8. Поперечный диаметр	134	SC. Симотическая ширина	6,8
17. Высотный диаметр	130	SS. Симотическая высота	4,3
20. Высотный диаметр (po-br)	110	DC. Дакриальная ширина	22,0
5. Длина основания черепа	104	DS. Дакриальная высота	13,0
11. Ширина основания черепа	132	SC. Симотическая ширина	6,8
9. Наименьшая ширина лба	102	SS. Симотическая высота	4,3
10. Наибольшая ширина лба	117	68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	102
12. Ширина затылка	109	68. Длина нижней челюсти от углов	75
32. Угол профиля лба от nasion	83	65. Мышелковая ширина	124
GM/FH. Угол профиля лба от gl	71	66. Угловая ширина	100
40. Длина основания лица	101	70. Высота ветви	62
43. Верхняя ширина лица	110	79. Угол ветви	67
46. Средняя ширина лица	96		
45. Скуловая ширина	ca 135	Указатели	
47. Полная высота лица	110	8:1. Черепной	70,2
48. Верхняя высота лица	70	40:5. Выступания лица	97,1
72. Общий лицевой угол	83	9:45. Лобно-скуловой	75,6
77. Назомаллярный угол	138	48:45. Верхний лицевой	51,9
Zm. Зигомаксиллярный угол	126	52:51. Орбитный от mf	77,5
51. Ширина орбиты от mf	44,5	52:51а. Орбитный от d	84,1
51а. Ширина орбиты от d	41,0	54:55. Носовой	45,7
52. Высота орбиты	34,5	SS:SC. Симотический	63,2
54. Ширина носа	23,4	DS:DC. Дакриальный	59,1
55. Высота носа	51,2		

Размеры длинных костей скелета № 1 кургана 2

Кость, признак	Размер (л/п)	Кость, признак	Размер (Л/П)
КЛЮЧИЦА		ПЛЕЧЕВАЯ	
1. Наибольшая длина	140/136	1. Наибольшая длина	317/321
6. Окружность диафиза	39/39	2. Общая длина	312/316
ЛУЧЕВАЯ		7а. Окружность середины диафиза	71/69
1. Наибольшая длина	248/239	10. Вертикальный диаметр головки	48/46
2. Физиологическая длина	231/225	4. Ширина нижнего эпифиза	58/57
3. Наименьшая окружность диафиза	47/45	БОЛЬШАЯ БЕРЦОВАЯ	
ЛОКТЕВАЯ		1. Общая длина	355/343
1. Наибольшая длина	269/269	3. Ширина верхнего эпифиза	76/ -
2. Физиологическая длина	240/235	9а. Ширина у питательного отверстия	-/27,5
3. Наименьшая окружность диафиза	44/43	8а. Сагиттальный диаметр у питательного отверстия	-/32,5
БЕДРЕННАЯ		9. Ширина середины диафиза	27/25
2. Естественная длина.	423/416	8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	29/28
18. Вертикальный диаметр головки	48,5/47,5	10б. Наименьшая окружность диафиза	86/80
9. Верхняя ширина диафиза	40/36		
10. Верхний сагиттальный диаметр	29,5/30,0		
7а. Ширина середины диафиза	32/31		
6а. Срединный сагиттальный диаметр	29/28		
8. Окружность середины диафиза	97/92		
21. Ширина нижнего эпифиза	82/-		

Библиографический список

1. Акбулатов И.М. Характер и протяженность маршрутов кочевания номадов южноуральских степей (VI в. до н.э. — IV в. н.э.) // Башкирский край. Выпуск 6. Уфа, 1996.
2. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
3. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
4. Асеев И.В. Археологический материал как источник отражения некоторых аспектов шаманизма // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
5. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. М., 1998.
6. Гаврилюк А.Г. Разведка по р. Караталы-Аят в Карталинском районе Челябинской области. Челябинск. — Архив ИА РАН, 1988.

7. Гарустович Г.Н. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Выпуск 2. Уфа, 2000.
8. Гуцалов С.Ю. Впускные погребения Илека предсавроматского времени. // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996.
9. Демкин В.А., Алексеев А.О., Демкина Т.С., Алексеева, Т.В., Песочина Л.С. Палеоэкология степей Волго-Уралья в древности и средневековье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.
10. Демкин В.А., Демкина Т.С. Роль природной среды в жизни ранних кочевников Евразийских степей // Античная цивилизация и варварский мир. (Материалы 6-го археологического семинара). Часть 1. Краснодар, 1998.
11. Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. — I в. н.э. // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
12. Зданович Г.Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск, 1999.
13. Иванов И.В., Чернянский С.С. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение, №9, 1996.
14. Иванов И.В., Луковская Т.С. Роль пространственно-временных изменений экологических условий евразийских степей в развитии древних культурно-исторических общностей // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Саратов, 1997.
15. Иванов И.В., Чернянский С.С. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.
16. Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.
17. Коренько В.А. О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.
18. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1995.
19. Костюков В.П. Новые материалы к проблеме мировоззрения населения финальной бронзы Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск, 1999.
20. Костюков В.П., Епимахов А.В. Проблемы культурной интерпретации памятников финальной бронзы в Южном Зауралье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Книга 1. Барнаул, 2003.
21. Макаров Л.Д. Русские могильники Вятского края XVI-XIX вв. // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1998.
22. Мамонова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических исследований // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986.
23. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
24. Масанов Н.Э. Особенности функционирования традиционного кочевого хозяйства казахов // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997.

25. Морозов Ю.А. Историография вопроса переходного периода от эпохи бронзы к культурам ранних кочевников в южноуральских степях // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
26. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
27. Пшеничниук А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
28. Ражев Д.И. Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
29. Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Издательство медицинской литературы, 1955.
30. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М., 1965.
31. Рябогина Н.Е., Орлова Л.А. Позднеголоценовый торфяник Гладиловский Рям как индикатор изменения палеоэкологических условий Ишимской равнины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4. Тюмень, 2002.
32. Савельев Н.С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Выпуск 1. Уфа, 1998.
33. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
34. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.
35. Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА, № 3, 1964.
36. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии. В печати, 2003.
37. Тарасов А.Ю. Некрополь Покровской церкви Красноярского острога (предварительное сообщение) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. II. Новосибирск, 2000.
38. Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). Казань, 2002.
39. Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII-XIX вв. Уфа, 1997.
40. Demkin V.A., Demkina T.S. Paleoeological Crises and Optima in Eurasian Steppes in Ancient Times and the Middle Ages // Complex Societies of Central Eurasia from the 3-rd to the 1-st Millennium BC. Journal of Indo-European Studies Monograph Series. No. 46, 2002.
41. Jantz, R.L., Hunt, D.R., Meadows, L. The Measure and Mismeasure of Tibia: Implications for Stature Estimation. // Journal of Forensic Sciences, vol.40, No. 5, 1995.
42. Ortner, D.J., Putschar, W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1985.
43. Reinhard K.J., Tieszen, L., Sandness, K. L., Beiningen, L.M., Miller E., Ghazi, A. M., Miewald, C. E., Barnum S. V. Trade, contact and female health in northeast Nebraska // In the Weak of Contact: Biological Responses to Conquest. New York: Willey-Liss, 1994.
44. Vinogradov N.B., Yepimachov A.V. From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. BAR International Series 890, 2000.

ШИБАЕВО 1: ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Целью данной статьи является публикация имеющихся результатов изучения поселения Шибаетово 1. Хотя далеко не все желаемые исследования (трассологические, остеологические, петрографические, металлографические и т.п.) проведены в полном объеме, богатство культурного слоя находками, принадлежность их к разным культурам эпохи бронзы вызывают необходимость ознакомить археологов с материалами памятника. Предварительно отдельные данные о сделанных находках уже публиковались (Нелин Д.В., 2000а, 2000б).

Поселение Шибаетово 1 было открыто в 1988 г. А.А. Зайцевым (Зайцев А.А., 1988). Оно располагается в 1,8 км к С-СВ от с.Шибаетово Еткульского района Челябинской области на юго-восточном берегу озера Доловое. Район исследований находится в зоне южной лесостепи с березовыми колками и луговыми степями. Местность представляет собой слабо залесенную равнину с абсолютными высотами 44-315 м. Поверхность волнистая, с плавным чередованием повышений и понижений, встречаются одиночные холмы и группы холмов высотой 5-30 м. Грунты преимущественно суглинистые и солончаковые. Озеро Доловое площадью около 0,5 км² является проточным, расположенным в русле реки Чумляк. Грунт дна песчано-илистый, вязкий, берега пологие. Вода в озере слабо солоноватая, насыщена органическими примесями.

Поселение локализуется на мысовидном, широтно ориентированном дефиле шириной до 0,25 км между озером и заболоченной низиной, на высоте над урезом воды в озере до 2 м (рис. 1). Берег оз. Доловое и заболоченная низменность поросли камышом. Основная часть памятника распаханная, незатронутые пашней окрестности поселения покрыты луговой растительностью. Судя по распространению подъемных сборов, поселение располагается на ориентированной ЗЮЗ-ВЗВ площадке размерами 400х120 м. На целинном участке поселения были зафиксированы расположенные компактной группой на площади 35х40 м три округлые в плане впадины диаметром 10-14 м, глубиной 0,3-0,5 м, интерпретированные предварительно как жилищные.

Раскопки на поселении проводились в течение 1997-99 годов экспедицией Челябинского областного краеведческого музея. В 1997 над впадиной №1 был заложен раскоп площадью 147 м² (квадраты У-Ч/12-14, Ч/15). В 1998 г. к раскопу 1997 г. была осуществлена прирезка с В и с Ю общей площадью 180 м² (квадраты У-Ц/15, Ш-Я/12-15). В 1999 г. к раскопу 1997-98 с Ю была осуществлена прирезка площадью 162 м² (квадраты Ц-Ю/16-18). Общая площадь раскопа составила 489 м². Грунт в раскопе выбирался до материка по квадратам размерами 3х3 м, метрическими горизонтами по 0,2 м с оставлением между квадратами бровок шириной 0,4 м. Все приводимые в публикации глубины, кроме оговоренных случаев, даны от «0», за который в 1997 г. была принята высота у ЮЗ угла кв.Ч/14. На всей площади раскопа культурный слой был перекрыт дерном толщиной 0,1 м.

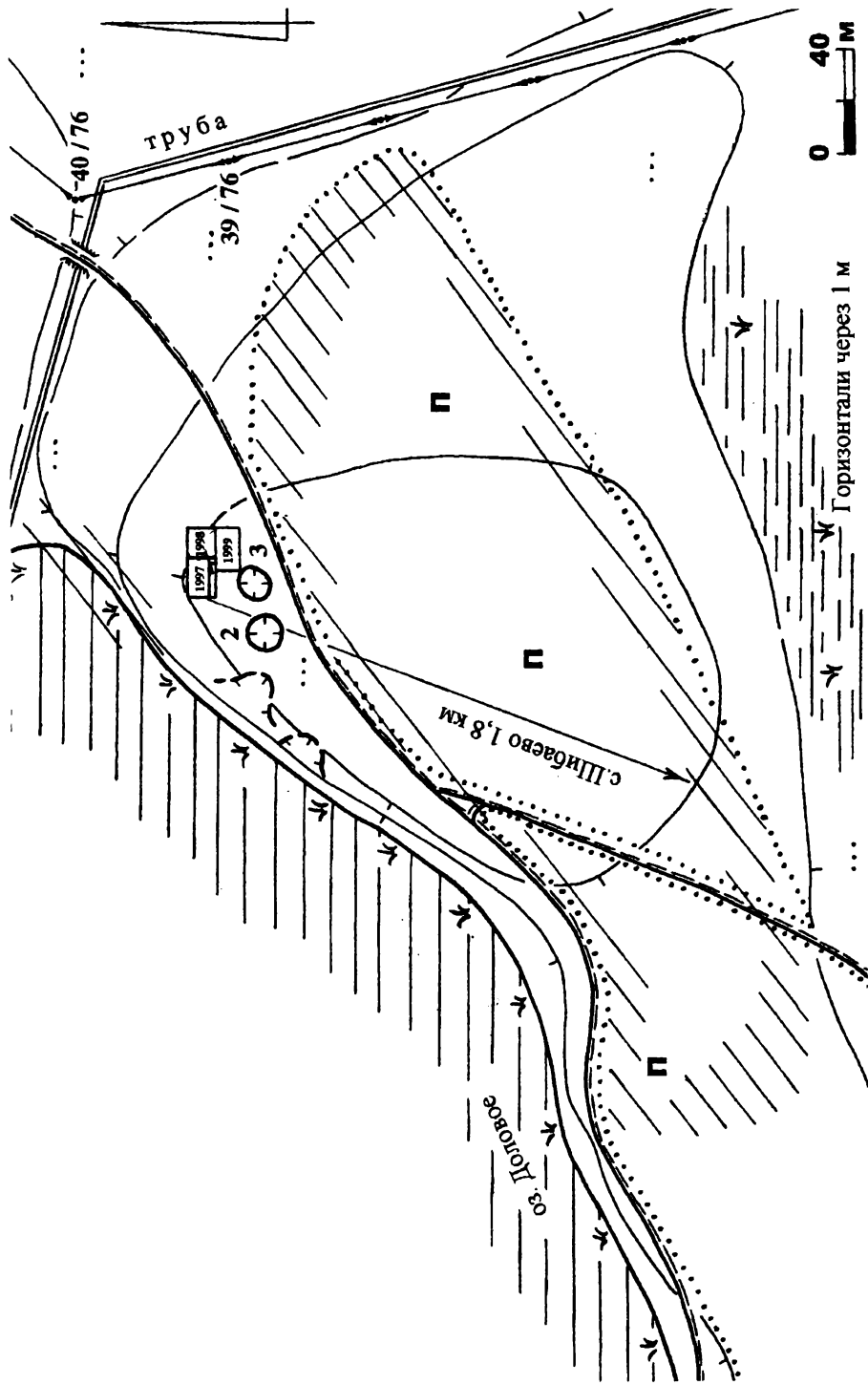

Рис. 1. Поселение Шибаво 1. План

Условно в раскопе можно выделить два участка — западный и восточный. К первому отнесены квадраты У-Ц/12-15, ко второму — Ч-Ю/12-18, Ц/16-18. Ниже они будут описаны отдельно.

Западный участок (рис.2, 4, 5).

На западном участке мощность культурного слоя (серый гумус), залегавшего непосредственно на материке (желтая глина), составляла 0,3-0,75 м. С востока и юга участок ограничивается затеками зольника, лежащими непосредственно на материке. Материк наиболее глубоко (-135) залегал в северной части, полого поднимаясь к югу до гл.-60-65. Такое понижение объясняется проседанием грунта в полости трех колодцев, расположенных в квадратах У-Х/12-13 на площадке размерами примерно 5х6 м.

Колодцы раскапывались до уровня грунтовых вод (-205) по половинам с фиксацией профилей по линии 3-В, ниже — сплошной площадью.

Яма 10 (колодец 1) была зафиксирована на гл.-115 (рис.6.1). На этой глубине очертания колодца имели округлую форму, диаметр 1,15-1,3 м.

Стенки колодца опускались практически вертикально так, что округлая форма очертаний не изменилась, но диаметр в нижней части уменьшился до 0,8 м. Основное заполнение ямы — гумус. В верхней части одна над другой располагались две линзы гумусированной глины длиной в профиле 0,45-0,65 м, толщиной 0,05-0,15 м — вероятно остатки надколодезного сооружения или специальной закупорки колодца по истечении некоторого времени после его сооружения. Вдоль восточной стенки ямы на расстоянии 0,1-0,15 м от нее начиная с гл.-140 и до уровня грунтовых вод (-205) фиксировался слой толщиной 0,05 м, насыщенный следами горения. Дно зафиксировано не было, поскольку на гл.-265 раскопки пришлось прекратить из-за активного поступления воды.

В заполнении колодца были найдены отдельные фрагменты керамики, кости животных. На гл.-260 в СВ части колодца зафиксировано скопление костей, расположение которых уточнить не удалось. Возможно, данное скопление маркирует уровень дна колодца. Керамика, найденная в колодце отнесена к алакульской, фedorовской и саргаринской культурам¹.

Яма 16 (колодец 2) была зафиксирована на гл.-140 в виде пятна гумусированного грунта округлой формы, диаметром 0,7-0,8 м (рис. 6, 2).

Фиксируемая форма профиля в значительной мере определена обрушением стенок колодца. Верхняя часть ямы выглядела как трубка диаметром 0,8-0,7 м, заполненная гумусированным грунтом. Начиная с гл.-170-185 по всей площади располагался слой белой глины мощностью до 0,35 м, диаметром 1,15 м, хорошо отличимый от желтой глины материка. Слой белой глины, судя по всему, является специальной закупоркой ямы, сделанной по истечении некоторого времени после сооружения. Ниже белой глины заполнение ямы — гумусированный грунт, залегающий в виде расположенной с наклоном к В трубки диаметром около 0,95 м. На гл.-205 форма очертаний оставалась округлой, диаметр ямы увеличился до 1-1,15 м. Нижний уровень залегания гумуса -275, далее идет желтая материковая глина. Однако, вполне вероятно, что эта отметка не маркирует дна ямы — материковая

¹ Культурная принадлежность керамики определялась по схеме Г.Б.Здановича (Зданович Г.Б., 1988). При этом, в силу ограниченности объема публикации, не всегда возможно дать более точные дефиниции, например, выделить ранне- и позднеалакульские материалы.

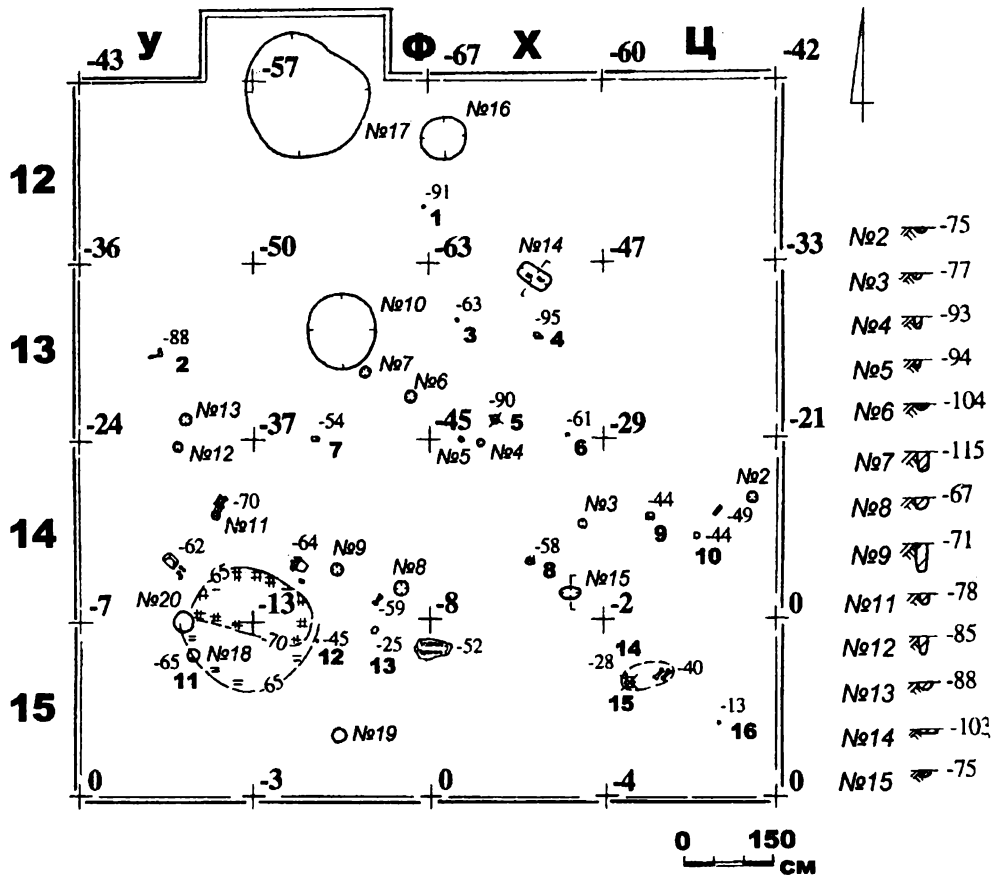

Рис. 2. Поселение Шибаво 1. План западного участка

1 — пряслице (обломок); 2 — тупик; 3, 6 — ложило; 4, 9 — абразив; 5, 15 — сосуд (развал); 7 — пест (обломок); 8, 13 — кирпичик (обломок); 10 — пряслице; 11 — слиток; 12 — изделие; 14 — наконечник стрелы; 16 — пряслице (? , обломок); 1, 5, 8, 10, 13, 15 — керамика; 2, 14 — кость; 3, 4, 6, 7, 9, 16 — камень; 11, 12 — бронза

глина могла попасть в заполнение в результате обрушения стенок. Прояснить этот вопрос помешало активное поступление грунтовых вод. В заполнении ямы были найдены отдельные фрагменты керамики, кости животных. Выше слоя белой глины найдены алакульские и федоровские фрагменты, ниже — один федоровский.

Вопрос о назначении ямы решается в зависимости от того, является ли зафиксированная на гл.-275 желтая глина дном или нет. В первом варианте яма могла служить погребом (сегодняшний уровень стояния грунтовых вод является результатом недавнего искусственного поднятия уровня озера), во втором — колодецем.

Яма 17 (колодець 3) зафиксирована на гл.-145 в виде пятна гумусированного грунта округлой формы, диаметром около 2,1 м (рис. 6, 3).

Колодец имеет воронкообразный профиль. Фиксируемые по границе между гумусом и материковой глиной стенки опускаются под большим наклоном, так что на гл.-235 диаметр фиксируемых очертаний составляет 0,35-0,4 м. Такое залегание грунтов объясняется обрушением стенок колодца. Его первоначальный диаметр (около 2 м) может быть предположительно определен по внешней границе затеков гумуса у 3 стенки и по расположению ступеньки (гл.-165) на В стенке. Основное заполнение колодца — гумус. В верхней части заполнения (гл.-190) зафиксирована слабо отделенная от гумуса линза гумусированной глины длиной в профиле 1,25 м, мощностью до 0,15 м — вероятно, остатки надколодезного сооружения или следы его специальной закупорки. Дно зафиксировано не было, поскольку на гл.-245 раскопки пришлось прекратить из-за активного поступления воды.

В заполнении ямы были найдены отдельные фрагменты керамики, отнесенные к алакульской и федоровской культурам, а также кости животных, деревянная плашка. Особо необходимо упомянуть призматический нуклеус (гл.-165) и каменное лощило из небольшой гальки (гл.-152).

В ЮЗ части участка были зафиксированы два параллельных, ориентированных СЗ-ЮВ, ряда столбовых ямок диаметром 0,1-0,25 м, глубиной 0,1-0,35 м. В северном ряду насчитывается 6 ямок, крайняя СЗ из них находится непосредственно у колодца 1, в южном — 5 ямок. Протяженность рядов около 5 м, расстояние между ними около 3 м.

К Ю от южного ряда ямок в непосредственной близости от него располагалось пятно прокала красного цвета. Его размеры составляли около 2x1,25 м, толщина около 0,05 м. К Ю от пятна прокала на расстоянии до 1,5 м от него находились три столбовые ямки диаметром 0,2-0,35 м, глубиной 0,2-0,35 м. В одной из ямок были найдены фрагмент керамики и небольшой слиток бронзы. Прокал и две непосредственно прилегающие к нему ямки были перекрыты слоем белой глины толщиной около 0,05 м. Вокруг прокала расстоянии до 2 м в предматериковом слое фиксировались кости, в том числе череп м.р.с., отдельные камни. Данные объекты могут быть интерпретированы как остатки очага.

В центре западного участка была исследована ориентированная СЗ-ЮВ яма 14 — подпрямоугольных очертаний, размерами 0,6x0,3 м, глубиной 0,1 м. В гумусном заполнении ямы были встречены отдельные мелкие кальцинированные кости. Не исключено, что яма является могильной, с захоронением по обряду кремации, характерным для федоровской культуры.

В южной части участка (Ц/15, гл.-40) в слое зольника было зафиксировано погребение младенца. Комплекс занимал участок размерами 1,1x0,4 м, ориентированный З-ЮЗ — В-СВ. Судя по находкам, младенец был уложен головой на ВСВ, точную позу установить не удалось из-за очень плохой сохранности костей. В ногах у погребенного располагалась неорнаментированная придонная часть сосуда, верхняя часть которого была отбита в древности (рис. 15, 17). Судя по характеристикам сосуда, погребение может быть датировано временем финальной бронзы.

Восточный участок (рис. 3-5).

Материк (желтая глина) залегал относительно ровно без резких перепадов высоты и зафиксирован на гл.-60-100. Мощность вскрытого слоя составила 0,5-0,8 м. Стратиграфия этого участка следующая: практически по всей площади раскопа поверх материка залегала непотревоженная погребенная почва мощностью 0,1-0,3 м. Основной составляющей культурного слоя был насыщенный находками зольник мощностью 0,1-0,4 м. К югу зольник становился слабо гумусированным.

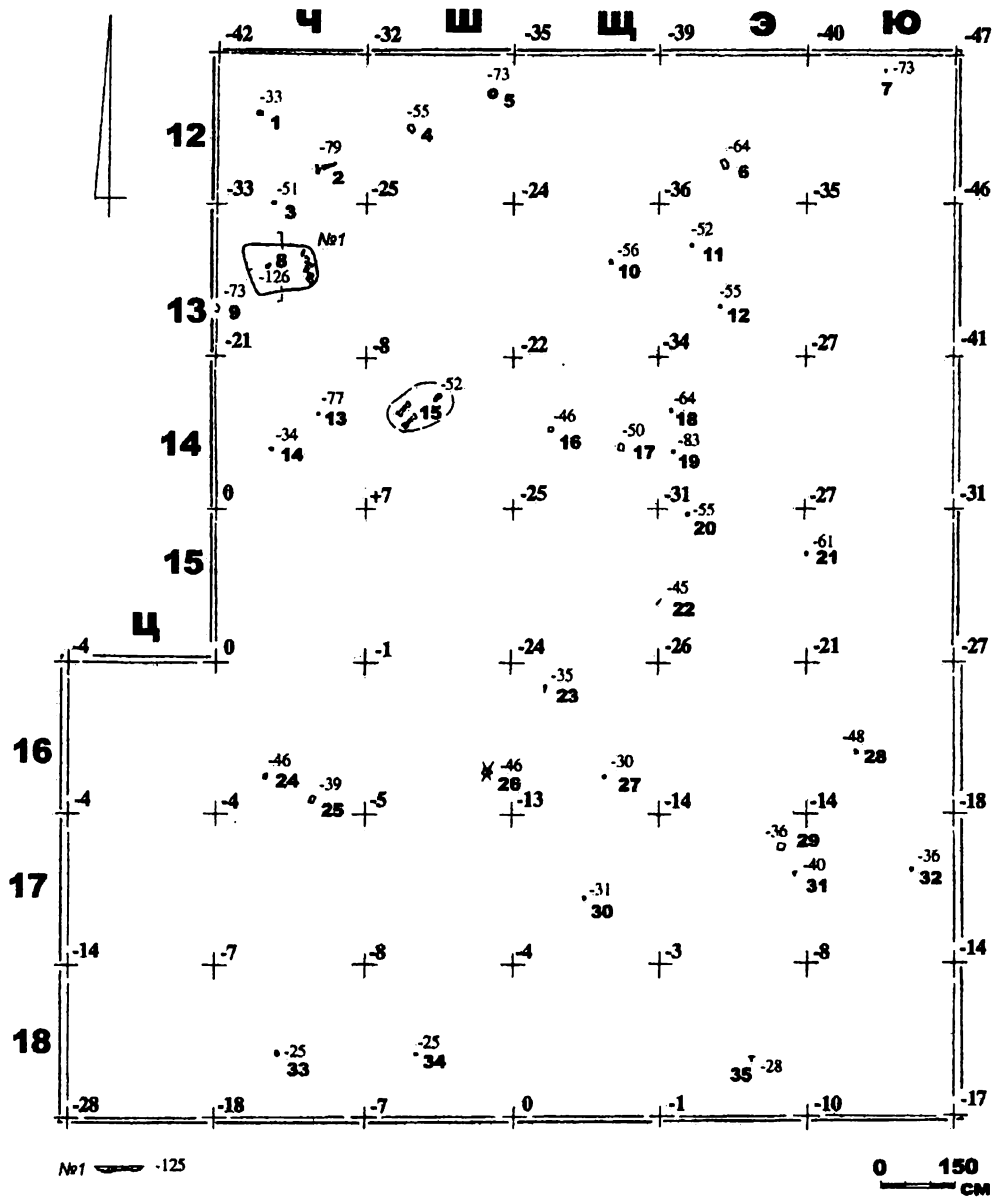

Рис. 3. Поселение Шибаво 1. План восточного участка

1, 25 — пест; 2 — обгорелое дерево; 3, 33 — кирпичик (обломок); 4 — шлак; 5 — сосуд (придонная часть); 6, 16, 23, 27-29, 32 — абразив; 7, 21 — изделие; 8, 12, 13, 24, 30, 34 — ложило; 9, 10 — проволока; 11 — скребок; 14, 19, 20 — пряслице (заготовка); 15 — тупик (заготовка); 17 — пест (обломок); 18 — псалий (обломок); 22 — шило; 26 — сосуд (развал); 31 — стержень; 35 — пробойник. 1, 6, 11, 12, 16, 17, 23, 25, 27-30, 32, 34 — камень; 3, 5, 13, 14, 19, 20, 26, 33 — керамика; 7, 9, 10, 21, 22, 31, 35 — бронза; 8, 15, 18, 24 — кость

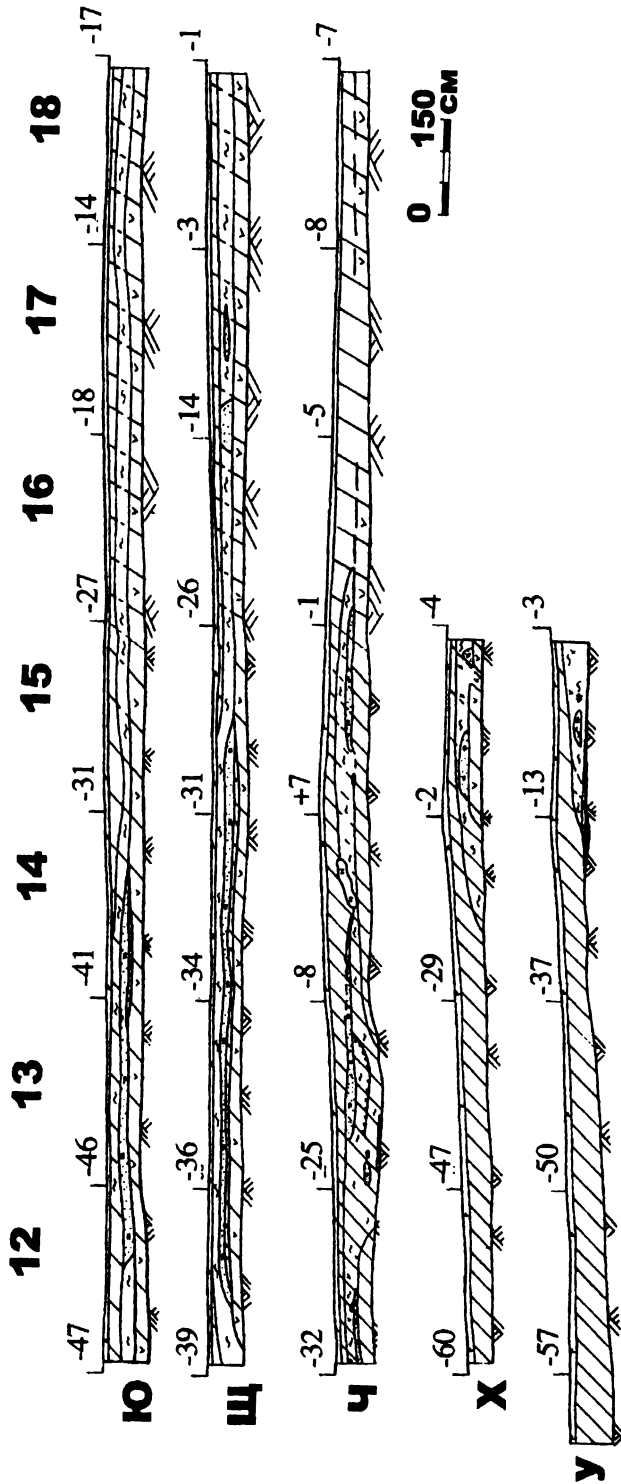
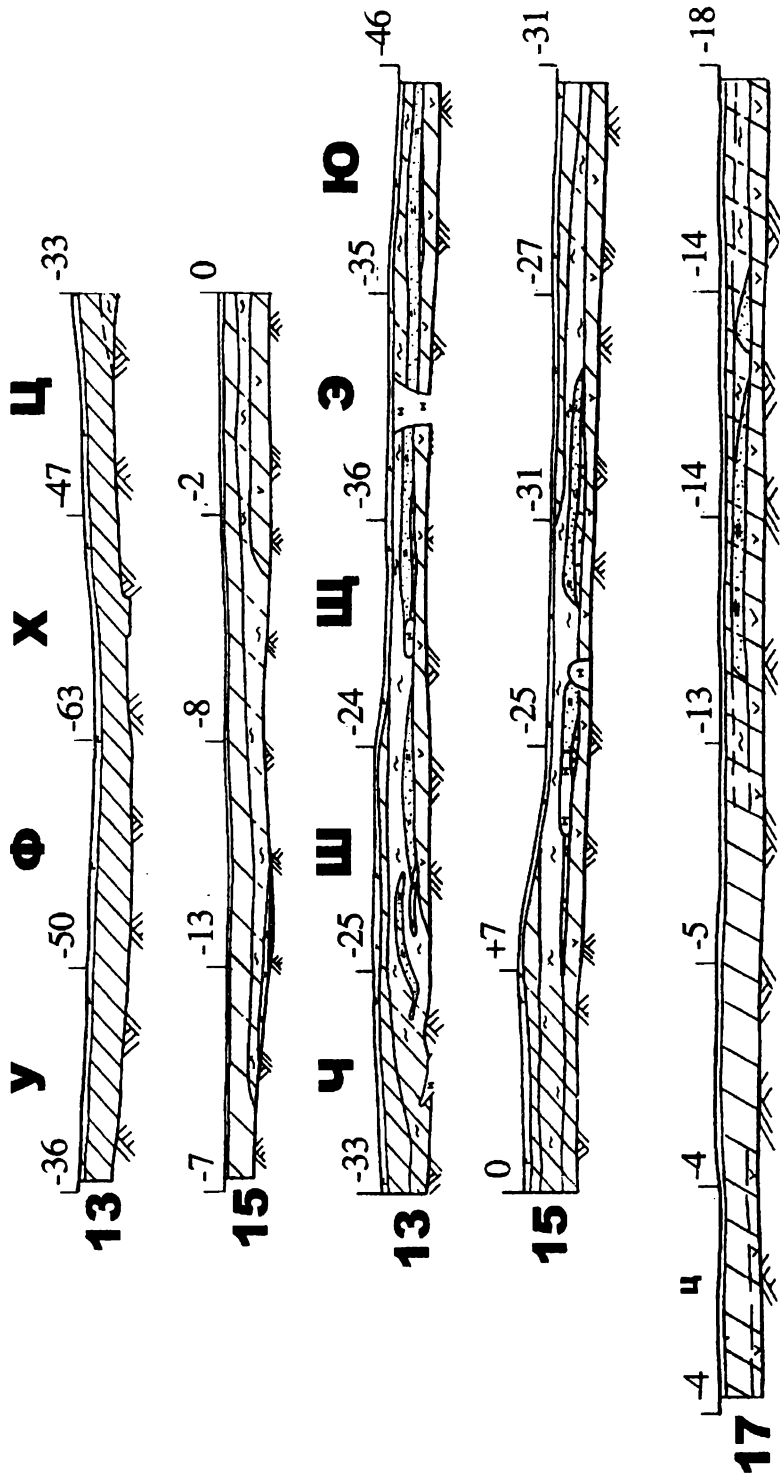
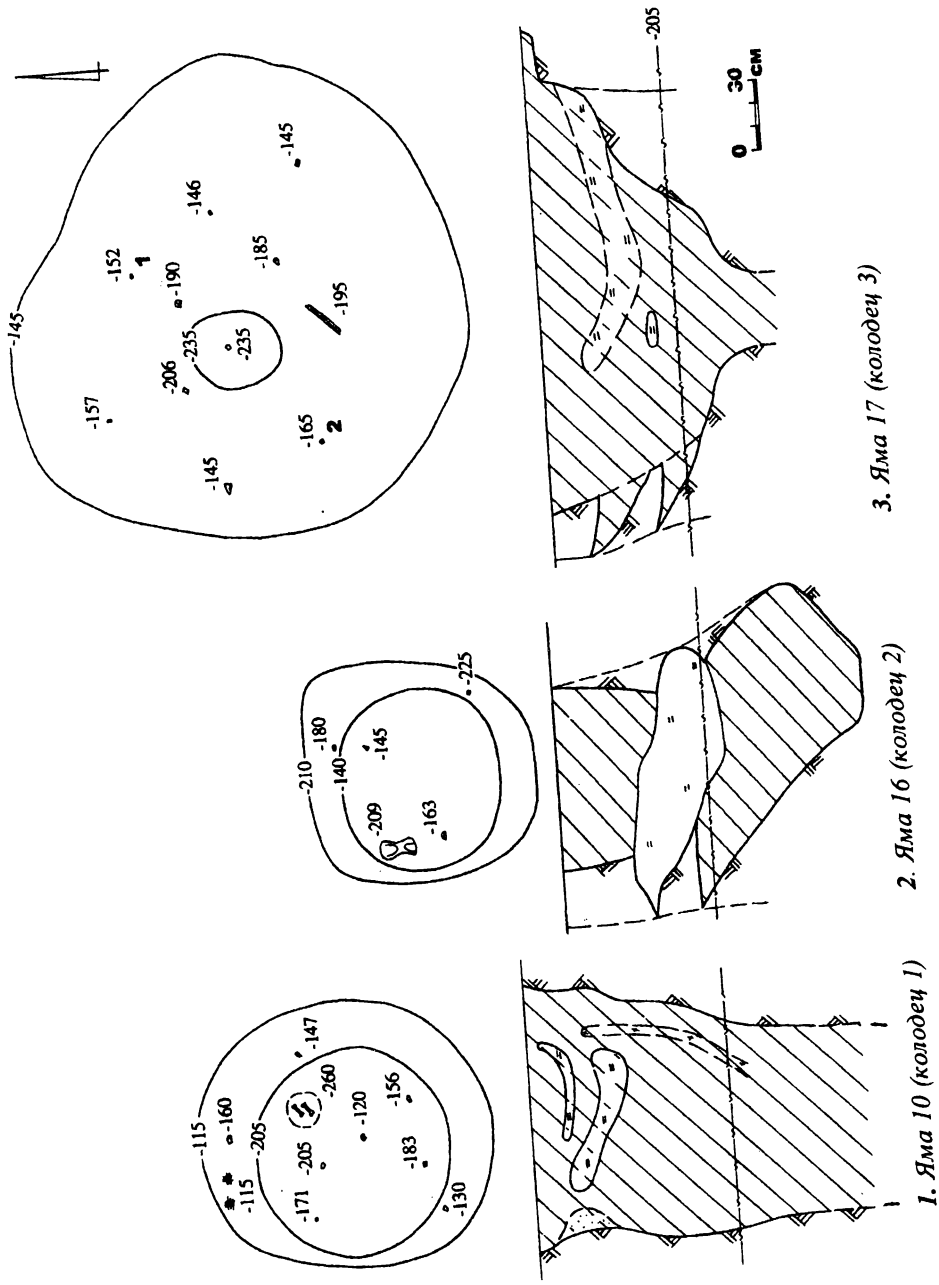

Рис. 4. Поселение Шибаво 1. Профили восточных бровок

0 150 CM

Рис. 5. Поселение Шибаво 1. Профили северных бровок

1. Яма 10 (колодец 1)
 2. Яма 16 (колодец 2)
 3. Яма 17 (колодец 3)

Рис. 6. Поселение Шибаво 1. Колодцы. Планы и профили
 1 — яма 10 (колодец 1); 2 — яма 16 (колодец 2); 3 — яма 17 (колодец 3); 3, 1 — лощило; 3, 2 — нуклеус; 3, 1, 2 — камень

На значительной части северной половины участка зольник отделялся от погребенной почвы слоем суглинка мощностью 0,1-0,2 м. Между погребенной почвой и суглинком фиксировался тонкий (0,05-0,1 м) слой сажистого гумусированного грунта. В южной части участка отмечены перекрытые зольником отдельные прослойки песка. В слоях зольника, суглинка и песка имелись следы горения — провал, куски керамического шлака, углистые прослойки. Описанные слои на основной площади перекрывались гумусом мощностью 0,1-0,35 м. В ЮЗ части участка слой зольника отсутствовал, погребенная почва непосредственно перекрывалась гумусом мощностью до 0,45 м.

В СЗ части участка исследовано углубление, зафиксированное как яма 1. Она была вырыта в погребенной почве, на уровне которой (-70) ее размеры составляли около 2x3,5 м. На уровне фиксации в материке (-125) яма имела подтрапещевидные очертания со скругленными углами, размеры 1,5x1 м, ориентировку З-В. Дно ямы плоское, зафиксировано на гл.-135. Заполнение ямы — зольник с отдельными включениями глины. Слой зольника над ямой особенно сильно насыщен следами горения. В придонной части ямы сделаны следующие находки: ложило из таранной кости овцы в З половине ямы (гл.-126); отдельные кости животных, лежащие без видимого порядка у В стенки.

Из отдельных объектов необходимо отметить скопление костей в зольнике в западной части участка. Его размеры 1,4x0,7 м. Кости (обломки грубчатых костей, ребер, нижних челюстей животных) залежали на гл.-46-52, видимых закономерностей в их расположении не обнаружено. Среди костей обнаружена обломанная нижняя челюсть к.р.с. с выбитыми в древности зубами, определенная как заготовка тупика.

Интерпретировать данные стратиграфии восточного участка можно следующим образом: восточный участок располагался на межжилищном пространстве, которое было неравномерно засыпано глиной с песком. Предварительно на этом участке трава была выжжена, и слой сажистого гумусированного грунта является остатками сгоревшего дерна. Лежащий выше зольник образовался во время функционирования поселка.

Находки².

Изделия из бронзы.

- ножи-кинжалы, обломки (рис. 7, 1, 2);
- однолезвийные ножи (серпы) (рис. 7, 3-8);
- втульчатый крюк (рис. 8, 12). У устья втулки расположены противлежащие округлые отверстия, втулка и рабочая часть были откованы, по всей видимости, из одного стержня. Достаточно полная сводка подобных изделий была в свое время сделана В.С.Горбуновым (Горбунов В.С., 1992, с. 121-123). Можно согласиться с мнением этого автора, что появление втульчатых крюков на Южном Урале связано с катакомбным воздействием;

² Автор выражает признательность кандидату биологических наук, научному сотруднику Института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцеву и кандидату геолого-минералогических наук, заведующему кафедрой экологии Челябинского государственного университета Л.Л. Гайдученко за остеологические определения 1997 и 1998 годов соответственно, педагогу дополнительного образования Городской станции юных натуралистов, руководителю общественного детского клуба «Мое свободное время — геология» С.В. Колисниченко за петрографические определения основной части коллекции каменных изделий.

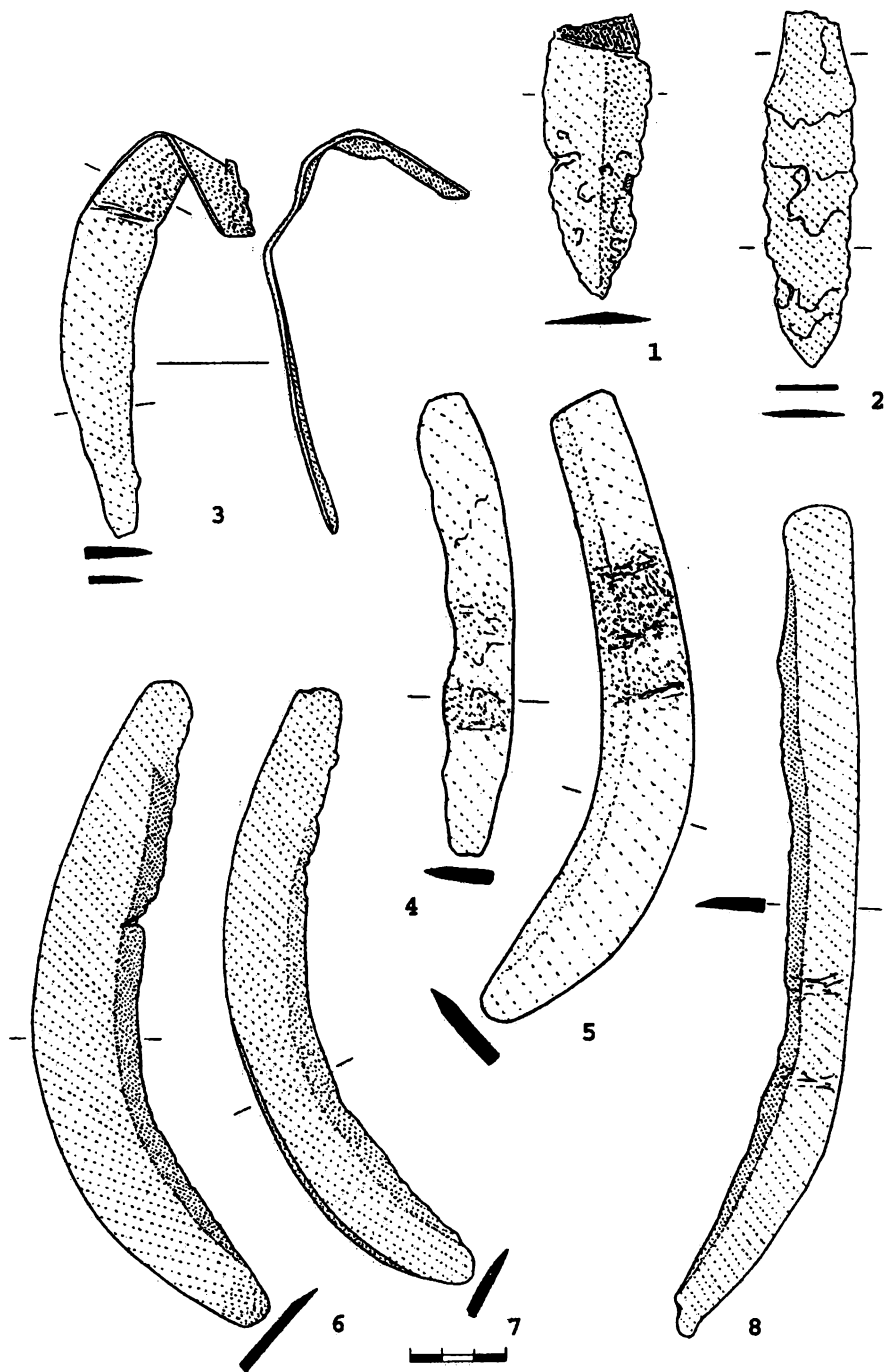

Рис. 7. Поселение Шибаетово 1. Находки
 1-8 — подъемные сборы; 1-8 — бронза

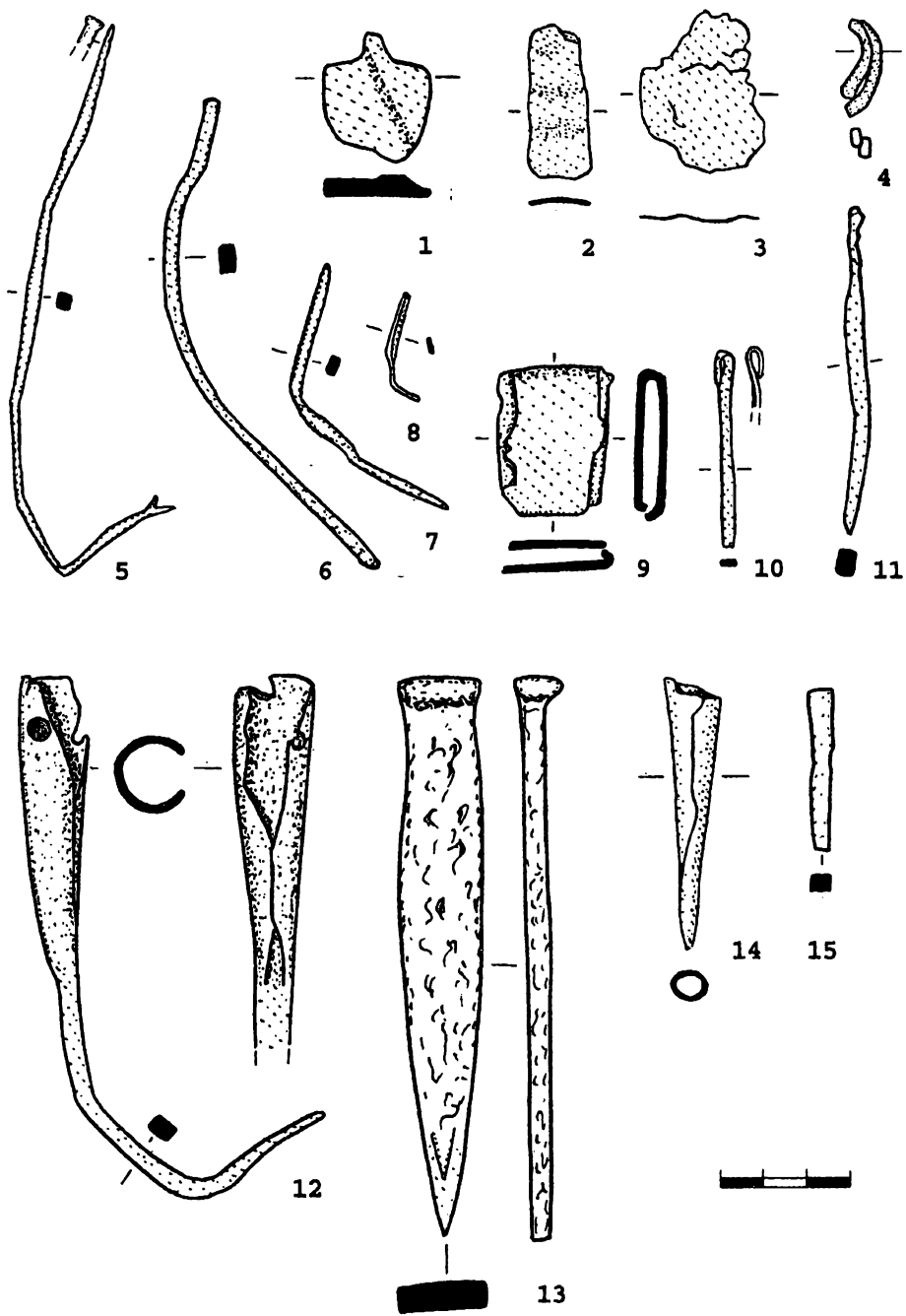

Рис. 8. Поселение Шибаво 1. Находки

1-3, 6-10, 12, 14 — подъемные сборы; 4 — Щ/13 гл.-56; 5 — бр. Ц-Ч/13 гл.-73;
 11 — бр. Щ-Э/15 гл. - 45; 13 — Э/18 гл.-28; 15 — Э/17 гл.-40. 1-15 — бронза

- пряжка (?) (рис. 8, 9);
- втульчатое изделие (рис. 8, 14);
- «пробойник» (Рис. 8, 13). Единственный известный аналог происходит с селища Баланбаш (Сальников К.В., 1954, с. 64, рис. 11, 4);
- шило (рис. 8, 11);
- стерженек (рис. 8, 15);
- шесть фрагментов прямоугольной в сечении проволоки (Рис. 8.4-8,10);
- две пластинки (рис. 8, 2, 3);
- небольшой слиток (рис. 8, 1).

Изделия из камня³.

- песты и их обломки (рис. 9, 2, 4, 5, 7, 8; 10, 1, 3, 4-6; 11, 3, 4, 8, 9, 11);
- разного рода абразивы и их обломки (рис. 9, 1, 3; 11, 1, 2, 5-7, 10, 12; 12, 18-20);
- терочник (рис. 9, 6);
- молоток (рис. 10, 2). Заполированность одной из плоских сторон молотка указывает на его первичное использование в качестве терочника;
- абразив (рис. 11, 13), с треугольной в сечении бороздкой, образовавшейся, очевидно, при заточке игл или шильев;
- лощила на узких сторонах галек (рис. 12, 13-17, 21);
- лощило на плоской стороне скола (рис. 11, 14);
- наконечники стрел подтреугольной формы, в т.ч. обломки и заготовка (рис. 12, 1-5);
- обломок диска (рис. 12, 12), первоначальным диаметром около 5 см;
- нуклеус (рис. 12, 11);
- микролитические изделия: ножевидная пластина (рис. 12, 10), проколка (?) (рис. 12, 7), скребки (рис. 12, 6, 8, 9).

По результатам петрографических исследований С.В. Колисниченко сделал следующие выводы:

- район полевых исследований не содержит коренных источников подавляющего большинства каменных изделий;
- основной состав каменных изделий из разных петрографических объектов (горных пород): преимущественно метаморфических и эффузивных, а также интрузивных и осадочных (кварцит, андезит, песчаник, гнейс гранитный и др.);
- много изделий несут фрагменты первичной природной формы — слабоокатанной речной гальки;
- источниками каменного материала могут быть речные русла к западу от исследованной территории.

Изделия из кости.

Псалий (обломок) (рис. 14, 11) — кв.Э/14, гл.-64, алакульский слой. Предмет был изготовлен, судя по всему, из рога лося. Обломок щиткового псалия представляет собой сегмент размерами 58x21x5 мм, первоначальный диаметр щитка псалия составлял 60 мм. На лицевой, тщательно заполированной стороне сохранился тонкий резной орнамент.

Щиток okayмляла узкая полоса из двух рядов противоположащих треугольников, расположенных между концентрическими окружностями. Данные окружности выполнены циркулем. На некоторых участках между треугольниками имеются точки, в одном месте вершины треугольников сбились.

³ Следует отметить и очевидную полифункциональность многих изделий, что делает их названия достаточно условными.

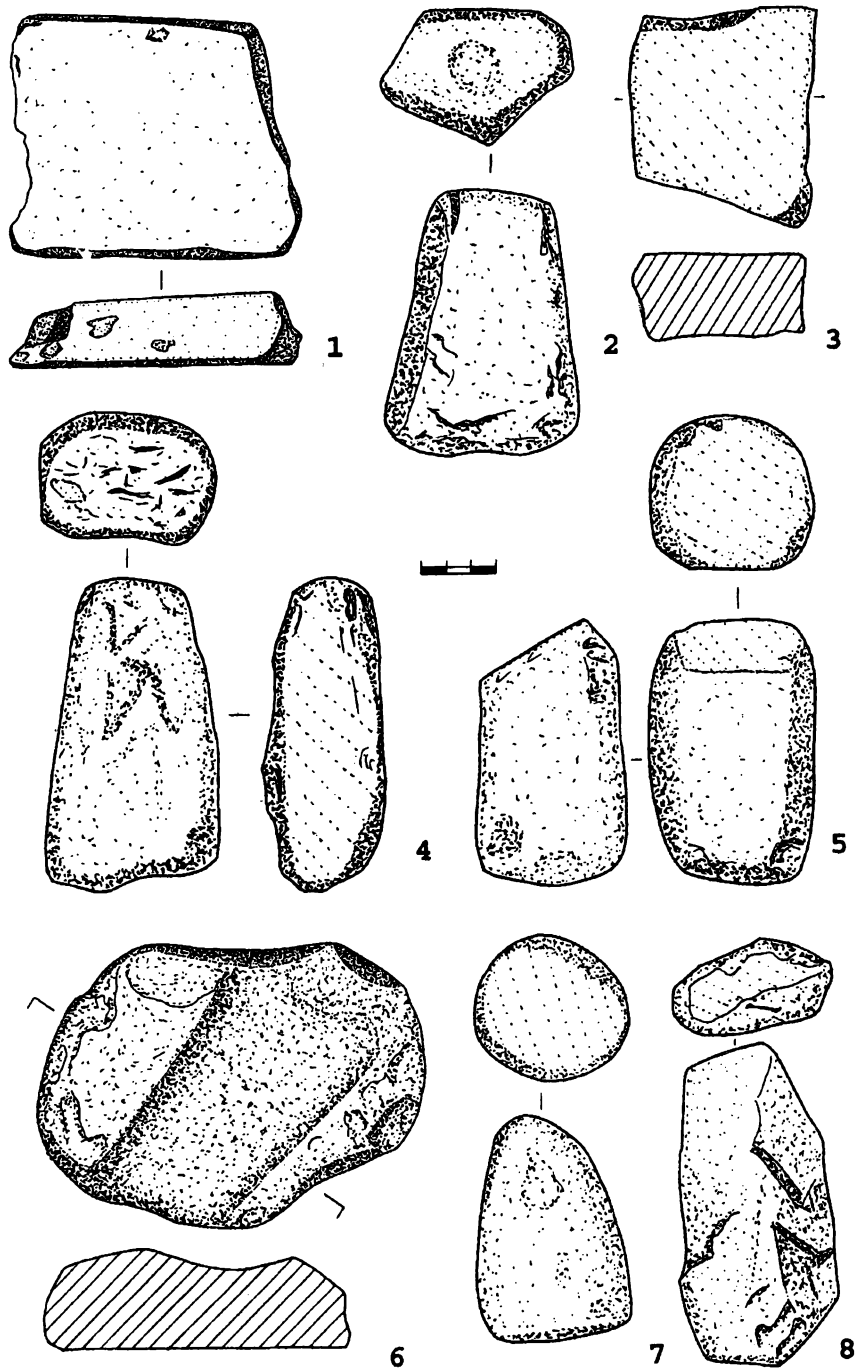

Рис. 9. Поселение Шибаво 1. Находки
1-8 — подъемные сборы; 1-8 — камень

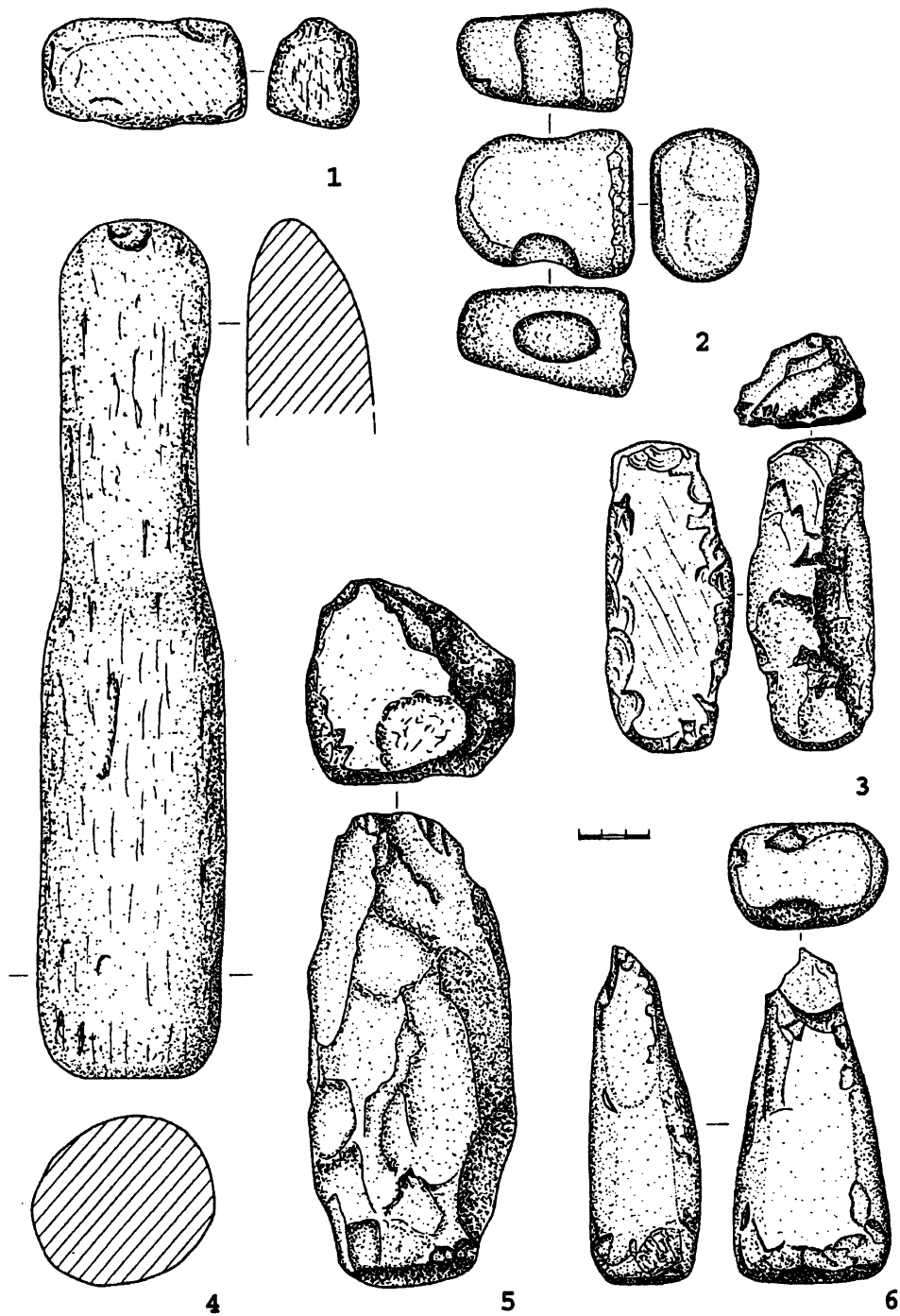

Рис. 10. Поселение Шибаетово 1. Находки
1-6 — подъемные сборы; 1-6 — камень

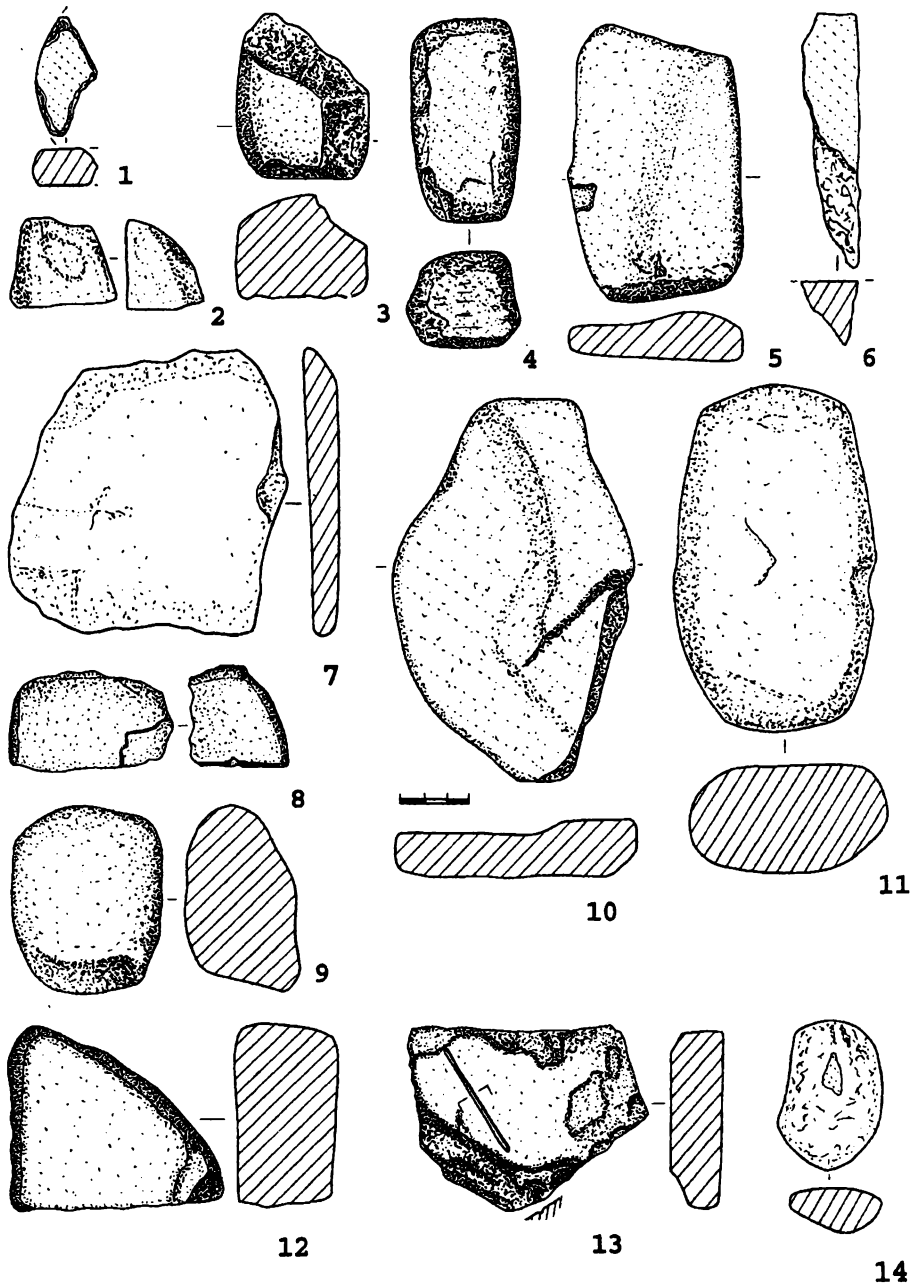

Рис. 11. Поселение Шибаво 1. Находки

1 — Щ/16 гл.-30; 2 — Ю/17 гл.-36; 3 — Щ/14 гл.-50; 4 — подъемные сборы; 5 — Щ/14 гл.-4; 6 — Щ/16 гл.-35; 7 — Э/17 гл.-36; 8 — бр.Ф/13-14 гл.-54; 9 — Ч/12 гл.-33; 10 — Э/12 гл.-64; 11 — Ч/16 гл.-39; 12 — Х/13 гл.-95; 13 — Ц/14 гл.-44; 14 — Щ/17 гл.-31. 1-14 — камень

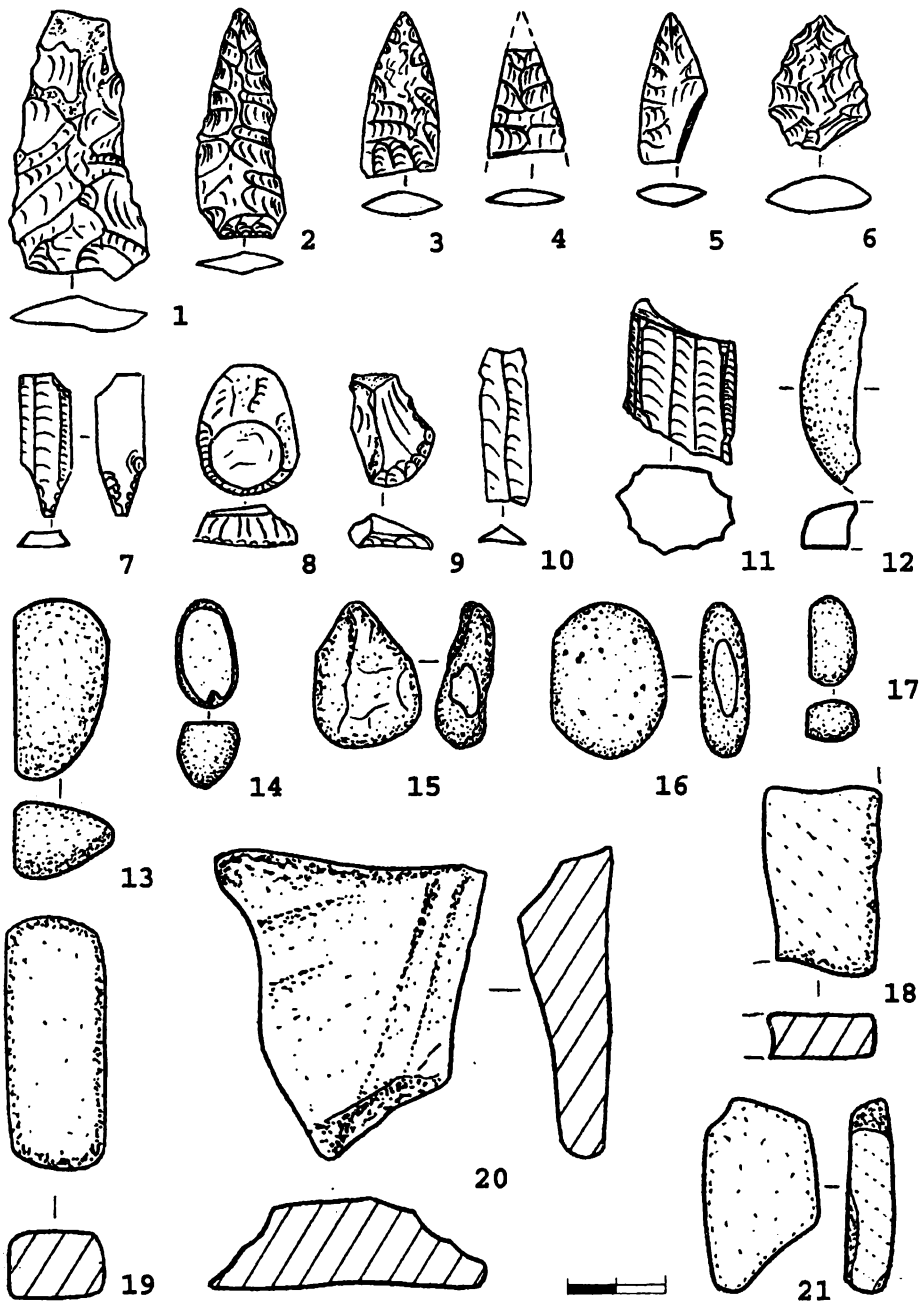

Рис. 12. Поселение Шибаво 1. Находки

1-5, 7-10, 13, 19, 20 — подъемные сборы; 6 — Э/13 гл.-52; 11 — яма 17 гл.-165; 12 — Ц/15 гл.-13; 14 — яма 17 гл.-152; 15 — бр.Х/13-14 гл.-61; 16 — Х/13 гл.-63; 17 — Э/13 гл.-55; 18 — Ю/16 гл.-48; 21 — Ш/18 гл.-25. 1-21 — камень

Центр щитка занимала вписанная в прорисованную циркулем окружность композиция в виде сегнера кола с закрученными в спираль против часовой стрелки лучами. Спирали образованы двумя линиями с заключенными между ними треугольниками, расположенными вершинами к центру. У правой спирали между треугольниками расположены точки. Судя по сохранившейся части с двумя спиралями, первоначально на щитке должно было быть шесть таких лучей.

Секторы между отдельными спиралями внутри окружности обрамлены треугольниками, расположенными вершинами внутрь секторов. Сохранился ряд таких треугольников у отсутствующей слева спирали. Два сохранившихся сектора между спиралями заполнены композициями из концентрически чередующихся линий и рядов точек. Линии выходят из вершин треугольников, обрамляющих спирали. Обращает на себя внимание то, что эти линии прочерчивались не циркулем, а от руки, в отличие от окружностей они менее глубокие. По всей видимости, орнамент внутри второй спирали является продолжением заполнения сектора между сохранившимися спиралями.

Сектор справа от второй спирали не сохранился полностью, но, судя по обломку, его заполнение было другим — на трех сохранившихся концентрических линиях расположены вершинами вверх треугольники. Число линий в этом секторе было, очевидно, меньшим, чем в ранее описанных секторах.

Коллекция костяных изделий также включает:

- две проколки из трубчатых костей крупного животного (рис. 13, 1, 2);
- пряслице (?) из эпифиза длинной кости (рис. 13, 3);
- кочедык (?) из ребра крупного животного (рис. 13, 4);
- наконечник стрелы (обломок), четырехгранный, из трубчатой кости крупного животного (рис. 13, 5);
- тупик (заготовка) из нижней челюсти к.р.с.; у заготовки выбиты зубы, кроме переднего, удалены челюстные отростки, резцовая часть тела и челюстной угол (рис. 13, 6);
- тупик из правой нижней челюсти лошади (рис. 13, 7);
- лоцила из таранных костей м.р.с. (рис. 14, 1-7);
- лоцило из таранной кости к.р.с. с орнаментом и порезами на боковых сторонах (рис. 14, 10);
- таранную кость м.р.с., на одну из сторон которой нанесен орнамент в виде косой решетки (рис. 14, 9);
- таранную кость к.р.с., со срезанными боковыми сторонами (Рис. 14.8);

Предварительные определения остеологического материала, сделанные Л.Л.Гайдученко для квадратов Ш-Э/12-15, следующие:

Таблица 1

	Кол-во костей	%	Кол-во особей	%
к.р.с	1005	66,34	150	46,01
м.р.с.	322	21,25	102	31,29
лошадь	154	10,17	49	15,03
собака	5	0,33	5	1,53
лось	8	0,53	7	2,15
кабан	10	0,66	6	1,84
косуля	8	0,53	4	1,23
лисица	1	0,07	1	0,31
птица	1	0,07	1	0,31
рыба	1	0,07	1	0,31
всего	1515	100,00	326	100,00

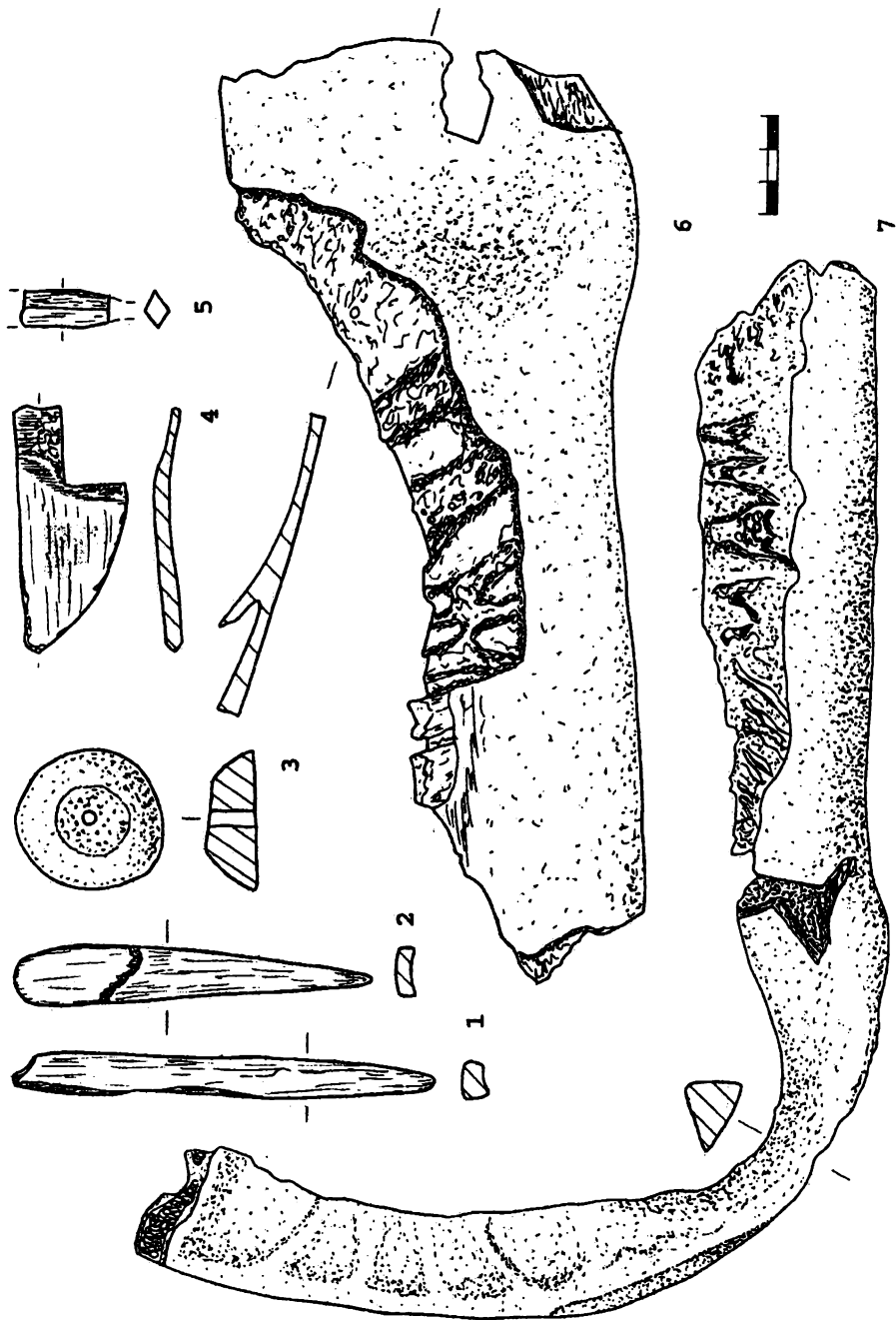
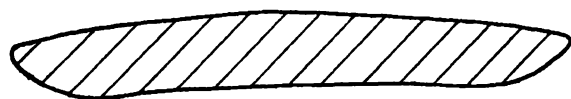
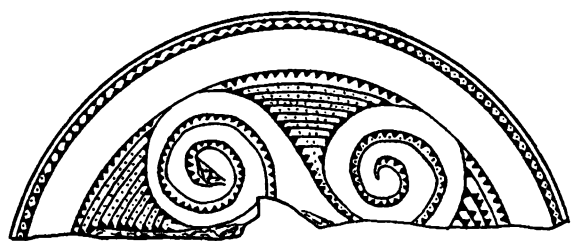
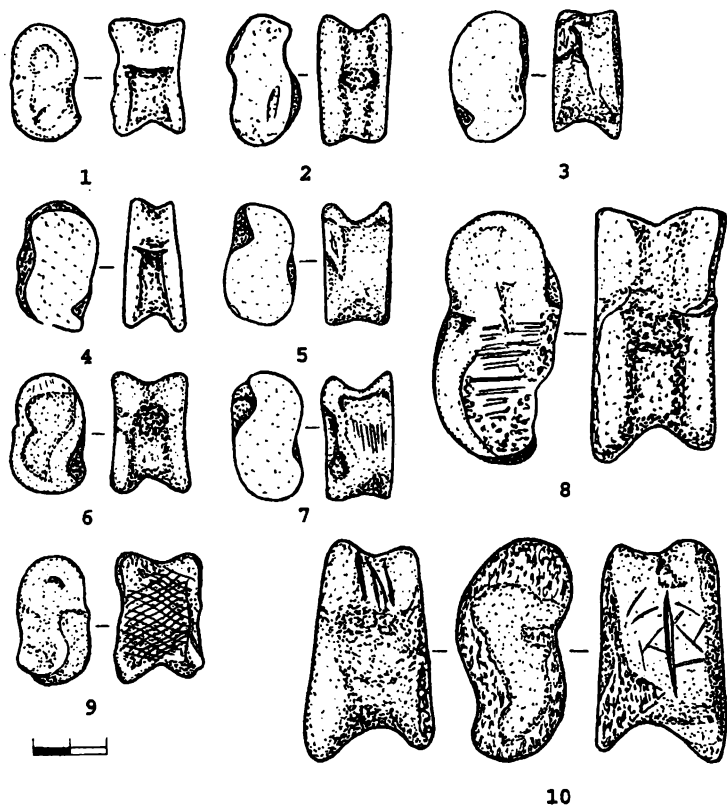

Рис. 13. Поселение Шибаво 1. Находки

1 — Э/12 гор.2 (-60-80); 2 — Ш/13 гор.2 (-40-60); 3 — подъемные сборы; 4 — Щ/15 гор.1 (-40-60); 5 — Ц/15 гл.-28; 6 — Ш/14 гл.-52; 7 — У/13 гл.-88. 1-7 — кость

11

Рис. 14. Поселение Шибаво 1. Находки

1, 4 — подъемные сборы; 2 — Ч/16 гл.-46; 3 — кв.Х/15 гор.1 (0-20); 5 — Ц/14 нора; 6 — Ю/14 гор.2 (-60-80); 7 — яма 1 гл.-126; 8 — бр.Ш-Ш/15 гор.1 (-40-60); 9 — Э/12 гор.2 (-60-80); 10 — Ш/15 гор.1 (-40-60); 11 — Э/14 гл.-64. 1-10 — кость, 11 — рог

Данное соотношение видов животных типично для поселенческих памятников эпохи поздней бронзы (Косинцев П.А., 2001).

Изделия из керамики.

- пряслица и их обломки (рис. 15, 1-9);
- «кирпичики», обломки (рис. 15, 10, 11, 13, 14, 21);
- цилиндр неясного предназначения (рис. 15, 16);
- ложило из фрагмента шейки сосуда (рис. 15, 18);
- чаша (обломки) (рис. 15, 19);
- блюдо (фрагмент) первоначальным диаметром около 11 см (рис. 15, 15). Аналогичные изделия, найденные на Мосоловском поселении, атрибутированы как ложницы для отливки слитков бронзы (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1989, с. 76-77).

Единичные находки фрагментов керамики отнесены к эпохе энеолита (рис. 17, 1-4). С этим же временем могут быть связаны находки нуклеуса, проколки, скребков, ножевидных пластин (рис. 12, 6-11). Об активном освоении площадки памятника в эпоху средней бронзы свидетельствует значительная серия керамики синташтинского типа, происходящая преимущественно из подъемных сборов, сделанных на верхней части площадки памятника, на высоте около 2 м над урезом воды (рис. 17, 5-23).

К синташтинскому периоду ввиду архаичности, восходящей к стереотипам южной зоны ЦМП (Черных Е.Н. и др., 2002, с.9, рис. 4, 8, 9, 23, 45), можно отнести находку бронзового крюка (рис. 8, 12). К переходному времени от средней к поздней бронзе относится также керамика петровского типа (рис. 18.1-14). Время поздней бронзы представлено керамикой алакульской (рис. 15, 1, 2, 4, 7, 18; 16, 5, 8, 9, 13, 15, 16, 20; 19, 1-17) и федоровской (рис. 15, 12; 16, 2, 4, 7, 10-12, 14, 17-19; 20, 1-16) культур. К последней отнесены и фрагменты керамики бишкульского типа. Из значительных находок к алакульским древностям могут быть отнесены обломок псаля (рис. 14, 11) и бронзовый пробойник (рис. 8, 3). Эпоха финальной бронзы представлена керамикой, интерпретированной как саргаринская (рис. 15, 17, 20; 16, 1, 3, 6, 21; 21, 1-9). Для саргаринской керамики характерно значительное число относительно целых форм.

В таблице 2 приведены данные о соотношении основных типов керамики в раскопе по западным (У-Ц/12-14) и восточным (Ч-Ю/12-18) квадратам с относительно однотипной стратиграфией⁴. При этом петровская керамика ввиду относительной малочисленности рассматривается вместе с алакульской, следует указать и на сложность атрибуции саргаринской керамики ввиду малой степени ее орнаментированности.

Таблица 2

		Алакуль				Федоровка				Саргары			
		У-Ц/12-14		Ч-Ю/12-18		У-Ц/12-14		Ч-Ю/12-18		У-Ц/12-14		Ч-Ю/12-18	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Горизонт	1	34	28	174	41	35	26	61	35	2	4	12	50
	2	48	40	190	45	45	33	78	45	18	37	11	46
	3	33	28	49	12	53	39	18	10	27	55	1	4
	4	5	4	10	2	2	2	17	10	2	4	0	0
Всего		120	100	423	100	135	100	174	100	49	100	24	100

⁴ При расчете учитывались все культурно определимые фрагменты.

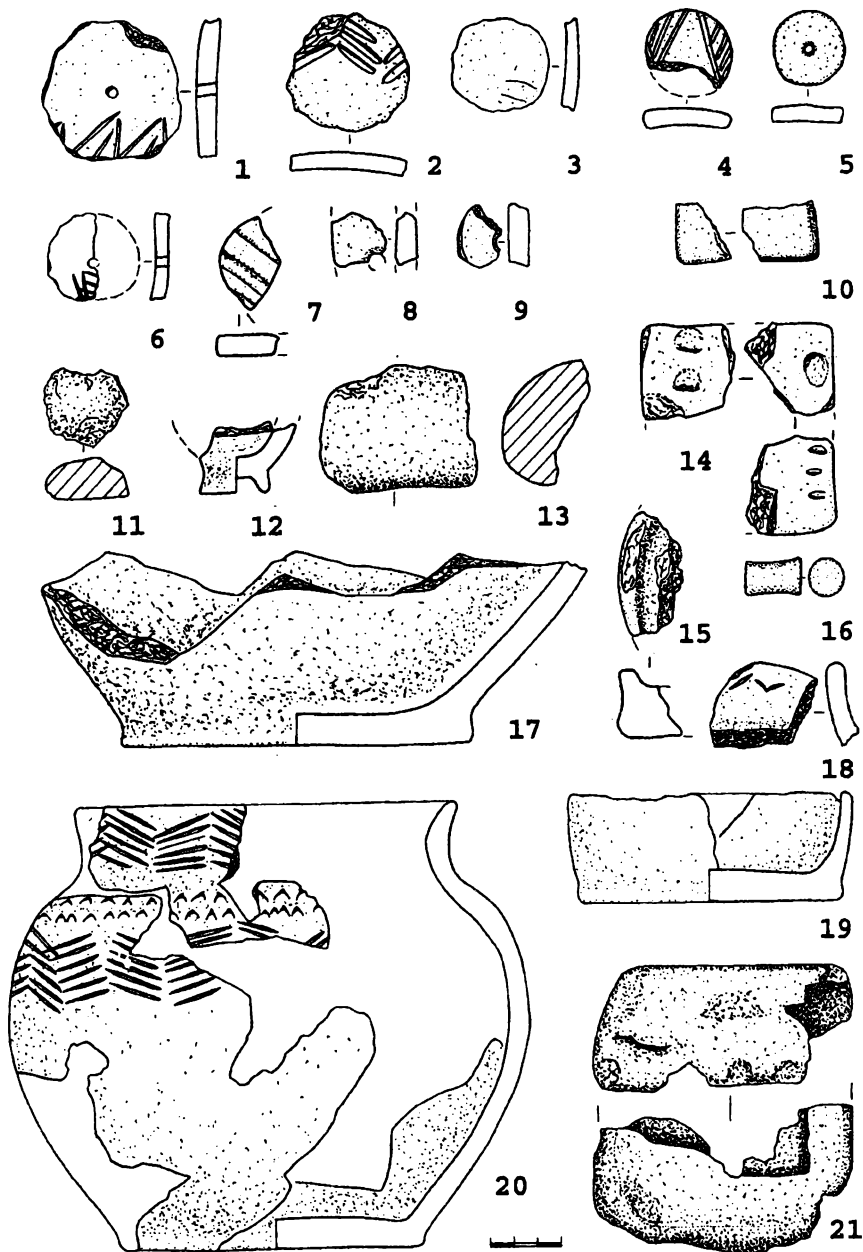

Рис. 15. Поселение Шибавео 1. Находки

1 — Ц/14 гл.-44; 2 — бр.Э/14-15 гл.-55; 3 — Ч/14 гл.-34; 4 — Э/14 гл.-83; 5, 16 — подъемные сборы; 6 — бр.Ф/Х/12 гл.-91; 7 — Щ/17 гор.1 (-20-40); 8 — Ш/18 гор.1 (-20-40); 9 — Ц/14 нора; 10 — бр.Ч/12-13 гл.-51; 11 — бр.Щ/13-14 гор.3 (-80-100); 12 — Ц/17 гор.2 (-40-60); 13 — Ф/15 гл.-25; 14 — Ч/18 гл.-25; 15 — Э/12 гор.1 (-40-60); 17 — Ц/15 погребение гл.-40; 18 — Ч/14 гл.-77; 19 — У/14 гор.3 (-60-80); 20 — Х/13 гл.-90; 21 — Х/14 гл.-58. 1-21 — керамика

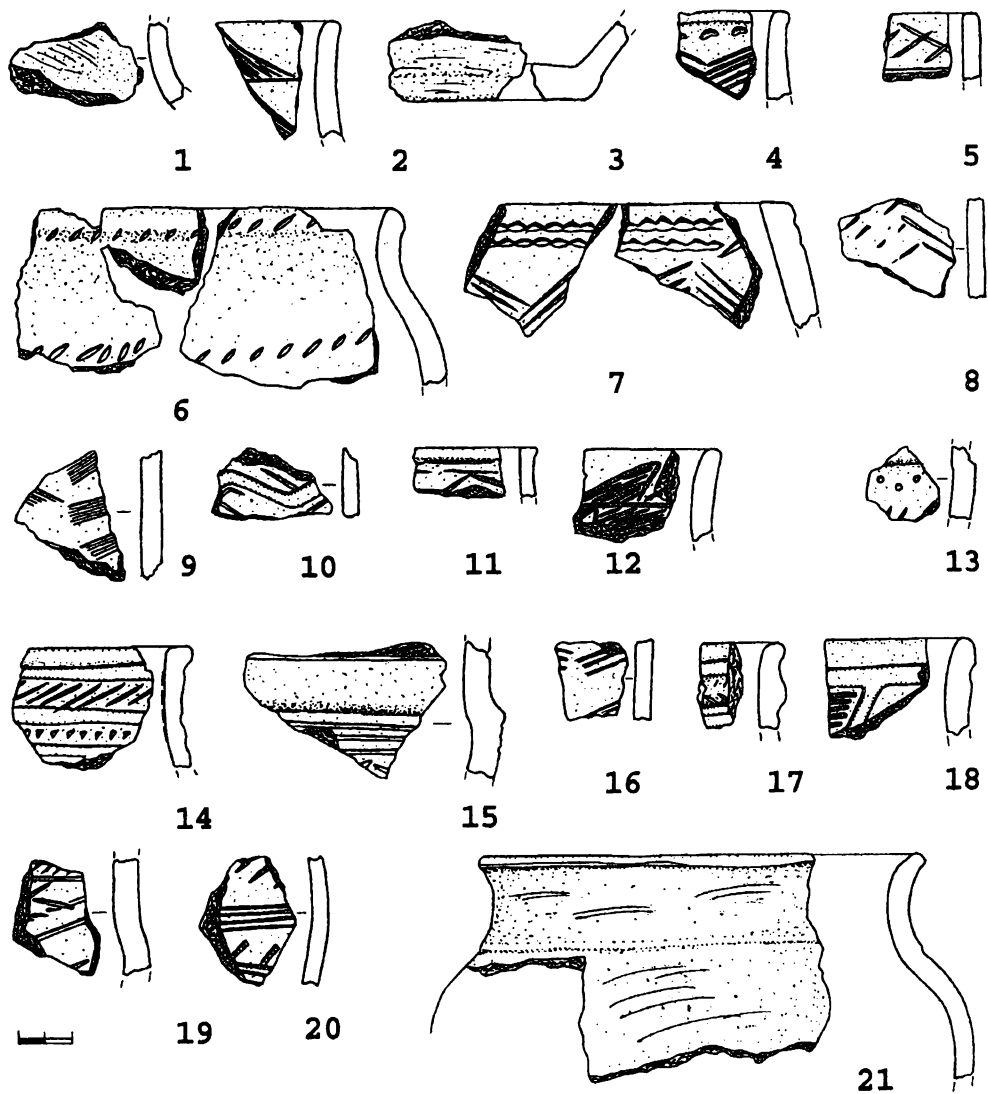

Рис. 16. Поселение Шибаво 1. Находки

1-5, 8 — яма 10 (1 — гл.-130; 2 — гл.-147; 3 — гл.-156; 4 — гл.-171; 5 — гл.-183; 8 — гл.-205); 6 — яма 10 гл.-190, Ф/12 гор.4, бр.Ц/12-13 гор.2, бр.Ц/13-14 гор.3; 7 — яма 10 гл.-160, Ч/14 гор.3; 9-12 яма 16 (9 — гл.-145; 10 — гл.-163; 11- гл.-180; 12 — гл.-225); 13 — яма 4; 14 — 20 яма 17 (14, 15 — гл.-145, 16 — гл.-146, 17 — гл.-157, 18 — гл.-185, 19 — гл.-206, 20 — гл.-235); 21 — яма 15. 1-21 — керамика

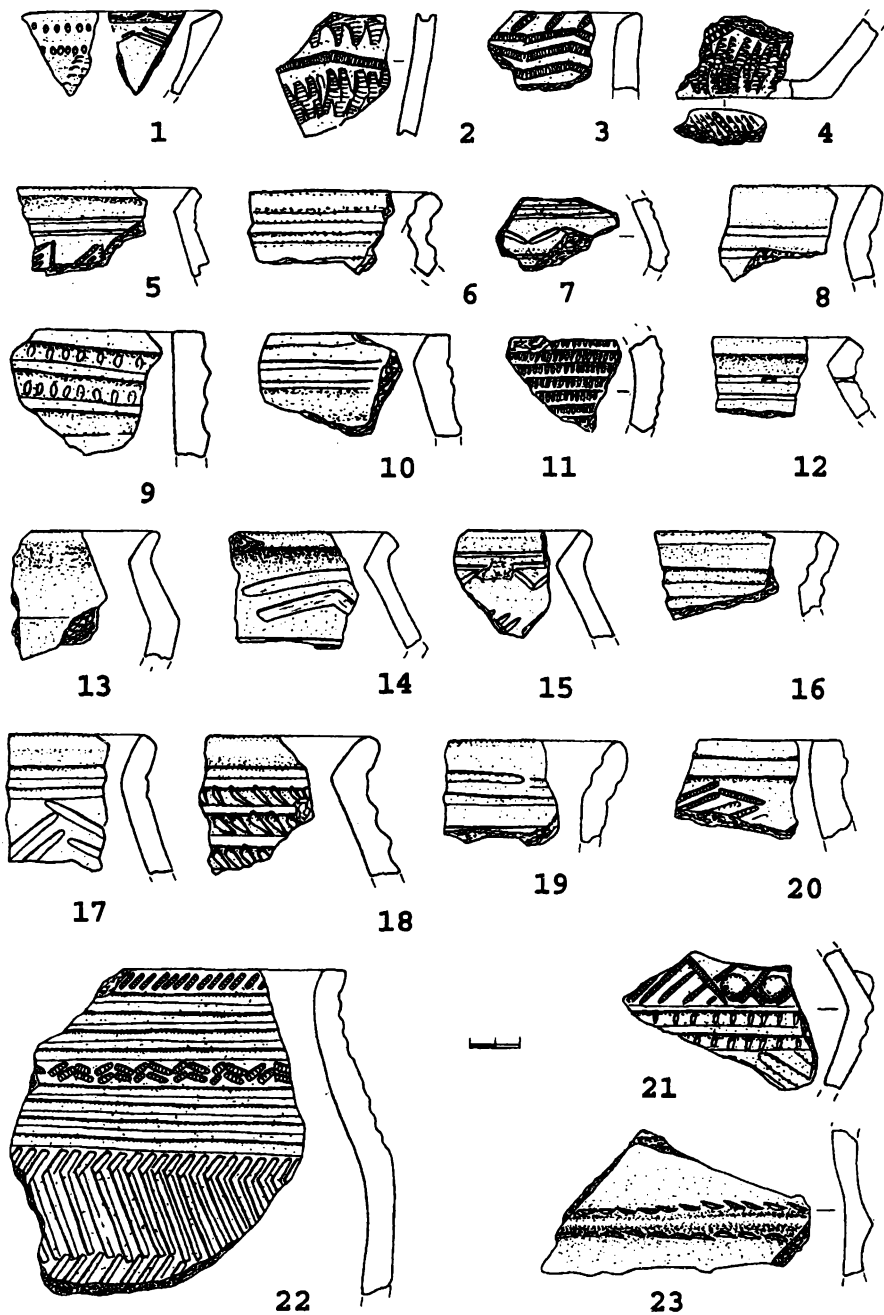

Рис. 17. Поселение Шибаво 1. Находки

1 — бр. У/12-13 гор.2 (-60-80); 2 — Ю/15 гор.2 (-60-80); 3-5, 8-23 — подъемные сборы; 6 — Ю/18 гор.2 (-40-60); 7 — Ц/13 гор.2 (-60-80). 1-23 — керамика

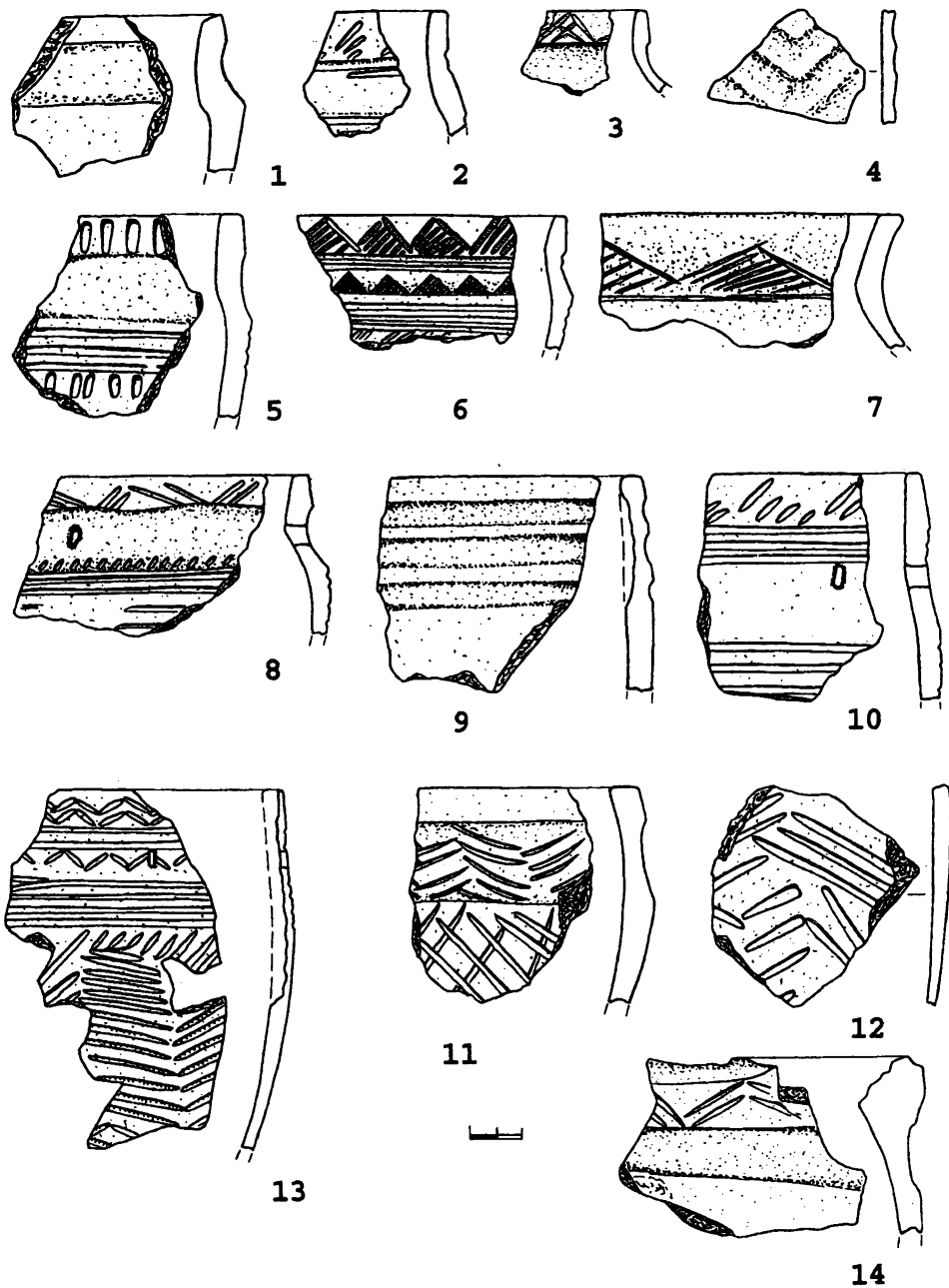

Рис. 18. Поселение Шибеево 1. Находки

1, 5-8, 11, 14 — подъемные сборы; 2 — Ч/18 гор.2 (-40-60); 3 — бр.У/12-13 гор.2 (-60-80); 4 — Э/18 гор.2 (-40-60); 9 — бр.Ю/13-14 гор.1 (-40-60); 10 — Щ/12 гор.2 (-60-80); 12 — Х/12 гор.3 (-100-120); 13 — Э/12 гор.2 (-60-80). 1-14 — керамика

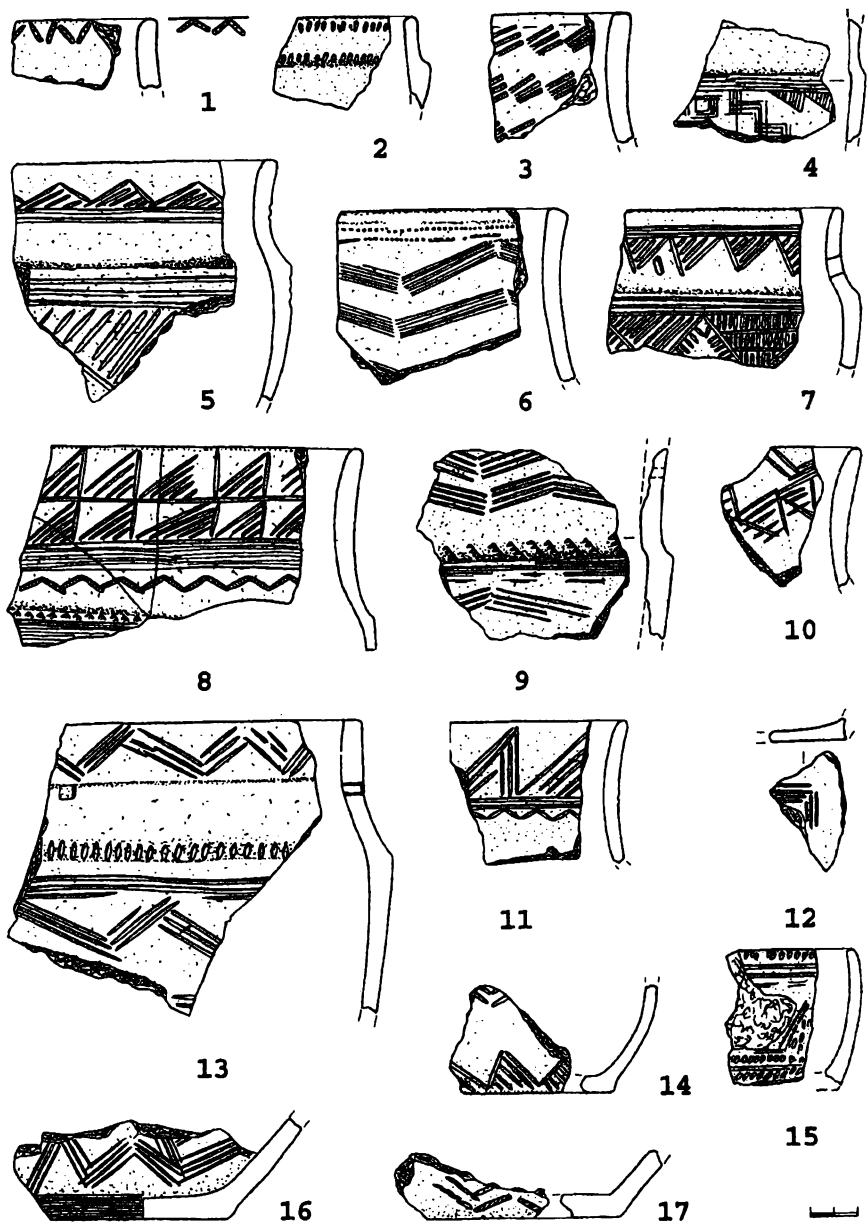

Рис. 19. Поселение Шибавео 1. Находки

1 — У/15 гор.2 (-40-60); 2 — Э/12 гор.1 (-40-60); 3 — Ч/18 гор.2 (-40-60); 4, 5, 10 — подъемные сборки; 6 — Ш/14 гл.-50; 7 — Ю/12 гор.1 (-40-60); 8 — Э/13 гор.2 (-60-80), Э/14 гор.1 (-40-60); 9 — Ч/14 гор.2 (-40-60); 11 — бр.Ч/13-14 гор.3 (-60-80); 12 — Ч/18 гор.2 (-40-60); 13 — бр.Ю/14-15 гор.2 (-60-80); 14 — Ш/14 гор.1 (-40-60); 15 — Ю/13 гор.1 (-40-60); 16 — Ш/12, гл.-73; 17 — Ч/15 гор.2 (-20-40). 1-17 — керамика

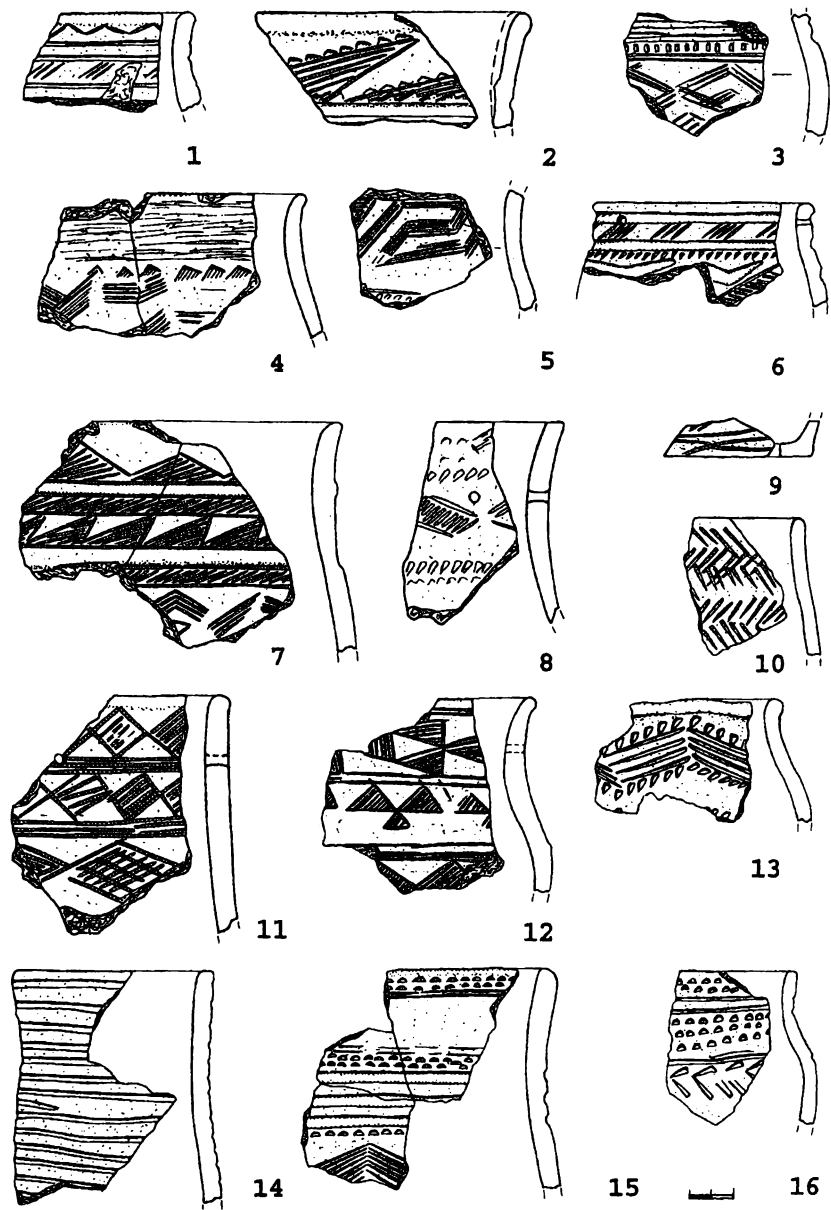

Рис. 20. Поселение Шибаво 1. Находки

1 — Ц/14 гор.2 (-40-60); 2 — Ч/16 гор.1 (-20-40); 3, 16 Ч/13 гор.4 (-80-100); 4 — Ю/14 гор.1 (-40-60); 5 — X/15 гор.1 (0-20); 6 — У/13 гор.1 (-40-60), У/14 гор.3 (-60-80); 7 — Ц/15 гор.2 (-20-40), Ф/15 гор.1 (-20-40); 8 — Ц/16 гор.1 (-20-40); 9 — Ч/17 гор.2 (-40-60); 10 — У/12 гор.1 (-40-60); 11 — Ч/18 гор.2 (-40-60); 12 — подъемные сборы; 13 — Ч/13 гор.2 (-40-60); 14 — бр.Х-Ц/14 гор.1 (-20-40), Ц/13 гор.1 (-40-60); 15 — X/13 гор.2 (-60-80), X/13 гор.3 (-80-100), Ц/14 гор.3 (-60-80), 1-16 — керамика

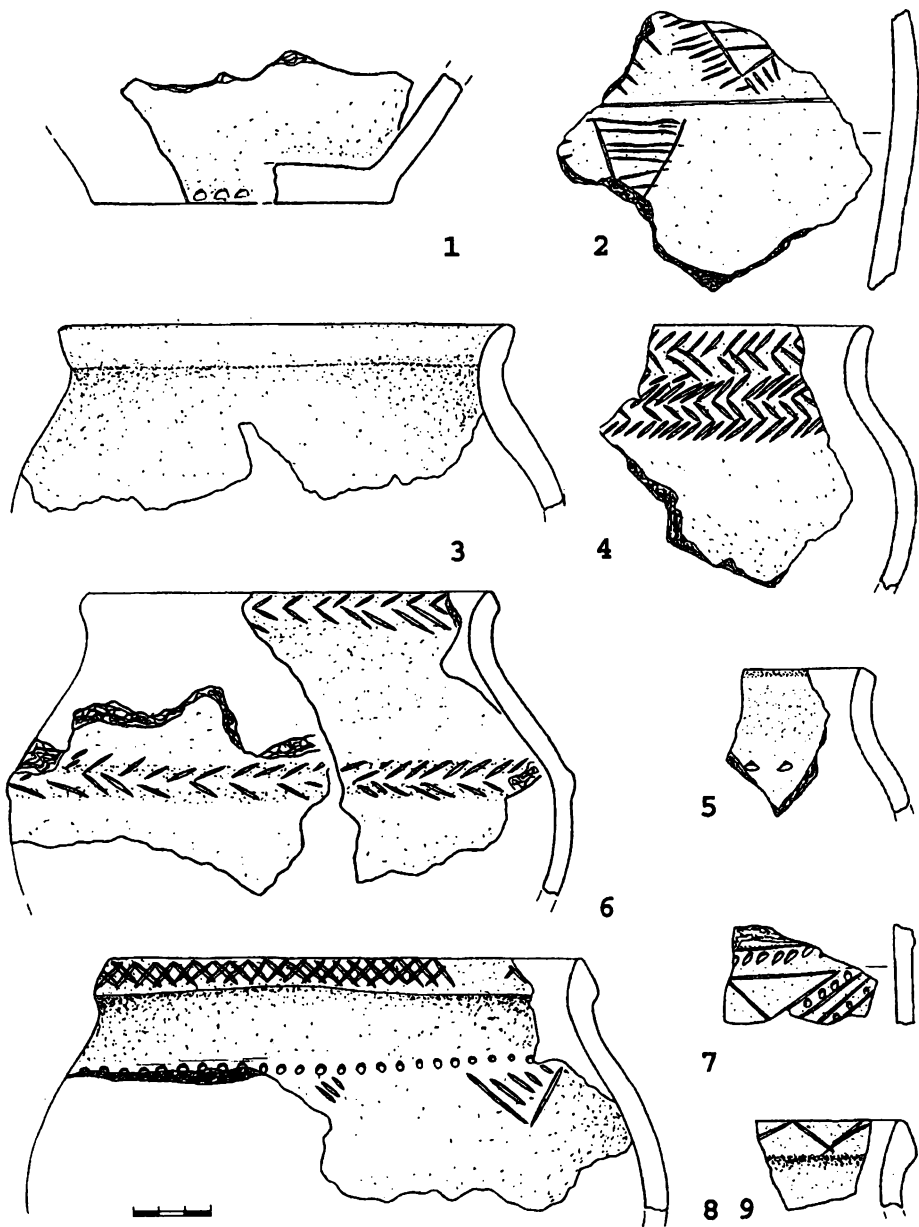

Рис. 21. Поселение Шибаво 1. Находки

1 — Ш/16 гл.-46; 2 — Ф/14 гор.2 (-40-60); 3 — X/12 гор.3 (-100-120), бр.Ц/12-13 гор.2 (-60-80), бр.Ф/12-13 гор.3 (-80-100); 4 — Ф/13 гор.3 (-80-100); 5 — У/15 гор.1 (-20-40); 6 — Ч/18 гор.2 (-40-60), бр.Ц-Ч/18 гор.2 (-40-60), бр.Ц/17-18 гор.2 (-40-60); 7 — Ц/15 гор.2 (-20-40); 8 — X/14 гор.3 (-60-80), Ц/14 гор.3 (-60-80); 9 — бр.Х-Ц/15 гор.2 (-20-40). 1-9 — керамика

Особенностью культурного слоя поселения является наличие в нем находок, относящихся ко всем основным археологическим культурам степной-лесостепной бронзы Южного Зауралья. Хотя относительно небольшая площадь раскопа не дает возможности полностью реализовать все потенциальные возможности памятника в выяснении особенностей протекания культурных процессов и хронологического соотношения отдельных культур эпохи бронзы, в рамках описания материалов пос. Шибаво 1 хотелось бы высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Значительное число находок синташтинской керамики позволяет утверждать, что Шибаво 1 является в настоящее время самым северным синташтинским поселением — ранее граница их распространения фиксировалась в 100 км к югу, по реке Уй. Примечательно, что при выборе места для поселения был реализован стереотип размещения синташтинских городищ по берегам рек — Шибаво 1 было основано на первой к северу от Уя реке Чумляк, хотя при этом на их междуречье имеется значительное число озер. Следует указать, что ни полевые наблюдения, ни дешифрирование аэрофотоснимков не выявили на поселении укреплений, фактически обязательных для синташтинских поселенческих памятников. Вместе с тем, возможно, это объясняется многолетней распашкой площадки памятника. На мой взгляд, освоение северных территорий было связано с металлургией и металлообработкой, как ремеслами, играющими значительную, если не определяющую, роль в жизни синташтинского социума. Косвенно в пользу этого предположения свидетельствуют значительное число металлических предметов, находки каменных изделий, интерпретированные как орудия металлургии и металлообработки (рис. 9, 2, 4-8; 10) неясной культурной атрибуции, керамической изложницы для отливки бронзовых слитков (рис. 15, 15), следы высокотемпературных технологий, относящиеся к более позднему времени — сильно ошлакованный фрагмент петровского сосуда из подъемных сборов (рис. 18, 14), массовые находки керамического шлака в алакульских и федоровских слоях раскопа. Поскольку наличие выходов медесодержащих пород в районе локализации поселения геологически не зафиксировано, то стимулом для освоения северных залесенных территорий мог быть поиск топливной базы. Как показывают исследования специалистов, фактор наличия необходимой древесины играл одну из определяющих ролей в организации металлургического и металлообрабатывающего ремесел (Черных Е.Н., 1997, с.66-69). Об активных хозяйственных связях поселения с сопредельными территориями свидетельствует и происхождение каменного сырья с территорий, достаточно удаленных от поселения.

В настоящее время гипотеза о генетической преемственности между синташтинскими и петровскими древностями является практически общепризнанной. Однако ввиду отсутствия на поселении керамических форм, которые могли бы быть охарактеризованы как переходные, можно полагать, что был определенный разрыв между синташтинским и петровским этапами заселения памятника. Находки в восточном участке раскопа в алакульском слое фрагментов керамики, имеющих в облике черты, которые могут быть охарактеризованы как переходные между петровскими и алакульскими (например: рис. 18, 10; 19, 13), указывают на постепенную трансформацию петровских древностей в алакульские.

Представляется достаточно аргументированной точка зрения о невозможности прямой генетической трансформации алакульской культуры в федоровскую.

Очевидно, что федоровские древности на определенных этапах сосуществовали с алакульскими как на территории Южного Зауралья, так и на других пространствах центральной Евразии. Не рассматривая специально процессы формирования алакульской и федоровской культур, хотелось бы присоединиться к точке зрения об особом статусе носителей федоровских культурных традиций в Южном Зауралье и об их инкорпорированности в алакульскую культурную среду (Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 2001). Особенности стратиграфии Шибаетов 1 не противоречат аргументации авторов данной гипотезы.

В восточной части раскопа отмечено относительно равное пропорциональное распределение по слоям алакульской и федоровской керамики, что не позволяет высказаться о хронологическом приоритете той или иной группы. При этом абсолютное численное преобладание алакульской керамики в этой части раскопа позволяет рассматривать федоровскую как механическую примесь. Находки саргаринской керамики в верхних слоях вполне согласуются с ее относительно поздней хронологической позицией.

Оформление культурного слоя на западном участке связано в первую очередь с саргаринским временем функционирования поселения. Алакульская и федоровская керамика распределены по слоям примерно в равной пропорции, ни одна из этих двух групп при этом численно не преобладает. На саргаринском этапе гумус был снят до материка, что привело к преобладанию саргаринской керамики в нижнем горизонте 3. Вместе с тем данный участок вряд ли может быть интерпретирован как жилищная впадина, поскольку для саргаринских жилищ характерна значительная глубина в материке. По всей видимости, описанные остатки сооружений (колодцы, очаг) находились на межжилищном пространстве. Следует специально подчеркнуть, что залегание алакульских и федоровских фрагментов в колодце 2 ввиду их малочисленности не может говорить об общем взаимоотношении алакульских и федоровских слоев на поселении.

Библиографический список

1. Горбунов В.С. *Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи*. Уфа, 1992.
2. Зайцев А.А. Отчет об археологической разведке по реке Чумляк в окрестностях г. Коркино и Еткульском районе Челябинской области в 1988 г. Челябинск, 1988. — Архив ИА РАН.
3. Зданович Г.Б. *Бронзовый век Урало-Казахстанских степей*. Свердловск, 1988.
4. Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О федоровских древностях Зауралья // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. 17-21 апреля 2001 г. Оренбург, 2001.
5. Косинцев П.А. Комплекс костных остатков домашних животных из поселений и могильников эпохи бронзы Волго-Уралья и Зауралья // *Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»*. Самара, 2001.
6. Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шибаетов-1: результаты исследования (предварительная публикация) // *Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала*. Орск, 2000а.
7. Нелин Д.В. Новая находка со спиральным орнаментом в Южном Зауралье // *Stratum plus*. Кишинев, № 2, 2000б.

8. Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989.
9. Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА, № 21, 1954.
10. Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997.
11. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА, №1, 2002.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕБЯЖЬЕ VI (публикация материалов охранных раскопок)

К настоящему времени в степной зоне Челябинской области раскопками исследовано 22 неукрепленных поселения, содержащих материалы эпохи поздней и финальной бронзы. На поселениях Нижне-Спасское, Мирный II, III, IV, Дружный I, Кулевчи III, Берсуат вскрыты площади более 500 кв. м, получены богатые коллекции археологического материала. Результаты раскопок полно или кратко отражены в публикациях (Сальников К.В., 1967; Стефанов В.И., 1996; Чемякин Ю.П., 1974; Днепров С.А. и др., 1978, 1979; Бельтикова Г.В., 1980; Виноградов Н.Б., Зданович Г.Б., 1979, 1980; Виноградов Н.Б., 1982; Хабдулина М.К., Виноградов Н.Б., Зданович С.Я., 1978). Тем не менее расширение круга источников, введение в научный оборот новых материалов остается актуальной задачей для археологов региона. Предлагаемая статья посвящена результатам раскопок поселения эпохи бронзы Лебязье VI, исследовавшегося на протяжении сезонов 2000 и 2001 гг. отрядом археологической экспедиции Челябинского государственного университета и Специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра «Аркаим» под руководством автора.

Поселение Лебязье VI находится на правом берегу р. Зингейка в 4,8 км к северо-востоку от поселка Кацбахский Кизильского района Челябинской области. Памятник был обнаружен в 1988 году разведочным отрядом археологической экспедиции Челябинского государственного университета.

С точки зрения физико-географического районирования, поселение находится в степной зоне Зауральского пенеппена, в районе с холмисто-увалистым рельефом или мелкосопочником. Река Зингейка принадлежит бассейну реки Урал и имеет широкую долину с невысокими террасами, характерную для степных рек. В районе поселка Кацбахский река образует несколько петлеобразных излучин, в одной из которых находится поселение Лебязье VI, почти полностью занимая мыс надпойменной террасы подтреугольной формы. Местность носит довольно открытый характер; небольшие всхолмления обрамляют площадку памятника с юго-запада и северо-востока. Возвышение с северо-востока простирается перпендикулярно руслу реки до ее пойменного участка, разграничивая две излучины.

Территория памятника составляет около 4,5 тыс. кв. м. На аэрофотоснимке дешифрируется 16 жилищных впадин, расположенных двумя группами¹. Полевое обследование внесло коррективы в представление о планиграфии поселения с учетом его современного состояния. В настоящее время на местности четко фиксируются восемь крупных жилищных впадин, в большинстве своем имеющих овальную форму и ориентированных параллельно руслу реки. Впадины, как правило, неглубокие — в среднем 0,3–0,4 м глубиной. Несомненно, часть жилищных впа-

¹ Дешифрирование аэрофотоснимков выполнено научным сотрудником природно-ландшафтного и историко-археологического центра «Аркаим» И.М.Батаниной.

дин, зафиксированных на аэрофотоснимке, была разрушена полевой дорогой, проходящей через территорию поселения, и в особенности рекой, активно размывающей северо-восточную часть мыса. В целом для поселения, по-видимому, была характерна достаточно свободная планировка, тяготеющая к линейной, с оставлением центральной части незастроенной либо с какими-то легкими постройками наземного характера (рис. 1).

Археологические работы на поселении носили охранный характер, в связи с чем два смыкающихся раскопа были заложены в северо-восточной части памятника вдоль линии берегового обрыва. Вскрытая площадь составила 387 кв.м. Раскопами исследованы остатки двух жилищ и постройки предположительно нежилого характера, а также большой участок межжилищного пространства (рис. 2). Мощность культурного слоя на межжилищной территории составляет в среднем 0,3–0,5 м, в пределах котлованов — до 0,85 м. Основой культурных напластований межжилищного пространства являются зольники белесого и светло-серого цвета, залегающие под темной гумусированной супесью. Золистые отложения подстилает сильно прозоленный светлый материк, имеющий супесчаную природу. Различно заполнение жилищных котлованов. Котлован жилища 1 заполняет однородная темная гумусированная супесь, идентичная верхнему слою на всей вскрытой площади. Культурные отложения жилища 2 представлены зольниками коричневых оттенков — светло-коричневого и рыжеватого, а также темно-коричневой супесью, насыщенной гумусом. Равномерно прокаленный золистый грунт, светлый и легкий по своей структуре, заполняет северную часть котлована. С южной частью связан темно-коричневый гумусированный грунт, более плотный и вязкий. Культурный слой в постройке 3 представлен однородной темно-коричневой сильно гумусированной супесью, насыщенной органикой, жирной на ощупь. Грунт прокаленный и углистый, особенно в центральной части котлована. Котлованы всех трех построек были вырыты в светлом материковом песке. На южном участке раскопа 2 и в профиле берегового обрыва к северо-востоку от раскопа 1 был зафиксирован ровный слой темно-серой однородной супеси мощностью до 0,15 м, залегающий на материке и срезанный котлованом жилища 2. Слой интерпретирован как погребенная почва.

Жилище 1 представляло собой постройку подпрямоугольной формы. Длина сохранившейся части — 17 м. В ширину постройка сохранилась на 1,5 м, что составляет, приблизительно, 1/5 ее часть. Предполагаемая площадь — около 150 кв. м. Жилище было ориентировано по линии С-СВ — Ю-ЮЗ, параллельно руслу реки. Котлован углублен на 0,35–0,4 м относительно уровня материка, северо-восточная часть более глубокая. Спуск в материк ступенчатый.

Вдоль очертаний котлована с внешней стороны расчищено шесть столбовых ямок. Пять из них расположены в ряд дугообразной линией на расстоянии 2–5 м друг от друга. Три ямки имеют диаметр 0,2–0,25 м, глубину 0,1–0,15 м; две ямки у северо-восточного и юго-западного края котлована имеют диаметр 0,3 и 0,35 м и глубину 0,35 и 0,45 м. Заполнены тем же грунтом, что и котлован. Теплотехнических сооружений и колодцев в пределах котлована обнаружено не было. В заполнении найдены фрагменты керамики, глиняные пряслица и кости животных.

К юго-западу от жилища было выбрано небольшое углубление аморфной формы, расположенное вплотную к нему, глубиной до 0,3 м, заполненное однородной золистой супесью серо-коричневого цвета. Южнее, на расстоянии 1,5 м от углубления были зафиксированы остатки еще одной конструкции подтреугольной формы, глубиной 0,18 м, заполненной прокаленным золистым грунтом с углистой про-

Рис. 1. Поселение Лебяжье VI. Общий топографический план памятника

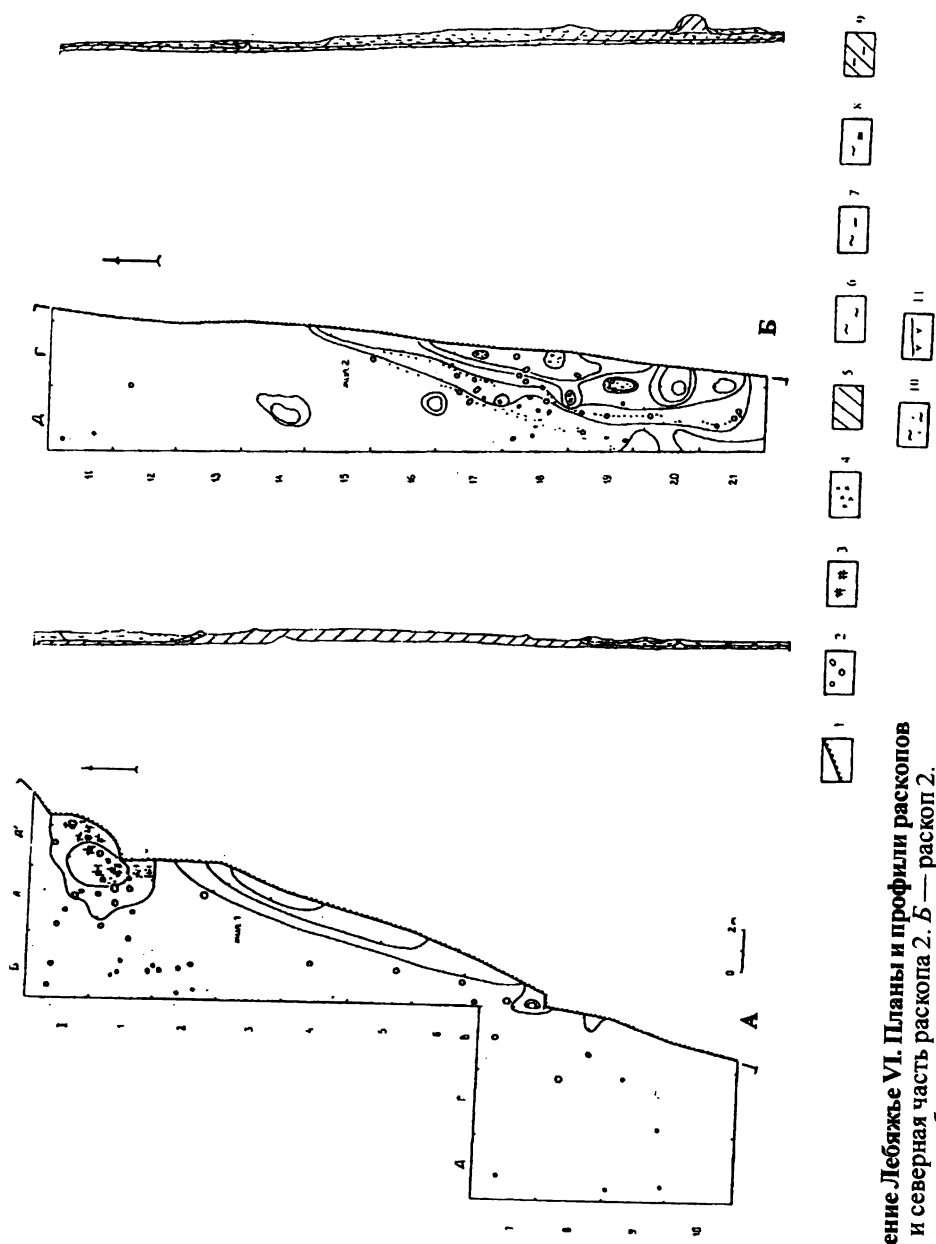

Рис. 2. Поселение Лебяжье VI. Планы и профили раскопов

А — раскоп 1 и северная часть раскопа 2. Б — раскоп 2.
 1 — линия берегового обрыва; 2 — столбовые ямки; 3 — провалы; 4 — углистые прослойки; 5 — темный гумус; 6 — серый зольный слой; 7 — рыжеватый серо-коричневый зольный слой; 8 — светло-коричневый зольный слой; 9 — темно-коричневая гумусированная супесь; 10 — белесый зольный слой; 11 — погрешенная почва

сложкой мощностью 0,05 м в нижней части заполнения. Западнее были расчищены расположенные треугольником три столбовые ямки диаметром 0,25–0,3 м, глубиной 0,2 м. Возможно, оба описанных углубления представляют собой остатки одной конструкции.

Жилище 2 представляло собой постройку подпрямоугольной формы со скругленными углами и было ориентировано по линии С-СВ — Ю-ЮЗ, параллельно руслу реки. Длина сохранившейся продольной стены 20,5 м, в ширину жилище сохранилось на 3 м, площадь постройки составляла, вероятно, 160–170 кв. м. В средней части продольной стены фиксировался изгиб очертаний вовнутрь. Котлован углублен относительно уровня материка на 0,3–0,35 м. Спуск в материк ступенчатый, центральная часть более глубокая.

У западной стены жилища были обнаружены остатки очага, устроенного в углублении почти округлой формы, слегка вытянутом по линии запад-восток, размерами 0,6х 0,7 м, глубиной 0,15 м. Углубление заполнено темно-коричневой гумусированной супесью, сильно прокаленной и насыщенной углем. Материковый слой под очагом прокален на 0,05 м. С западной стороны углубления фиксировалась прослойка грунта, перемешанного с большим количеством мелких камней, а также прослежен завал этого грунта в очажную яму. В заполнении найдены обломки сосудов и бронзовая капля. Юго-восточнее стоял сосуд, помещенный в яму размерами 0,25х 0,35 м почти на полную высоту, так что выступала только верхняя его часть. Рядом с ним был обнаружен еще один сосуд в развале, баночной формы, а также обломок раковины и несколько мелких костей (рис. 3). Севернее расчищена столбовая ямка овальной формы, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, размерами 0,2х 0,3 м, глубиной 0,2 м.

В южной части жилища была обнаружена яма-колодец, восточная часть которого разрушена обрывом. Очертания колодца хорошо фиксировались уже на верхних горизонтах, диаметр составлял около 2 м. Выборка колодца осуществлялась до глубины 1,35 м, после чего в яме выступила вода. До глубины 0,85 м колодец имел отвесные стенки (северную более пологую), ниже начинался вертикальный ствол диаметром 0,5 м. Яма заполнена однородным темным гумусированным грунтом; у стенок прослежены завалы тонкого слоя белесой золистой супеси, окаймлявшей темное пятно колодца при зачистке в плане. В заполнении находки практически отсутствовали.

В пределах жилищного котлована было также расчищено несколько углублений: *углубление 1*, в северной части жилища, у кромки обрыва; имеет овальную форму, размеры 0,42х 0,73 м, глубину 0,05 м, заполнено рыжеватой серо-коричневой золистой супесью со следами прокала и угольками;

углубление 2, у западной стенки котлована, круглой формы, диаметром 0,65 м, глубиной 0,05 м, заполнено прокаленной серо-коричневой золистой супесью. В северо-западной части углубления расчищена столбовая ямка овальной формы, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, размерами 0,15х 0,25 м, глубиной 0,2 м;

углубление 3, к северо-востоку от очага, у кромки обрыва, неправильной формы, размерами 0,8х 1,05 м, глубиной 0,17 м, заполнено темно-коричневой гумусированной супесью. На дне расчищены пятна прокала, угольки, угольная плашка длиной 0,25 м;

углубление 4, к юго-востоку от очага, овальной формы, более широкой в северной части. Ориентировано по линии север-юг. Размеры 0,9х 1,8 м, глубина 0,05 м. Заполнено темно-коричневой гумусированной супесью, насыщенной углем. На дне и стенках углубления также были расчищены многочисленные угольки. В север-

Рис. 3. Поселение Лебяжье VI. Расчистка сосудов в жилище 2

ной части фиксировались две столбовые ямки круглой формы диаметром 0,2 м, глубиной 0,17 и 0,2 м;

углубление 5, к югу от колодезной ямы, неправильной формы, вытянуто по линии север-юг. Размеры 0,75x1,15 м, глубина 0,12 м. Заполнено рыжеватой серо-коричневой золистистой супесью.

В раскопанной части котлована и около него расчищено 34 ямки от столбов, в расположении которых прослеживаются определенные закономерности. Ямки располагаются в две основные линии вдоль края котлована, с внешней и внутренней его стороны. Скопление ямок отмечено с внешней стороны у продольной стены жилища, в месте изгиба ее очертаний. Большинство ямок имеют круглую форму, диаметр от 0,15 до 0,25 м. Наиболее часто встречаются ямки диаметром 0,2 м. Глубина — от 0,1 до 0,35 м. Возле столбовых ямок прослежены длинные углистые прослойки вдоль очертаний котлована, как с внешней, так и с внутренней стороны, шириной до 0,25 м, а также пятна прокала.

В заполнении котлована и на его дне встречены крупные необработанные камни, расчищены остатки сгоревшего дерева. Среди находок — крупные фрагменты керамики, каменные и костяные орудия, обломок бронзового орудия, многочисленные кости животных. За пределами жилища, в месте прогиба очертаний его западной стены и скопления столбовых ямок, был обнаружен клад бронзовых серпов (рис. 16). Орудия залежали на границе белесого и рыжеватого серо-коричневого зольных слоев, прилегающих к котловану, на глубине от 0,15 до 0,25 м от дневной поверхности (общая мощность культурного слоя на данном участке составляет 0,45 м).

На прилегающих к жилищу участках было выбрано два углубления. Одно — у западной стены, неправильной округлой формы, размерами 1,15x1,2 м, глубиной 0,15 м, со ступенчатым профилем. Заполнено белесым золистым грунтом, перемешанным с темной гумусированной супесью. Второе углубление было зафиксировано к северо-западу от котлована, имело аморфную форму, размеры 1,4x2,5 м, глубину 0,1 м, с плавным ступенчатым профилем. Заполнено серой золистистой супесью. В углублении найдены мелкие фрагменты керамики и кости.

Постройка 3 располагалась на расстоянии 0,8 м к северу от жилища 1 и представляла собой небольшое, практически неуглубленное в землю строение (глубина котлована 0,15 м). О форме постройки говорить трудно — скорее всего, подквадратная или подпрямоугольная. Размеры сохранившейся части — 4x4,4 м. Дно котлована плоское, с многочисленными следами прокала ярко-красного цвета. Очертания имеют с северо-западной стороны два прогиба внутрь. В нижней части заполнения, в слое темно-коричневого гумусированного грунта была расчищена передняя часть скелета коровы (рис. 4). В слое также встречались фрагменты керамики, капельки бронзы, шлак, кости животных. При выборке грунта на прилегающих участках фиксировались фрагменты желтого суглинка и прослойки супеси с включением глины.

В пределах котлована расчищено 13 столбовых ямок, один ряд которых располагался по периметру постройки, другой образовывал внутренний круг по очертаниям центральной части. Ямы имеют диаметр от 0,2 до 0,3 м, глубину в среднем 0,2–0,35 м. Глубина наиболее мелкой ямки — 0,05 м при диаметре 0,2 м, наиболее крупной — 0,45 м при размерах 0,3x0,35 м. Все ямы имеют темное углистое заполнение.

17 столбовых ямок расчищено на участках, прилегающих к постройке. Они расположены вокруг очертаний котлована и в один-два ряда у западного борта раскопа, имеют небольшие размеры (диаметр 0,1–0,2 м), глубину от 0,1 до 0,25 м. Заполнены темным золистым грунтом.

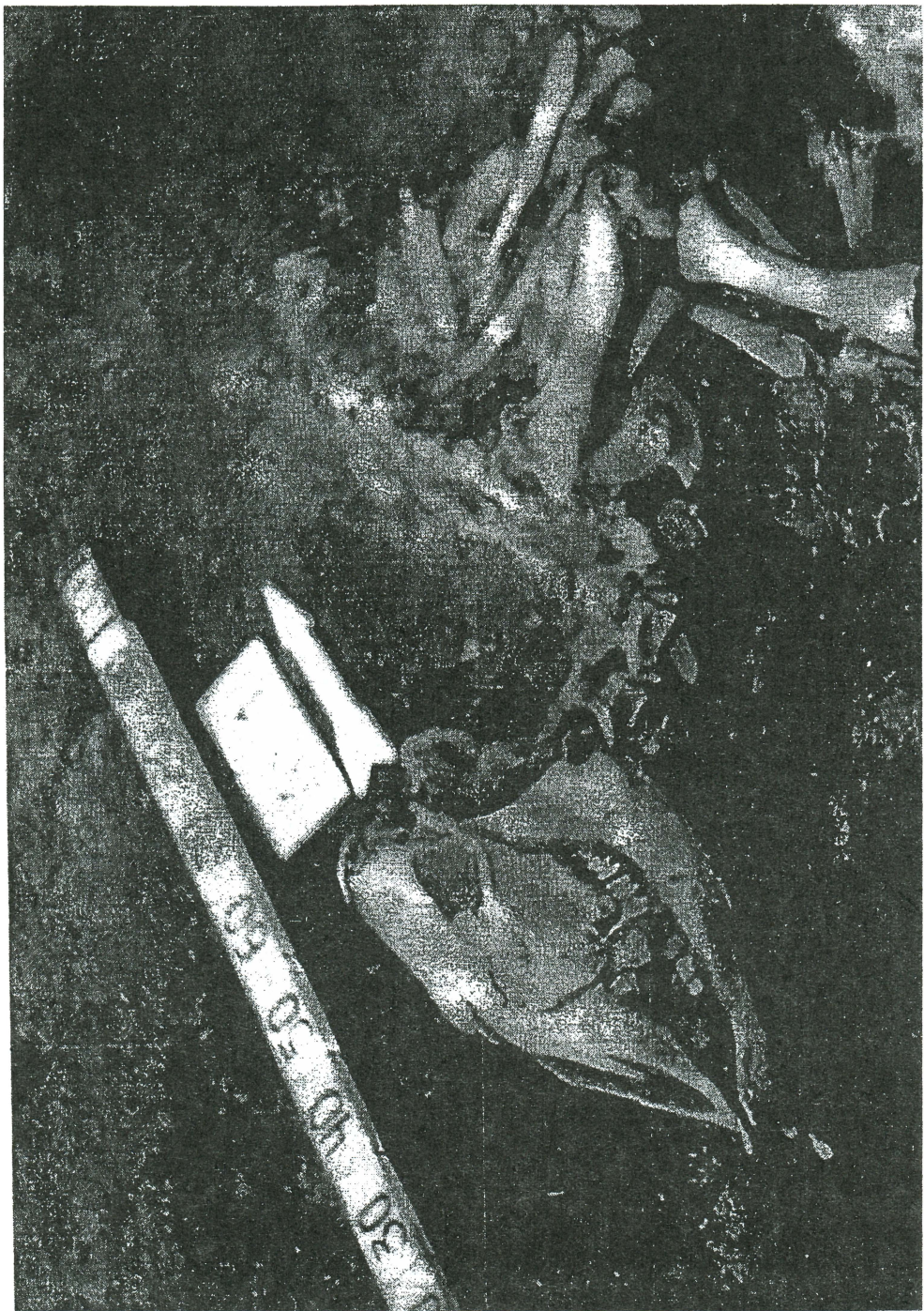

Рис. 4. Поселение Лебяжье VI. Расчистка скелета коровы в заполнении простройки 3

Наблюдение за залеганием культурных отложений в пределах раскопанной площади позволяет предполагать одновременность исследованных построек. Более ранним является жилище 2. Его котлован был вырыт в древней погребенной почве, срез которой зафиксирован на южной периферии раскопа. Вероятно, одновременно с ним существовала постройка 3. При зачистке берегового обрыва к северо-востоку от нее фиксировалась тонкая полоса погребенной почвы, на которой залегали слои, идентичные заполнению постройки. Что касается жилища 1, то прямых случаев перекрытия его заполнением напластований других построек зафиксировано не было. Однако практика раскопок поселений в степной и лесостепной зонах показывает, что заполнение темным гумусом чаще всего характерно для котлованов поздних построек. Жилище 1 было сооружено на площадке с уже срытой и вытоптанной погребенной почвой. Эти косвенные данные дают основание предполагать, что жилище 1 функционировало позднее, чем жилище 2 и постройка 3.

Для воссоздания внешнего облика и интерьера жилищ данных получено мало. Это были типологически близкие сооружения, которые можно охарактеризовать как прямоугольные постройки большой площади, слабо углубленные в землю, с каркасно-столбовой конструкцией стен. Каркас жилища 1 был образован крупными столбами, расположенными в один ряд приблизительно через равные промежутки. Судя по разрезу ямок, столбы стояли вертикально, но были вкопаны на небольшую глубину, за исключением угловых. В таком случае конструкция всей постройки должна была быть двухчастной, то есть состоять из стен, основу которых составлял столбовой каркас, и крыши. Об устройстве последней данных у нас нет, также не было получено сведений об интерьере жилища. Вскрытые к юго-западу от котлована фрагменты двух (или одной?) конструкций скорее всего относились к жилищу, которое, по нашему мнению, не погибло внезапно, а было оставлено жителями в спокойной обстановке: следы пожара и разрушения отсутствуют, характер заполнения однородный, ценных вещей не обнаружено, керамика фрагментарна, крупных обломков посуды немного.

Жилище 2 имело сходный способ сооружения и, вероятно, также двухчастную структуру. Прогиб внутрь в западных очертаниях котлована и скопление столбовых ямок вокруг него могут быть связаны с наличием здесь небольшого хозяйственного пристроя типа кладовки или чулана. Подобная архитектурная деталь отмечалась исследователями при рассмотрении как срубных, так и андроновских построек и связывалась либо с наличием в жилище небольших пристроев, либо с выраженной таким образом двучастностью помещения (Грязнов М.П., 1953, с. 40; Сорокин В.С., 1962, с. 51–52). На поселении Лебяжье VI клад бронзовых серпов был найден именно в районе предполагаемого пристроя хозяйственного назначения. Непосредственно рядом в жилище располагались очаг и углубления со следами угля и прокала, также служившие для каких-то хозяйственных нужд. Постройка в целом, по всей вероятности, погибла от пожара; углистые прослойки вдоль стен являются остатками сгоревших бревен. Серпы в этом случае должны были храниться в верхней части стены под крышей и упали вместе с остатками сгоревших стен и кровли, обрушившихся на исходе пожара. Интерьер жилища реконструируется следующим образом. Помещение было разделено на две половины: северную — жилиую и южную — хозяйственную, где фиксировались очаг (или очаги), колодец, небольшие ямы. Очаг был пристроен к стене жилища, а та его часть, которая соприкасалась со стеной, была выложена плотным грунтом, перемешанным с мелкими камнями, что вероятнее всего являлось прослойкой, предохраняю-

щей от пожара. Возле очага в специальных ямках стояли сосуды с хранящимися в них продуктами. Колодец, вероятно перестал функционировать еще до разрушения жилища — был по каким-то причинам засыпан. Он заполнен однородным темным гумусом (однако не вязкой грязью, что бывает связано с обилием грунтовых вод), причем в заполнении отсутствуют следы прокала и угля, что было бы вероятно в случае, если бы постройка сгорела. За исключением нескольких мелких фрагментов костей, находки в колодце отсутствуют. И, наконец, он перекрыт ровным слоем темно-коричневой супеси, заполняющей южную часть жилищного котлована, без каких-либо следов ее завала в колодец.

Постройка 3 представляла собой небольшое наземное сооружение с каркасно-столбовой конструкцией стен. Прогибы во внешних очертаниях связаны, вероятно, с оформлением входа (входов). Возможно, в сооружении стен применялась глина. Характер постройки неясен. По всей вероятности, она не была жилой, так как не содержала элементов интерьера, необходимых для жилого помещения: очагов, печей, хозяйственных ям, колодцев. В заполнении не было найдено никаких орудий и ценных вещей, керамики немного, и она представлена большей частью мелкими фрагментами. Наконец, туша коровы не могла быть помещена в жилое строение. Однако неполная сохранность постройки затрудняет окончательные выводы о ее назначении.

Коллекция находок с поселения Лебяжье VI включает 3350 единиц. Среди них фрагменты керамики, изделия из камня, кости, глины, бронзы. Наиболее массовой категорией находок является керамика. В коллекции имеется: целых и полностью реставрированных сосудов — 5, сосудов, реконструируемых на половину высоты и более — 10, реконструируемых только в верхней части — 12, крупных обломков венчиков, позволяющих судить о форме и орнаментации сосудов — 31. Таким образом, всего выделено 58 сосудов. Для типологического анализа были также использованы фрагменты стенок с хорошо выраженным профилем и характерным орнаментом (7).

Керамика представлена обломками посуды горшечных, горшечно-баночных и баночных форм. К горшечным и горшечно-баночным формам отнесено 50 сосудов, среди которых предварительно выделены следующие группы:

1. Группа, представленная 35 сосудами мелких, средних и крупных размеров из хорошо обожженной глины (рис. 8, 1–5; 9, 6; 10, 11), с поверхностью, обработанной заглаживанием и часто покрытой расчесами. В тесте примесь талька, дресвы, шамота, органики. Сосуды имеют слабо раздутое, плавно профилированное тулово и нечетко выраженную шейку, прямую или чуть отогнутую наружу. Орнамент либо отсутствует (14 сосудов), либо покрывает шейку и верхнюю часть тулова (21). Узоры выполнены плоским и гребенчатым штампом и прочерчиванием. Среди элементов преобладают зигзаги, елочка, горизонтальные прочерченные линии. В качестве подгруппы можно выделить 3 сосуда, имеющие ребро при переходе от плечика к тулову (рис. 9, 5).

2. Группа, представленная 13 сосудами крупных и средних размеров, выполненных из глины тщательного обжига, с хорошо заглаженной и подшошенной поверхностью (рис. 5, 14; 8, 6, 7). В тесте встречаются тальк, шамот, дресва. Для посуды данной группы характерна горшечная форма с уступчиком при переходе от плечика к тулову, иногда нечетко выраженным, с высокой прямой или отогнутой наружу шейкой. Орнамент расположен зонально на шейке, плечике и верхней части тулова, выполнен плоским и гребенчатым штампом, прочерчиванием, вдавлени-

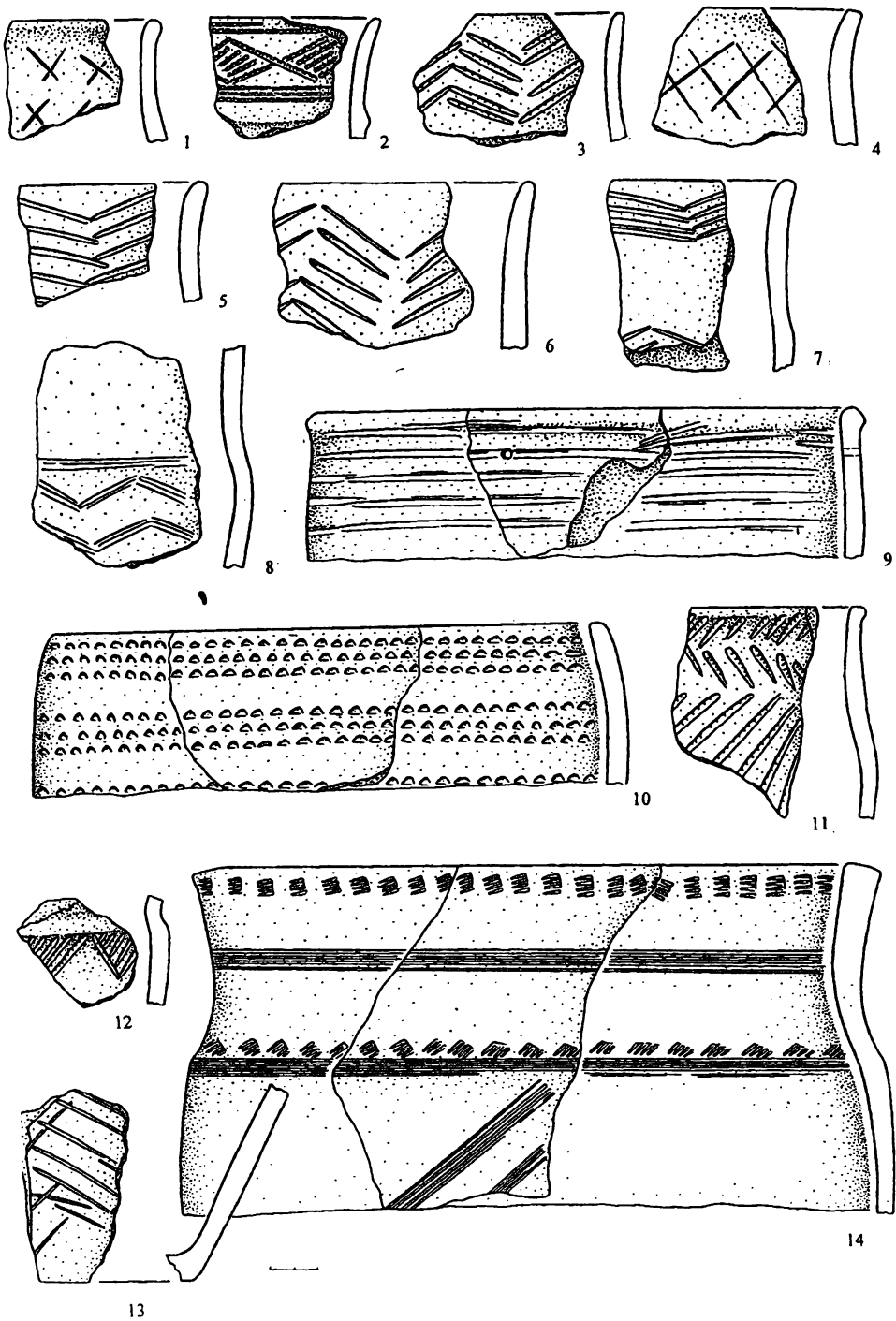

Рис. 5. Поселение Лебяжье VI. Керамика из жилища 1

ями. Среди элементов орнамента преобладают геометрические фигуры — заштрихованные треугольники и ромбы, а также зигзаги, пояски угловых оттисков штампа, вдавлений. В качестве разделителей зон традиционно выступают горизонтальные линии, выполненные гребенчатым штампом и прочерчиванием.

Группа, к которой отнесены 5 сосудов, имеющих смешанные черты первой и второй групп (рис. 6, б). Для них характерны плавная профилировка тулова и обработка поверхности расчесами в сочетании с геометрическими элементами орнамента, зональностью орнамента, выполненного преимущественно гребенчатым штампом. Один из сосудов, наоборот, сочетает близкую к керамике второй группы форму с хаотично и небрежно выполненным орнаментом в виде горизонтальных и прочерченных линий и расчесов.

В комплексе имеются также сосуды, которые из-за своей малочисленности не могут составить группу, но отличаются своеобразными чертами:

а) сосуд, сохранившийся полностью в развале, обнаруженный в яме к юго-западу от очага (рис. 6, 1). Имеет вытянутые пропорции, слабо раздутое тулово, невысокую прямую шейку, отделенную от тулова небольшим плавным уступчиком. Орнамент нанесен на шейке и в верхней части тулова под уступчиком. По шейке представлен вертикальным ритмичным зигзагом в виде комбинаций с различным числом элементов; под уступчиком нанесен горизонтальный зигзаг, по тулову — елочка. Орнамент в целом может быть отнесен к разряду знаковых. Сосуд изготовлен из теста с примесью талька;

б) обломки трех сосудов, реконструируемых только в верхней части (рис. 6, 2; 10, 6, 7). Характеризуются горшечной формой с невысокой шейкой, слабо отогнутой наружу, и намеченным ребром при переходе от плечика к тулову. Нижняя часть шейки у двух сосудов подчеркнута широким желобком. Орнамент нанесен зонально с оставлением нижней части шейки свободной и представлен заштрихованными треугольниками, выполненными гребенчатым штампом.

В комплексе имеются 7 сосудов баночной формы, представленные большей частью закрытыми банками с овальными стенками, а также миска. Из 7 баночных сосудов орнаментировано 3. Орнамент представляет собой ряды вдавлений и небрежно прочерченные линии. Миска не орнаментирована (рис. 5, 9, 10; 8, 8; 9, 2, 3)

Сосуды первой группы представляют собой срубную линию развития. К ней же следует отнести единичный сосуд со знаковым орнаментом, форма которого восходит к полтавкинской. Сосуды второй группы представляют алакульскую линию. К ней же примыкают три сосуда, не вошедшие в группу, в которых просматриваются раннеалакульские признаки. В количественном отношении преобладают сосуды со срубными чертами. Керамика со смешанными признаками немногочисленна.

На территории раскопа керамика распределена следующим образом:

в жилище 1 встречено 7 сосудов со срубными чертами, 2 — с алакульскими;

в жилище 2 — 8 сосудов со срубными чертами, 4 — с алакульскими, 3 — со смешанными;

в постройке 3 — 2 сосуда со срубными чертами;

на межжилищном пространстве — 19 сосудов со срубными чертами, 10 — с алакульскими, 2 — со смешанными.

Как видно, обе группы керамики присутствуют на всей площади раскопа (в постройке 3 выборка очень малочисленна и не позволяет делать выводы), с численным преобладанием всюду срубной посуды. Стратиграфически срубная и алакульская керамика также залегает совместно. Поскольку планиграфическая и

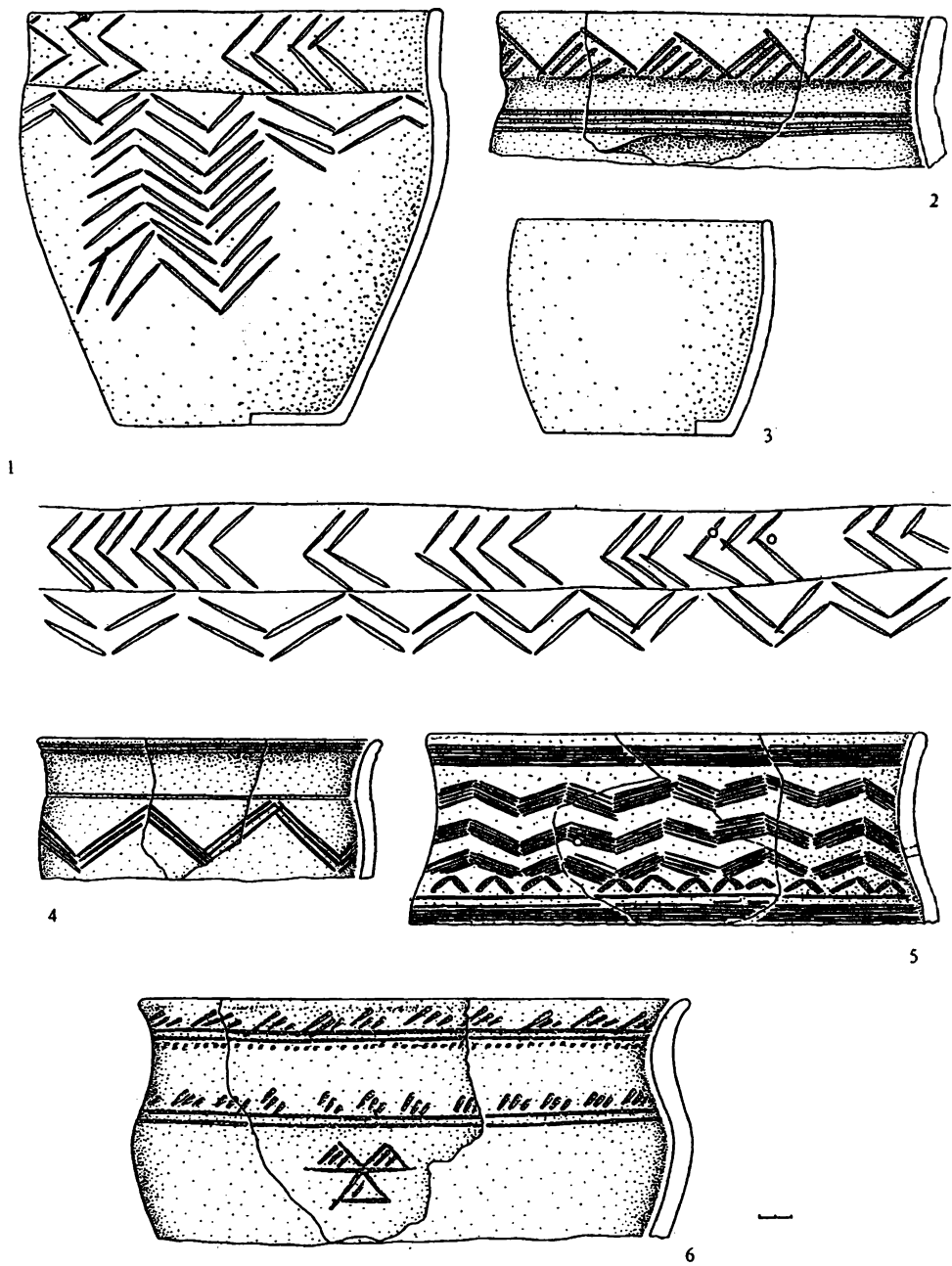

Рис. 6. Поселение Лебяжье VI. Керамика из жилища 2

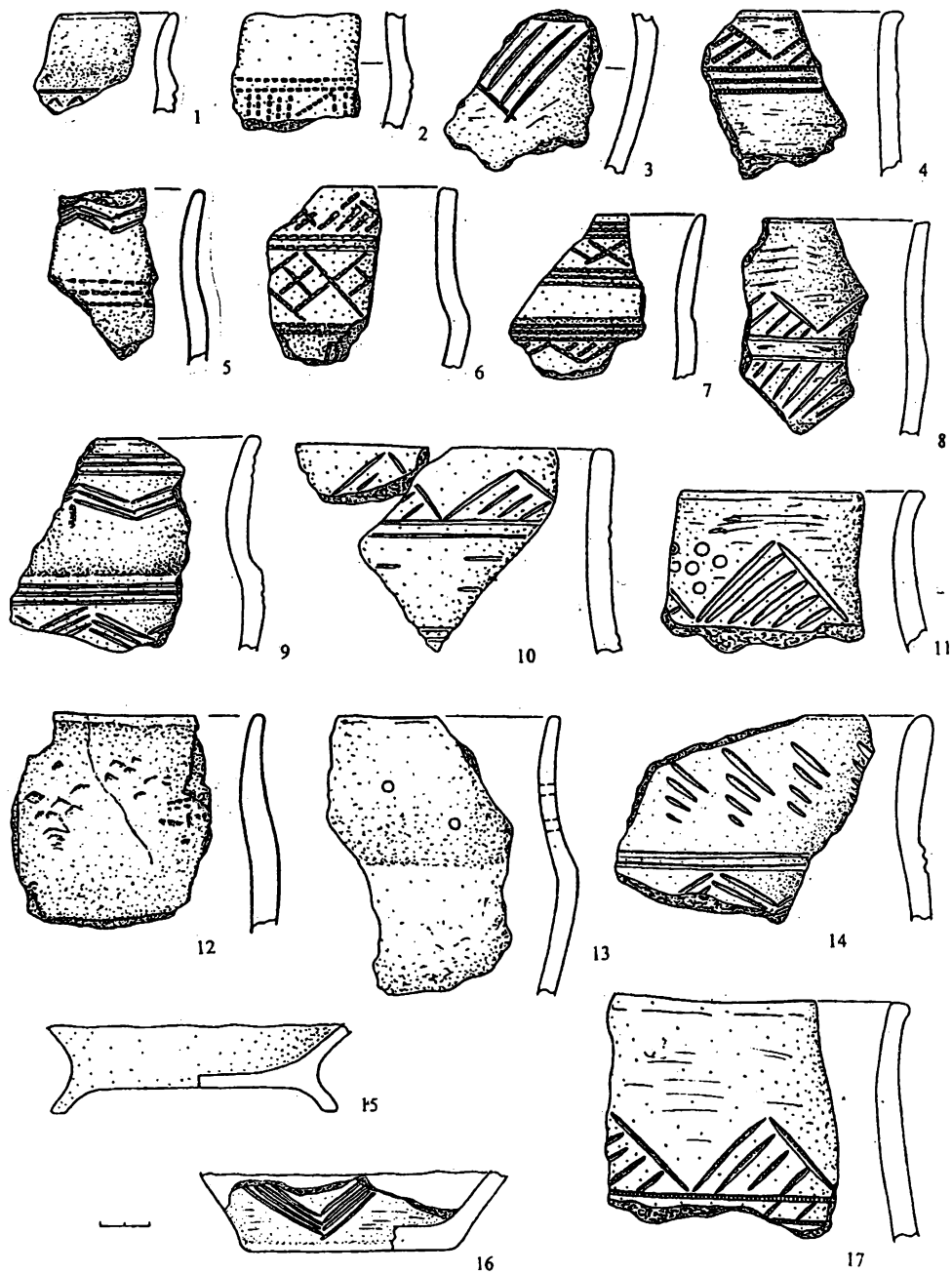

Рис. 7. Поселение Лебяжье VI. Керамика из жилища 2

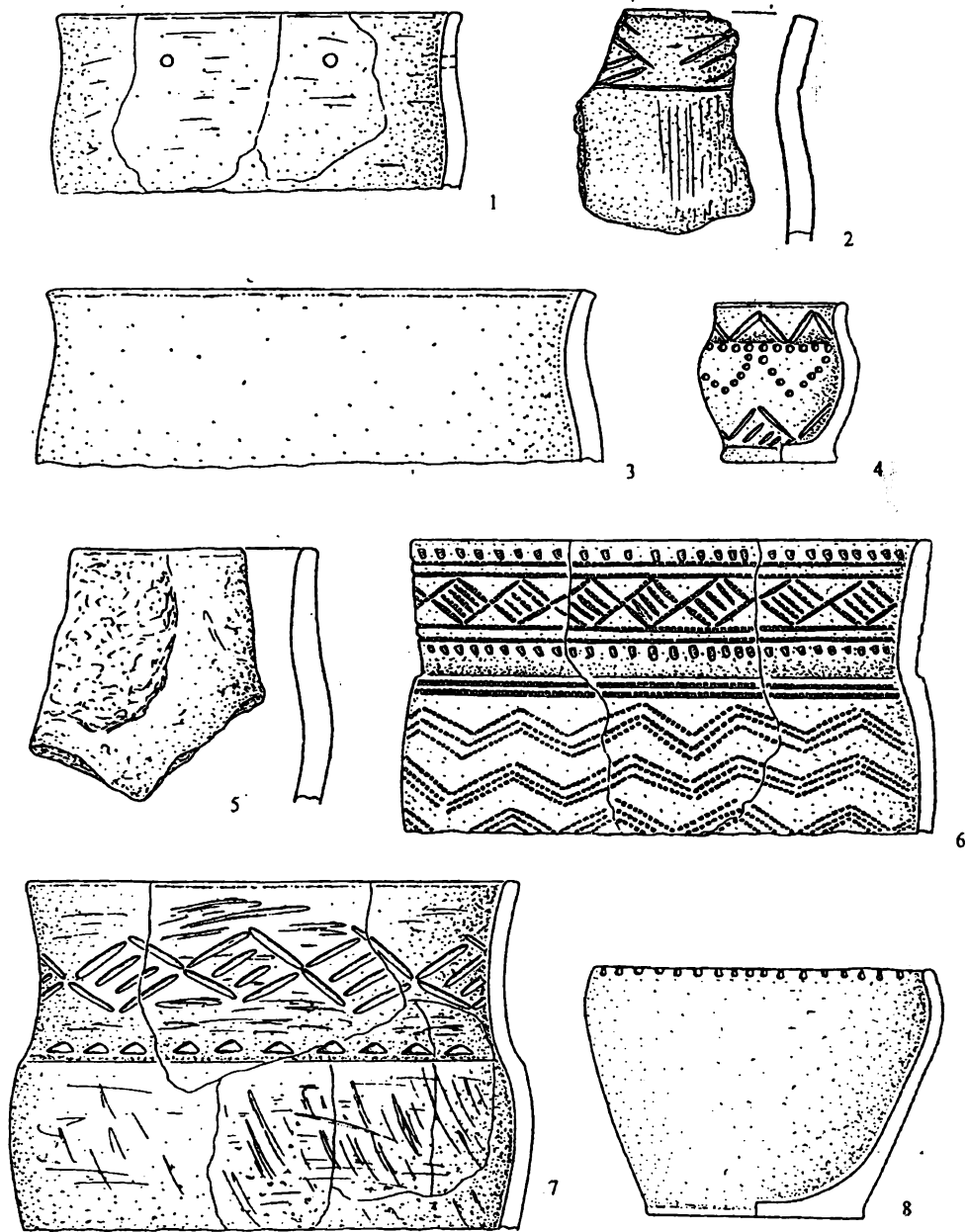

Рис. 8. Поселение Лебяжье VI. Керамика с межжилищной территории

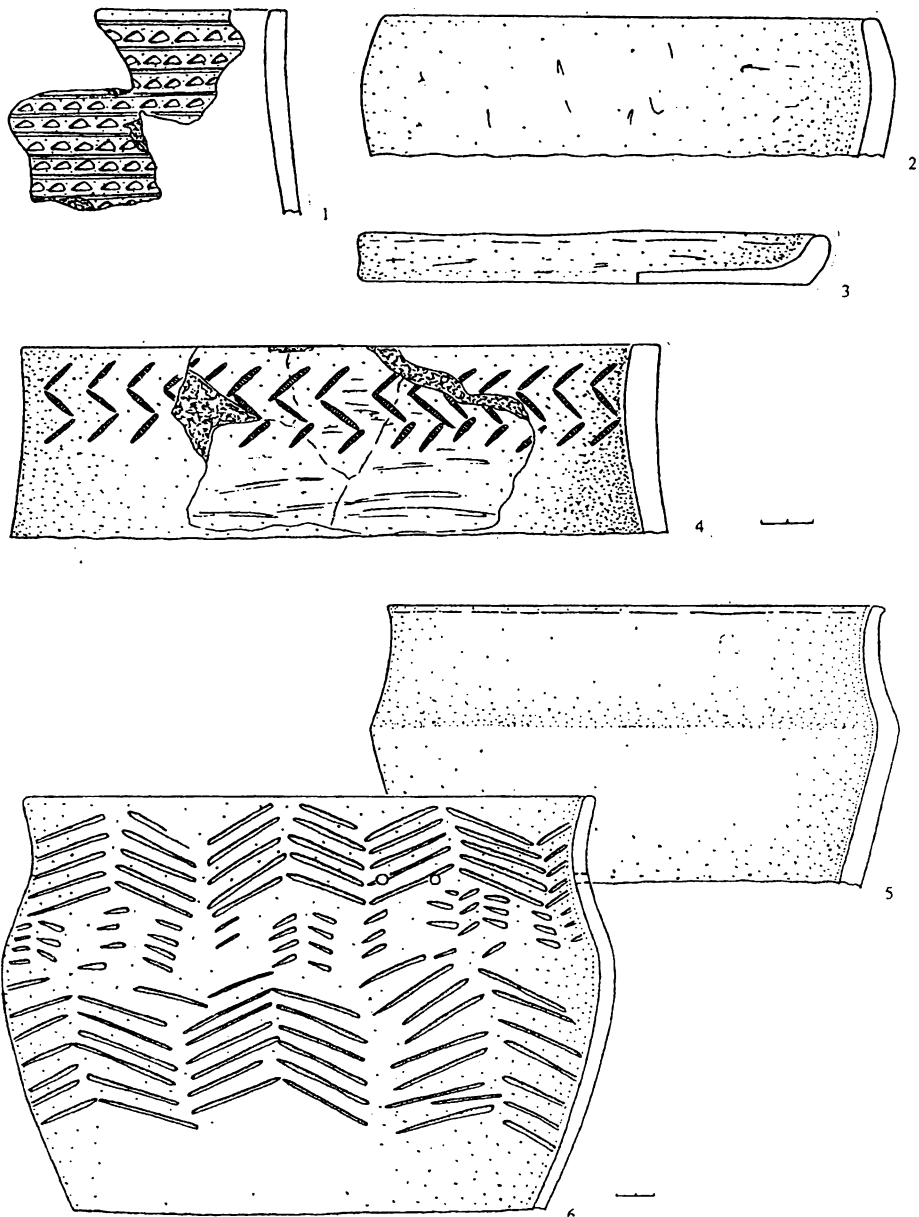

Рис. 9. Поселение Лебяжье VI. Керамика с межжилищной территории

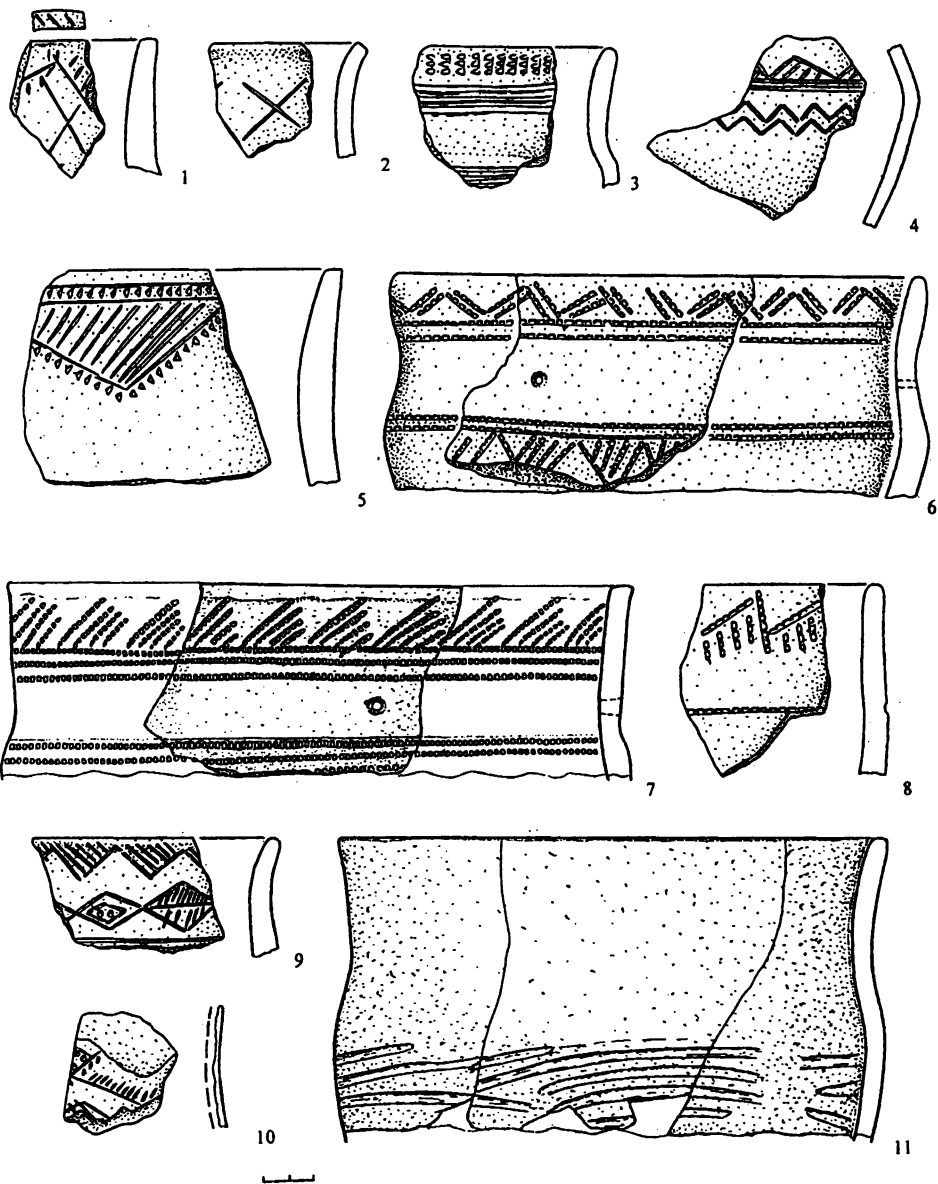

Рис. 10. Поселение Лебяжье VI. Керамика с межжилищной территории

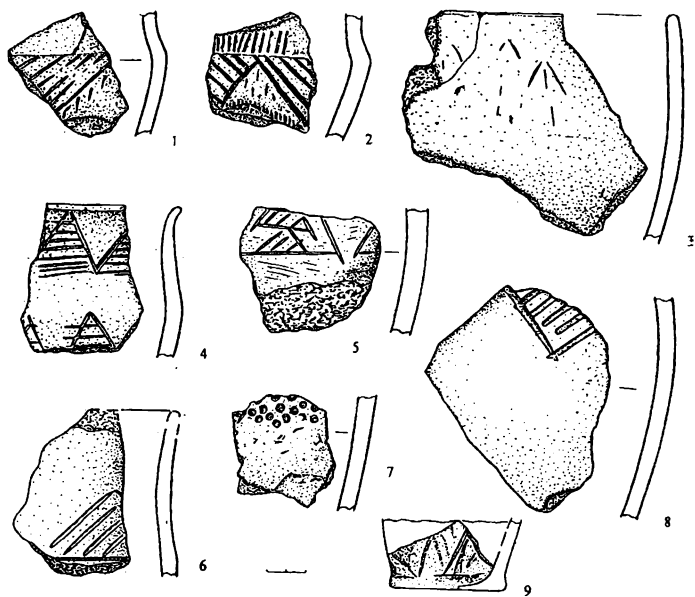

Рис. 11. Поселение Лебяжье VI. Керамика с межжилищной территории

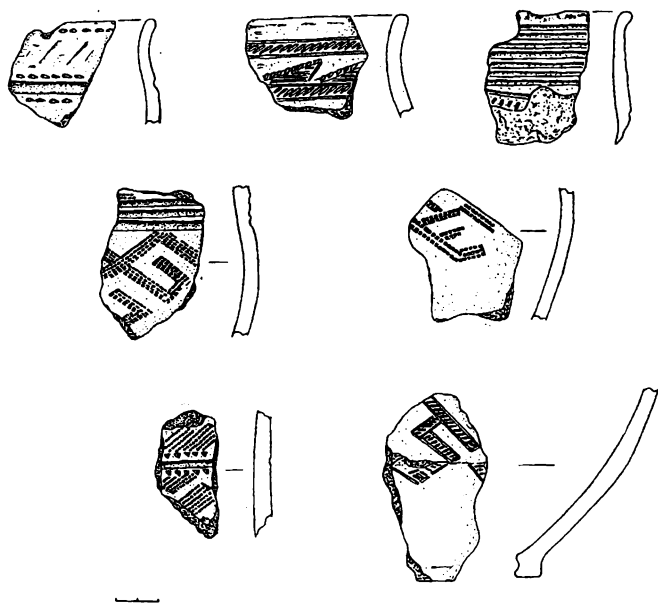

Рис. 12. Поселение Лебяжье VI. Керамика федоровского и черкаскульского типов

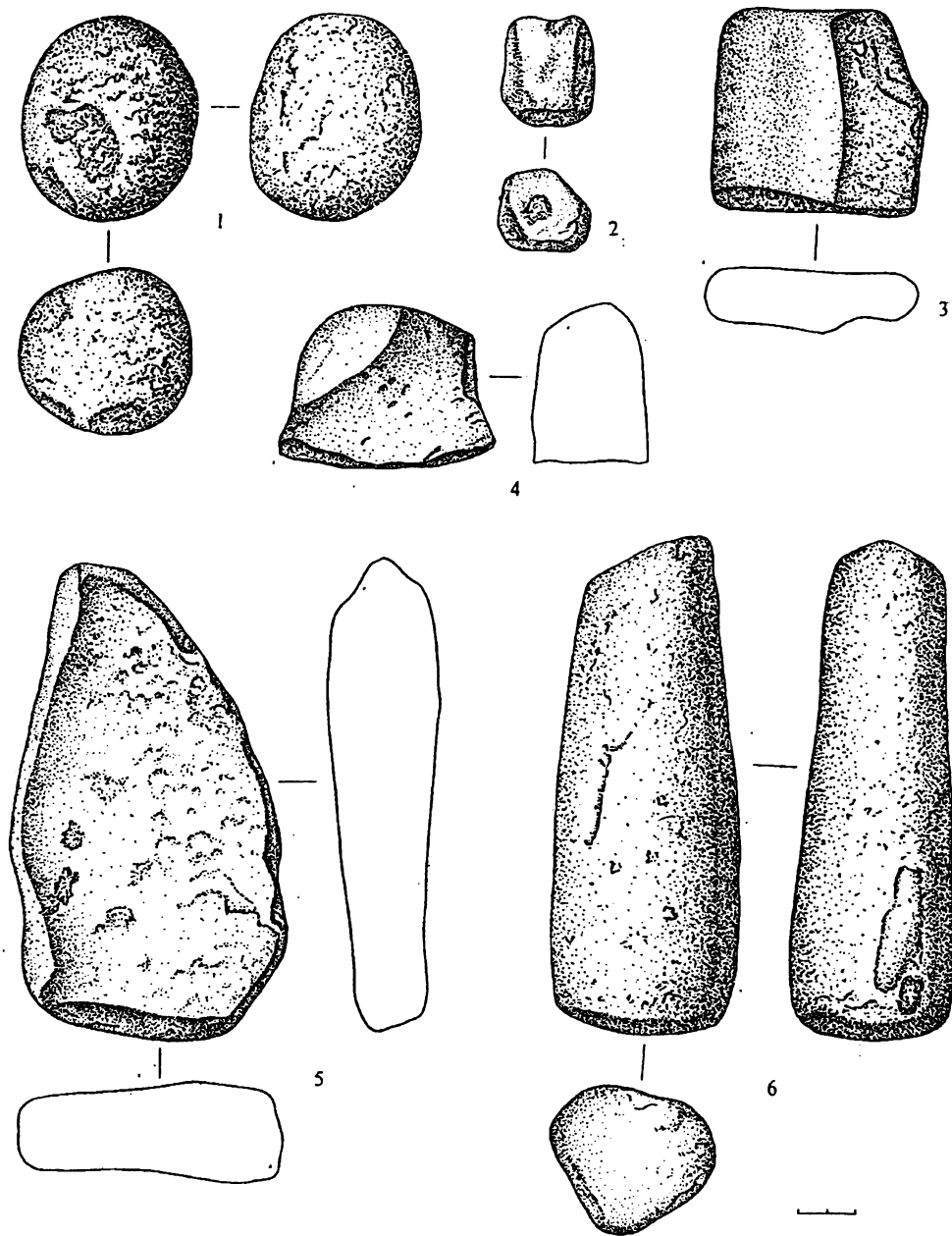

Рис. 13. Поселение Лебяжье VI. Изделия из камня

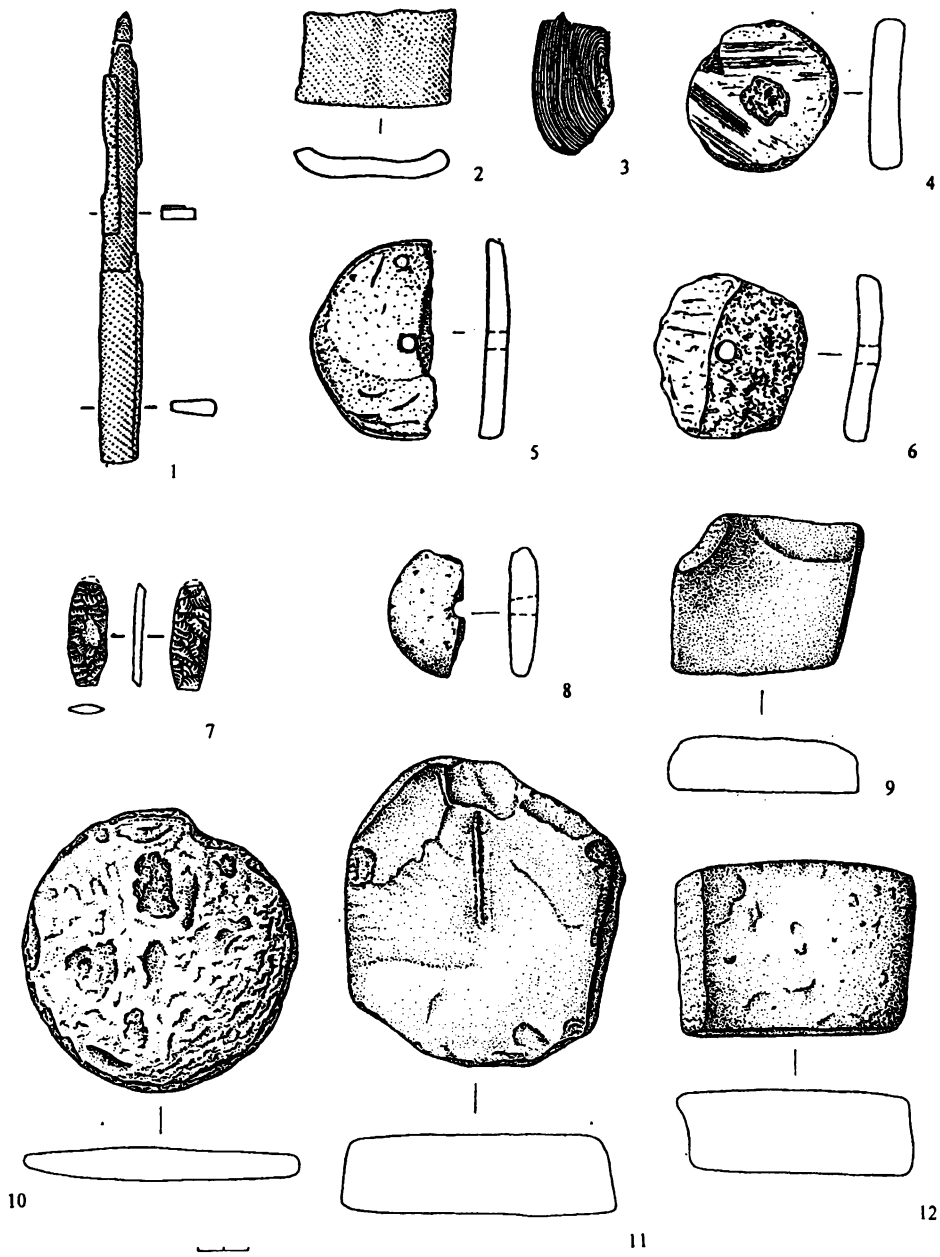

Рис. 14. Поселение Лебяжье VI. Вещевой инвентарь
 1, 2 — бронза; 3 — раковина, 4-6 — глина; 7-12 — камень

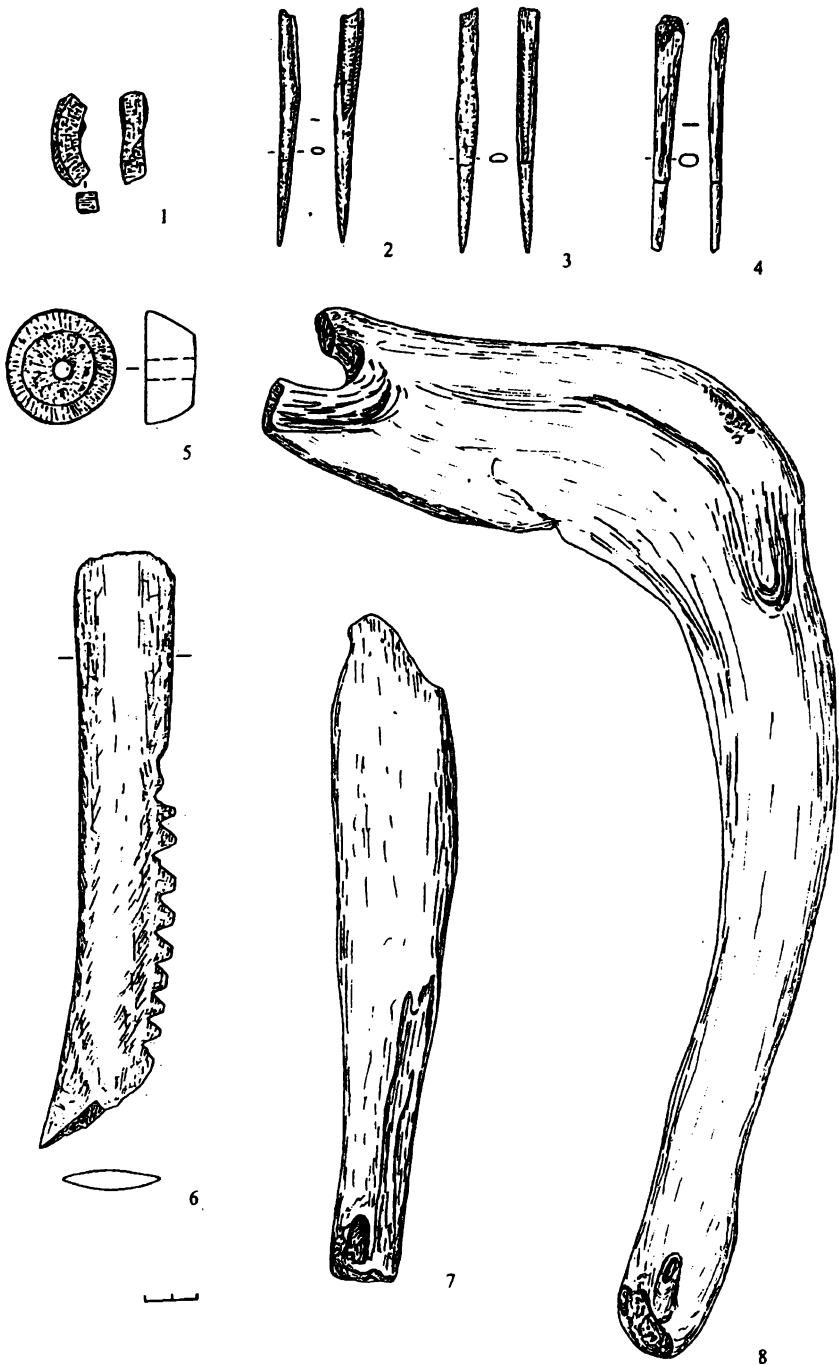

Рис. 15. Поселение Лебяжье VI. Изделия из кости

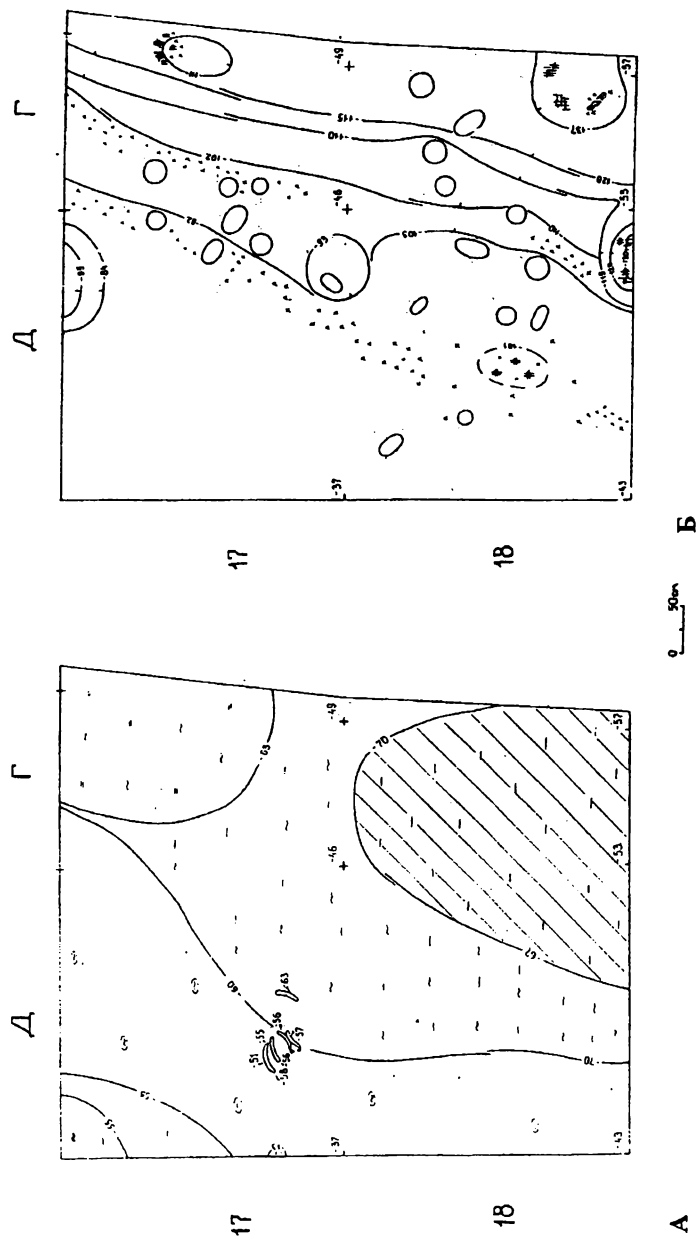

Рис. 16. Поселение Лебяжье VI. Место обнаружения бронзовых серпов
 А — зачистка на верхних очертаниях.
 Б — зачистка по материке

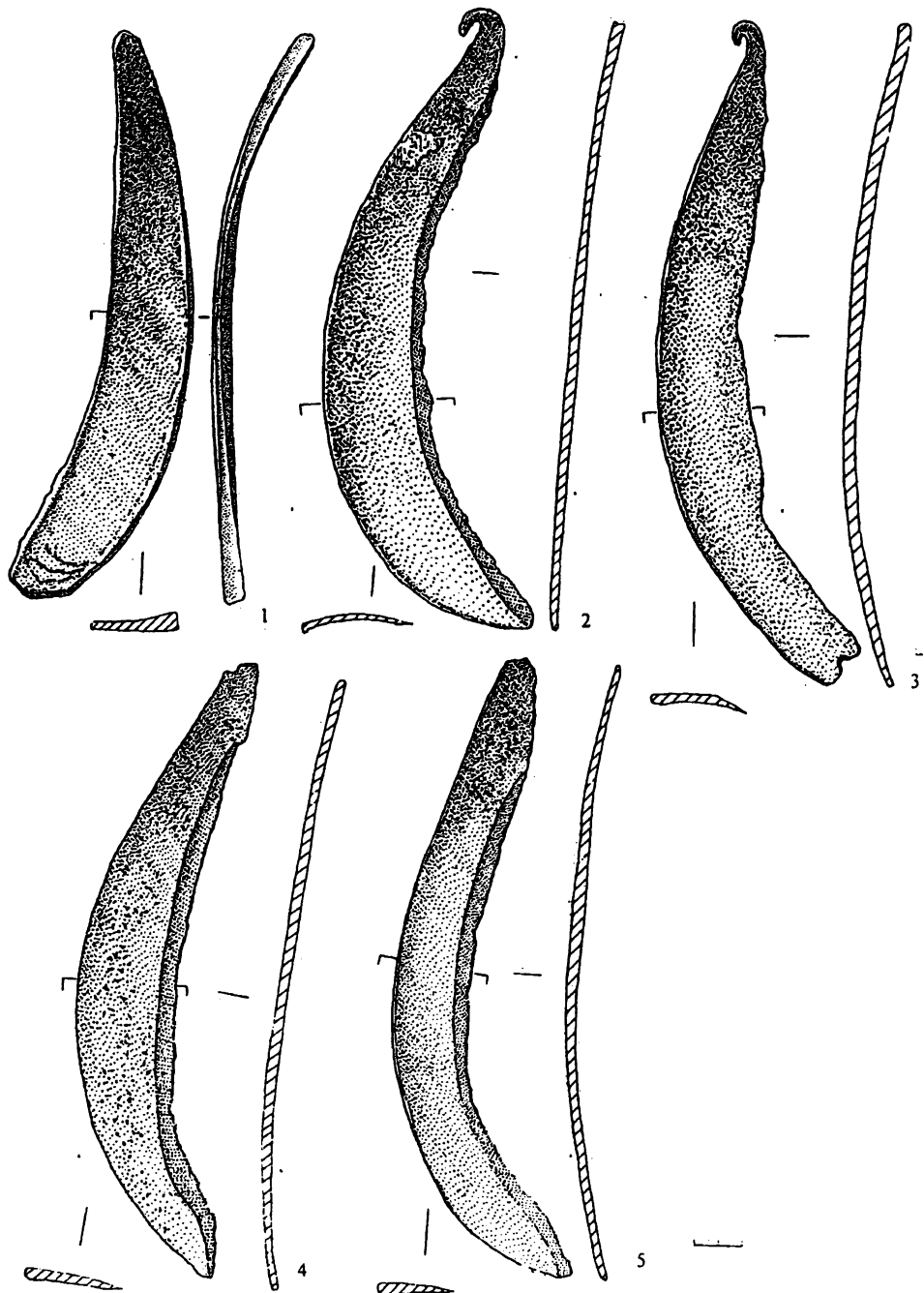

Рис. 17. Поселение Лебяжье VI. Бронзовые серпы

стратиграфическая позиции керамики срубной и алакульской линий развития одинаковы, а также имеются образцы смешанной посуды, то весь комплекс можно характеризовать как срубно-алакульский.

Помимо керамики срубно-алакульского облика, в культурном слое поселения и у кромки берегового обрыва найдено 7 фрагментов керамики, отнесенных к федоровской и черкаскульской культурам (рис. 12). Однако фрагментарность этой керамики не позволяет составить точного представления о ее признаках и стратиграфической позиции.

Коллекция каменных находок насчитывает 11 целых макроорудий. Среди них имеются абразивы, терочные плиты, плита-наковальня, пест, курант, плоский каменный кружок, обломок пряслица из талька (рис. 13; 14, 8–12). Кроме того, в состав коллекции входят орудия, имеющие микролитический облик: наконечник стрелы (рис. 14, 7), обломок нуклеуса, пластины и орудия на пластинах, концевой скребок и скребок на отщепе.

Глиняные предметы представлены пряслицами и заготовками под пряслица (рис. 14, 4–6).

Костяные орудия немногочисленны, но выразительны: тупики, чесало, пряслице, костяные шильца (рис. 15).

Комплекс металлических изделий включает бронзовую стамеску (рис. 14, 1), обломки бронзовых орудий и клад серпов, состоящий из пяти предметов. *Серп 1* (рис. 17, 1) — заготовка без следов вторичной обработки, имеющая сильную продольную кривизну. Длина изделия 23 см, наибольшая ширина — 3,9 см, ширина сечения — 0,4 см. *Серпы 2 и 3* (рис. 17, 2, 3) имеют крюк для крепления рукояти. Длина изделия 26 см, наибольшая ширина 4,5 см, ширина сечения — 0,4 см. Серп 3 является, скорее всего, комбинированным изделием (серп-струг) или стругом. Средняя часть лезвия дополнительно подработана, в результате чего все лезвие орудия можно условно разделить на три части. Особенностью орудия является левосторонняя заточка, а также выемка в носовой части. Длина изделия 28 см, наибольшая ширина 4 см, ширина сечения — 0,5 см. *Серпы 4 и 5* не имеют крюков. По форме серп 4 (рис. 17, 4) близок серпам 2 и 3, имеет длину 26 см, ширину 4,4 см, ширину сечения — 0,3–0,4 см. Серп 5 (рис. 17, 5) — более тонкий, его длина 26,3 см, наибольшая ширина — 3,3 см, ширина сечения — 0,3 см.

В культурном слое поселения собрано большое количество остеологических остатков, результаты определения которых приведены в таблице².

Таблица 1

Состав фауны поселения Лебяжье VI

Систематическая принадлежность	Количество	
	костей	особей
1	2	3
Лошадь	93	24
Крупный рогатый скот	808	98
Мелкий рогатый скот	565	62

² Определения выполнены Л.Л. Гайдученко.

1	2	3
Овца (отдельно)	402	47
Коза (отдельно)	12	11
Собака	6	6
Большой тушканчик	1	1
Бобр речной	1	1
Волк	2	2
Кулан	2	2
Кабан	3	2
Сайга	2	2
Птица	2	2
Лебедь	1	1
Рыба (семейство карповые)	1	1
Щука	1	1
Линь	3	1
Перловица	3	2
Катушка малая	2	2
Неопределимые остатки	2403	—
Всего определимых остатков	1910	—

Признаков многослойности на вскрытом участке поселения зафиксировано не было. Архитектура жилых сооружений близка и соответствует традиционному типу дома, распространенному в эпоху бронзы на территории евразийских степей и названному Е.Е.Кузьминой срубно-андроновским (Кузьмина Е.Е., 1988, с. 36–39). В керамике сочетаются различные традиции, объединенные в две ведущие линии развития: срубную и алакульскую. Обе линии представлены комплексами, сохраняющими свои характерные признаки, в которых имеются и ранние образцы. Посуда со смешанными чертами малочисленна. Одновременное существование обеих групп керамики подтверждается планиграфическими и стратиграфическими данными.

В комплексе металлических изделий, согласно типологии Е.Н.Черных, серпы 2 и 3 могут быть отнесены к серпам крюкастым срубного типа (Черных Е.Н., 1970, с. 62–63, рис. 53, 54). Центр ареала распространения таких серпов находился в Поволжье и Приуралье. Однако серп 3 имеет своеобразную деталь — выемку в носовой части, что не характерно для срубных серпов. Форма и отсутствие крюка у серпа 5 сближает его с андроновскими изделиями (Черных Е.Н., 1970, с. 63–64, рис. 54).

Таким образом, материалы раскопок отражают единый культурно-хронологический пласт в истории поселения, который определяется нами как срубно-алакульский. Существование зоны контактов срубных и алакульских племен на территории Южного Урала и Приуралья постоянно отмечается исследователями (Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992, с. 144–146 и другие). Поселение Лебяжье VI может быть отнесено к кругу памятников, сочетающих традиции обеих этих культур, а его материалы использованы для дальнейшей разработки срубно-алакульской проблематики.

Библиографический список

1. Бельтикова Г.В. Исследование на поселении Дружный I // АО — 1979. М., 1980.
2. Виноградов Н.Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. Вып. 169, 1982.
3. Виноградов Н.Б., Зданович Г.Б. Исследования Кулевчинского комплекса эпохи бронзы // АО — 1979. М., 1980.
4. Виноградов Н.Б., Зданович Г.Б. Первый памятник петровского типа на Южном Урале // АО — 1978. М., 1979.
5. Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону // КСИ-ИМК. Вып. 50, 1953.
6. Днепров С.А., Еремеев В.Т., Кернер В.Ф. Коноркин В.М., Маслобоева Н.М., Шорин А.Ф. Работы в зоне Варненской оросительной системы // АО — 1977. М., 1978.
7. Днепров С.А., Коноркин В.М., Шорин А.Ф. Раскопки поселения Дружный I в Челябинской области // АО — 1978. М., 1979.
8. Кузьмина Е.Е. Две зоны развития домостроительных традиций в старом свете // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск., 1988.
9. Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992.
10. Рутто Н.Г. К вопросу о срубно-алакульских контактах // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.
11. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
12. Сорокин В.С. Жилища поселения Тасты-Бутак // КСИА. Вып. 91, 1962.
13. Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
14. Хабдуллина М.К., Виноградов Н.Б., Зданович С.Я. Исследования на реке Берсуат // АО — 1977. М., 1978.
15. Чемякин Ю.П. Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири. Томск, 1974.
16. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.

ПОСЕЛЕНИЕ КИЗИЛЬСКОЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА РЕКЕ УРАЛ (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.)

Поселение Кизильское и Кизильский курганный могильник, расположенный в 100 м севернее поселения, открыты в ходе полевых исследований археологического отряда под руководством автора статьи в 1968 г. по плану ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР (Стоколос В.С., 1968). В настоящей статье излагаются результаты полевых исследований на поселении. Раскопкам курганного могильника посвящена отдельная статья в этом же сборнике.

Поселение Кизильское находится на территории Кизильского р-на Челябинской обл., в 3 км юго-восточнее с.Кизильское, на берегу высокой старицы правого берега р.Урал (рис. 1). Памятник состоит из одиннадцати жилищных впадин подпрямоугольных и округлых очертаний (глуб. 20-40 см); одна из них под № 5 необычной формы и выглядит в виде блока из трех камер (глуб. 30-100 см). Площадка поселения примыкает к бровке двухметровой террасы, окружена с трех сторон подковообразным в плане, слабо заметным земляным валом, концами выходящим к бровке террасы. Видимо, земляная масса вала включала и каменный материал, прослеженный на юго-восточном конце вала. Наличие культурного слоя на памятнике установлено данными разведочного шурфа рядом с жилищной впадиной № 2 в виде обильной золы, костей животных, обломков глиняной посуды. Стационарные раскопки на памятнике велись (под руководством автора статьи) в 1971, 1980 и 1981 гг. тремя раскопами, заложенными в трех пунктах: на северной, южной окраинах, а также в центральной части памятника — раскопы I, II, III, соответствующие жилищным впадинам № 1, 4, 10. Отдельно по межжилищной территории в сторону вала, с пересечением данного объекта, была проложена траншея с целью выяснения связи ограждений с самим поселением. С этой же целью вдоль напольной стороны вала было выполнено 11 разведочных шурфов. Результат однозначен. Вал и ров были составной частью поселения, связаны с ним изначально. Об этом свидетельствуют полное отсутствие культурных отложений в 10 из 11 шурфов, а также на крайнем (с напольной стороны) участке траншеи и редкие материальные остатки на участках траншеи, примыкающих к валу внутри поселения. Об этом же свидетельствует и расположение группы жилищ № 1-3, 6, 7, подчиненное абрису ограждающего поселение вала (рис. 1).

Вещевой инвентарь, полученный из раскопов, имеет между собою много общего и в то же время определенные отличия, касающиеся как самого его облика и состава, так и характера размещения по горизонтали и глубине залегания. Целесообразно поэтому полученные материальные остатки рассмотреть отдельно по каждому раскопу, классифицируя их, в основном керамику, с ориентировкой на уже известные керамические типы эпохи бронзы Урала и прилегающих территорий.

Раскоп I (площадь 172 кв.м) разбит на жилищной впадине №1. Разборка заполнения раскопа велась условными горизонтами (15-20 см) с фиксацией мате-

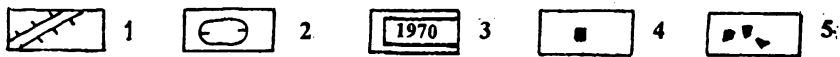
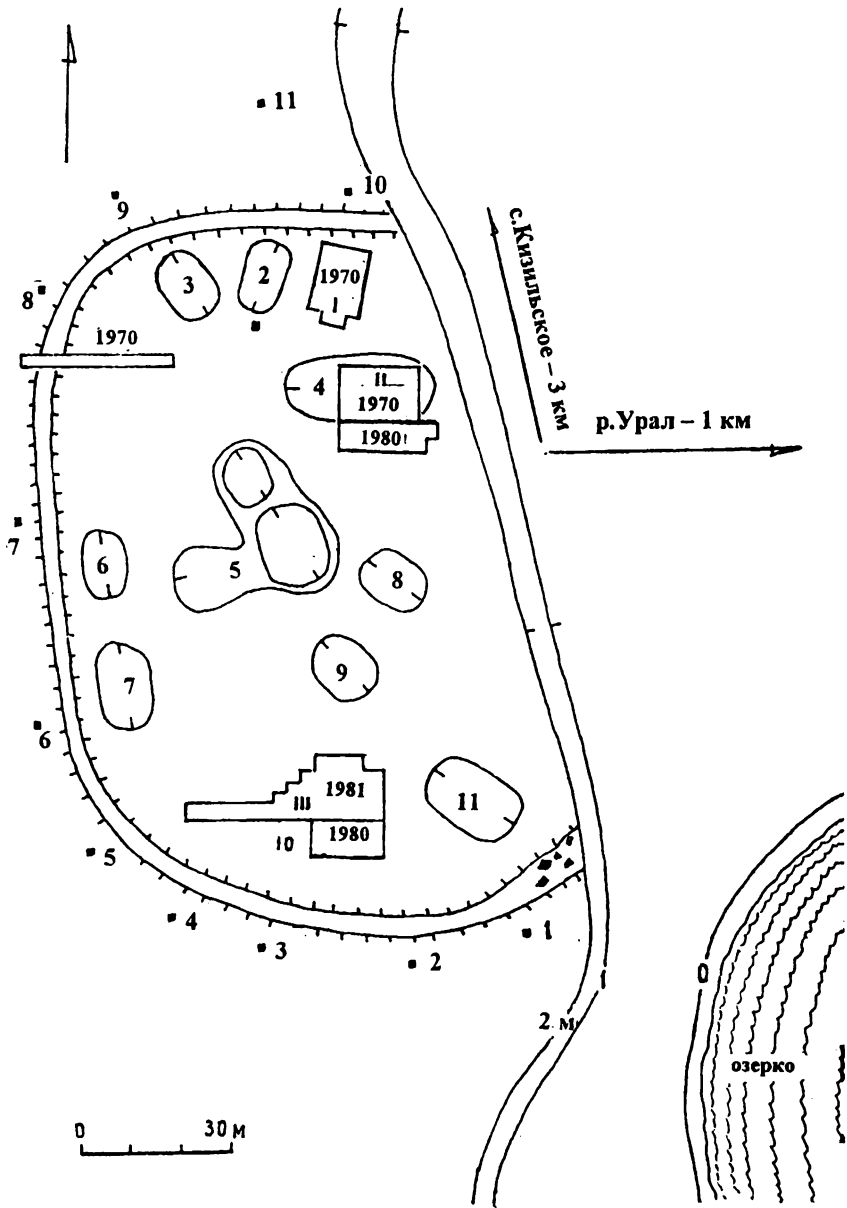

Рис. 1. Поселение Кизильское. План памятника

1 — земляной вал; 2 — жилищная впадина; 3 — раскоп с указанием года производства; 4 — шурф; 5 — камни

риалов по площади и глубине залегания, оставлением контрольных бровок и т.д. По этому правилу выполнялись и остальные раскопы.

Стратиграфия раскопа I в целом одинаковая, несложная. Под дерном (8-10 см), залегают слои темной (черной) гумусированной супеси (рис. 2, II), в ряде мест пропитанной различной интенсивности зольной массой — от слабой зольности (3) до сильной, представляющей практически слой чистой золы (6) с незначительным включением почвы (супеси). Жилищный котлован обозначился на уровне второго горизонта в виде темной гумусированной массы заполнения, выделявшейся на более светлом окружающем фоне. Котлован подпрямоугольной формы был врезан в материк на 20-40 см, стенки крутые; восточная стенка на уч. 4/V имела непонятный разрыв (нишу?), уходящий за пределы раскопа. Вне раскопа осталась северная часть котлована жилища с канавообразным выходом, начало которого выявлено в северо-западном углу по заметному понижению (до 30 см) пола жилища (рис. 2, 1). В полу жилища выявлено 48 столбовых ямок и две ямки у южной стенки за жилищем. Крупные углубления (А, Б, В). Яма А — диаметр устья 150, внизу — 70 см, глубина 120 см, дно плоское. Яма Б (колодец); диаметр устья 2,4x2 м, на глубине 160 см сужается до 110 см (рис. 2, I, II, III); дальнейшая расчистка была остановлена из-за выступившей воды. Пол вокруг колодца понижен (рис. 2, II), вероятно, в ходе вытаптывания поверхности в процессе пользования колодцем. Яма В — диаметр 60 см, глуб. 45 см была заполнена золой, костями животных, развалами сосудов. В юго-восточном углу выявлен обширный сильно прокаленный участок пола жилища сегментовидной формы длиной около 2 м, максимальной шириной 0,8 м. Второй прокаленный участок (170x80 см) подовальной формы выявлен на материке вне жилища, у южной стенки (рис. 2). Существование очага на этом месте вполне вероятно. Относительно идентификации прокаленного участка с очагом в самом жилище — сомнительно, имея в виду его близость к стенке постройки.

Жилище (полуземлянка) имело столбовую конструкцию с вероятным выходом в северной (торцовой) стенке, где выявлены его признаки в виде пониженного участка (ложбинки) пола. Продольное размещение столбовых ямок¹ соответствует устройству двухскатной крыши. Скаты крыши были асимметричными (разной ширины) по причине смещения продольного ряда столбов к восточной стенке. Последнее могло произойти от очередности выполняемых работ: котлован, колодец и хозяйственные ямы, а затем столбы, продольный ряд из которых не мог пройти по оси симметрии котлована из-за вырытых на этой линии колодца и хозяйственной ямы. Самые глубокие (капитальные) столбовые ямки образуют основу продольного ряда и его ответвления к западной стенке; последний отгораживает колодец в центре жилища от входа в северо-западном углу постройки. Видимо, этим же обстоятельством вызвано также «искривление» длинного ряда капитальных столбов в сторону входа на уч. III/1, 2. Западный (широкий) скат крыши своим западным краем опирался на ряд столбов вдоль стенки; часть из них нами, видимо, не прослежена. Край восточного ската опирался непосредственно на поверхность земли; столбовых ямок здесь не обнаружено.

Вещевой материал. На раскопе собрано 548 обломков сосудов, 6 каменных отщепов; из них 4 из яшмовидной породы и 2 хрустальных, 1 обломок шлака, кости животных: лошади, парнокопытных².

¹ Ямки, заштрихованные полностью (см. план) — глуб. 40-50, наполовину — глуб. 28-39, отмеченные штрихом — 20-27 см, остальные ямки более мелкие.

² Специальные определения костного материала не производились.

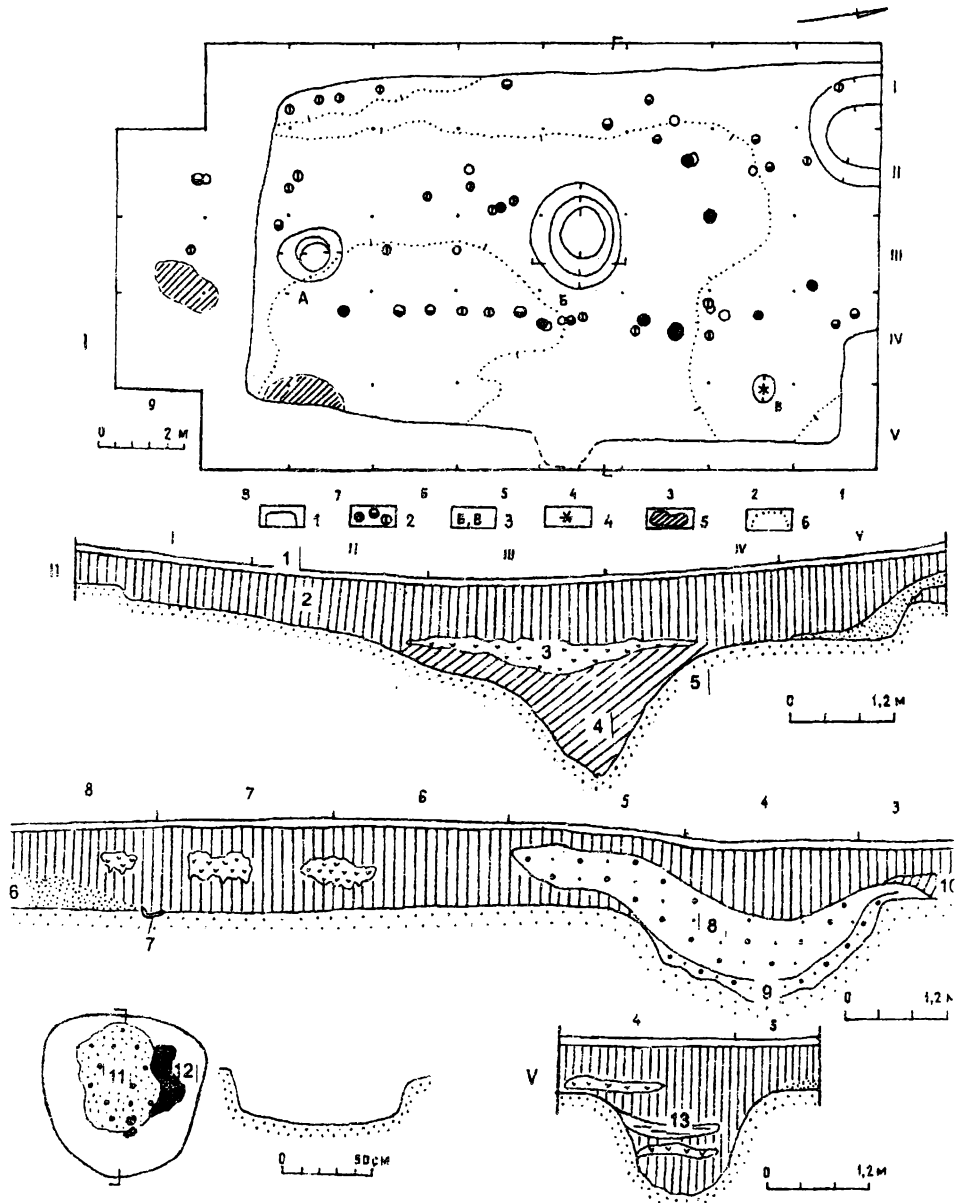

Рис. 2. Поселение Кизильское

I — жилище № 1, план раскопа; *II* — жилище № 1, профиль бровки по линии I-V; *III* — траншея; профиль южной стенки на участке 8-3; *IV* — план и разрез ямы плавильной печи на уч. 11 траншеи; *V* — профиль колодца (Б) на уч. 4, 5. Условные обозначения; на плане: 1 — контур жилищного котлована; 2 — столбовые ямки; 3 — крупные углубления; 4 — развал сосудов; 5 — прокол; 6 — граница зольной массы в заполнении котлована; на профилях: 1 — дерн; 2 — темная (черная) гумусированная супесь; 3 — золистость; 4 — серая супесь; 5 — материк; 6 — зола; 7 — челюсть животного; 8 — темно-серая супесь с песком и мелким галечником; 9 — песок с углями и сажей; 10 — темно-серая супесь; 11 — угли, зола; 12 — прокол; 13 — глинистая масса

Из общего количества обломков сосудов (548) 328 с орнаментом и без него с большей или меньшей степенью достоверности отнесены к различным керамическим типам. Остальные обломки сосудов определению не подлежат. Орнамент бедный, сосредоточен по шейке сосуда, редко переходит на верхнюю полосу тулова. Далее вплоть до дна и на самом дне орнамента нет. На остальных раскопах керамика выглядит подобным образом. По сочетанию различных признаков формы и орнамента на раскопе 1 выделено семь групп керамики.

Таблица 1

Группы	1	2	3	4	5	6	7
	межовская	срубная	алакульская	срубно-алакульская	федоровская	воротничково-валиковая	абашевская
шейки	32	20	11	7	2	4	1
стенки	101	69	53	15	11	42	1
тальк	72	—	4	—	4	—	—
песок	47	89	60	22	9	46	1
раковина	11	—	2	—	—	—	—
лощение	3	—	3	—	2	2	—

Группа 1. Сосуды горшечной формы с плавной профилировкой, приземистые, высокой шейкой, закругленным, реже отогнутым венчиком. В глиняном тесте преобладает примесь мелко дробленого талька, на втором месте песок и редко раковина. Стенки тщательно заглажены, иногда подлощены (Табл. 1). На шейке двух сосудов отмечен формованный полусферический в профиле валик (рис. 3, 4). В орнаментальных схемах широко использовались каннелюры, обрамляющие (разделяющие) полосы из треугольников, треугольных фестонов, угольковых вдавлений, ломанных заштрихованных полос в один-три яруса (рис. 3, 4, 5, 8). Последние обычно составляли нижний пояс орнаментального поля. Единично вместо этих полос наносились меандровые фигуры (рис. 3, 10), наклонные заштрихованные полосы, разделенные желобками (рис. 3, 3а). Гребенчатая техника нанесения орнамента доминирует, резная — эпизодически. Часто оттиски гребенки очень мелки (рис. 3, 8) и больше напоминают резные линии. На трех сосудах орнамент состоит исключительно из вертикальной елки, выполненной гребенкой, а также и прочерченными линиями. По форме сосудов и набору орнаментальных средств, каннелированию керамика группы 1 родственна черкаскульской. Однако обедненный орнамент — эпизодическое использование меандровых мотивов, отсутствие решетчатых элементов, ромбических и т.д., сближает группу 1 с посудой межовского типа с эпонимного поселения Межовское (Сальников К.В., 1964, с.5-23) и других аналогичных памятников (Стоколос В.С., 1972, рис. 27).

Группа 2. Сосуды баночной формы, прямостенные или слабопрофилированные; стенки толстые, часто с обеих или одной стороны покрыты зубчатой штрихов-

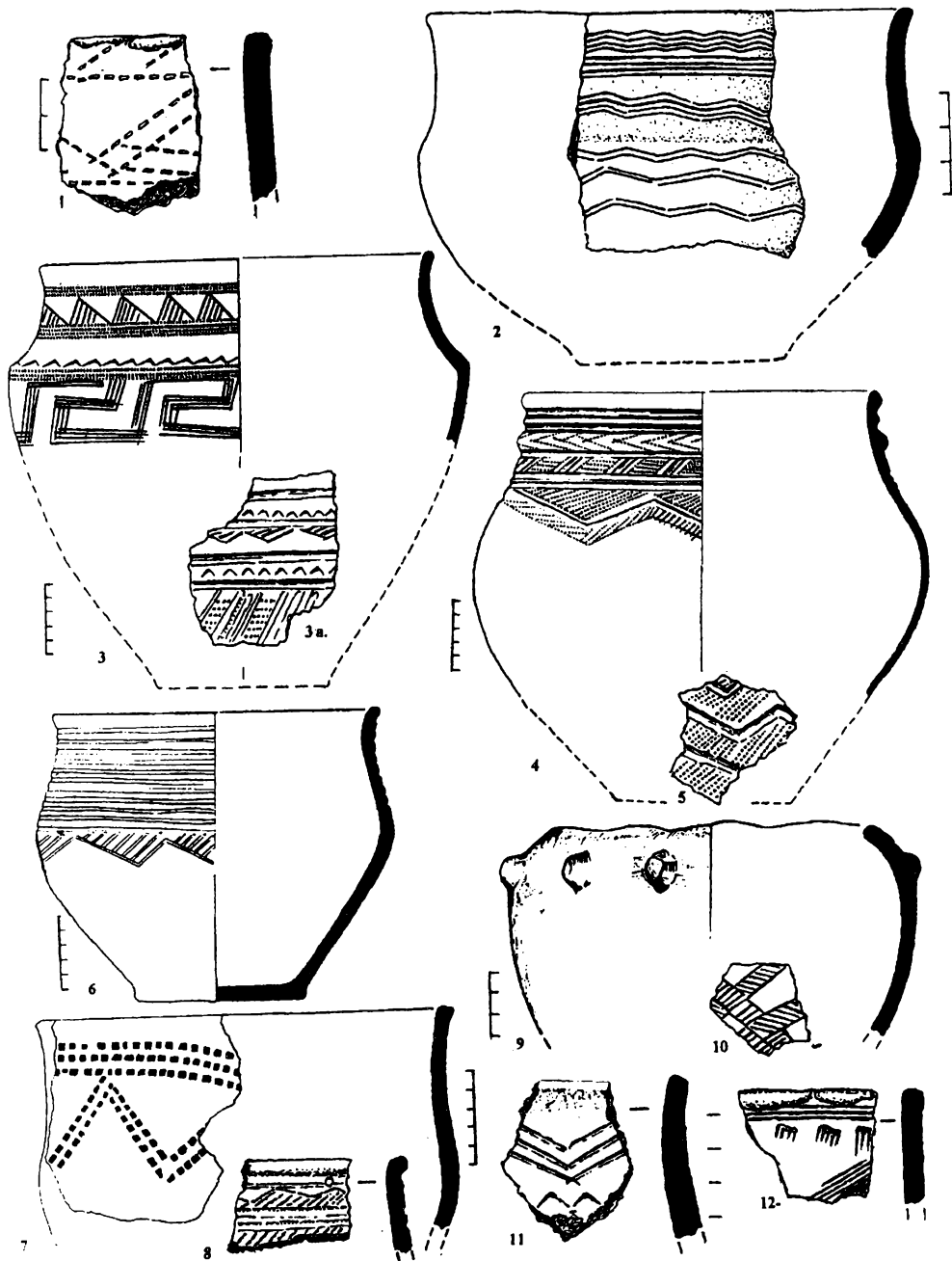

Рис. 3. Поселение Кизильское. Керамика
2 — раскоп III; остальное раскоп I

кой, венчик плоский, иногда с наплывом по внешнему краю, изредка профиль венчика закруглен. Глиняное тесто с примесью песка, формовка тщательная. Орнамент бедный, сосредоточен в верхней части сосуда; состоит из полос наклонных резных или гребенчатых отпечатков, прямых линий, зигзагов резных или с использованием крупнозубчатого штампа (рис. 3, 1). Выделяется один сосуд с сильно выпуклым туловом (бомбовидный), волнистым краем, закругленным венчиком; стенки тщательно заглажены. Орнаментирован сосуд крупными редко расставленными наклепными шишками (рис. 3, 9).

Керамика группы 2 аналогична срубной на позднем этапе развития этой культуры, характерным обеднением орнамента (из 20 сосудов группы 12 не орнаментированы), доминированием баночных форм над ребристыми; на раскопе I последние не встречены. Своеобразные сосуды с наклепными шишками изредка встречаются на позднесрубных памятниках к западу от Урала, в частности, Кобяково, на Дону (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 105, рис. 24, 7). Единично аналогичный сосуд с наклепами встречен на Алексеевском поселении позднебронзового века в Северном Казахстане (Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис.55) и др.

Группа 3. Сосуды баночной и горшечной формы. Горшки средних размеров, высокой шейкой, закругленным венчиком, слегка ребристым, округлым или уступчатым профилем. Сосуды выделяются тщательной выделкой, тонкостенны. Большинство сосудов (7 из 11) не орнаментированы, остальные украшены бедно прямыми линиями, зигзагами, наклонными отпечатками штампа. Выделяется один крупный сосуд, наружная поверхность которого покрыта рядами заштрихованных треугольников, угловых вдавлений, прямых линий по шейке и сложным прямоугольным меандром ниже плеча, выполненный небрежно прочерчиванием (рис. 3, 3). У баночных сосудов стенки более толстые, венчик менее закруглен, иногда с наплывом с наружной стороны. Орнамент из прямых и ломанных полос, оттисков штампа, выполненный протаскиванием гребенчатого штампа (рис. 3, 12). Все перечисленные признаки характеризуют данную группу керамики как алакульскую, утратившую уже, однако, богатейший арсенал орнаментальных средств, присущий алакулю предшествующего периода времени.

Группа 4. Сосуды горшечно-баночные со смешанными срубными и алакульскими чертами. Они слабо профилированы, имеют высокую шейку, тонкие стенки (т.е. алакульские черты), но часто плоский венчик, иногда скошенный наружу, более толстые стенки — срубные черты. Орнамент из прямых линий и зигзагов, выполненный крупнозубым штампом, вкупе с высокой шейкой сосуда и с плоским венчиком (рис. 3, 7) можно считать образчиком срубно-алакульской посуды. Таков же слегка профилированный сосуд, с высокой шейкой, плоским венчиком, утолщенными стенками и орнаментом из угловых вдавлений и резных зигзагов (рис. 3, 11).

Группа 5. Сосуды горшечной формы средних размеров, умеренно профилированные, с высокой шейкой, округлым венчиком. Оба сосуда этой группы орнаментированы одинаково — узкими каннелюрами по всей шейке от венчика до плеча, и снизу полоса резных треугольников (рис. 3, 6). Сосуды тщательно сформованы, тонкостенны. Густо каннелированная посуда по шейке с переходом на тулово сосуда нередко входит в состав федоровских керамических комплексов Южного Зауралья (Сальников К.В., 1940, с. 63, табл. 1,1; Сорокин В.С., 1966, табл. VI, 3; VII, 14).

Группа 6. Сосуды горшечно-баночные средних и крупных размеров, вытянутые, слабо профилированы, толстостенные, стенки тщательно заглажены. Внешняя

поверхность сосудов густо-черного цвета. По оформлению края сосудов валиками или воротничками данная группа отнесена к воротничково-валиковой, резко отличной от прочих групп поселения. Однако, поскольку есть сосуды только с воротничковым оформлением, а на других — только валики, целесообразно в группе различать подгруппы: а) валиковая, б) воротничковая. К первой принадлежит сосуд с крупным формованным валиком, рассеченным глубокими нарезками (рис. 11, 8), к подгруппе б) относятся три воротничковых сосуда с орнаментом по шейке в виде косой сетки, выполненной тонкой лопаточкой, оставляющей слабые следы, имитирующие негативы зубцов гребенчатого штампа (рис. 11, 9); на прочих обломках сосудов орнамент неразличим.

Ближайшие аналогии, хотя и не полные, группе б в целом есть на позднебронзовых поселениях Северного Казахстана типа Саргары; сформованные валики на сосудах без прочего орнамента, кососеточный узор в основании шейки (Зданович С.Я., 1984, с. 88-95, рис. 5). В принципе, группа б как воротничково-валиковая не чужда алексеевской с эпонимного Алексеевского поселения, а также Садчиковского на Тоболе (Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 15; 25, 2; 1951, с. 163, рис. 13 и др.). Отдельные существенные элементы сходства получим, сравнивая нашу керамику с валиковой на поздних памятниках срубной культуры на территории от Урала до Волги и далее.

Группа 7. Представлена фрагментом одного сосуда горшечной формы, с выпуклым туловом (рис. 10, 3), треугольным скосом по внутреннему краю венчика. Сохранившаяся часть орнамента из горизонтальных прямых каннелюр по внешней поверхности, волнистых — по внутреннему краю сосуда, характерна для абашевской керамики, известной по южноуральским памятникам (Стоколос В.С., 1962, рис. 3, б; Сальников К.В., 1967, рис. 9-12). Некоторые абашевские сосуды, в частности, из курганов у Степного (Стоколос В.С., 1962, рис. 2, а), изготовлены из плотной глины без примесей (как и в данном случае), без традиционной для абашевской керамики раковинной примеси.

Интересно размещение различных групп посуды в раскопе I. На полу жилища, кв. IV, V/2, в яме В одной грудой залежали развалы межовского (рис. 3, 4), федоровского (рис. 3, 6) и срубного (рис. 3, 9) сосудов. Крупные обломки алакульского сосуда (рис. 3, 1) лежали на полу в кв. V/7. Крупная часть срубно-алакульского сосуда (рис. 3, 7) находилась также на полу в кв. III/6. Эти же керамические типы находились и вне жилища (рис. 3, 1, 3а, 5, 8, 10-12), залегая одинаково от верхнего до нижнего горизонтов. Фрагмент абашевского сосуда (группа 7) найден в первом горизонте — кв. II/1 над котлованом, его отношение к жилищу не совсем ясно и может быть выяснено при рассмотрении материалов с других раскопов поселения.

Местонахождения воротничково-валиковой керамики (группа б) приходится на первый горизонт раскопа. Ближайшие к котловану жилища находки обломков сосудов этой группы (рис. 11, 9) сделаны в кв. IV/8, шт. 1, т.е. за котлованом. Отсюда следует, что шестая керамическая группа, не залегавшая во всех горизонтах раскопа, а также на полу жилища, и только в одном горизонте — с жилищем не связана. Она отложилась на этом участке позднее, спустя время, после прекращения существования жилища №1.

Раскоп II разбит на крупной жилищной впадине №4. За два полевых сезона вскрыто 240 кв.м площади, большая часть жилища осталась нераскопанной. Стратиграфия в целом сходна с раскопом I. Верхний слой дерна (10-15 см) прикрывает

гумусированный темный (до черноты) слой, местами насыщенный в большей или меньшей мере золой. Порой линзы золы залегают в чистом виде без включения гумуса. Усложненными были отложения в крупных углублениях, вырытых в материке (рис. 4, I, II). Признаки жилищного котлована в раскопе не прослежены. Но существование постройки на этом месте бесспорно. На это указывают группа столбовых ямок в северной части раскопа и крупные углубления хозяйственного и иного назначения. У восточной стенки раскопа выявлены две ямы, краями уходящие за пределы раскопа. Яма А (диам. 130, глуб. 20 см) с двумя мелкими углублениями на дне. Яма Г (диам. 150, глуб. 120 см, имела плоское дно, крутые стенки) была врезана в более обширное мелкое углубление (рис. 4, I, II). Заполнение ям А, Г состояло из культурных остатков: черепков, костей животных, золы, металлургических шлаков (4 экз.). Более мелкие углубления: В (диам. 80, глуб. 25 см), Ж (38x45, глуб. 25 см), Б (90x80, глуб. 22 см), М (диам. 38, глуб. 40 см), Е (78x50, глуб. 35 см), Д (70x40, глуб. 15). В углублении В наблюдалось сильно прокаленное дно; без находок. В углублении Ж был обломок каменного песта, в углублении Б — обломок венчика сосуда, в углублении М — развал сосуда, в углублении Е — ноги теленка и костяное острие, в углублении И — фрагмент сосуда; остальные углубления пустые.

Выделяются самые крупные углубления Л, К. Углубление Л (рис. 4, Л), овальное в плане (диам. 3, глуб. 1 м), было заполнено гумусированной массой, золой, костями животных, черепками, редко камнями. Дно ямы имело сильный (2-3 см) прокол темно-красного цвета. Восточным бортом углубление Л слегка срезало стенку соседнего углубления К (колодец). Устье колодца имело размеры 4,5x3 м. Колодец расширен на глубину до 2 м. Появление воды не позволило вести расчистку дальше. До края колодец был заполнен грунтом серо-зеленого цвета, сырими и женными костями животных, черепками, кусочками обожженной глины. Позднее в районе устья засыпанного колодца была сооружена каменная вымостка (очажная?), отдельные камни из которой, видимо, попали в заполнение соседней ямы Л.

В раскопе 11 собрано около 20 экз. индивидуальных предметов и керамика. Остановимся вначале на керамике; собрано 1317 фрагментов сосудов, распределяющиеся на группы. Из них повторяются 6 групп первого раскопа, седьмая отсутствует, но прибавляется неизвестная до этого — группа 8.

Таблица 2

Группы	1	2	3	4	5	6	7	8
	межовская	срубная	алакульская	срубно-алакульская	федоровская	воротничково-валиковая.	абашевская	курмангау
венчик	36	30	29	8	2	8	—	2
стенки	48	11	17	4	2	89	—	15
тальк	30	—	4	—	2	—	—	—
песок	36	41	39	12	2	85	—	14
раковина	17	—	3	—	—	12	—	3
лошение	3	—	4	—	—	—	—	—

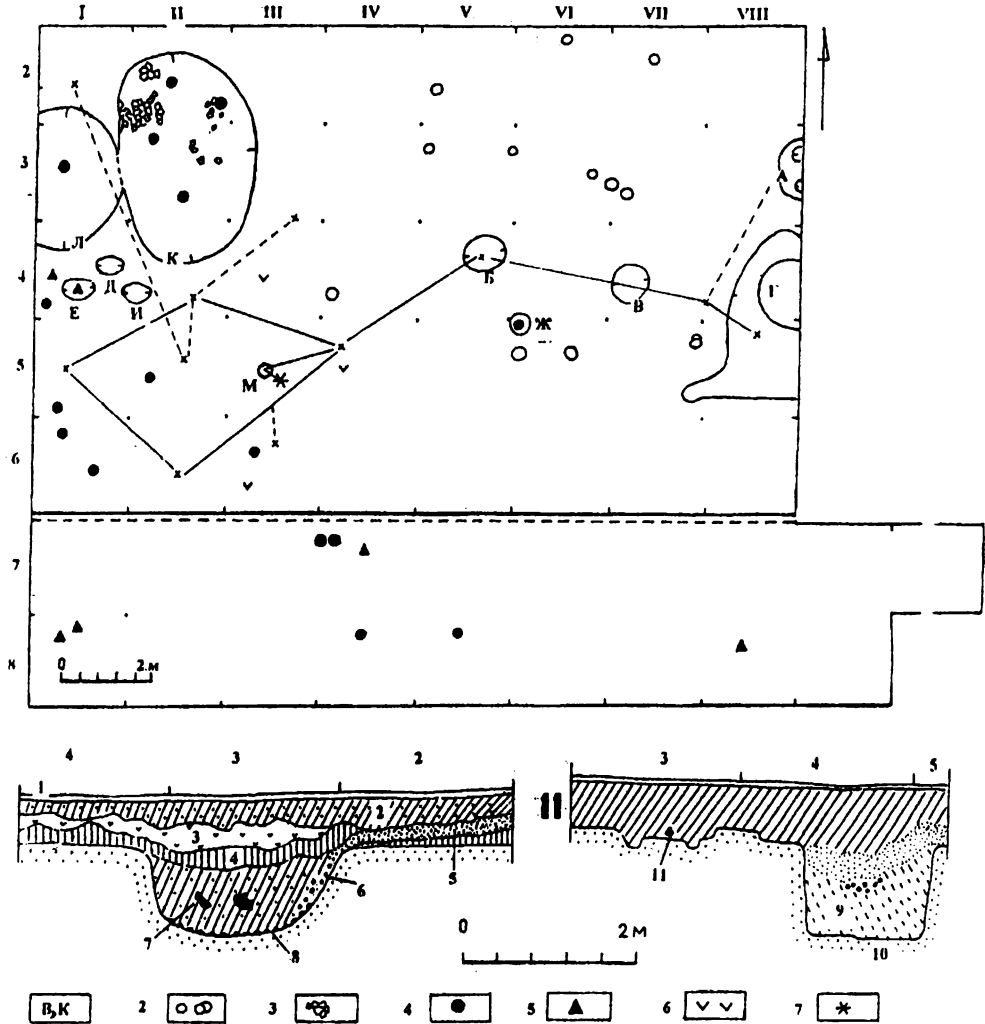

Рис. 4. Поселение Кизильское. Раскоп II, план

Условные обозначения: 1 — ямы, углубления; 2 — столбовые ямки; 3 — каменная вымостка; 4 — изделие из камня; 5 — костяной предмет; 6 — обл. каменного изделия; 7 — развал сосуда. Линией обозначен разброс фрагментов сосуда, пунктиром — фрагменты, вероятно, того же сосуда (рис. 7, 9). Профили: I — разрез ямы (Л) в западной стенке раскопа, уч. 3-2; II — профиль восточной стенки раскопа на уч. 3-5 (С-Ю); Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — темно-серый гумусированный слой с золой; 3 — золистость; 4 — темный (черный) гумусированный слой; 5 — зола; 6 — угли; 7 — камень; 8 — прокол; 9 — темный (черный) гумусированный слой; 10 — материк; 11 — сосуд

Группа 1. Сосуды горшечной формы средних и крупных (единично) размеров, с умеренно раздутым туловом, высокой шейкой, округлым венчиком, иногда отогнутым. Формовка тщательная, стенки аккуратно заглажены, иногда заметны подлощенные участки. Основной примесью в глиняном тесте были тальк и песок, редко раковина (табл. 2). В орнаментации высока роль каннелюр, непременно сочетающихся с другими мотивами — полосами треугольников, уголковых вдавлений, горизонтальными полосами из наклонных нарезок (рис. 6, 1, 2, 3; 9, 1), косо поставленными отрезками полос, выполненными гладкими нарезками. На тулово, под основанием шейки, наносились ряды овальных или треугольных вдавлений, ломанные заштрихованные полосы или просто двойной-тройной нарезной зигзаг (рис. 6, 1), косо поставленные полосы из гладких вдавлений (лесенка), разделенные каннелюрами (рис. 9, 1). Единично отмечена вертикальная гребенчатая елка на шейке с переходом на тулово. Также единично на тулове отмечен меандровый мотив, выполненный гребенкой по косой сетке (рис. 6, 3).

Керамика данной группы полностью соответствует группе 1 из раскопа I — межовская керамика.

Группа 2. Сосуды баночной формы, толстостенные, с плоским венчиком, стенки с обеих сторон тщательно заглажены и часто покрыты штриховой зачисткой. Стабильной примесью в глиняном тесте был песок. Орнамент бедный, резной, наносился в верхней части сосуда; 15 из 30 сосудов группы не орнаментированы. Мотивы орнамента: зигзаг, косые насечки, прямые прочерченные линии, редко — горизонтальные заштрихованные полосы, свисающие треугольники, заштрихованные прямоугольные фигуры (рис. 6, 4, б). По всем признакам данная группа идентична второй группе из раскопа I — срубная керамика.

Группа 3. Сосуды горшечно-баночные и банки с высокой шейкой, слабопрофилированные, с округлым венчиком, сравнительно тонкими стенками; часть сосудов имеет уступчатый профиль. Основная примесь в глиняном тесте — песок, редко тальк, эпизодически раковина. Сосуды тщательно сформованы, отмечено лощение поверхности. Орнамент бедный, сосредоточен по верхней части сосуда. По шейке наносились ряды косых гребенчатых оттисков, прямых и ломанных гребенчатых линий, заштрихованных треугольников (единично), многоярусных зигзагов — гребенчатых и резных, совмещенных с группами уголковых вдавлений (рис. 6, 7-11). По тулову — ряды наклонных оттисков гребенки, прямые и ломанные полосы из проташенной гребенки (рис. 6, 12). На грани шейки и уступчика единично отмечен характерный алакульский мотив — полоска из вертикальных гладких вдавлений (рис. 6, 11), которая вкупе с перечисленными признаками определяет данную группу как алакульскую, аналогичную группе 3 раскопа I, но с еще более бедным орнаментом. Одновременно в наборе элементов орнамента сохранились отсутствующие на раскопе I характерные алакульские мотивы: упомянутые уже полоски из вертикальных вдавлений, группы уголковых вдавлений, совмещенные с широкими полосами резных зигзагов, обычные для керамики алакульских памятников — Алакульского могильника (Сорокин В.С., 1966, табл. XI, 13, 17 и др.), Тасты-Бутак (Сорокин В.С., 1966, табл. XXXIII, 2) и др.

Группа 4. Насчитывает восемь баночных сосудов, тонкостенных с плоским венчиком. Формовка тщательная, отмечено штриховое сглаживание стенок сосудов. Орнамент из косых нарезок, зигзаг по шейке (рис. 6, 5). Срубно-алакульский облик этой группы посуды очевиден.

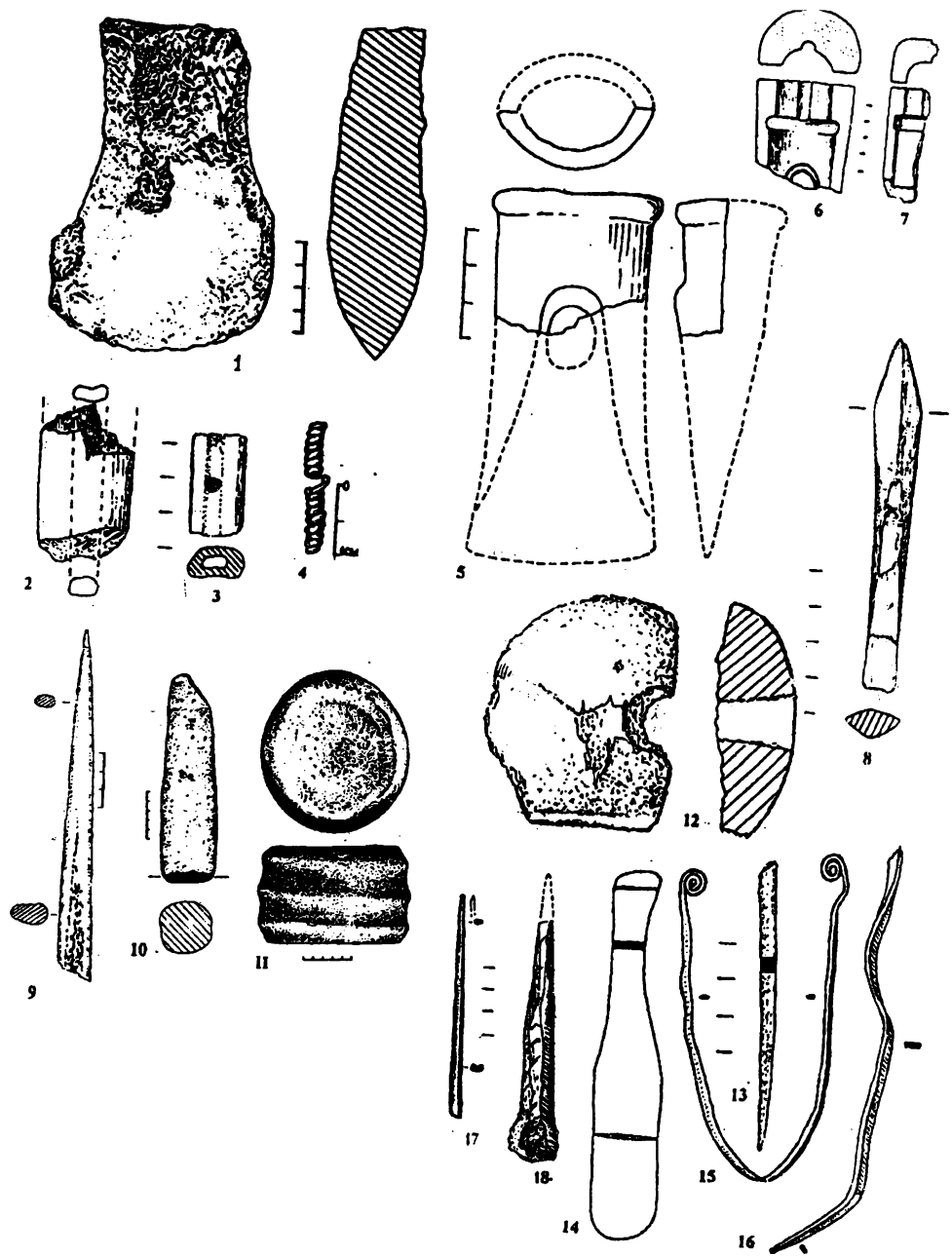

Рис. 5. Поселение Кизильское. Вещевой инвентарь

1, 2, 5-7, 9-12 — раскоп II; 8, 14-16 — раскоп III; 13 — из шурфа возле жилища 2. 1, 2, 6, 7 — камень; 5 — гипс; 8-12 — кость; 4, 13-16 — бронза

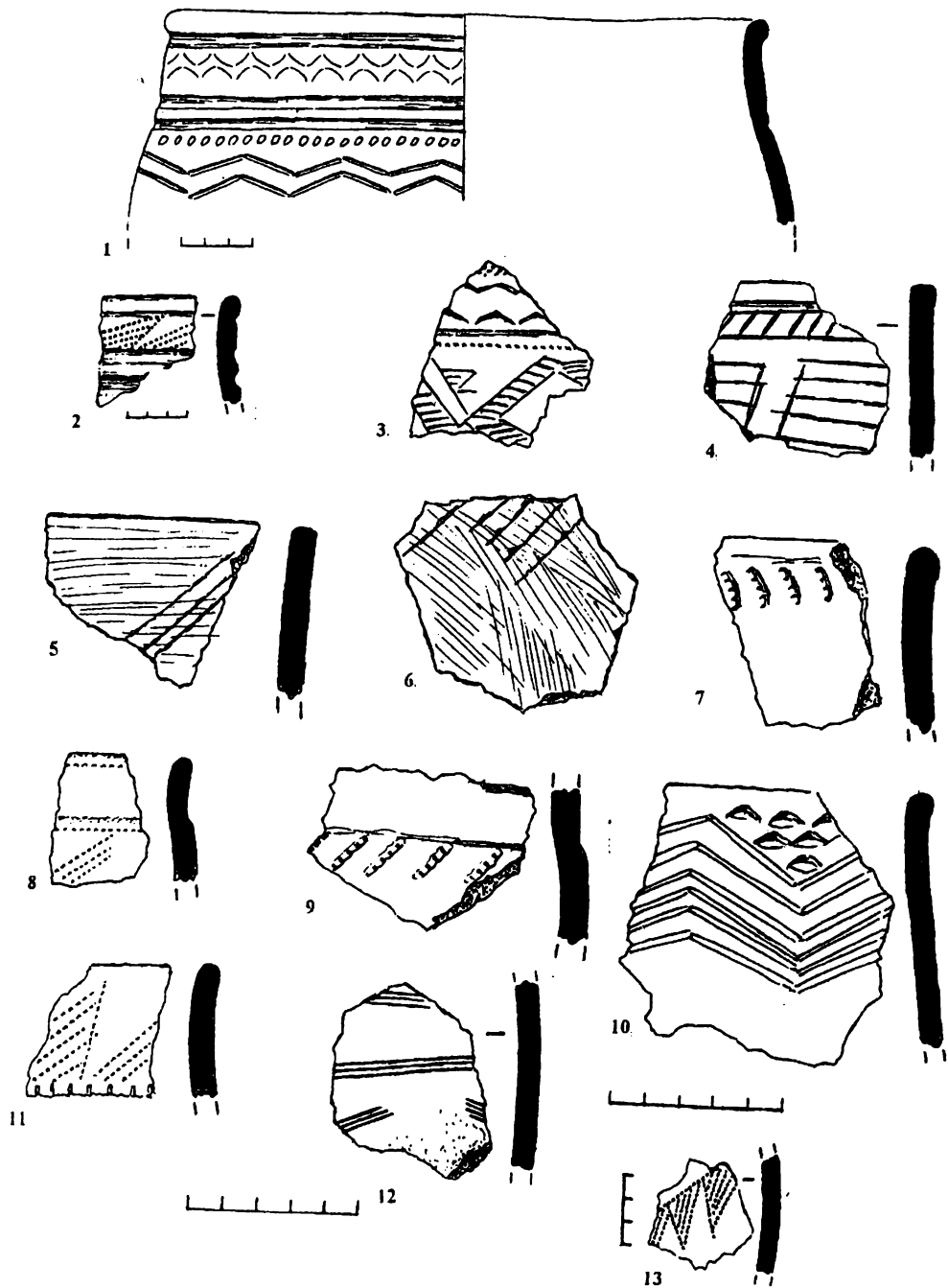

Рис. 6. Поселение Кизильское. Раскоп II. Керамика (1-13)

Группа 5. Представлена единственным фрагментом стенки сосуда горшечной формы тщательной выделки; в глине примесь песка. Орнамент в виде бахромы свисающих гребенчатых треугольников (рис. 6, 13) характерен для федоровской керамики, где такой мотив служит обрамлением сложных фигур, меандровых (Соколин, 1966, табл. IX, 2) и др.

Группа 6. Сосуды горшечно-баночные, вытянутые, средних и крупных размеров, слабопрофилированные, тщательно сформованы; стенки средней толщины, хорошо заглажены, применялась штриховая одно- и двусторонняя зачистка. Группа 6 (рис. II) также имеет подгруппы. Из выделенных на раскопе I подгрупп «а, б» подгруппы «а» (сосуды с валиками) здесь нет, подгруппа «б» есть, и выделяется новая подгруппа «в» (валиково-воротничковые сосуды). Подгруппа «б»; воротничковые сосуды (4 экз.) (рис. 7, 1, 2, 6, 8); воротнички приостренные или закругленные, орнаментированы лишь на одном сосуде грубыми крестообразными фигурами. Орнамент на шейке в виде широких полос кривой сетки (рис. 7, 1) лишь на одном сосуде; и еще на одном ниже воротничка идет ряд жемчужин (рис. 7, 2). Подгруппа «в»; сосуды с валиками и воротничками одновременно (рис. 7, 3, 4, 9); 3 экз. Валики сформованные или имитированы полосой из косых грубых насечек (рис. 7, 4). В одном случае валик имел разомкнутые свисающие концы (рис. 7, 3); на других сосудах рисунок валика не полный. На всех сосудах подгруппы «в» валики сопровождаются орнаментом из заштрихованных свисающих треугольников, выполненных «щепкой», окаймленных бахромой из гладких вдавлений (рис. 7, 3, 4). В промежутке между воротничком и валиком отмечен мотив из угловых вдавлений (рис. 7, 9), которыми оконтуривались и какие-то заштрихованные фигуры ниже по шейке.

Группа 6 раскопа II, сравнительно с аналогичной группой раскопа I, более близка воротничково-валиковой керамике типа поселения Саргары — по элементам орнамента: заштрихованные треугольники с бахромой, широкая косая сетка, выполненная «щепкой», ряды жемчужин, угловых вдавлений, формованным валикам и их имитации (Зданович С.Я., 1984, с. 89, рис. 3). Имитация валика нарезками, поставленными под углом, как редкий элемент встречается и на Алексеевском поселении (Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 55, 56, 57 и др.), однако, сосуды, на которых они нанесены, резко отличны от кизильских своим выпуклым туловом и т.д.

Группа 7. Керамика этой группы (абашевская) на раскопе II не обнаружена.

Группа 8. Представлена двумя сосудами. Один узкогорлый бомбовидный, второй — со столь же раздутым туловом, видимо, также круглодонный (рис. 7, 5, 7); у последнего в нижней части шейки идет слабовыраженный треугольный валик, сопоставимый с ананьинским воротничком. Орнамент этого сосуда из гребенчатых зигзагов по краю шейки и в верхней части тулова, а также групп по три семечковидных (каплевидных) вдавлений, соответствует курмантауской орнаментации посуды, известной и в Южном Зауралье (Сальников, 1967, рис. 60; 61). Орнамент из резной сетки по венчику второго сосуда, ряды угловых вдавлений под шейкой, вписанные свисающие резные углы на тулове бомбовидных сосудов более свойственны розановской керамике Сибири позднебронзового века (Членова И.Л., 1981, рис. 10, 15, 23, 24). Встречаются здесь и семечковидные вдавления, но иначе расположенные. Такая керамика формируется в позднебронзовое время (Сальников К.В., 1967, с. 376) или на рубеже бронзового и раннего железного веков. (Членова И.Л., 1981, с. 36).

В раскопе II собрано около 20 единиц индивидуальных вещей из глины, камня и кости. К изделиям из кости принадлежат тщательно отполированная проколка

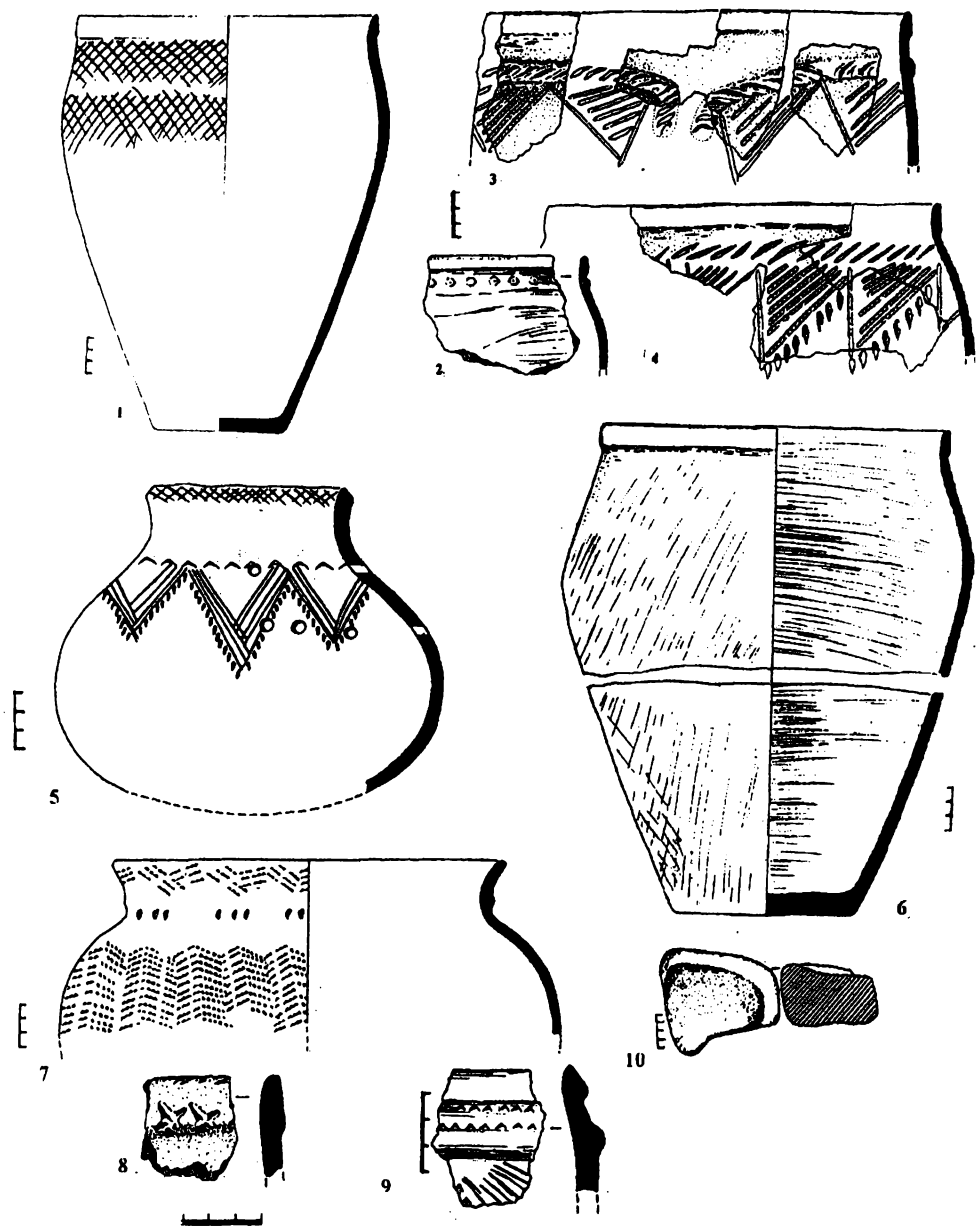

Рис. 7. Поселение Кизильское. Раскоп II, инвентарь
 1-9 — сосуды; 10 — ступка (камень)

(длина 19 см), овальная в сечении (рис. 5, 9), грубо обтесанное сломанное острие (рис. 5, 18) длиной около 13 см; два обгоревших обломка рукоятки (3 и 8 см) с продольным отверстием для черешка (рис. 5, 2), расколота головка тазобедренного сустава с пробитым у края отверстием (рис. 5, 12), сердцевина рога крупного животного со следами работы и рог с удаленной сердцевиной. С камнеобработкой связаны шлифовальная плитка с вытертой поверхностью, отбойники (2) из гальки с забитыми концами, песты (2) в обломках (9 и 10 см), молотки (2) с сильно сколотыми концами (длина 10 и 11 см); отходы обработки: обломки камня с обработанными поверхностями, кремневый отщеп, металлургические шлаки в виде обломков плоских лепешек (7 экз.); ступка из гранитного блока (17x12, толщина 12 см) с углублениями с обеих широких сторон (рис. 7, 10); кв. 11/2. Неподалеку от ступки находился массивный каменный клиновидный топор-колун (рис. 5, 1) высотой 15 см, шириной обушковой части 6,5 см, широким (около 10 см) лезвием.

Костяные поделки, перечисленные выше, обычны в слоях поселений бронзового века Зауралья: Язево I, Камышное I, II (Потемкина Т.М., 1985) и др. Что касается каменных орудий (ступка, разнообразные ударные орудия, песты) в этом и более расширенном наборе, то он характерен для поселенческих памятников эпохи бронзы таких, как известное Мосоловское поселение срубной культуры лесостепного Подонья (Килейников В.В., 1984, с. 108-123), связанных с добычей и обработкой руды, а также металлообработкой. Шлаки из раскопа II служат дополнительным штрихом к сказанному.

К числу уникальных относится находка диска (кв. IV/7) из красновато-коричневого камня (диам. 15,5, толщ. 9,5 см), опоясанного двумя широкими желобками (рис. 5, Д). Обе плоскости диска слегка углублены (1-2 мм), а по краям скошены наружу. Рядом с этим диском лежал гранитный пест (длина 20,5 см, диам. 5 см) со сбитым верхним более узким концом и заметно сработанным нижним — рабочим (рис. 5, 10). Столь же интересна находка двух створок от двух различных литейных форм (кв. 1/5,6), к сожалению, разбитых (рис. 5, 6, 7), изготовленных из талькового сланца. По сохранившейся сравнительно лучше верхней части одной из створок формы с литниковым каналом выполнена гипсовая отливка; недостающая половина выполнена по первой, исключая ребристый выступ — фаску. В итоге вырисовывается форма топора-кельта с валиком по венчику, пещеркой, обрамленной арочной фаской (рис. 5, 5). Вещь чрезвычайно интересна. Ареал валиковых безушковых кельтов с пещеркой и арочной фаской (тип К-12 по Е.Н. Черных) приурочен к региону, далекому от Урала — это северопричерноморские территории с памятниками эпохи поздней бронзы; время бытования кельтов этого типа определено рамками XII в. до н.э. (Черных Е.Н., 1976, с. 154, табл. II, 15-17 и др.).

Каменный диск с раскопа II ассоциируется с предметами культа — каменными столиками (жертвенниками) более позднего времени из савроматских погребений Приуралья VII-IV вв. до н.э., откуда происходят и близкие нашему округлые в плане столики без ножек (Смирнов К.Ф., 1989, с. 168, табл. 69, 13-18). Практически идентичен кизильскому жертвенный столик, найденный у края савроматского погребения под курганной насыпью на территории бассейна Дона (Копылов В.П., Лукьяшко С.И., 1995, с. 129, рис. 5, 2). Совпадают размеры предметов и оформление их широкими круговыми желобками; донской жертвенник сделан из мрамора. Каменные жертвенные плиты, часто оформленные в виде стилизованной бараньей головы, известны давно с территории Зауралья в качестве случайных находок вне культурного слоя памятников (Сальников К.В., 1952, с. 110-111, рис. 39, 6). Близ-

ко кизильскому жертвеннику «каменное блюдо» с поселения Язево 1 (Потемкина Т.М., 1986, с. 68 рис. 19, 1), оформленное круговыми желобками и валиками, но отличающимся, однако, своей, соответственно, шириной и толщиной. К сожалению, неясно, с каким слоем поселения Язево 1 эта вещь связана, учитывая многослойность памятника. Каменные округлые жертвенники без ножек встречаются на позднебронзовых памятниках Центрального Казахстана (Акишев К.А., 1966, с. 276, табл. LVII, 18, 19).

Раскоп III (рис. 1; 8, Л) был разбит на жилищной впадине №10. Всего вскрыто около 400 кв.м., что позволило исследовать жилище почти полностью, за исключением южного участка, попавшего за пределы раскопа. Стратиграфия повторяется. Слой дерна повсеместно прикрывает слой темной (черной) гумусированной супеси, постепенно осветляющейся книзу с прослойками золистости и чистой золы. Последняя на отдельных участках смыкается с настоящими зольниками в северо-восточном углу раскопа, кв. -К-М/4,5 и северо-западном участке, кв. Н/8-12 (рис. 8, Л). Зольники, как особый объект, выделяются не только мощными слоями золы, но и находками в них многих развалов сосудов, видимо, поставленных туда специально. К этому следует добавить и особенности залегания зольных шлейфов. На участке вдоль восточной стенки жилища зольная линза стала проявляться на уровне — 68 от О и закончилась на — 84, т.е. на уровне погребенной дневной поверхности, не проникая внутрь котлована. Та же ситуация наблюдалась и вдоль северной, и западной стенок с той разницей, что масса зольника частично узкой полосой проникла внутрь жилища (рис. 8, Л). Котлована как такового жилище не имело. Первоначально с целью выравнивания площадки была произведена врезка в повышенную часть территории; южный участок пола жилища оказался углубленным (до 40 см) в подстилающий слой, а северный углублен не был. Граница северного участка определена в основном по цвету заполнения. Постройка имела прямоугольную планировку, с выходом, видимо, в южной не раскопанной стенке; площадь пола 21x12 м; выявлено более трех десятков столбовых ямок, расположенных беспорядочно; на южном участке пола столбовые ямки не прослежены. Жилище выглядит капитальным, долговременным, столбовой конструкции. О его длительном функционировании свидетельствуют вырытые внутри колодцы. Первый колодец (I) вырыт близ северной стенки (диам. 1,6x2 м), второй (II) — ближе к южной стенке (диам. 2x1,8 м). Заполнение колодцев состояло из черной, сильно гумусированной, влажной супеси с глинисто-гумусированными прослойками (рис. 8, Л). Расчистка колодцев велась до глубины 3,1 м., до появления обильной грунтовой воды; к колодцу II примыкало вытянутое мелкое углубление Б (глуб. 15 см). Севернее от него находилось аморфное в плане углубление А (глуб. 18 см); у западной стенки — такое же мелкое углубление В. В средней части постройки у западной стены обнаружена внушительная куча суглинка, вероятно доставленная сюда для хозяйственной надобности. Неожиданностью было открытие в кв. 3/10, 11 погребения ребенка. Скелет примерно годовалого ребенка сильно истлел, остались фрагменты таза, два ребра грудной клетки, бедренная и берцовые кости. Умерший захоронен на левом боку с подогнутыми ногами, головой на В-СВ (рис. 8, III). Перед ним на уровне таза стоял целый сосуд с воротничком и без орнамента (рис. 12, 5), и металлическое украшение в виде спиральной подвески (рис. 5, 4) длиной около 2 см. Могильная яма крупная, несоразмерная с габаритами погребенного (170x75 см) и очень мелкая. Восточной стороной она врыта на 10 см, а в противоположную сторону выклинивается на поверхность. Умерший положен поперек могилы близ-

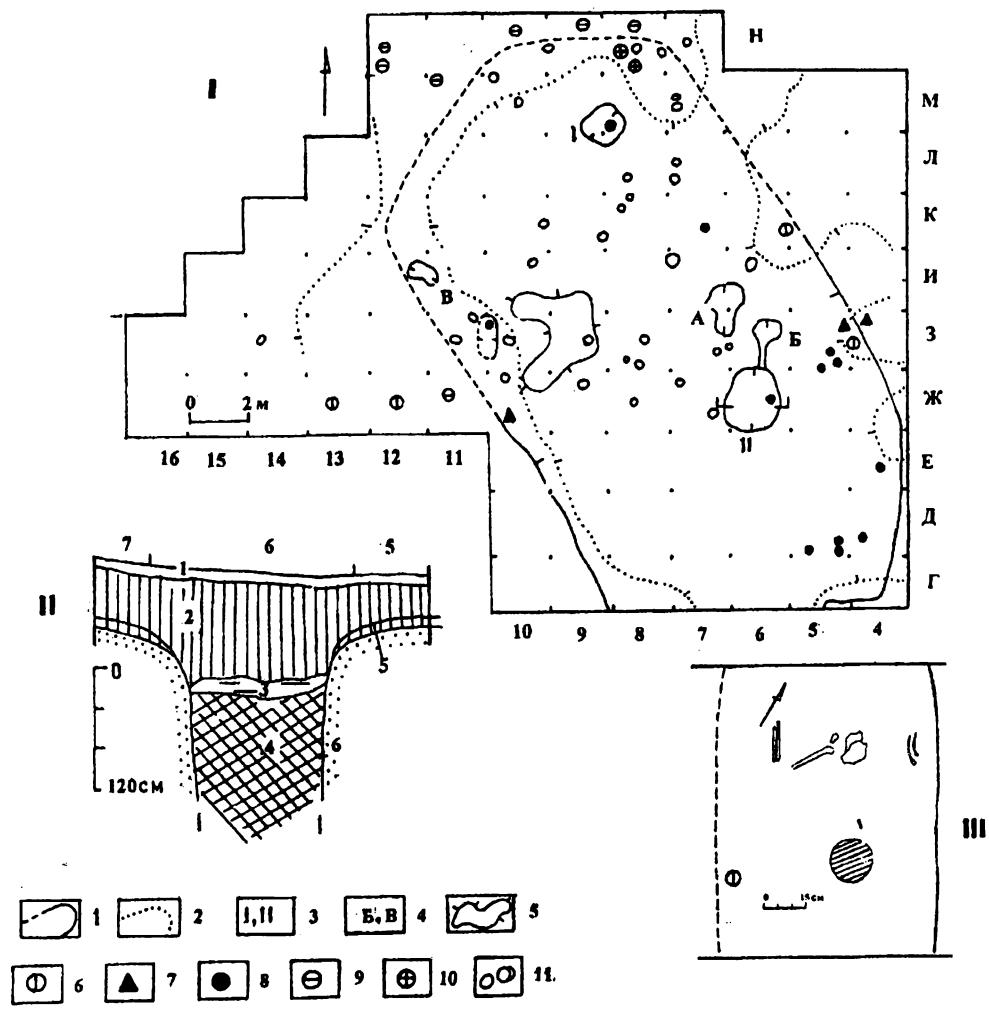

Рис. 8. Поселение Кизильское. Раскоп III (Жилище 10)

I. План. 1 — граница жилищного котлована; 2 — граница зольной массы; 3 — колодцы; 4 — прочие углубления; 5 — глина; 6 — металлический предмет; 7 — костяное изделие; 8 — часть или развал воротничково-валикового сосуда; 9 — то же срубного или алакульского сосудов; 10 — столбовые ямки. II. Профиль колодца II на уч. 5-7; 1 — дерн; 2 — темная гумусированная супесь; 3 — глинисто-гумусированный слой; 4 — черный глинисто-гумусированный слой; 5 — материк; 6 — граница осветления слоя 2. III. Погребение под полом жилища № 10

ко к северной стенке, большая часть ее осталась свободной. Сверху могила была перекрыта темно-серой гумусированной супесью и слоем золы зольника.

В раскопе, в основном внутри жилища, собрано более десятка индивидуальных предметов; к ним примыкают также находки металлургических шлаков (4 экз.) и обломки речных раковин (9 экз.). В большом количестве отложился массовый материал — кости животных и обломки лепных сосудов.

Рассмотрим керамику. Собрано около двух тысяч фрагментов сосудов, по которым выделено около 150 сосудов различных типов.

Таблица 3

Группы	1	2	3	4	5	6
	межовская	срубная	алакульская	срубно-алакульская	федоровская	воротничково-валиковая
венчики	44	42	23	23	-	17
стенки	117	95	29	7	-	97
тальк	49	4	2	-	-	
песок	78	112	21	30	-	111
раковина	34	30	17	-	-	3
лощение	-	7	12	4	-	2

Более половины из этого количества фрагментов — стенки сосудов без орнамента, принадлежность их к конкретной группе (типу) затруднительна.

Группа 1. Горшки средних и преимущественно крупных размеров (высотой 30-35 см) по форме и орнаменту (рис. 9, 2-4, 7-9) полностью соответствуют группе 1 предыдущих раскопов — межовская керамика. Отмечается однако более частое оформление валика по шейке (рис. 9, 4, 7) — у трех из 44 выделенных сосудов. Воротничок на одном из сосудов раскопа III (рис. 9, 8) отмечается впервые. В орнаменте заметно более частое использование меандровых мотивов (рис. 9, 6, 9) и применение резной техники (рис. 9, 3, 7). По-прежнему специфичен состав формовочной массы с использованием большого количества талька и раковины (таблица 3).

Группа 2. Сосуды толстостенные, с плоским, приостренным и редко округлым венчиком. Много баночных сосудов (в основном мелких высотой 7-10 см), горшечно-баночные с плавным и единично ребристым профилем (рис. 10, 7, 8, 13), средних размеров, редки крупные сосуды баночной формы (рис. 10, 12). Много сосудов грубой выделки с бугристой поверхностью, асимметрией (рис. 10, 7, 8). Такого рода сосуды отсутствовали в предыдущих раскопах, хотя они обычны для срубной посуды, входящей в комплексы других памятников Зауралья. Единствен-

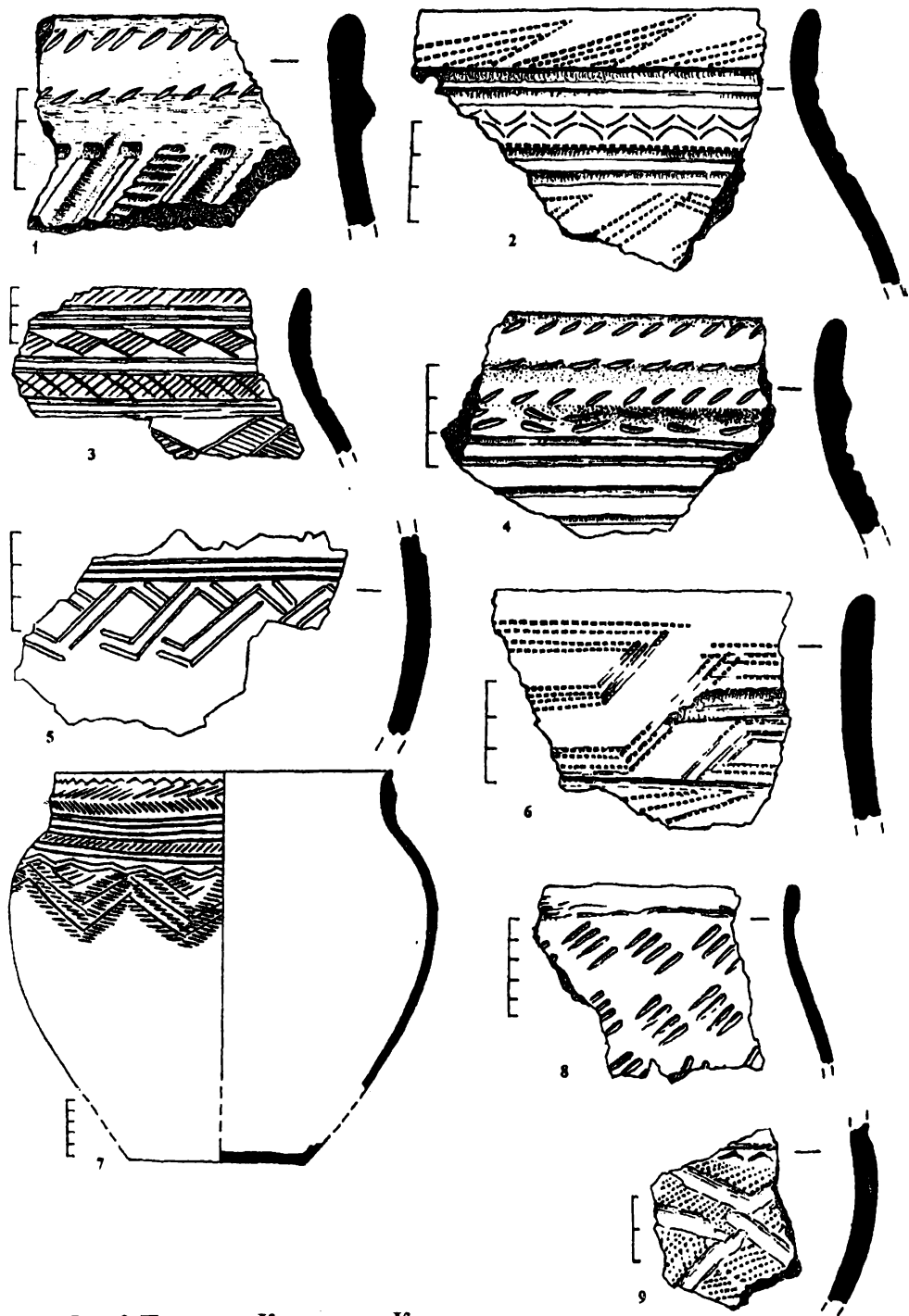

Рис. 9. Поселение Кизильское. Керамика
 1 — раскоп II. 2-9 — раскоп III

ный тщательно изготовленный сосуд с ребристым профилем — пример следования форме ранней срубной керамики. Орнамент группы 2 бедный, сосредоточен на шейке, очень редко переходит на стенки. Из 42 сосудов группы 24 не имеют орнамента; прослежены мотивы: полосы (в 1-3 ряда) из грубых прямо или косопоставленных вдавлений и нарезок или образующих зигзаг; прямые линии и зигзаги (рис. 10, 7, 8, 13). Редки горизонтальные желобки в 1-3 ряда; ряды угловых вдавлений, мотивы, выполненные проташенной гребенкой, — алакульские элементы на срубной посуде (рис. 10, 12); также редки ряды из резных заштрихованных треугольников.

К этой же группе керамики отнесен сосуд — толстостенная крупная миска или жаровня с круто загнутыми внутрь краями (рис. 10, 14) с наклонным отверстием у края. Подобные сосуды (без отверстий) известны на срубных поселениях позднего периода (Кривцова-Гракова О.А., 1955, рис. 22, 7) и, видимо, там также являются редкостью.

Группа 3. Горшки и горшечно-баночные сосуды данной группы объединяются характерным уступчатым профилем, высокой шейкой с закругленным венчиком, тонкостенностью и тщательной выделкой. Это типично алакульская керамика, но как и до этого с обедненным орнаментом. Из 23 выделенных сосудов 11 не орнаментированы (рис. 10, 10). Кроме шейки орнамент нередко переходил на верхнюю часть тулова, в основном повторяясь (рис. 3, 2). Использовались характерные прямые и ломаные полосы из прочерченных гребенчатых линий или проташенной гребенки, рядов угловых вдавлений на грани шейки и уступчика (рис. 10, 5, 9, 11), изредка рядами резных треугольников вершинами навстречу, насечек по краю сосуда и др. В ранней алакульской манере выполнен мотив на стенках одного сосуда из полосы сомкнутых «утиных» фигур (рис. 9, 5).

Группа 4. Сосуды со смешанными срубно-алакульскими чертами. Преобладают горшечно-баночные формы, тонкие стенки, четко выделенная, достаточно высокая шейка с округлым или плоским венчиком (рис. 10, 4), профиль уступчатый или среднее между ребром и уступчиком (рис. 10, 4). Из 23 выделенных сосудов 12 не орнаментированы. Орнамент сосредоточен на шейке и редко опускался на верхнюю часть тулова, повторяя в основном верхний пояс. Мотивами орнамента были полосы из наклонных нарезок, вертикальная и горизонтальная резная елочка, зигзаги резные и гребенчатые (рис. 10, 4); отмечены типично алакульские мотивы: ряды угловых вдавлений, косые короткие отрезки из проташенной гребенки. Исполнение орнамента небрежное с нарушением ритмичности, свойственное срубной традиции вместе со штриховой зачисткой стенок некоторых сосудов.

Группа 5. Сосуды федоровского типа в раскопе III не обнаружены.

Группа 6. Воротничково-валиковая керамика. Сосуды горшечно-баночные (профилировка от слабой до сильной) средних и крупных размеров; последние от 32 до 40 см высотой. Все они отличаются высоким качеством выделки, стенки тщательно заглажены, некоторые из них подлощены, особенно поверхность сосуда (рис. 12, 6) — до подобия лакового покрытия стенок густо черного цвета. Различаются все три подгруппы сосудов этой группы, выделенные ранее на раскопах I, II, хотя и не во всех деталях им соответствующие — подгруппы «а», «б», «в».

Подгруппа «а» — сосуды с формованным валиком по венчику, расчлененные глубокими нарезками, на одном из них дополнительно с круглыми редкими шишечками (рис. 11, 1, 4, 6): рельеф валика на одном и том же сосуде может быть различным, неустойчивым (рис. 11, 4).

Рис. 10. Поселение Кизильское. Инвентарь. 2-2а, 6 — пряслица, остальное — сосуды

1 — траншея; 2-2а, 4-14 — раскоп III; 3 — раскоп I

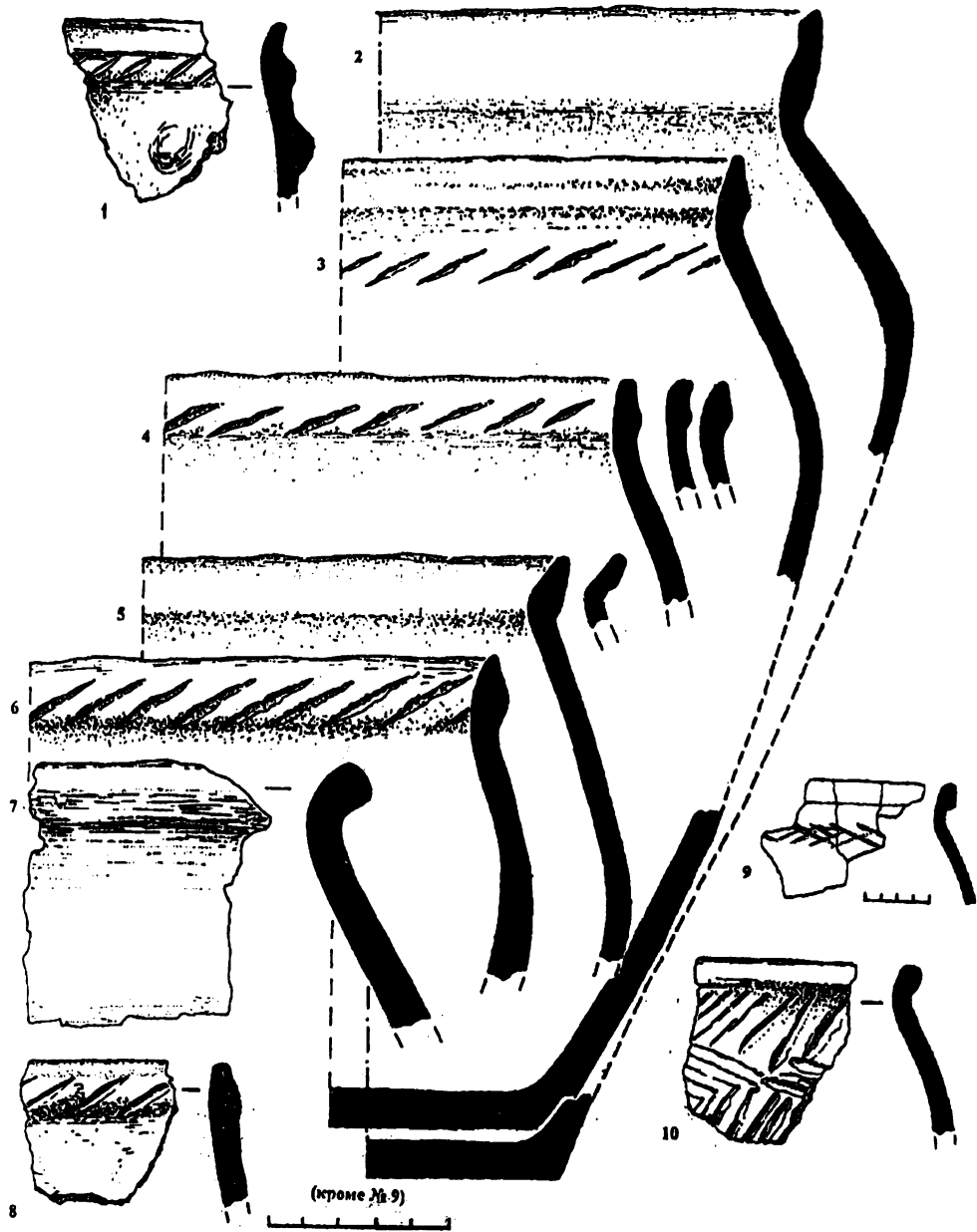

Рис. 11. Поселение Кизильское. Керамика
 1-7, 10 — раскоп III; 8, 9 — раскоп I

Подгруппа «б» — воротничковые сосуды (рис. 11, 5, 7; 12, 2, 4, 5, 10): воротнички разнообразны по форме, в основном, треугольные в профиле, приостренные кверху, профиль одного и того же воротничка также неустойчив. Орнамент в виде грубых нарезок под углом друг к другу отмечен на единственном сосуде (рис. 12, 10). Один сосуд из этой подгруппы (из погребения под полом жилища) сохранился целиком (рис. 11, 5).

Подгруппа «в» — сосуды с валиком и воротничком, нанесенными в верхней части сосуда, иногда очень близко, почти сливаясь (рис. 12, 6, 8); вместо валика применялась имитация из полосы нарезок (рис. 11, 3). В эту подгруппу входит сосуд с «усатым» валиком (рис. 12, 4), помещенный ниже воротничка, также расчеченного косыми нарезками. Данная группа в целом по форме сосудов равна керамике группы 6 раскопа II, а вместе с нею посуде поселений типа Саргары. Однако бедность орнамента керамики группы 6 (раскоп III) делает близость менее значительной, в частности, по елочному орнаменту из грубых нарезок (рис. 11, 10), известному на саргаринской керамике в качестве наиболее распространенного мотива (Зданович С.Я., 1984, с. 88). Выборочные аналогии кизильским сосудам с валиком и налепными шишечками (рис. 11, 1) имеются среди керамики Алексеевского поселения (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с. 138, рис. 61), на поздних срубных памятниках западнее Урала (Кривцова-Гракова О.А., 1955, рис. 21, 22; 24, 7). Среди последних есть и предельно профилированные сосуды без орнамента (там же, рис. 23, 13) идентичные нашим (рис. 11, 7). Какое отношение к жилищу 10 (раскоп III) имеют поименованные выше группы керамики? Их размещение по площади раскопа, а также и по глубине нахождения говорит само за себя. Большая часть развала межовского сосуда (рис. 9, 7) находилась в зольнике на краю жилищного котлована (кв. К, Л/5, 6) на отметке -35, а остальные фрагменты сосуда — на отметке до -115 внутри жилища, т.е. сползли из зольника внутрь помещения. Группы развалов срубных, алакульских, срубно-алакульских сосудов находились в зольнике вдоль северной стенки жилища (рис. 9, 1; 10, 4, 5, 7, 8). Обломки сосудов этих групп (типов) находились и на полу жилища, т.е. были зафиксированы на разных уровнях раскопа. Керамика воротничково-валиковая, большей частью в развалах, отмечена на полу жилища, вдоль восточной стенки (отметки — 112-116 от 0), а также в верхнем горизонте заполненных к тому времени земляной массой колодцев (I, II). На глубине заваленных землей колодцев, отложилась алакульская, срубная и межовская керамика. Несколько обломков воротничково-валиковой посуды, встреченные в юго-восточной части раскопа над котлованом жилища, — случайное обстоятельство и оно не может быть определяющим. Картина однозначная. Сначала в жилище и рядом с ним, в зольниках, отложилась керамика межовского, срубного и алакульского (срубно-алакульского) облика. После оставления (или захвата) жилища новые его обитатели оставили керамику воротничково-валиковую, совершили под полом жилища погребение ребенка.

Индивидуальные предметы. Изделия из бронзы. Нож (длина 10 см) двулезвийный с длинным расплюснутым на конце черешком (рис. 5, 14). Близкая или идентичная форма ножей встречена на межовских поселениях Приуралья: Юкалеулево (Стоколос В.С., 1970), Инзелга (Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995, рис. 53, 10, 12, 14). Полуфабрикат из бронзового прута (сечение 2х1 мм) с закрученными спиралями на концах (рис. 5, 15) для изготовления браслета или витого перстня. Из подобного прута сделаны перстни в два оборота из Алексеевского могильника (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с. 113, рис. 40). Браслет из прута с завит-

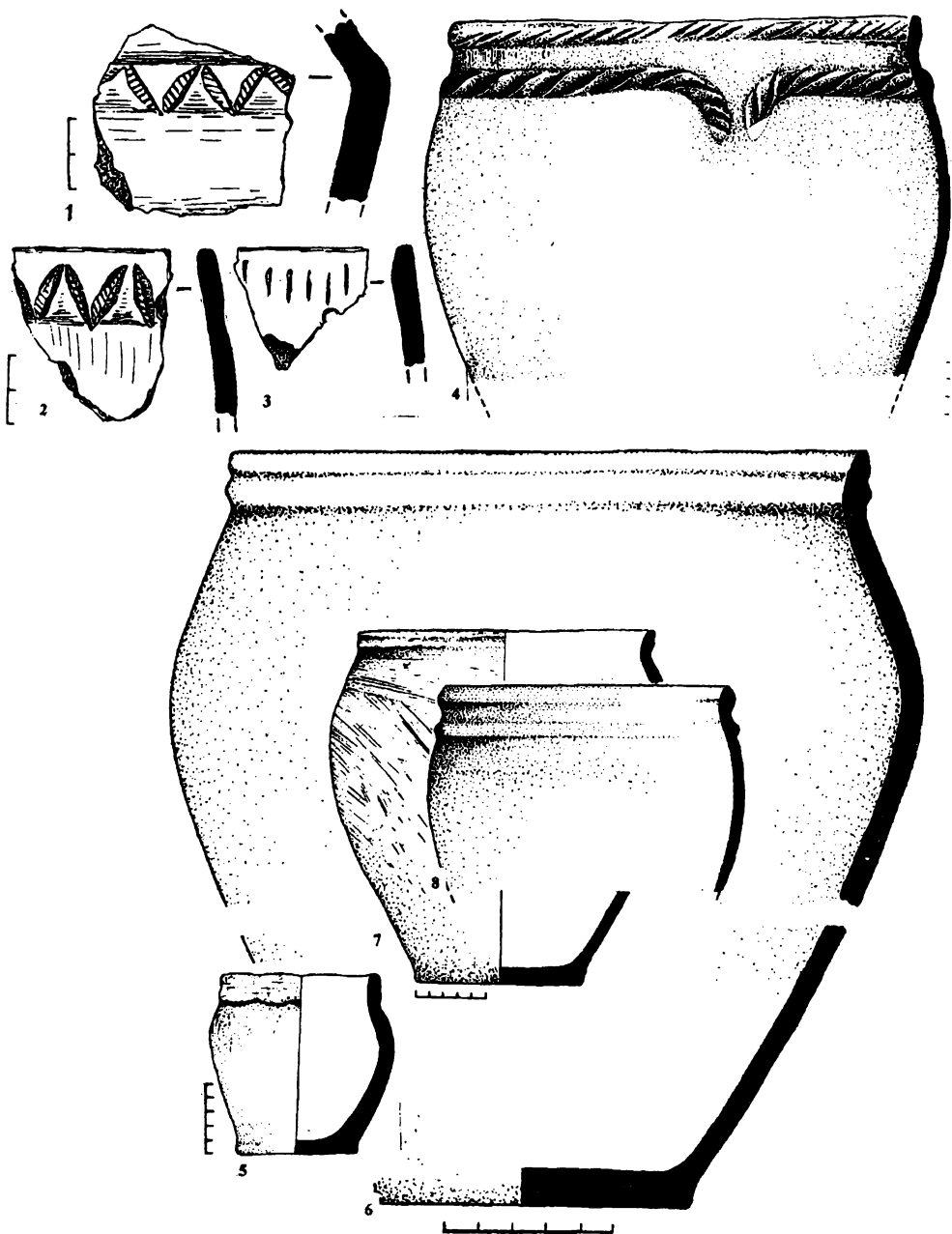

Рис. 12. Поселение Кизильское. Керамика
 2, 3 — шурф № 11; остальное — раскоп III

ками на концах происходит из Алакульского могильника (Сальников К.В., 1952, с. 56, рис. 5, 4). Бронзовая узкая пластина прямоугольного сечения (рис. 5, 16) — своеобразный «прокат» для изготовления различных вещей. Подобная находка не редкость на поселениях бронзового века: Садчиковском (Кривцова-Гракова О.А., 1951, с. 166, рис. 16), Черняки III (Стоколос В.С., 1972, рис. 6) и др. На полу жилища в кв. К/6 находился бронзовый слиток (85 г.) в виде толстого неровного изогнутого брусочка. Предметами из кости были проколка с рабочим концом в виде узкой лопаточки (рис. 5, 17), два стержня из рога оленя (?) со следами обработки. Завершим перечень металлических предметов находкой бронзового шила из разведочного шурфа возле жилищной впадины № 2. Предмет (рис. 5, 13) длиной 7,5 см имеет квадратное сечение и заостренный конец. находка обычная на многих зауральских памятниках эпохи бронзы. К вещам из глины принадлежат два пряслица, одно сломанное, обнаруженные в кв. Н/8 в зольнике (рис. 10, 2, 2а, б). Сломанное пряслице орнаментировано резным зигзагом в два ряда и подобным многорядным зигзагом со срезанными углами — с другой стороны.

Траншея. Проложенная по межжилищной территории траншея (30x1,5 м) в сторону вала и через него дала некоторые интересные наблюдения. Установлена ширина рва (2,8 м) и глубина в подстилающем слое около 1,1 м (рис. 2, III). В насыпь вала входил толстый слой песка и галечника, смешанных с супесью (рис. 2, III). В тело насыпи шли пласты почвенного слоя, срезанного по крайней мере на протяжении кв. 6-8. Поэтому фиксируемый в профиле зольный слой лежит непосредственно на материке вместе с черепом (нижняя челюсть) лошади. В конструкцию вала входило и дерево: угли и сажа на дне рва (рис. 2, III), видимо, следы от сгоревших жердей и бревен.

На участке 11 траншеи, находилось углубление подовальной формы, врытое в материк на 25 см — остатки плавильной печи. Дно было в пятнах прокала, покрыто золой и углями (рис. 2, IV), заполнение также состояло из золы, углей, жженных костей, кусочков спекшегося песка, мелких черепков без орнамента и обломков металлургических шлаков (около 300 грамм) в виде плоских раздробленных лепешек, покрытых коричневыми пятнами, иногда зеленых. Найдено две капли металла, видимо, бронзы.

Из траншеи получено более сотни обломков сосудов, орнаментированных — 44. Различаются межовские, срубные, алакульские сосуды. В кв.12 на глубине горизонта IV находились обломки краев от двух абашевских сосудов (рис. 10, 1), приготовленных из глиняного теста с примесью песка.

В конце следует упомянуть также о находках из шурфа № 11 (рис. 1), заложенного к северу от поселения, за рвом и валом. Керамика из шурфа (около двух десятков черепков) толстостенная, с грубыми нарезками, поставленными под углом друг другу (рис. 12, 2), соответствует некоторым срубным сосудам из раскопа III (рис. 12, 1).

Заключение

Материалы Кизильского поселения отражают трехэтапную историю обитания различных групп древнего населения на территории его существования.

Основание поселка и начальный, самый протяженный этап, связан с межовским населением, срубным и алакульским при некотором участии федоровских групп и еще менее значительном абашевских.

Массовый керамический материал, в значительной степени перемешанный, не стратифицированный, по совокупности признаков образует группы, которые в прин-

ципе соответствуют известным для южноуральской бронзы керамическим типам: межовскому, срубному, алакульскому, федоровскому и абашевскому. Особое место занимает керамика группы 3 — алакульско-срубная. Ее место в таксономическом списке нуждается в пояснениях. Пока же отметим, что помимо алакульско-срубной (смешанной) керамики также и собственно алакульская и срубная группы, наряду с остальными, имеют те или иные заимствованные элементы (доля последних невелика) как результат длительных культурных контактов.

Проведем сравнения, касающиеся некоторых существенных сторон гончарства. Так, из 63 выделенных на Кизильском поселении сосудов алакульской группы примерно 48% не орнаментированы. Для сравнения: на Алакульском могильнике (раскопан частично) из общего количества (80) сосудов 6 экз. без орнамента (Сорокин В.С., 1966, с. 36), т.е. 7,5%; на могильнике Черняки I (раскопан полностью) сосудов без орнамента в пределах 1% (всего около 190 сосудов). Вся посуда Алакульского могильника приготовлена из глины с примесью талька (Сальников К.В., 1951, с. 65), на Черняках I — округленно 99%. Тальковая примесь в глине алакульской керамики Кизильского поселения занимает третье, последнее место (с большим отрывом) после песка и раковины. В области орнаментации: богатейший геометризм (треугольники, ромбы, меандры, городчатые мотивы в самых различных модификациях и сочетаниях) на Алакуле, Черняки I (Стоколос В.С., 1972, рис. 12) на кизильской керамике затухает полностью. Исчезает трехзонная орнаментация, густые мотивы орнамента по всей поверхности от венчика до дна. Из маркирующих элементов остается горшечно-баночная форма сосудов с высокой шейкой и уступчатым профилем, тщательная формовка, тонкостенность. Различия между прошлым и настоящим алакульского гончарства — результат внутренней эволюции, воздействия внешних факторов. В частности, доминирование резной техники на поздней стадии истории алакульской культуры рассматривается как результат воздействия срубной традиции.

Серьезные изменения заметны в срубной керамике. От приземистых горшечно-баночных форм с ребристым профилем, бытовавших наряду с банками, на ранних срубных памятниках (111 Спасская курганная группа — Стоколос В.С., 1972, рис. 16; и др.), к доминированию вытянутых пропорций баночных и (редко) горшечно-баночных форм. Из 92 экз. срубных сосудов на Кизильском с ребристым профилем отмечен всего один. Обеднение орнамента выражается как в наборе элементов, так и в резком сокращении размеров орнаментального поля — только по шейке сосуда с редким выходом на верхнюю часть тулова: 54% сосудов группы не имеют орнамента. Практически исчезает характерная срубная деталь — асимметричная формовка тулова сосуда, исполнение орнамента с нарушением ритма. Временные изменения южноуральской срубной керамики отмечались давно (Сальников К.В., 1967, с. 211-212), они в известной мере остаются верными, за исключением одной важной детали — утверждения о появлении на позднесрубных памятниках валиковой керамики как результата развития срубного гончарства. Ничего этого кизильские материалы не подтверждают. Срубная керамика поселения четко отделяется от валиковой (воротничково-валиковой).

Эволюционные фазы прошла и алакульско-срубная керамика. Смешанная алакульско-срубная керамика ранней поры по форме сосудов (горшечных и горшечно-баночных), а также орнаментом в срубной манере — нарушением ритма (1 Спасская курганная группа — Стоколос В.С., 1972, рис. 15, 3, 7, 8, 9) дрейфует в сторону доминирования баночных и редко — горшечно-баночных форм с крайне

бедной орнаментацией (рис. 3, 9; 6, 5; и др.); 39% сосудов группы вообще без орнамента.

Влияние срубников, продвинувшихся в Зауралье довольно рано, на алакульскую среду периодически приводило к образованию смешанных форм керамики, видимо, как результат более тесных контактов обеих сторон в отличие от редких элементов взаимовлияния, которые существенных изменений в гончарство той и другой стороны не вносили. Отмечая крайние по времени образцы этого процесса — керамику 1 Спасской курганной группы, с одной стороны, с другой — Кизильского поселения, можно полагать, что подобных смешанных образований на протяжении столетий возникало несколько. Подобные образования, надо полагать, имели место и в ходе контактов алакульских и федоровских групп, приводивших в разное время к созданию известных «кожумбердынских», «амангельдинских» и прочих смешанных керамических форм, вряд ли отражающих переходные этапы от федоровки к алакулью (и наоборот), но документирующих формирование смешанных форм одновременно развивавшихся культур.

К первому блоку керамических комплексов принадлежит малочисленная федоровская и абашевская керамика; обломки от 3-4 сосудов. Федоровская керамика найдена на полу жилища №1 вместе с межовской, алакульской и срубной, что и определяет ее бесспорное вхождение в связку керамических форм первого этапа функционирования поселения. Абашевские фрагменты зафиксированы иначе. Один из них происходит из первого горизонта над котлованом жилища №1, остальные два обломка от двух разных сосудов находились на уровне четвертого горизонта траншеи (кв. 12) вместе с межовской и срубной керамикой. Фиксация абашевской керамики на разных уровнях склоняет в пользу ее отнесения к первому временно-му блоку керамики. Можно утверждать, что существовала определенная рассредоточенность во времени названных выше керамических форм. Федоровская керамика отмечена в жилище № 1, но ее нет в жилище № 10; вероятно, случайно отдельные ее фрагменты попали в жилище № 4. Не окажется ли, что обломки абашевских сосудов будут связаны напрямую с одним из еще нераскопанных жилищ с иной «расстановкой сил» — набором керамических форм?

Воротничково-валиковая керамика (группа 6) представляет второй этап заселения поселения. Она неоднородна, распадается на подгруппы. Выше отмечалось неустойчивое оформление рельефных элементов сосуда. Сечение валиком — воротничком одного и того же сосуда может быть различным (до 3-4 вариантов), что вкупе с разношерстным орнаментом, или его полным отсутствием, иллюстрирует неустойчивый облик этой группы керамики в целом.

Воротничково-валиковая керамика Кизильского поселения в целом частица огромного мира культур валиковой керамики (КВК) Евразийских степей (Черных, 1983, с.81-99). Однако поиски детальных аналогий среди территориально близких памятников из круга саргарниской или алексеевской культур носят избирательный характер, иное вряд ли возможно в силу общей нестабильности (разношерстности) гончарства ВВК, неустойчивости всего керамического комплекса.

Распределение воротничково-валиковой керамики на поселении в одном случае вне пределов жилища (№1), в другом (№10) — только на полу постройки определяет время второй волны заселения поселения в тот момент, когда жилище №1 было уже в руинах, а жилище №10 на противоположном конце поселения еще сохранялось, либо оставленное до этого прежними обитателями, либо последние

покинули его под напором пришельцев. Ситуация вторжения может быть проиллюстрирована находкой в жил. №10 необычной формы крупного костяного наконечника стрелы или дротика (рис. 5, 8), не имеющего достаточных аналогий среди местных южноуральских вещей этого рода. Оба варианта ситуации не отрицают того, что между фактом оставления (бегства) прежних обитателей и приходом новых хозяев временной интервал получается незначительным. Аналогичным образом обстоит дело и на жилище №4, где также бросается в глаза разница в степени сохранности керамического материала первой и второй волны: с одной стороны дробленая керамика, с другой — практически целый развал воротничково-валиковой посуды на полу жилища №10, равно как и в жилище №1, и вокруг него. Время данной керамики лежит далеко после второй волны обитателей Кизильского поселка.

Третий этап функционирования Кизильского поселения связан с кратковременным пребыванием на нем группы подвижного населения. Оставленная ими круглодонная керамика (группа 8) локализуется в двух точках раскопа II (жилище №4), и не более. Нет ее, например, и среди развалов, и скоплений воротничково-валиковой посуды на полу жилища №10, равно как и в жилище №1, и вокруг него. Время данной керамики лежит далеко после второй волны обитателей Кизильского поселка.

Хронология. Дата первого периода функционирования поселка (керамика 1-5 и 7 групп) определяется на основе кельта (по обломку литейной формы) типа К-12 — кельты с пещеркой, арочной фаской и валиком по верху рамками XII в. до н.э. (Черных, 1976, с. 154, табл. II, 15-17 и др.). Связь этой вещи с первым периодом, кажется, может быть подтверждена как находками шлаков в раскопах, так и открытием цоколя плавильной печи со шлаками и каплями металла на расстоянии от жилищ, где отложилась керамика лишь первого периода.

Первоначальным объектом в «Кизильской истории» была, видимо, площадка (временное жилье?) в районе шурфа №11 со срубной керамикой. Затем последовало все остальное. Полагая, что время формирования памятника, от начала до конца, могло занять не менее века (размеры его впечатляют), а то и больше, время второго этапа с керамикой КВК должно определяться несколько дольше — рубежом XII-XI или, вернее, началом XI в. до н.э. На начало XI в. до н.э. ориентирует и тип поврежденного украшения из погребения в жилище №10 в виде тонкой бронзовой спирали (рис. 5, 4). Подобные украшения (но более крупные) известны из кобанских погребальных комплексов XI-X вв. до н.э. с территории Северного Кавказа (Козенкова В.И., 1990, с. 67-68, рис. 2, 9). Обломки мелких спиральных подвесок встречаются и в абашевских погребальных комплексах (Сальников К.В., 1967, с. 31, рис. 3, 1-9). Но северо-кавказские параллели представляются более предпочтительными. Среди кизильской валиковой посуды встречаются экземпляры тщательной выделки из отличной формовочной массы с примесью мельчайшего песка, густо-черной окраски, с лощением до зеркального блеска (рис. 12, 6). Они напоминают чернолощеные кобанские сосуды, технология изготовления которых, вероятно, была перенесена далеко на восток.

Третий этап функционирования поселения связан с эпизодическим посещением его подвижной группой (и малочисленной) с керамикой, имеющей предананьинские или розановские элементы, определяющие время третьего этапа концом эпохи бронзы — т.е. IX-VIII вв. до н.э. согласно общепринятой дате этого рубежа (Черных Е.Н., 1983).

Библиографический список

1. Акишев К.А. Хозяйство и быт племен эпохи бронзы Центрального Казахстана // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
2. Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
3. Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984.
4. Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения. Нерешенные проблемы // СА, №3, 1990.
5. Копылов В.П., Лукьяшко С.И. Погребения предскифского и скифского времени в Междуречьи Дона и Сала // Донские древности. Вып. 4. Азов, 1995.
6. Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // МИА, № 21, 1951.
7. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ, выпуск XVII, М, 1948.
8. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА, № 46, 1955.
9. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
10. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
11. Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с.Федоровки Челябинской области // МИА, № 1, 1940.
12. Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
13. Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ, Вып. 6, Свердловск, 1964.
14. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
15. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
16. Сорокин В.С. Андроновская культура. САИ. Вып. ВЗ-2, 1966.
17. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
18. Стоколос В.С. Курганы эпохи бронзы у с.Степное // Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск, 1962.
19. Стоколос В.С. Отчет о полевых археологических работах ИИЯЛ Баш. филиала АН СССР в 1968 г. Архив ИА РАН.
20. Стоколос В.С. Отчет о полевых археологических работах ИИЯЛ Баш. филиала АН СССР в 1970 г. Архив ИА РАН. Р-1 № 4358.
21. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.
22. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
23. Членова И.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблема западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

КИЗИЛЬСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА РЕКЕ УРАЛ

Кизильский курганный могильник находится в 3 км южнее райцентра — с. Кизильское Челябинской области, в километре от левого берега р. Урал, на краю невысокой пойменной террасы и в 100 м севернее одноименного поселения Кизильского (рис. 1). Памятник открыт автором статьи одновременно с открытием поселения эпохи бронзы в 1968 г. и раскапывался в 1970 и 1980 гг. параллельно с исследованием поселения. Из пяти курганов, образующих Кизильский курганный могильник, раскопано четыре. Самый крупный курган 1 оставлен целым. Территориальная близость могильника и поселения оказалась не случайной. По-сууществу, они функционировали в одно и то же время — один в связи с другим. В кизильских курганах были погребены обитатели рядом расположенного поселения, о чем неопровержимо свидетельствуют полученные материалы.

Курган 2. Находился в 40 м западнее от самого крупного (основного) кургана 1 данной группы (рис. 1). Диаметр кургана 2 — 12 м, высота 0,75 м; насыпь состояла из темной гумусированной супеси с включением мелкого галечника, перекрывавшей древний почвенный слой (мощностью 30-35 см), по цвету слабо отличимый от вышележащей массы кургана. В кургане было совершено два погребения (рис. 2).

Погребение 1 — находилось в 4 м к западу от центра в насыпи (на горизонте). Выявлены остатки детского скелета примерно годовалого возраста, лежавшего скорченно, на левом боку головой на север. На запястьях рук было одето по одному бронзовому желобчатому браслету с заходящими концами (рис. 3, 3) одинакового размера (диаметр 43 мм). Около черепа обнаружена половинка пастовой ребристой бусины белого цвета, распавшейся при соприкосновении с нею. Сосудов и прочих предметов в погребении не было.

Погребение 2 — находилось в центре курганной насыпи в прямоугольной яме (142x62 см), врезанной в материк на 38 см; ориентировано строго С-Ю. По местоположению и глубине ямы погребение можно отнести к основному, хотя обычного для основных погребений могильного выкида рядом не наблюдалось. На дне ямы лежал плохо сохранившийся костяк подростка на левом боку, скорченно, головой на север (рис. 2). В изголовье, у лба погребенного и ниже подогнутых колен, стояло по одному сосуду грубой формовки, толстостенных, сверху покрытых беспорядочными бороздками сглаживания пучком жесткой травы. Один сосуд — слегка закрытая банка (рис. 3, 1), второй — горшечно-баночный, слегка закрытый, с короткой шейкой (рис. 3, 2). Стенки коричневатого-серого цвета, в глине примесь песка. Ниже локтей согнутых рук находился предмет в виде навершия булавы, изготовленный из крупной призмы хрусталя (рис. 3, 5). Изделие имеет сферическую, сплюснутую с полюсов форму диаметром 6 см. Сквозное отверстие предмета постепенно сужается в одну сторону; наибольший диаметр — 19, наименьший —

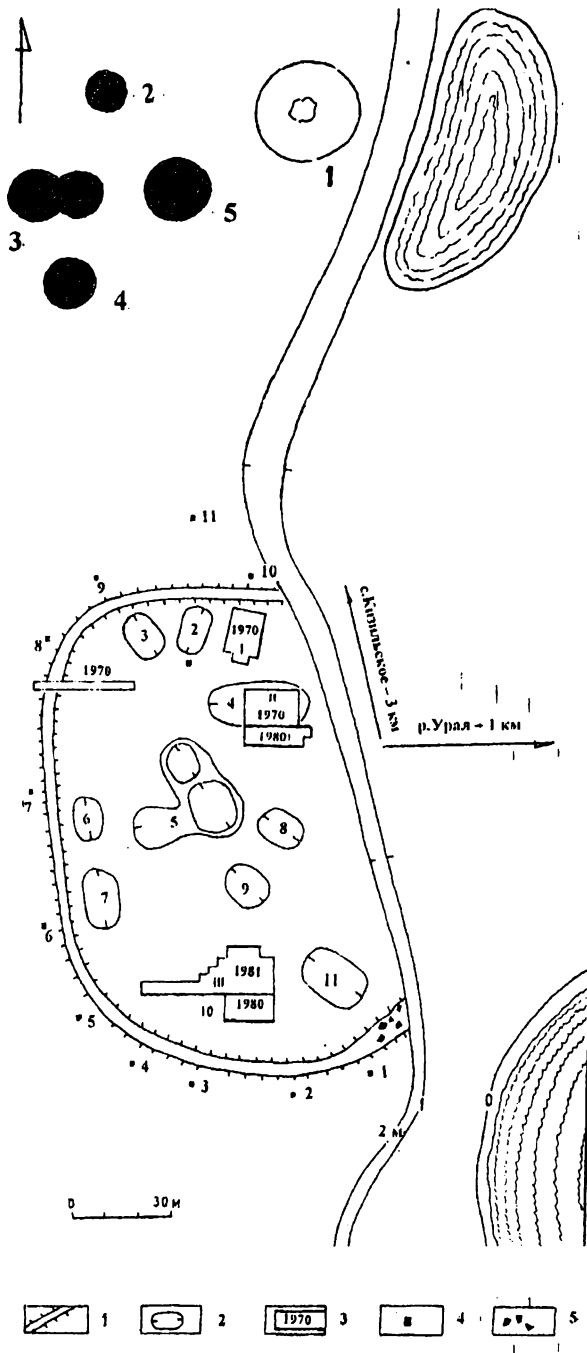

Рис. 1. Поселение Кизильское и Кизильская курганная группа

1 — земляной вал; 2 — жилищная впадина; 3 — раскоп с указанием года производства; 4 — шурф; 5 — камни

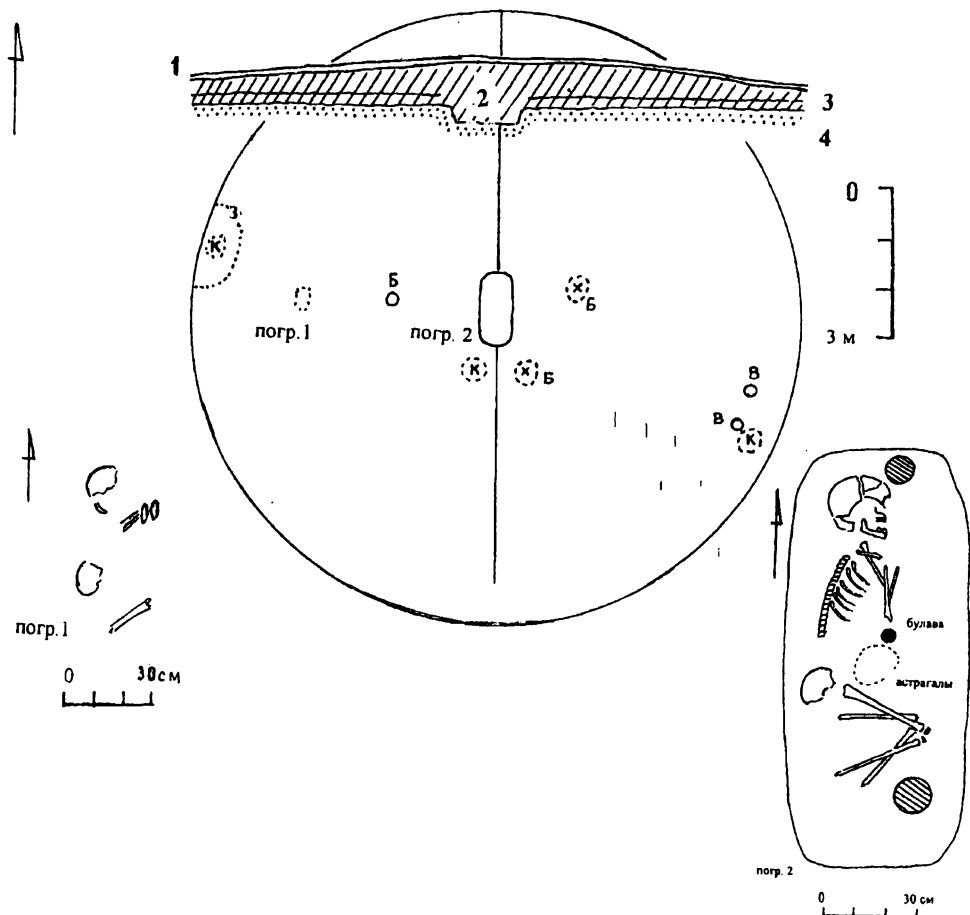

Рис. 2. Кизильский могильник. Курган 2. План и профиль

1 — дерн; 2 — темная гумусированная супесь; 3 — уровень погребенной дневной поверхности; 4 — подстилающий горизонт. К — кости животных; Б, В — сосуды и скопления черепков; 3 — зола

13 мм. Край широкого отверстия обрамлен круговым выступом. Гладкая матовая поверхность предмета местами в мелких трещинах и выбоинах. Рядом находилась грудка из более чем шестидесяти штук астрагалов плохой сохранности без каких-либо следов обработки.

В насыпи кургана, западнее и восточнее погребения 2, в обломках и целыми находились три сосуда (группа Б). Один из них (западный) баночной формы с легким ребром-уступом, тонкостенный, тщательно сформован из глины с примесью песка, не орнаментирован (рис. 3, 9) стоял врытым в погребенную почву на равном удалении между погребениями 1 и 2 и сверху прикрыт двумя небольшими каменными плитками (диам. устья 11,2, высота 10, диам. дна 7,3 см). Обломки еще двух

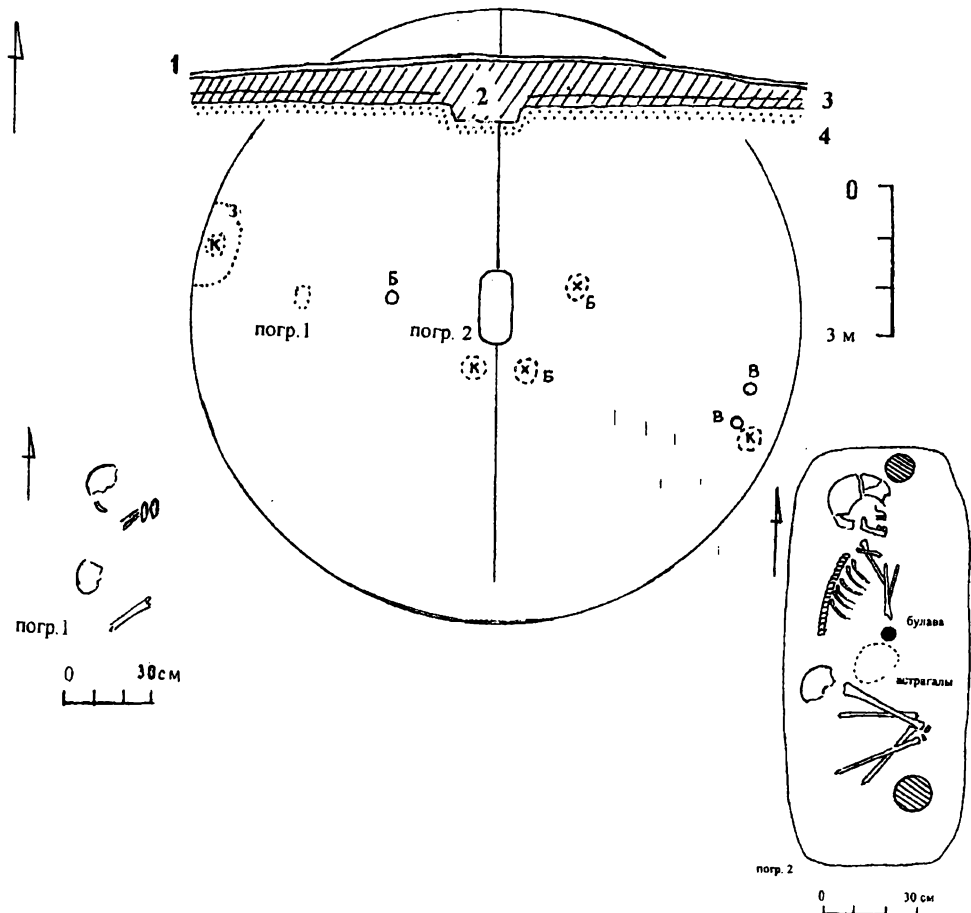

Рис. 2. Кизильский могильник. Курган 2. План и профиль

1 — дерн; 2 — темная гумусированная супесь; 3 — уровень погребенной дневной поверхности; 4 — подстилающий горизонт. К — кости животных; Б, В — сосуды и скопления черепков; 3 — зола

13 мм. Край широкого отверстия обрамлен круговым выступом. Гладкая матовая поверхность предмета местами в мелких трещинах и выбоинах. Рядом находилась грудка из более чем шестидесяти штук астрагалов плохой сохранности без каких-либо следов обработки.

В насыпи кургана, западнее и восточнее погребения 2, в обломках и целыми находились три сосуда (группа Б). Один из них (западный) баночной формы с легким ребром-уступом, тонкостенный, тщательно сформован из глины с примесью песка, не орнаментирован (рис. 3, 9) стоял врытым в погребенную почву на равном удалении между погребениями 1 и 2 и сверху прикрыт двумя небольшими каменными плитками (диам. устья 11,2, высота 10, диам. дна 7,3 см). Обломки еще двух

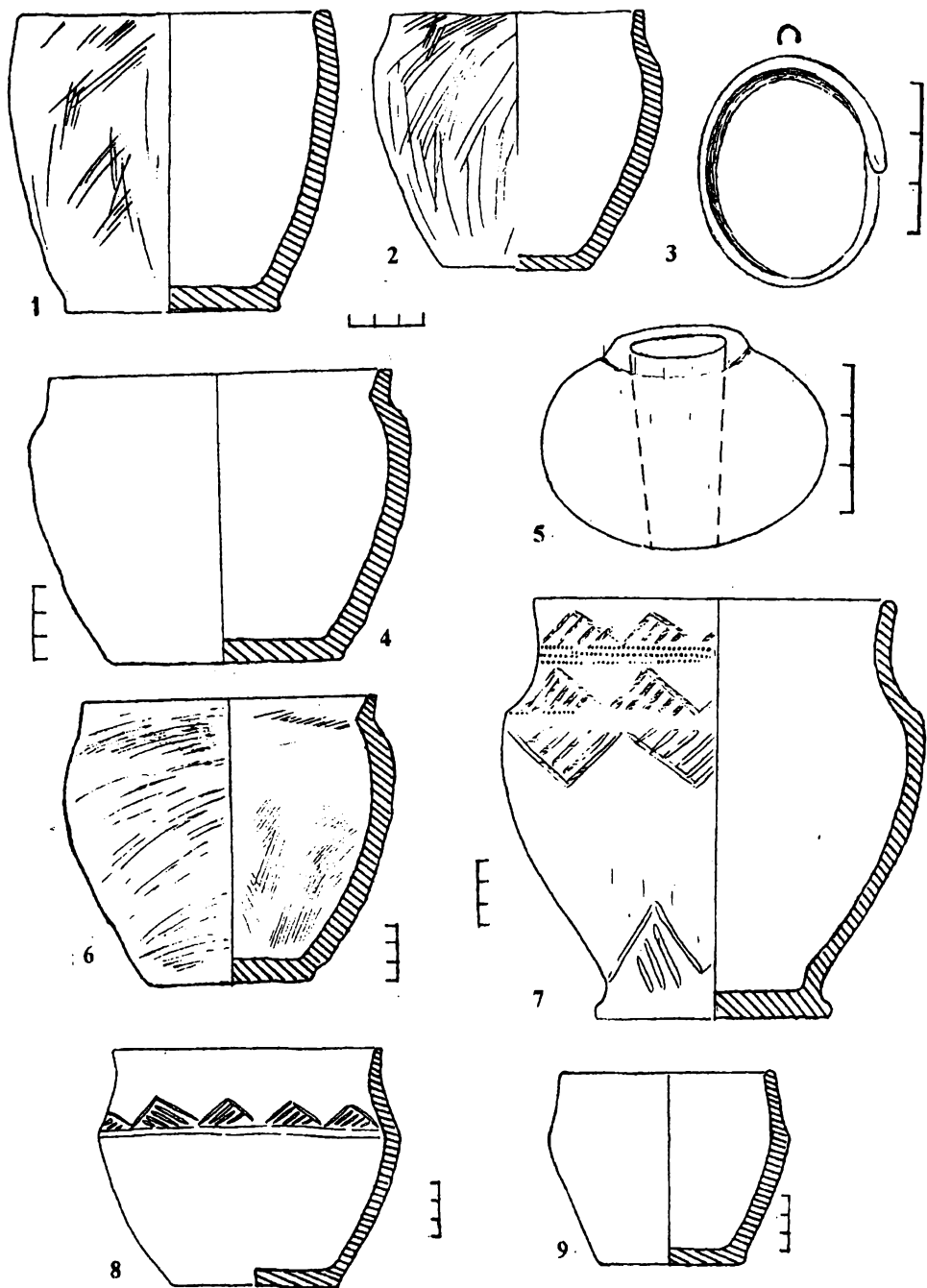

Рис. 3. Кизильский могильник. Курган 2. Вещевой инвентарь
 1, 2, 5 — погребение 2; 3 — погребение 1; 4, 6, 9 — группа Б; 7-8 — группа В

сосудов были в насыпи восточнее погребения 2 (группа Б). Оба экземпляра горшечно-баночные, с высоко поднятыми плечиками, короткой отогнутой шейкой с ребристым выступом изнутри (рис. 3, 4, 6). Они массивны, толстостенны, с неровной бугристой поверхностью, покрытой (на одном сосуде) беспорядочными и глубокими штрихами сглаживания сверху и внутри. В 30 см. у южной стенки погребения 2, на уровне дневной поверхности находились остатки жертвоприношения в виде двух бараньих челюстей (рис. 2). В пяти метрах восточнее погребения в насыпи, на уровне погребенной поверхности, находились кости животного (обломки бараньей челюсти, астрагал, ребра, лопатка, трубчатые кости) и два сосуда (группа В). Один сосуд баночный (диам. устья 15, высота 13, диам. дна 8,8 см) тонкостенный, ребристый, приземист (рис. 3, 8), тщательно сформован и заглажен; формовочная масса темно-серого цвета с обильной примесью толченой раковины. Орнаментирован полосой резных треугольников в основании шейки. Второй сосуд (диам. устья 15,5, высота 19, диам. дна 10,5 см) горшечно-баночной формы, вытянут с уступчатым профилем, выступающим поддоном, толстостенный, тщательно заглажен. Поверхность коричневато-серая, в глине примесь песка. Орнаментирован резными треугольниками по шейке, плечикам и придонной части, разделенными (по шейке) горизонтальными гребенчатыми линиями (рис. 3, 7).

В 1,5 м северо-западнее погребения 1, на глубине 35 см от современной дневной поверхности, расчищено зольное пятно (около 3x2 м) толщиной до 10 см, уходящее за край полы кургана (рис.2). В центре пятна лежали вразброс кости животных: зубы, ребра, лопатка, обломки трубчатых костей.

Курган 3 (рис. 4) находился в 20 м южнее кургана 2; образован от слияния двух насыпей по направлению В-З. Высота восточной насыпи 1 м, западной — 1,15 м, диаметры соответственно — 14 и 17 м. Насыпь кургана состояла из темной гумусированной супеси с примесью гравия. Всего в кургане оказалось три погребения — два в восточной и одно в западной части кургана (рис. 4).

Погребение 1 находилось в 1,5 м к востоку от центра восточной части кургана в прямоугольной яме (1,8x1,3 м), врезанной в материк на 34 см, ориентированной С-Ю; могильный выкид не прослежен. Могила ограблена. Сохранились отдельные кости взрослого субъекта, разбросанные на дне ямы: обломок тазовой кости, одна бедренная, несколько позвонков и ребер (рис. 4). По местоположению сосуда *in situ*, у северной стенки ямы, погребенный лежал на левом боку головой на север. Могильная яма с трех сторон (кроме южной) имела уступ, перекрытие из продольных плах, частично сохранившееся (рис. 4) вдоль западной стенки на расстоянии 10-12 см, от дна могилы. Сосуд баночной формы (рис. 5, 3) асимметричен, слабо профилирован, с высоко поднятым плечиком, короткой отогнутой шейкой и плоским венчиком; толстостенный, тщательно сформован, стенки сверху и внутри ровные, внешняя поверхность аккуратно зачищена (диам. устья 16,7, высота 18,5, диам. дна 10 см). Стенки буро-коричневые, внутри обильный нагар; в глине примесь песка и раковины.

Погребение 2 (рис. 4) находилось в 1,8 м к западу от центра восточной половины насыпи в подпрямоугольной яме (1x0,7 м), врезанной в материк на 15 см; ориентированной строго С-Ю. На дне могилы находился сильно разрушенный детский скелет, лежавший скорченно, на левом боку головой на север. Его сопровождали три сосуда — один перед лицом и два в ногах погребенного. Первый сосуд баночной формы слегка профилирован, асимметричен, с короткой отогнутой шейкой, приостренным венчиком, высоко поднятыми плечиками (рис. 5, 2); мас-

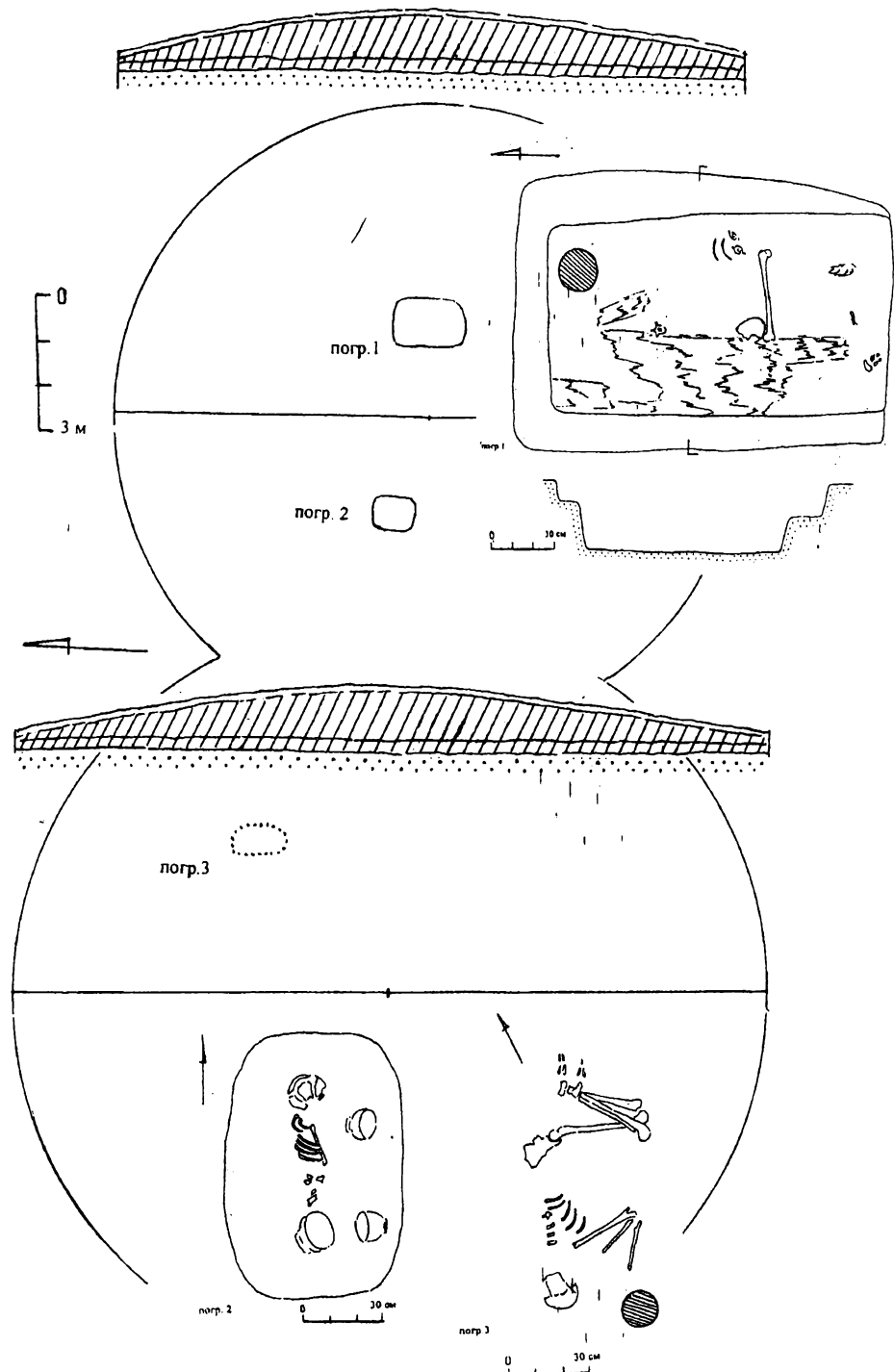

Рис. 4. Кизильский могильник. Курган 3

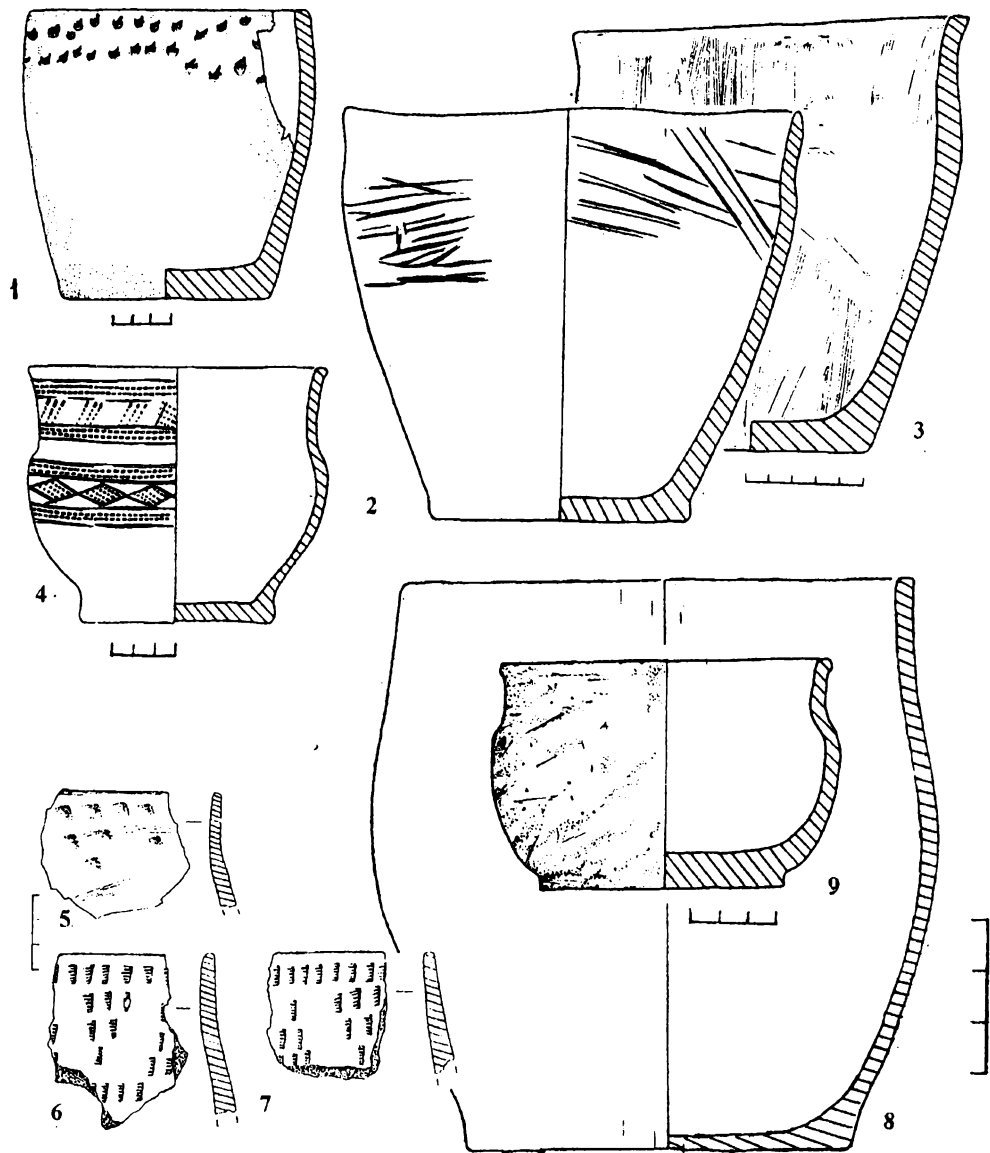

Рис. 5. Кизильский могильник. Керамика

1 — курган 3, погребение 3; 2, 8, 9 — курган 3, погребение 2; 3 — курган 3, погребение 1; 4, 5, 6 — курган 4, погребение 1; 7 — поселение Кизильское, жил. 10

сивный, поверхность коричневато-серая, в глине песок и шамот. На внешней и внутренней поверхностях сосуда отдельными участками выполнена зачистка в виде хаотичных и глубоких бороздок (диам. устья 19,5, высота 17,5, диам. дна 10,5 см). Второй сосуд (рис. 5, 8) без орнамента, горшечно-баночный, слегка профилирован, с высокой шейкой, округлым венчиком, чрезвычайно тонкостенный, диаметр устья и дна почти равны; поверхность коричневатая; в глине примесь шамота, черепок рыхлый (диам. устья 10,2, высота 11,3, диам. дна 7,8 см). Третий сосуд — приземистый горшок с уступчатым профилем (рис. 5, 9), высокой шейкой, округлым венчиком, тонкостенный, без орнамента. Стенки неровные серо-желтого цвета, глина с примесью шамота (диам. устья 12, высота 7,5, диам. дна 8 см).

Погребение 3 (рис. 4) находилось в западной половине кургана в 4 м северо-восточнее центра насыпи; совершено в почвенном слое, в 20 см от материка. Следовательно глубина ямы в почве была не более 15 см., погребение таким образом было совершено практически на поверхности. Скелет взрослого человека в скорченном виде на правом боку, головой к югу не потревожен, но уцелел не полностью (рис. 4). В изголовье, в 15 см от лицевой части черепа стоял сосуд-банка (рис. 5, 1), толстостенный, грубо оформленный с неровной поверхностью; в глине песок, шамот. На стенках внутри нагар. Орнамент по верхнему краю в виде неровных рядов из вдавлений косо поставленной трубчатой косточки (диам. устья 14,5, высота 14, диам. дна 10,8 см).

Курган 4 (рис. 7) располагался в 10 м южнее предыдущего кургана 3. Диаметр насыпи 16 м, высота 0,85 м. Содержал три погребения.

Погребение 1 располагалось в центре кургана, в прямоугольной яме (1,5x0,8 м), врезанной в материк на 12 см; ориентирована С-СВ — Ю-ЮЗ. Могильный выкид не прослежен. На дне лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку, головой на север (рис. 7). В изголовье стояли два сосуда, один в районе кистей рук, второй — вплотную к лицевой части черепа. Несколько черепков было в засыпи могилы. Первый сосуд — горшечной формы, приземистый, слабо профилирован, с высокой шейкой и округлым венчиком, уступчиком в профиле, тонкостенный (рис. 5, 4), тщательно сформован из глины с примесью песка; поверхность коричневато-красноватая (диам. устья 13,5, высота 10,6, диам. дна 9 см). Орнамент двухзональный: по шейке и тулову сосуда. В первом случае он включает группы по три наклонных отпечатка гребенки, обрамленных сверху и снизу четверными гребенчатыми и прочерченными линиями. По тулову аналогично обрамлена полоса из заштрихованных ромбов. Обращает внимание особая четкость зубчатых отпечатков, полученных, возможно, с использованием металлического инструмента. Второй сосуд — приземистый горшок с уступчатым плечом, высокой отогнутой шейкой, закругленным венчиком, тонкостенный, тщательно сформован из глины с примесью шамота, песка и меньше талька; поверхность коричневато-серого цвета тщательно заглажена (рис. 6, 1). Орнамент из рядов свисающих треугольников, заштрихованных мелкой гребенкой, нанесен по краю шейки и верхней части тулова. Уступчик сосуда подчеркнут рядом уголковых вдавлений (диам. устья 19, высота 15, диам. дна 10 см.). В засыпи могильной ямы находился обломок от сосуда горшечно-баночной формы с высокой шейкой (рис. 5, 6), слегка закругленным венчиком, вылепленный из плотной глины с примесью талька; поверхность коричневато-красноватая, тщательно заглажена. Орнамент в виде полосы и групп оттисков зубчатого штампа, выполненных посредством короткого протаскивания инструмента. На черепке имеется отверстие, сделанное позднее по

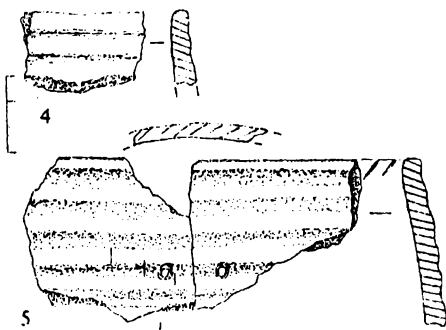
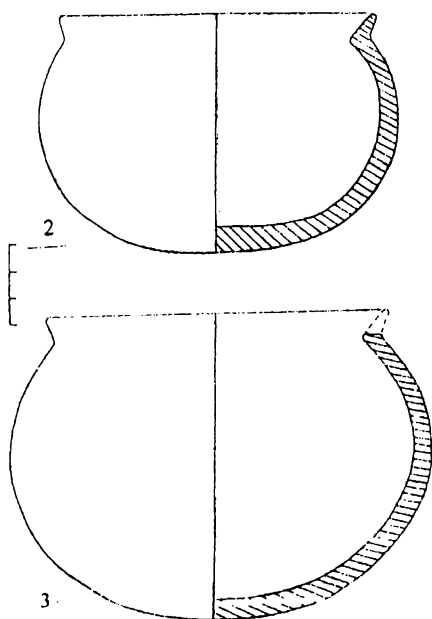
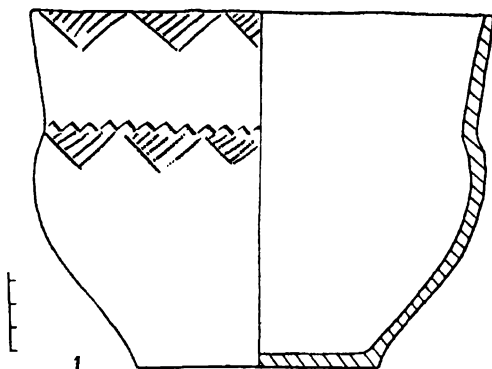

Рис. 6. Кизильский могильник. Курган 4. Керамика

1 — погребение 1; 2, 3 — погребение 2; 4 — курган 5, погребение 2; 5 — поселение Кизильское, жил. № 10

сухому сосуду. Неожиданностью было обнаружение обломка сосуда, аналогичного этому, в слое жилища 10 рядом расположенного поселения Кизильского (рис. 5, 7). В насыпи кургана, рядом с погребением были обломки разбитого в древности сосуда горшечной формы с плавной профилировкой (без уступчика), высокой шейкой с закругленным венчиком; глина плотная с примесью талька; стенки коричневато-бурые тщательно заглажены. Орнаментирована лишь шейка сосуда угловыми вдавлениями, образующими треугольные лопасти (рис. 5, 5).

Погребение 2 (рис. 7) впускное, пришлось на место у самого края более раннего погребения 1, что привело к разрушению описанного выше жертвенного сосуда (рис. 5, 5), стоявшего где-то рядом с погребением 1. Керамика из погребения 2 совсем иная, абсолютной сохранности, к сожалению, была повреждена при удалении насыпи кургана. Погребенный (видимо женщина) лежал на спине головой на юг с подогнутыми в коленях ногами, впоследствии упавшими вправо; череп, сваленный на грудь, покоился на покатоj земляной подушке, что предполагает первоначальную позу погребенного как полусидячую. Под скелетом и сверху прослежены пятна травяного (белесого) тлена. Сосуды стояли слева от погребенного слегка врытыми в почву. Один из них в 25 см западнее изголовья, второй — в ногах. Оба сосуда круглодонные, котлообразные, не орнаментированы. У одного из них короткая отогнутая шейка (рис. 6, 2) с треугольным выступом изнутри; вылеплен из плотной глины с обильной примесью талька. Стенки темно-серые, тщательно заглажены (диам. устья 11, высота 8,5 см.). Второй сосуд (рис. 6, 3) более крупный; шейка сосуда утрачена. Глина плотная с примесью мелкой дресвы из темного (черного) цвета мягкой сланцевой породы без примеси песка; черепок прочный, стенки тщательно заглажены местами до блеска (диам. устья — 13, высота — 11 см).

Погребение 3 (рис. 7) находилось в 2,5 м северо-восточнее от центра насыпи в почвенном слое, на уровне 15 см от материка. Выявлен скелет взрослого субъекта без черепа и кистей рук, позвоночный столб был отделен от тазовых костей. Сопровождающих вещей не было. Погребенный лежал скорченно с северной ориентировкой.

Курган 5 (рис. 8) располагался примерно посередине между курганами 3 и 1 (рис. 1). Диаметр 19,5, высота 1,2 м. Насыпь состояла из темной гумусированной супеси, по цвету слабо отличимой от почвенного слоя, на котором она покоилась. В кургане было совершено три погребения в ямах, прорезавших материковый слой, однако могильный выкид из них не прослежен.

Погребение 1 (рис. 8) располагалось в 1,3 м восточнее от центра насыпи, в прямоугольной яме (1,2 x 0,75 м), врезанной в материк на 24 см, ориентированной по линии С-Ю. На дне могилы находился скелет подростка на левом боку головой на север; поза погребенного отличалась от прочих слабо подогнутыми ногами, вертикальной позицией корпуса, откинутой назад (может быть, позднее перемещенной) головой. В изголовье погребенного находились два сосуда. Один горшечно-баночный, с невысокой шейкой и закругленным венчиком, уступчиком (рис. 9, 2); без орнамента. Изготовлен из глины с примесью шамота и ракушки, толстостенный, светло-коричневый, тщательно заглажен, внутри пятна нагара (диам. устья 16,5, высота 17,2, диам. дна 11,6 см). Второй сосуд баночный с загнутыми внутрь краями, приостренным венчиком (рис. 9, 3), без орнамента. Поверхность коричнево-серая, бугристая, глина с примесью песка и шамота.

Погребение 2 (рис. 8) располагалось в центре кургана в прямоугольной яме (1,8x1,3 м) со скошенными углами, врезанной в материк на 82 см; ориентирована С-СЗ — Ю-ЮВ. Вдоль длинной восточной стенки могилы у дна неровной полосой была устроена ступенька высотой 15 см. На дне лежал скелет взрослого человека с подогнутыми ногами, животом и грудью вниз и повернутой набок головой. Умерший ориентирован на север с незначительным отклонением в западную сторону. Отмечено неестественное положение позвоночника, расчлененного на две половины, верхняя, примыкающая к черепу, сдвинута в сторону. Причина этой ненормальности неясна. Погребенный был закрыт толстым травяным слоем, остатки ко-

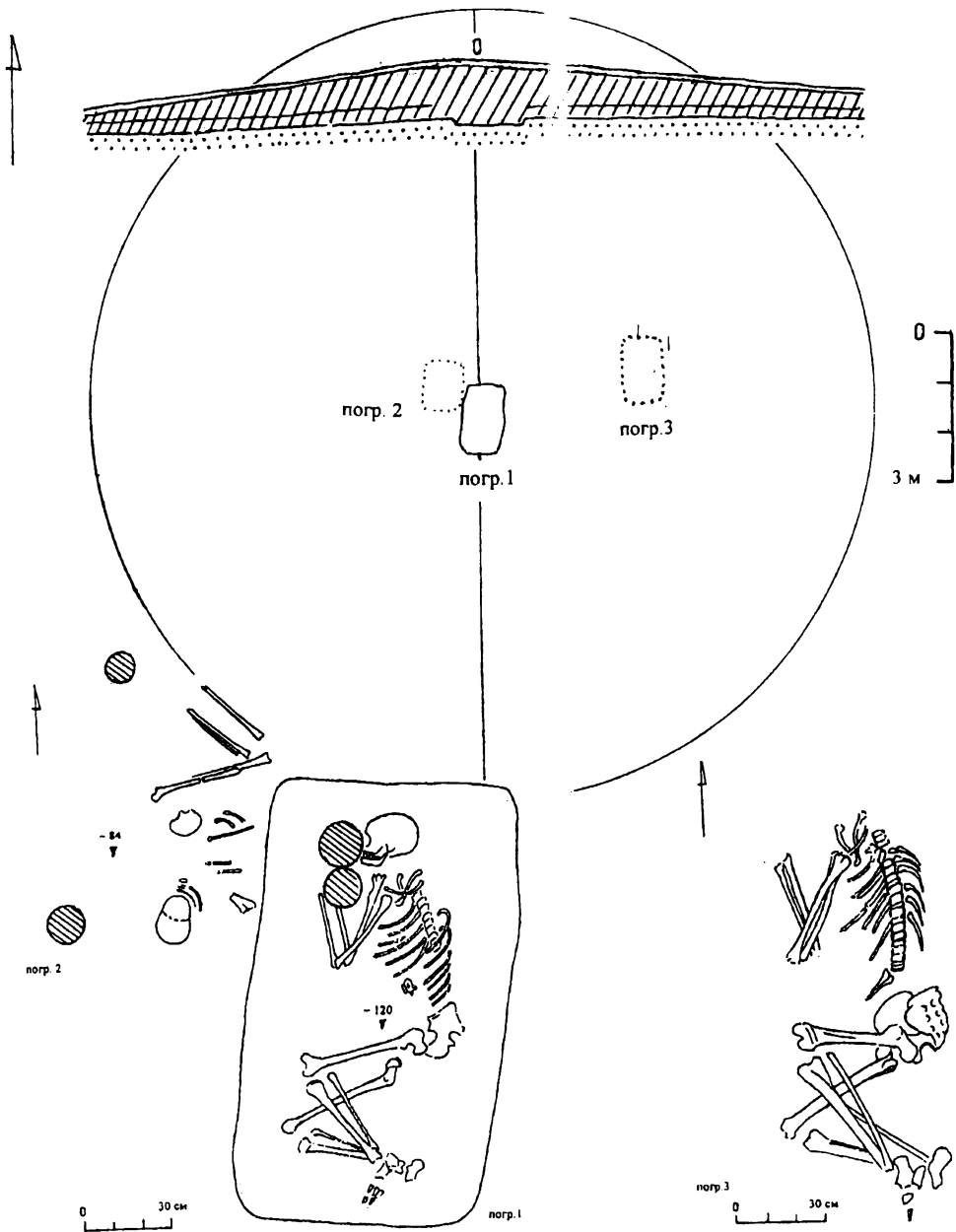

Рис. 7. Кизильский могильник. Курган 4

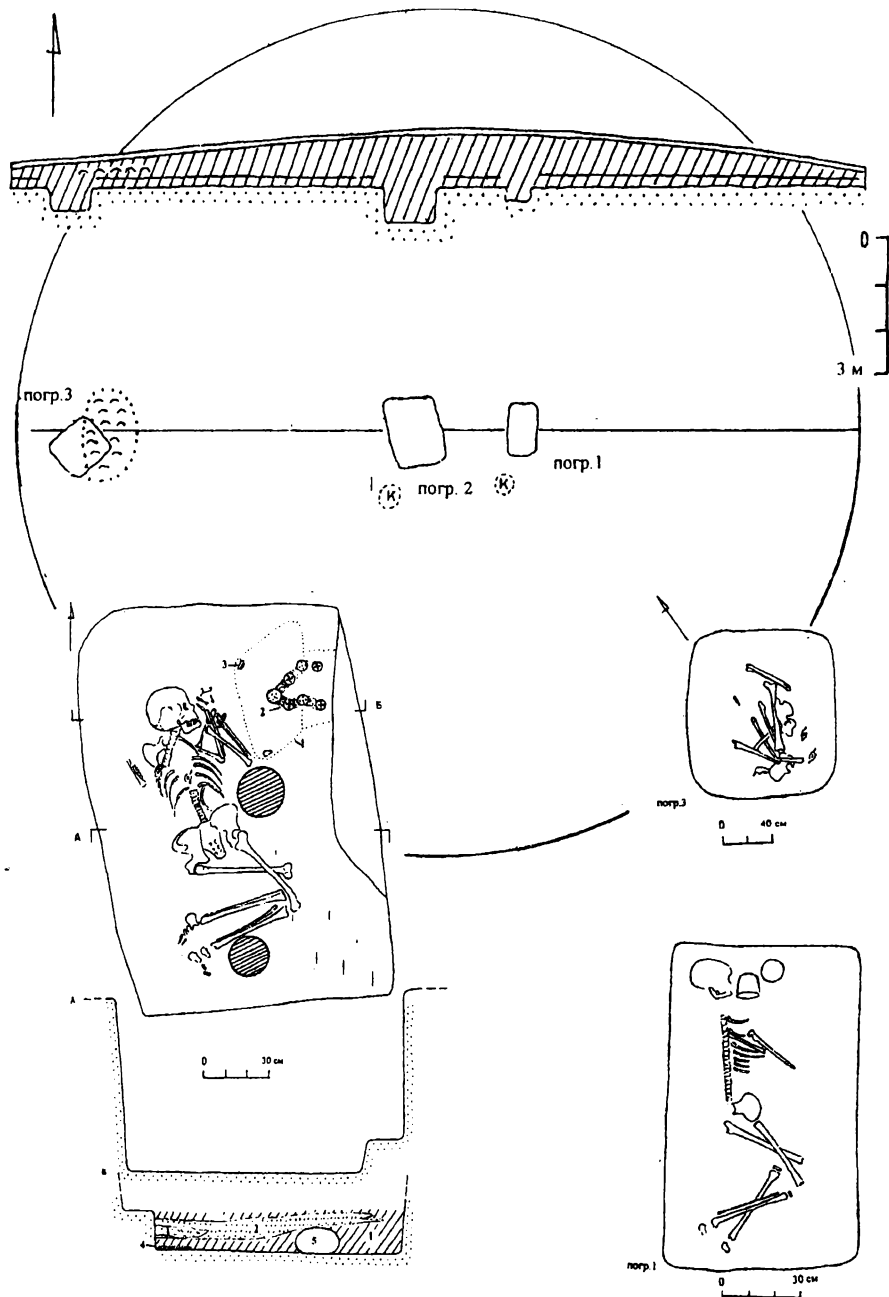

Рис. 8. Кизильский могильник. Курган 5

На профиле бровки и плане кургана: \sim \sim — зола, погребение 2. А, Б — профили ямы; на плане погребения 2: 1 — контур темного тлена; 2 — украшение; 3 — металлический предмет; на профиле погребения 2: 1 — темная гумусированная супесь; 2 — травяной тлен; 3 — углиستость; 4 — темнокоричневый тлен; 5 — череп

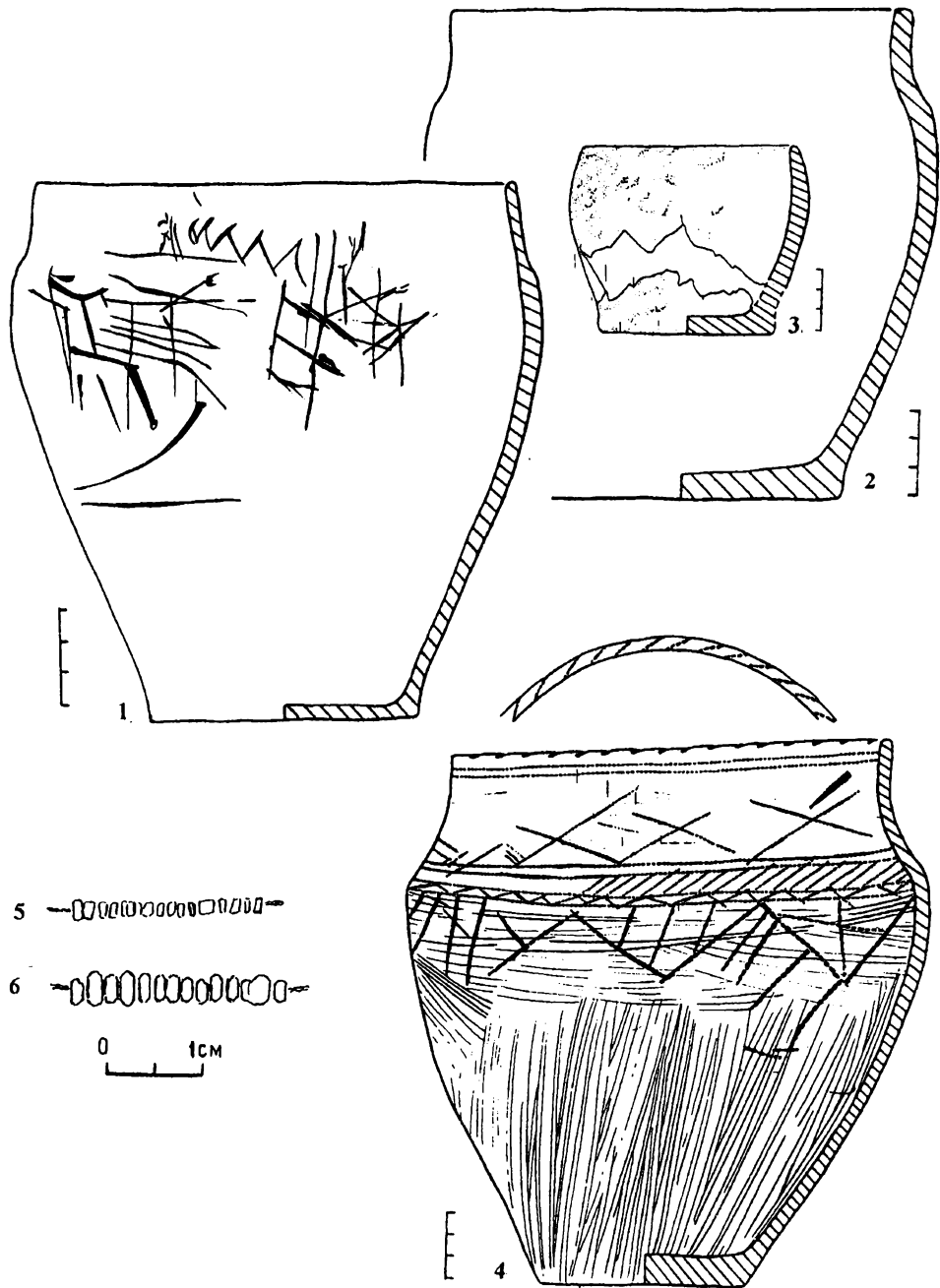

Рис. 9. Кизильский могильник. Курган 5. Вещевой инвентарь

1, 4, 5, 6 — погребение 2; 2, 3 — погребение 1. 1-4 — сосуды; 5 — бисер; 6 — бусины

того в виде легкого белесого тлена прослежены по всей площади погребальной камеры (рис. 8, 5). Следов позднейших вторжений в могилу не отмечено. О сохранности ее свидетельствует и непо потревоженный металлический и прочий инвентарь. На запястьях обеих рук были одеты бронзовые желобчатые браслеты (рис. 10, 3), в районе сдвинутых кистей рук находилась бронзовая круглая в сечении игла с ушком (рис. 10, 4); ушко образовано последствием аккуратного загиба раскованного конца предмета. Длина иголки 10 см. Вокруг шейных позвонков в беспорядке находились белые пастовые бусины и мелкий бисер из коричневато-серой стекловидной массы (рис. 9, 5, 6). У согнутых локтей рук лежала сумка (?) подпрямоугольной формы, тлен которой и отдельные фрагменты были прослежены (рис. 8; 10). Одна стенка (нижняя) была из толстой кожи, верхняя — из узких (до 1 см) деревянных пластинок, плотно сомкнутых друг с другом. Между стенками сумки зафиксированы находившиеся там предметы. Бронзовые браслеты (один в обломках) лежали в верхнем и нижнем углах сумки (рис. 8; 10); рядом с ними россыпью лежали в небольшом количестве белые пастовые бусины. Основным содержимым сумки было сложное и богатое украшение. Оно состояло из семи круглых бронзовых орнаментированных блях, соединенных между собою рядами из низок пастовых бусин и металлических (бронзовых) пронизок¹, образуя в целом фигуру в виде крупного угла (рис. 10) длиной сторон не менее 24 см. Рядом с этим украшением находились обрывки низок из мелкого бисера. Основное же количество бисера находилось за пределами сумки севернее (около 250 экз.) в рассыпную, перемешенно туда, видимо, грызунами. Здесь же найдено несколько пастовых бусин².

Сопровождающих сосудов два. Один находился с правого бока погребенного ниже локтей рук, второй — в ногах. Первый сосуд горшечно-баночный, асимметричный, тонкостенный, с высокой шейкой и закругленным венчиком, ребристым профилем (рис. 9, 4), поверхность желтовато-серая с бурыми пятнами нагара сверху и внутри; в глине песок и шамот. Черепок плотный и легкий, стенки тщательно заглажены и густо зачищены с обеих сторон. Орнамент нанесен по зачистке небрежно и аритмично, за исключением отдельных мотивов: наклонных гребенчатых оттисков по венчику и горизонтальных линий по шейке. Небрежны и нарочито искривлены крестовидные фигуры по шейке, треугольные лопасти на плечиках сосуда с дополнительными отростками, неодинаковой штриховкой, сменой ритма (диам. устья 20, высота 23,5, диам. дна 9 см). Второй сосуд горшечно-баночный, асимметричный, с невысокой шейкой и закругленным венчиком, уступчатым профилем (рис. 9, 1). Поверхность желтовато-розоватого цвета с бурыми пятнами, внутри на стенках нагар; глина с примесью песка и шамота. Сверху и внутри слабые штрихи сглаживания; черепок плотный и легкий. «Орнамент» сосуда состоит из хаотических, глубоко прочерченных пересекающихся линий, из которых можно выделить небрежный зигзаг, подпрямоугольные фигуры (диам. устья 15,3, высота 16,8, диам. дна 8,7 см). Небольшой фрагмент края сосуда обнаружен на дне могильной каме-

¹ Пастовых бусин в составе украшения было не менее 450 экз. и около тридцати крупных и мелких пронизок. Орнамент на бляхах выполнен тончайшей чеканкой (пуансоном) и выдавливанием (выколачиванием).

² Рисунок «сумки» с предметами дан по состоянию предпоследней расчистки; некоторые детали отсутствуют. В окончательном виде картина предстанет после реставрации металла и реконструкции самого украшения.

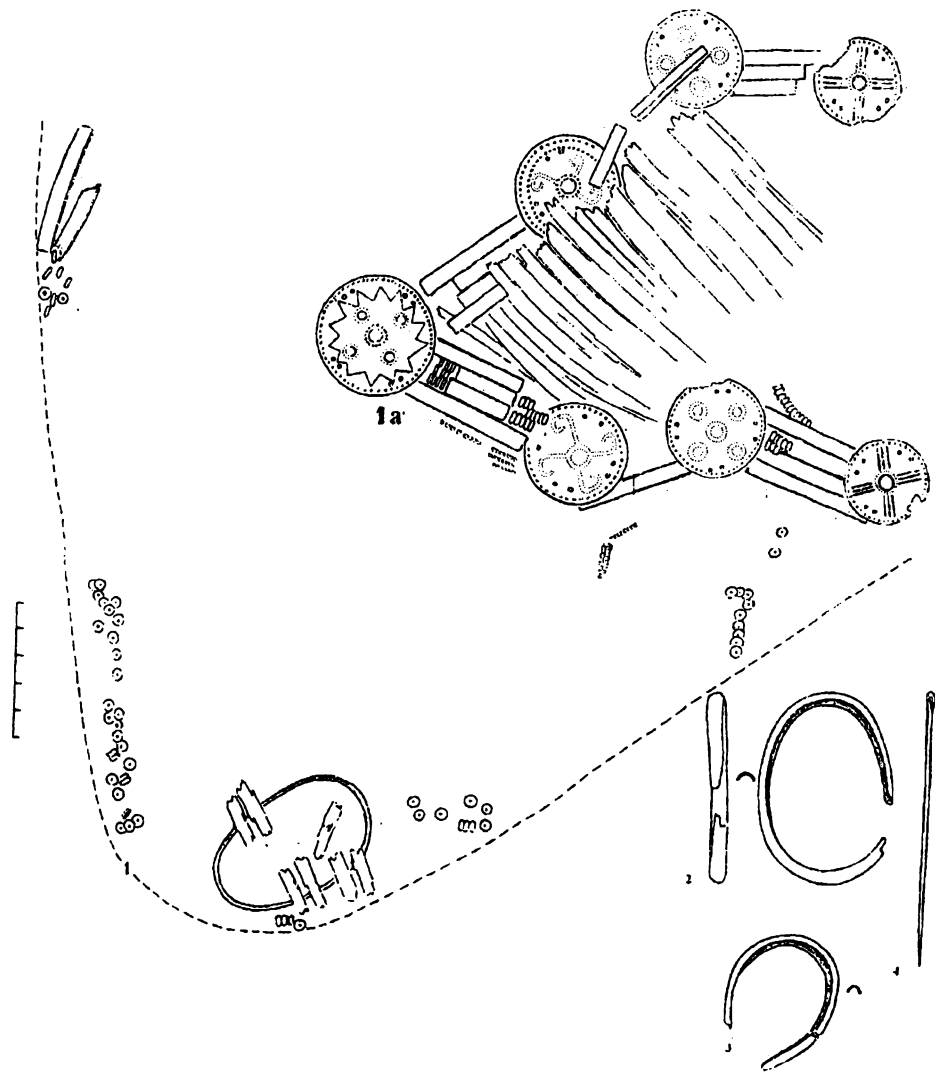

Рис. 10. Кизильский могильник. Курган 5, погребение 2. Погребальный инвентарь
 1 — контур тлена сумки; 1а — подвеска; 2, 3 — браслеты; 4 — игла

ры, за спиной погребенного, под лежавшей здесь бараньей челюстью (рис. 6, 4). Орнамент на фрагменте в виде горизонтальных неглубоких каннелюр. находка интересна благодаря характерному орнаменту. Подобные мотивы свойственны некоторой части сосудов из рядом расположенного Кизильского поселения, в частности, жилища № 10; образцы последних приводятся (рис. 6, 5, 6).

Остатки заупойной пищи в погребении 2 отмечены в виде уже упомянутой бараньей челюсти и кроме того многочисленных дробленых костей (неопределимых) животных, встреченных при разборке засыпи могильной камеры. Жертвен-

ник из черепа коровы и трубчатых костей крупного животного находился у южного края погребения 2 в 55 см от материка, и такой же жертвенник близ южного края погребения 1 в 52 см от уровня материка (рис. 8). Уровень фиксации жертвенников указывает, что последние устраивались на возвышении, вероятно, на надмогильных холмиках.

Погребение 3 (рис. 8) располагалось в 6 м западнее от центра кургана в подквадратной яме (1,2x1,1 м), врезанной в материк на 48 см. В засыпи могилы встречались мелкие гнилушки, на дне пятно прокала, кости скелета взрослого человека: тазовая, бедренная, голени, плечевая и локтевые, несколько позвонков и нижняя (сломанная) челюсть (без черепа) были кучно свалены в центральной части могилы. В данном случае, видимо, имело место вторичное захоронение, причем неполного скелета. Габариты могилы не позволили бы поместить рослого, судя по костям, покойника в естественном состоянии. Погребение 3 частично перекрывала обширная зольная линза (рис. 8), что определенным образом указывает на связь данного объекта с прочими погребениями кургана, не впуском его происхождении.

Завершая описание частных, перейдем к некоторым общим выводам по категориям раскопанных объектов.

В четырех раскопанных насыпях Кизильской курганной группы выявлено 11 погребений. Из них одно погребение (4/2)³ относится к эпохе раннего железа. Остальные 10 относятся к эпохе бронзы, в том числе два безынвентарных условно, по совпадению некоторых общих признаков. Все погребения эпохи бронзы совершенны в ямах, прорезавших почвенный слой и материк, или в более мелких — лишь в толще почвенного слоя. Фиксация в этом случае скелета погребенного на уровне 15-20 см от материка (при мощности почвенного слоя в 30-35 см) свидетельствует в пользу существования таких мелких углублений — могильных ям. Поза погребенных: скорченно на левом боку — 6 случаев (2/1,2; 3/1,2; 5/1,2), на правом — 2 (3/3; 4/1) и еще один (третий) безынвентарный (4/3) — условно. Ориентировка северная — 7 случаев и один (4/3) безынвентарное погребение. Перечисленные признаки, включая наличие погребений без сопровождающих вещей: расчлененное погребение (4/3), вторичное (5/3), рассматривая их в совокупности, известны по результатам исследований срубных курганных могильников в Поволжье (Мерперт Н.Я., 1954, с.140-143), а погребения, расчлененные и вторичные квалифицируются как погребения особого рода (там же). Таковыми они были, вероятно, и в Зауралье. Преобладающая поза — скорченно на левом боку — 6 случаев (2/1,2; 3/1,2; 5/1,2) три на правом (3/3; 4/1; 3) головой на север, — также элементы срубного обряда от Поволжья до Зауралья (Стоколос В.С. 1972, с.53) И, как редкость срубного обряда, — ориентировка на юг (4/3, рис. 4). Строго вертикальная фиксация туловища при подогнутых ногах (кизильское погребение 2 кург. 5) а также положение грудью и животом вниз эпизодически отмечены и в поволжских срубных погребениях (Мерперт Н.Я., 1954, рис. 27, 6, 7 и др.).

Керамика из погребений разнородная. Представлена в основном алакульским и срубным типами на поздней стадии их развития. Часть посуды со смешанными чертами выделяется в особую срубно-алакульскую группу. Но и чистые типы существенно трансформированы, утратив многие традиционные признаки, а в некоторых случаях сохраняют, также в измененном виде, отдельные привнесенные элементы.

³ В числителе номер кургана, в знаменателе номер погребения.

Алакульская группа керамики насчитывает 9 экз.; из них 4 без орнамента (рис. 3, 8, 9; 5, 4-6; 6, 1; 9, 2). Форма горшечная, горшечно-баночная с гладким, ребристым или уступчатым профилем, высокой шейкой и закругленным венчиком, тонкими стенками. Массивный (по-срубному) сосуд с толстыми стенками (рис 9, 2) все же алакульский: высокая шейка, закругленный венчик, уступчик. Примеси: тальк (2), песок (2), раковина (1), шамот (2), шамот + раковина (1); песок + шамот + тальк (1). Орнамент крайне обедненный, состоит, как правило, из одного мотива: ряда треугольников, угловых оттисков или зубчатого штампа. Но тем не менее эпизодически улавливаются и нетрадиционные, привнесенные элементы. Орнамент на типично алакульском по форме сосуде из погр. 1 кург. 4 (рис. 5, 4) вызывает абашевские ассоциации по четкости нанесения рисунка, плотной штриховке мотива, акцентированному исполнению (прорисовке) композиции из ромбических фигур в обрамлении горизонтальных полос — яркому сюжету орнаментики на ранней абашевской керамике (Сальников К.В., 1967 рис. 11, 12 и др.). К этому следует присовокупить и раковинную примесь в глине некоторых сосудов алакульской группы (рис. 3, 8; 9, 2). В технологии формовки еще одного сосуда (рис. 5, 9), грубо обработанного с бугристой поверхностью, без орнамента ощущается явно срубная традиция гончарства.

Срубная группа насчитывает 8 экз; из них 7 сосудов без орнамента (рис. 3, 1, 2, 4, 6; 5, 1, 2, 3; 9, 3). Форма горшечно-баночная (рис. 3, 2, 4, 6; 5, 2, 3), баночная (рис. 3, 1; 5, 1; 9, 3). Глина с примесью песка, в двух случаях был добавлен шамот и в одном — шамот и раковина. Семь из восьми сосудов грубо оформлены, поверхность неровная, как правило с одной или двух сторон оформлена грубой зачисткой, стенки толстые, короткая шейка с плоским венчиком (в одном случае он приострен). Лишь у одного сосуда (рис. 5, 3) — тщательная формовка, ровные стенки, аккуратная зачистка с обеих сторон; последний также асимметричен. Орнамент на сосудах практически отсутствует. Мотив из грубых наколов круглым полым инструментом отмечен лишь на одном из восьми сосудов (рис. 5, 1), и, скорее, условный орнамент в виде неровных участков из беспорядочных грубых нарезок — на другом (рис. 5, 2). В этой стертой картине проступают, однако, некоторые элементы, в частности, характерные треугольные в профиле утолщения изнутри на шейках сосудов, которые можно понимать двояко — как срубный ранней поры (по поволжским материалам, однако редкий там), так и абашевский, широко используемый в уральской абашевской керамике. В этом же духе можно трактовать и раковинную примесь в одном из срубных сосудов (рис. 5, 3), также отмечаемой в ранней зауральской срубной посуде — III Спасская курганная группа на реке Урал (Стоколос В.С., 1972, с.53-54).

Отмеченные выше признаки срубной группы керамики — поздние, отражающие глубокую трансформацию гончарства в целом. Наблюдается полный отказ от приземистых с ребристым профилем сосудов, преобладающих на таких ранних, территориально близких памятниках, как III Спасская курганная группа (Стоколос В.С., 1972, с.52, рис. 16), переход к вытянутым формам, деградация и без того небогатого орнамента, появление псевдоорнамента в виде участков с хаотической грубой заштриховкой.

К срубно-алакульской группе отнесено три сосуда (рис. 3, 7; 9, 14). Преобладают тонкостенность, тщательная формовка, высокая шейка с округлым венчиком, четким ребристым профилем, в одном случае с намеком на уступчик (рис. 9, 1). В то же время два из трех сосудов асимметричны. Орнамент из грубо нанесенных резных треугольников в трех зонах (типично алакульская схема) на массивном (по-срубно-

му) сосуде (рис. 3, 7). Хаотичные прочерчивания на стенках следующего сосуда — срубная манера «орнаментации». В срубном стиле орнаментирован третий сосуд. Орнамент, сосредоточенный в верхней части сосуда, нанесен после тщательной штриховой зачистки стенок (рис. 9, 4). Зубчатым штампом выполнены горизонтальные линии, небрежные косые крестообразные фигуры, не до конца косозаштрихованная полоса, зигзаг и небрежно исполненные треугольные лопасти с отростками, переходящие в какие-то другие элементы орнамента.

Еще одну, последнюю группу керамики представляет единственный фрагмент края крупного сосуда из погребения 2 кург. 5 (рис. 6, 4), найденный в точно зафиксированной точке — под бараньей челюстью за спиной погребенного. По орнаменту — горизонтальным каннелюрам — он сопоставим только с межовской группой керамики из жил. 10 Кизильского поселения.

Таким образом, состав керамических групп из раскопанных курганов соответствует керамике Кизильского поселения, за исключением федоровской посуды. Связь курганной группы с поселением выражается как в духе принципиального сходства керамических групп, так и в находках фрагментов от одного и того же сосуда в кургане 4 и на поселении (рис. 5, 6, 7). Все это, вместе взятое, доказывает одновременность существования поселения и могильника. Дополнением к этому служат находки там и здесь межовской керамики, выступающие сами по себе маркером позднего этапа эпохи бронзы.

Металлические вещи могильника имеют широкое хождение на территории культур бронзового века Урало-Волжского региона и Зауралья. Бронзовые иглы, круглые в сечении, желобчатые браслеты (те и другие совместно или порознь) давно известны по исследованиям на Тоболе (Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 36, 8; 38, 1; 1951, с. 160, рис. 16, 1), срубных курганов в Поволжье (Мерперт Н.Я., 1954, стр. 80, 146, рис. 17, 8; Васильев И.Б. и др., 1994, рис. 29), в Оренбуржье (Сорокин В.С., 1966, табл. XXXVII, 27; XXXVIII, 17), в Курганской лесостепи (Потемкина Т.М., 1985, рис. 68, 1, 2, 5; 80, 1, 2, 17, 18), в Зауралье (Сальников К.В., 1952, рис. 5, 1, 3) и др.

Сложное украшение («подвеска»), из погр.2, кург.5 (рис. 10) — уникальная находка. Бронзовые бляхи, входящие в ее состав разрозненно по одному — два экземпляра, — периодически встречались также широко в курганных могильниках в качестве остатков, как можно теперь удостовериться, распространенных в то время сложных и дорогих украшений, скорее всего женских. Однако есть и близкая (по сохранности прежде всего) параллель кизильской находке из раскопок В.С. Горбунова в Башкирии Ябалаклинской курганной группы, оставленной срубными племенами (1977, с. 149-159). Кизильская и башкирская подвески одинаково смоделированы в виде габаритного угла с подвижными стенками (полосами), образованными многорядными нитями из бус и металлических пронизок с прикрепленными к ним сверху орнаментированными бляхами, по три на каждой стороне и по одной во главе угла; на ябалаклинской вещи большая бляха сдвинута со своего места. Парно (левая-правая) бляхи обеих подвесок одинаково орнаментированы, кроме главной, самой крупной. Орнамент на бляхах крестовый, кружковый, свастический, при общем сходстве различается в деталях. Это, а также применение особых материалов для изготовления одних и тех же деталей, в частности, золота (в ябалаклинских украшениях), позволяет думать, что подобные вещи не являлись серийными, а с учетом какого-то общего канона, всякий раз изготовлялись индивидуально «на заказ» применительно к социальному ста-

тусу владельца (владелицы), по случаю тех или иных знаковых событий в жизни человека, о чем подробно говорится в одной из недавних публикаций на эту тему (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998).

Обратимся к редкой находке из кург.2, погр.2 — поделке из кварца (хрустала) в форме шаровидного предмета — навершия булавы (рис. 3, 5). Подобная находка — навершие булавы — известна по Алакульскому могильнику (Сальников К.В., 1952, с.58, рис. 7, 1), но она изготовлена из металла и другой, бочонковидной формы. Идентичное кизильскому навершию булавы известно по находкам из Владимирской обл. (Крайнов Д.А., 1972, рис. 30, 1) как по габаритам, так и кольцевому выступу вокруг отверстия⁴. Кизильский шар изготовлен из уральского кварца (Юшкин Н.П., Стоколос В.С., Попов В.А., 1986, с.100-106). Общепринятое объяснение назначения таких предметов, как навершие булавы, иногда трактуется по-другому — в качестве предмета религиозного назначения, амулета (Керпелева С.Ю., Томилин М.Г., 1999, с.88-90).

В заключение прокомментируем материалы более позднего времени — эпохи железа из погр.2, кург.4. Они немногочисленны, но интересны. Покойник (вероятно женщина) был уложен на спину в полусидячем положении: череп покоился на некотором возвышении (подушке), из проницшей за спину земли, и был свален на грудь, ноги, согнутые в коленях, затем упали вправо; ориентировка южная. Оба сосуда, сопровождавшие покойника, круглодонные, шаровидные, с короткой отогнутой шейкой (на одном сосуде предположительно) (рис. 6, 2, 3). Такая керамика, без орнамента в том числе, характерна для савроматского времени Приуралья с обрядом положения покойника в сидячем положении в насыпи, южной ориентировкой, на травяной подстилке и таким же покрывалом (Смирнов К.Ф., 1989, с. 165-167), что и наблюдалось в Кизильском кургане 4. Круглодонный сосуд из жилища № 4, украшенный простейшим нарезным орнаментом в виде вписанных углов, вероятно, находится в тесной связи с горшками из погребения 2, кург.4.

В заключение отметим, на наш взгляд, наиболее значительное, на что следует обратить внимание. Материалы Кизильского курганного могильника освещают интересный и важный этап в длительной истории южноуральских групп населения в составе срубной, алакульской, федоровской, межовской и абашевской культур на исходе бронзового века.

Более ранние шаги этого взаимодействия в разных вариантах: срубно-алакульском, федоровско-черкаскульском, алакульско-федоровско-черкаскульском и иных, документируют материалы Федоровского курганного могильника, Черняки I и II Спасской курганной группы, Туктубаевского могильника и др., в чем можно видеть прежде всего разнонаправленность брачных отношений групп чересполосно проживавшего населения на разных этапах их совместной истории. Этот процесс, на наш взгляд, недвусмысленно документируют материалы Кизильского могильника и поселения.

Использование могильника в позднейшее время (кург. 4, погр. 2) кочевниками раннесавроматского периода говорит о восприятии этого объекта в качестве сакральной территории, в равной мере это касается и самого поселения, представлявшего из себя на тот момент стертые временем руины.

⁴ Здесь скорее формальное сходство, явление конвергенции. Фатьяновские древности отдалены от уральской находки по времени, территориально и в культурном отношении.

Библиографический список

1. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
2. Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы // СА . № 1. 1977.
3. Кerpелева С.Ю., Томилин М.Г. Оптические сферы: загадка древних технологий // Оптический журнал. Том 66. № 1. 1999.
4. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
5. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ, вып. XVII. М., 1948.
6. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // МИА, № 2, 1951.
7. Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИ А, № 42, 1954.
8. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
9. Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА, № 24, 1952.
10. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
11. Сорокин В.С. Андроновская культура. САИ. Вып. В 3-2. М., 1966.
12. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Т. 12. М., 1989.
13. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
14. Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наkosные украшения Казахстана. Лисаковск, 1998.
15. Юшкин Н.П., Стоколос В.С., Попов В.А. Хрустальный шар из Кизильского кургана и истоки культуры поделочного камня на Урале // Материалы к топоминералогии Урала. Екатеринбург, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
ВАУ	Вопросы археологии Урала
ГИМ	Государственный исторический музей
ИИЯЛ	Институт истории, языка и литературы
ИЭРЖ УрО РАН	Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии наук
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии
РА	Российская археология
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алаева Ирина Павловна — научный сотрудник специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра «Аркаим».

Виноградов Николай Борисович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и МПИ Челябинского государственного педагогического университета. (vinogradov_n@mail.ru)

Дерягин Владимир Владиславович — кандидат географических наук, заведующий кафедрой общей географии Челябинского государственного педагогического университета. (chelrgs@74.ru)

Епимахов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южно-Уральского государственного университета. (eav@susu.ac.ru)

Епимахова Марина Григорьевна — сотрудник кафедры истории Южно-Уральского государственного университета. (eav@susu.ac.ru)

Коробкова Галина Федоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г.Санкт — Петербург).

Костюков Владимир Петрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета. (vpk_home@mail.ru)

Нелин Дмитрий Владиленович — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики Челябинского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета.

Петрова Лариса Юрьевна — научный сотрудник специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра «Аркаим».

Ражев Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. (ragev@mail.ur.ru)

Стоколос Владимир Савельевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Научное издание

ВЕСТНИК
Челябинского государственного
педагогического университета

Серия 1
Исторические науки

2/2004

Ответственный редактор Н. Б. Виноградов
Редактор Г. Г. Шумилова
Компьютерная верстка О. Э. Гурьевских

Сдано в набор 23.05.2003.

Формат 170x240 ¹/₁₆.

Заказ № 785.

Подписано к печати 21.01.2004

Объем 18,0 уч.-изд.л.

Тираж 500 экз.

Издательство Челябинского государственного педагогического университета
454080. Челябинск, пр. Ленина, 69
Отпечатано в типографии ЧГПУ

